

Ю. П. БОКАРЕВ

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И
МЕЛКОЕ
КРЕСТЬЯНСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО
В СССР
В 20-е ГОДЫ**

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Ю. П. БОКАРЕВ

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И
МЕЛКОЕ
КРЕСТЬЯНСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО
В СССР
В 20-Е ГОДЫ**

**ИСТОЧНИКИ,
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ,
ЭТАПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Ответственный редактор
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

МОСКВА НАУКА 1989

ББК 63.3(2)713

Б78

Рецензенты:

доктор исторических наук Б. С. ИЛИЗАРОВ,
доктор исторических наук А. К. СОКОЛОВ,
кандидат технических наук М. И. ЛЕВИН

Бокарев Ю. П.

Б78 Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. — М.: Наука, 1989. — 312 с. ISBN 5—02—008456—5

Монографию отличают исключительно широкая источниковая база, активное использование математических методов и моделирования альтернативных путей развития советской экономики в тот период, когда закладывался фундамент и определялись направления ее развития.

Для историков.

Б $\frac{0503020500-187}{042(02)-89}$ 128—89

ББК 63.3(2)713

Научное издание

Бокарев Юрий Павлович

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И МЕЛКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
В СССР В 20-е ГОДЫ**

Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства О. В. Иванко

Художник О. В. Камаев. Художественный редактор М. Л. Храмов

Технические редакторы В. Д. Прилепская, И. В. Абаджян

Корректоры В. А. Алешкина, К. П. Лосева

ИБ № 38879

Сдано в набор 06.12.88. Подписано к печати 26.05.89 410402. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 19,5.
Усл. кр.-отт. 19,5. Уч.-изд. л. 22,9. Тираж 1850 экз. Тр. зак. 1075. Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука», 117864, ГСП-7, Москва, В-185, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ISBN 5—02—008456—5

© Издательство «Наука», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Диалектика исторического развития, пожалуй, нигде не проявила себя с такой же очевидностью, как в области взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством. Не только в разных общественно-экономических формациях, но и в пределах одной и той же хозяйственной системы формы этих взаимоотношений с непостижимой для внешнего наблюдателя легкостью и быстротой переходят в свою противоположность, и всякий новый этап с ожесточением отвергает предыдущий. Казалось бы, чего уж проще: сельское хозяйство поставляет промышленности сырье и продовольствие, получая взамен средства производства и предметы личного потребления. Однако история не выработала экономической формы, обеспечивающей бесконфликтное осуществление этих обменных процессов. И нет такого общества, которое со временем не сталкивалось бы с продовольственной или сырьевой проблемой, кризисом сбыта или товарным голодом. Разрешение же этих конфликтов часто сопровождается установлением новой формы взаимоотношений.

Взаимоотношения промышленности с мелкими крестьянскими хозяйствами особенно часто перерастают в конфликт. Он влечет за собой уже не только экономические, но и социальные потрясения, ибо затрагивает не просто разные отрасли народного хозяйства, а различные общественно-экономические уклады, классы общества. Не только в отечественной, но и в мировой истории такие конфликты заканчивались порой государственными репрессиями против мелкокрестьянского уклада. А ведь кажется, что мелкие крестьянские хозяйства, развивающиеся в своих владельцах такую неумную жажду к труду, что перечеркивают все теории о преимуществах крупного производства над мелким, машинного труда над ручным, могли бы служить опорой любой государственной системы.

Отчего же во всей истории, если крестьянин и получал свободу, то терял при этом прочность своего положения? И наоборот, почему происходит так, что, чем сильнее эксплуатация крестьян, тем дольше длится такое их состояние? На вопрос о том, почему действительность такова, что свобода и устойчивость для мелких крестьянских хозяйств находятся в обратном отношении, в историографии нет убедительных ответов. Гораздо чаще мы пытаемся ответить на вопросы, которые крестьянин нам не задает: почему труд в рамках мелкого хозяйства тяжел, почему оно не позволяет

в полной мере использовать достижения научно-технического прогресса, почему неизбежен переход от мелкого земледелия к крупному и т. п. Но вправе ли мы, не ответив на первый вопрос, отвечать на остальные? Ведь если мы ответим на вопрос о взаимосвязи между свободой и устойчивостью крестьянских хозяйств, то не только характер ответов на другие вопросы, но и сама их постановка может измениться.

Понять судьбу крестьянского хозяйства можно, только определив его место и роль в конкретной народнохозяйственной системе. Есть в этой системе главное звено, от которого зависят все остальные. Это область материального производства, внутри которой отчетливо выделяются две ключевые отрасли: промышленность и сельское хозяйство. Готова ли наша историография к тому, чтобы раскрыть взаимоотношения между промышленностью и крестьянским хозяйством, осуществлявшиеся через такие элементы народнохозяйственной системы, как торговля, транспорт, финансы, кредит? К сожалению, мы вынуждены ответить на этот вопрос отрицательно.

В современной советской историографии история промышленности и сельского хозяйства представляют собой два обособленных друг от друга направления исследований. В рамках такого разделения проблема экономических отношений между промышленностью и сельским хозяйством не может найти должного отражения. Редким исключением являются монографии В. П. Дмитренко, объектом исследования которых была избрана торговая политика Советской власти¹. Поскольку основным направлением торговой политики государства диктатуры пролетариата в 20-е годы было обеспечение экономической смычки между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, автор не мог обойти вниманием этого вопроса. Вместе с тем, сосредоточиваясь на основных моментах процесса становления и развития ленинских принципов торговой политики, В. П. Дмитренко меньше внимания уделяет функционированию этих принципов в реальной жизни. В связи с этим им практически не затронут обширный пласт статистических источников, позволяющих наполнить общие концептуальные схемы реальным экономическим содержанием и, возможно, отказаться от таких схем, которые не отвечают исторической действительности.

Многие статистические источники о развитии промышленности² и крестьянского хозяйства в 20-е годы³ введены в научный оборот. Однако из-за очерченного выше состояния исторической проблематики практически никто не пытался подвергнуть их «перекрестному допросу». Единственная попытка сопоставить ограниченный круг данных промышленной и сельскохозяйственной статистики 20-х годов на предмет изучения эквивалентности обмена между городом и деревней принадлежит А. А. Барсову⁴. Полученные им результаты представляют для избранной нами темы исключительную важность. Однако с авторской интерпретацией балансов материального обмена мы не всегда готовы

согласиться. Да и анализируемые цифры едва ли дают основание утверждать о каком-то выравнивании экономических отношений с деревней к концу 20-х годов.

Хотелось бы отметить существующий в литературе парадокс. Чем богаче источниковое знание автора, тем бледнее его теоретические построения, тем беспомощней он в выводах. Напротив, историк, вооруженный только историографическим или актовым материалом, подкупает продуманной логикой концепций, а в последние годы — новизной и радикальностью подходов к освещению старых сюжетов. Как будто знание источников не раскрепощает, а сковывает исследователя.

Все дело в том, что между историком и источником существуют еще методология исторического исследования и общая теория исторического развития. Нам гораздо легче согласовать теорию с методологией, чем объяснить с помощью принятой теории все имеющиеся факты противоречивой исторической действительности. Тем более сложен обратный подход, реализуемый в настоящей монографии на основе марксистско-ленинской методологии; исходя из всей совокупности фактов, построить адекватную исторической действительности теорию взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. Даже преодолев на этом пути все объективные трудности, мы рискуем вступить в противоречие с более общими теориями исторического развития.

Показательна в этом плане обширная теоретическая литература по вопросам новой экономической политики. «Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем, с экономикой крестьянской», — писал В. И. Ленин⁵. Если бы эти слова были произнесены не в 1922 г., а сейчас, то их автор, подобно В. И. Кузьмину, подвергся бы критике за сведение нэпа к рыночной смычке⁶.

Как же определяют нэп историки? Наиболее часто употребляемая формулировка принадлежит Ю. А. Полякову: «Нэп — это политика, которую проводили Коммунистическая партия и Советское государство в переходный от капитализма к социализму период; политика, рассчитанная на постепенное вытеснение и полную ликвидацию капиталистических элементов в городе и деревне, на построение фундамента социалистической экономики»⁷. Если нужны другие примеры, то вот еще одно определение нэпа, составленное «извлекая пользу» из критики В. И. Кузьминым: «Определяя методы экономического строительства в условиях перехода от капитализма к социализму, нэп воплощает в себе такие наиболее общие принципы экономической политики Коммунистической партии, как укрепление и развитие социалистических производственных отношений, обеспечение непрерывного и быстрого подъема производительных сил на основе постоянного

роста материальной заинтересованности и благосостояния трудящихся»⁸.

Как же быть с ленинскими словами и содержащейся вроде бы в них критикой подобных определений нэпа? Очень просто. «В. И. Ленин, разумеется, мог осветить лишь самый начальный этап нэпа, точнее — переход к нэпу. . . — пишет Ю. А. Поляков, — в соответствии с задачами момента поднимал различные проблемы нэпа, заостряя на них внимание»⁹. Получается, что В. И. Ленин, разрабатывая теорию, вводя и отстаивая нэп, не видел при этом всего его значения.

Воочию В. И. Ленин действительно не все успел увидеть. Его уже не было, когда на XIV съезде ВКП (б) И. В. Сталин изложил свое понимание новой экономической политики: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹⁰. Так в 1925 г. из задач нэпа была выброшена основная и решающая задача обеспечения экономической смычки между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами.

Историки 30—50-х годов были обречены не только повторять слова И. В. Сталина, но и «доказывать» их полное соответствие ленинскому учению о нэпе. Но что заставляло их следовать сталинской теории нэпа в 60—80-е годы, когда ссылки на работы И. В. Сталина были уже необязательными? Какой-нибудь публицист увидит здесь только «проблему поколения», привыкшего жить «по указке», впитавшего в себя сталинское понимание социализма. Но это осуждение поколений мало чем отличается от сталинского осуждения народов. На самом деле все гораздо сложнее.

Это как раз тот случай, когда возвращение к ленинской теории нэпа привело бы историков в столкновение с современными теоретиками научного коммунизма, развивающими более общую теорию закономерностей переходного периода. Дело в том, что, исходя из упрощенного понимания исторических закономерностей, мы слишком детально представили себе обязательные для всех стран закономерности перехода от капитализма к социализму, проявившиеся в ходе первой в мире социалистической революции. Считать обязательными для всех стран принципы «военного коммунизма» мы не могли. Поэтому мы решили, что обязательными для всех переходящих к социализму стран будут принципы новой экономической политики. Однако далеко не перед всеми странами возникнут те специфические проблемы, которые привели нас к нэпу. Получилась дилемма: или «ослабить» все-

мирно-историческое значение нашего опыта, или убрать из определений нэпа чисто советскую его специфику. Мы приняли второй вариант, не сознавая, как это отразится на всей историографии нэпа.

В монографии мы рассматриваем нэп как один из важных этапов взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, связанный не с уничтожением, а с использованием экономического потенциала всех досоциалистических укладов в целях достижения смычки между городом и отставшей от него по уровню социально-экономического развития деревней в деле социалистического строительства. Поэтому понятие «нэп» является для нас более узким по отношению к понятию хозяйственной политики Советской власти в переходный период, которая на протяжении изучаемого нами периода неоднократно менялась.

Политику эпохи «военного коммунизма» мы рассматриваем не только как временную, вынужденную военной обстановкой, но и как отдельный этап взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, осуществлявшихся в обстановке разрыва традиционных экономических связей при помощи государственного аппарата, стремящегося к уничтожению всех досоциалистических укладов и созданию централизованного планового производственно-распределительного механизма.

Стремление историков во что бы то ни стало представить нэп как политику, рассчитанную на построение социализма, а не его материальных основ, привело к искусственному распространению ее и на 30-е годы, когда использовались совершенно отличные принципы хозяйственного руководства¹¹. Видимо, уже с декабря 1927 г. следует говорить об изменении экономической политики, когда из 26 делегатов XV съезда ВКП (б), выступивших по вопросу о положении в деревне, только трое (К. Я. Бауман, В. П. Милютин и А. Г. Шлихтер) высказались против содержавшегося в докладе В. М. Молотова положения о переходе к непосредственному производственному кооперированию крестьянства. Подготовленная при активном участии Я. А. Яковлева резолюция съезда «О работе в деревне» ставила вопрос «объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы» в качестве основной задачи партии в деревне¹².

В связи с этим в монографии проводится строгое различие между хозяйственной политикой и складывающейся под ее влиянием хозяйственной системой. Отвечающая данному политическому курсу хозяйственная система складывается постепенно и только со временем вытесняет старую систему. Так, хотя политическое решение о переходе к нэпу было принято в марте 1921 г., не только весь 1921 г., но и значительную часть 1922 г. в стране сохранялась старая централизованная распределительная система, оперировавшая, правда, уже не продрозверсточным,

а продналоговым хлебом. Товарно-денежные отношения лишь со временем приобретают главное для народного хозяйства значение, и решение о переходе от натурального налога к денежному было принято уже в новой хозяйственной обстановке.

Точно так, хотя курс на коллективизацию был принят в декабре 1927 г., вплоть до конца 1929 г. колхозное строительство не могло оказывать решающего воздействия на народное хозяйство и в стране сохранялась прежняя система взаимоотношений между городом и деревней. Постановление же январского (1930 г.) Пленума ЦК ВКП(б) было принято уже в условиях развернутого наступления на мелкие крестьянские хозяйства, немыслимого в прежней народнохозяйственной обстановке.

Таким образом, важнейшими задачами нашего исследования являются: во-первых, изучить складывание и функционирование реальных народнохозяйственных систем, в рамках которых такие взаимоотношения осуществлялись; во-вторых, выделить основные противоречия, заставлявшие такие системы эволюционировать и разрушаться.

Решение этих задач таит в себе немалые сложности. Это связано, с одной стороны, с состоянием источниковой базы, а с другой стороны, с рядом методических трудностей анализа источников. Характеризующие взаимоотношения между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами источники неодинаковы по качеству и имеют многочисленные пробелы. Сопоставляя их между собой, мы наталкиваемся на многочисленные расхождения и внутренние противоречия. Выход может быть только один: для раскрытия нашей темы необходимо тщательное источниковедческое исследование массовых источников.

Сталкиваясь с несопоставимостью массовых источников, историк обычно стремится отдать предпочтение одним перед другими. При этом происходит обеднение и без того не очень богатой источниковой базы. Однако до последнего времени источниковедение не могло предложить иного решения проблемы. Дело в том, что получивший широкое распространение вид источниковедческого исследования связан с анализом однотипных источников, объединяемых по признаку происхождения. Достоинства такого подхода очевидны. Единство замысла исследования обеспечивается в рамках самого источниковедения. Стоящие перед исследователем задачи существенно не меняются при переходе от одного источника к другому.

Вместе с тем указанный подход имеет и существенные недостатки. Исследователь может оценить значение и определить место рассматриваемых им источников по отношению не ко всей источниковой базе темы, а только к хорошо изученным источникам, которых, к сожалению, немного. Вопросы достоверности, репрезентативности и сопоставимости источников получают лишь поверхностное освещение или вообще обходятся, так как для всестороннего их решения эмпирическая база исследования оказывается слишком узкой.

Поэтому в настоящей работе реализуется иной подход, заключающийся в изучении совокупности разнотипных источников, объединяемых по признаку общности информации. Такой подход более сложен, так как не дает возможности использовать одни и те же приемы при изучении разных типов источников. Однако он лишен отмеченных выше недостатков и обладает рядом преимуществ. Стоящие перед источниковедением задачи получают при этом всестороннее решение. Ряд важных для источниковедения проблем можно поставить и решить только в рамках такого подхода. Исследование оказывается более тесно связанным с задачами и потребностями исторической науки.

Центральной задачей источниковедческого раздела нашего исследования является не просто выработка методов преодоления тех трудностей, которые возникают при изучении массовых источников о взаимоотношениях между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в СССР в 20-е годы, а в попытке интегрированного подхода к совокупности разнотипных источников. Надо сказать, что такая работа во многом смыкается с развернувшейся как в нашей стране, так и особенно за рубежом работой по созданию информационных систем и банков данных. Принципиальное отличие заключается только в особом способе создания информационных моделей, учитывающем при актуализации базы данных итоги источниковедческого исследования источников.

Преимущества такого подхода заключаются в придании информации нового качества — динамичности, способности к быстрой перестройке при изменении исследовательских задач без разрушения целостности. Такая работа была выполнена на персональном компьютере I ВМ РС-XT.

Специальный раздел монографии посвящен отбору и характеристике комплекса математических методов, без которых мы не смогли бы сопоставить данные разнотипных источников. Математические методы позволили сжать исходную информацию в целях ее обозримости, выявить данные, существующие в источниках в неявном виде, изучить важнейшие закономерности изменения исторической действительности, построить модели нереализовавшихся в истории ситуаций в целях более всесторонней оценки реальных событий.

XXVII съезд КПСС поставил перед партией и всем советским народом задачу революционной перестройки общества, перехода от административных к экономическим методам хозяйствования. Основное направление развития советской хозяйственной системы связано с переходом «к экономике высшей организации и эффективности со всесторонне развитыми производительными силами, зрелыми социалистическими производственными отношениями, отлаженным хозяйственным механизмом»¹³. Думая о будущем, всегда полезно вернуться к истокам, к тому времени, когда под руководством В. И. Ленина и партии большевиков наша страна добилась решающих успехов в деле экономической пере-

стройки, разработки эффективных форм и методов хозяйствования. Мы надеемся, что данная монография может оказаться полезной при разработке экономической стратегии, позволит предвидеть ближайшие и отдаленные последствия принятой хозяйственной политики.

Можно согласиться с М. П. Капустиным в том, что «мы сегодня оказались преемниками двух наследств — ленинизма и сталинизма»¹⁴. Однако автор не прав, когда утверждает, что «принципиальный отказ от второго наследства тем самым возвращает к идеологии первоначального ленинизма»¹⁵. Для того чтобы вернуться к учению В. И. Ленина, одного отказа от сталинизма недостаточно. Ленинизм может быть усвоен только тогда, когда мы и нашу историю будем знать не хуже, чем В. И. Ленин. К сожалению, от историков всегда требовали не знаний, а исторического оправдания принятой политики. Пора покончить с этой традицией, больше всего мешающей развитию нашего общества.

Автор благодарит сотрудников секторов источниковедения истории советского общества и историко-социологических исследований Института истории СССР АН СССР, а также В. П. Дмитренко, В. В. Кабанова, М. И. Левина, А. К. Соколова за ценные замечания и Е. М. Скворцову — за помощь в работе.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С момента взятия пролетариатом государственной власти на его плечи легла огромная задача по управлению народным хозяйством. «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*», — писал В. И. Ленин¹. Первоначально, когда сопротивление эксплуататорских классов еще не было сломлено, а их экономические связи со средними городскими слоями и крестьянством не были разрушены, у Советской власти не было иной альтернативы, помимо создания мощного административного аппарата. Для эффективной работы такого аппарата были необходимы детальный учет и контроль всех звеньев народнохозяйственного целого.

«Учет и контроль, — по словам В. И. Ленина, — *если они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как верховной государственной властью, или по указаниям, по полномочию этой власти, — учет и контроль повсеместной, всеобщий, универсальный, — учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов — в этом суть социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено*»². Можно по-разному относиться к эпохе «военного коммунизма», но нельзя отрицать того, что она дала мощный импульс развитию отечественной статистики. Именно благодаря этой эпохе на смену локальным единовременным наблюдениям отдельных явлений хозяйственной жизни, проводившимся до революции, пришли всесторонние периодические обследования всех важных сторон народнохозяйственного целого в 20-е годы. «ЦСУ с 1918 г., когда оно организовалось. . . вело систематическую работу по исследованию и обработке статистических материалов, имеющих целью всестороннее изучение народного хозяйства Союза республик», — писал заведующий ЦСУ П. И. Попов³.

Своеобразие задач управления народным хозяйством в первые годы Советской власти определялось численным преобладанием крестьянства в социально-экономическом составе страны. «Естественное дело, что при условии громадного преобладания крестьянского населения нашей главной задачей — и политики вообще и политики экономической в частности — является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством», — указывал В. И. Ленин⁴. Взаимоотношения между этими классами определялись в конечном счете экономическими

отношениями между государственной промышленностью и крестьянской экономикой.

Таким образом, разработка эффективных форм взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством в 1920-е годы выдвинулась на первый план в деятельности советских органов управления экономикой.

Соответственно перед органами учета встала задача изучения того, как найденные формы претворялись в жизнь, как на практике осуществлялась экономическая смычка между государственной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами.

Изучение экономических взаимоотношений между промышленностью и крестьянскими хозяйствами может пониматься по-разному.

В 20-е годы сложились три основных подхода. Во-первых, взаимоотношения изучались как система перераспределения годового продукта промышленного и сельскохозяйственного производства. При этом все рыночные отношения сбрасывались со счетов и отношения распределения выступали в чистом виде. Во-вторых, экономические взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством исследовались как отношения обращения товарных масс, испытывавших на себе постоянные изменения народно-хозяйственных условий. Такой подход стремился обнажить систему взаимосвязей, определяющих промышленную и сельскохозяйственную конъюнктуру. В-третьих, промышленность и сельское хозяйство изучались с точки зрения динамики соотношения их обобщенных показателей. Здесь на первый план выдвигались направления и темпы изменения взаимоотношений, а их внутренний механизм оставался в тени.

Трем описанным выше подходам к изучению взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами соответствовали три типа комплексов источников, отложившихся в процессе исследования. Первый подход породил балансовую статистику, второй — обследования конъюнктуры, третий — статистику индексов, среди которых особенно выделялись индексы цен. Эти три обширных комплекса источников составлялись из сотен конкретных обследований, опросов, отчетных материалов. При этом изучались достоверность и репрезентативность исходных данных, проводилась их кропотливая обработка в целях сопоставимости с другими источниками.

Ясно, что каждый комплекс источников, взятый в отдельности, дает довольно одностороннюю картину взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. Однако в сопоставлении их данных друг с другом лежит ключ к преодолению всех недостатков. Анализируемые в совокупности, они позволяют детально проследить, как складывалась, функционировала и развивалась система экономических отношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, начало которой положила ленинская идея о продналоге.

БАЛАНСОВАЯ СТАТИСТИКА

Натуральные балансы отдельных продуктов

В ноябре 1919 г., в самый разгар гражданской войны, в работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» В. И. Ленин привел данные о производстве и потреблении хлебов по 26 губерниям Советской России, которые позволили ему сделать вывод об успехах, достигнутых Советской властью в деле перестройки народного хозяйства¹. Источником В. И. Ленину послужили материалы первых в отечественной статистике натуральных балансов хлебофуражных и мясных продуктов, составленных сотрудниками ЦСУ по данным за август 1918 — июль 1919 г.

Какими же сведениями располагало ЦСУ для проведения такой масштабной работы? В 1918 г. удалось собрать силами местных статистических органов сведения о размерах урожая по большинству губерний, на территории которых производилась разверстка. Сведения не были получены только из мест активного ведения боевых действий: Самарской и Оренбургской губерний и Уральской области. Урожай не был также подсчитан на половине территории Курской губернии, бывшей в 1918 г. в полосе немецкой оккупации². Наркомпрод предоставил сведения о размерах хлебных заготовок по каждой губернии. Эти сведения были полны только в отношении производящих губерний. По потребляющим же губерниям Наркомпрод преуменьшил размеры заготовок. Транспортная статистика позволила определить размеры переброски хлебных грузов Наркомпрода из одних губерний в другие и в ряде случаев дополнить данные о размерах заготовок³. Таков был круг прямых фактических сведений. Они не давали ответа на многие важные вопросы, решить которые должен был хлебофуражный баланс. Тем более на их основе нельзя было составить баланс мясных продуктов.

Поэтому А. Г. Михайловский, руководивший составлением балансов, вынужден был восполнить недостающие сведения путем исчислений. Для проведения такой работы он использовал материалы 10 % выборочной переписи крестьянских хозяйств 1919 г., проводившихся под руководством А. Е. Лосицкого обследований питания городского населения, а также дореволюционной статистики.

Выборочная перепись 1919 г. содержала сведения о численности населения, посевных площадях и поголовье скота не только на момент проведения, но и на 1917 г. Для того чтобы получить данные на 1918 г., А. Г. Михайловский рассчитал коэффициенты изменения от 1917 к 1918 г., взял половину полученных величин и умножил их на итоги переписи 1917 г. Из-за резких изменений демографических и хозяйственных условий в эти годы исчисления А. Г. Михайловского не могли быть точными. Но иной возможности у него просто не было.

Численность городского населения определялась как разность между общей численностью населения в 1917 г. с поправкой на средний годовой прирост и численностью сельского населения по оценке А. Г. Михайловского. Умножив численность городского населения на средние нормы потребления им хлебных и мясных продуктов, А. Г. Михайловский получил размеры городского потребления. Очевидно, что для точного расчета нужны были сведения о нормах потребления за весь период с августа 1918 г. по июль 1919 г. Обследования же питания представляли только сведения за март—апрель 1919 г. В эти месяцы из-за весенней распутицы и уменьшения заготовок нормы потребления городского населения были ниже среднего уровня. Поэтому размеры потребления хлебных и мясных продуктов в городах А. Г. Михайловский преуменьшил.

Предпринимались также попытки определить таким же способом размеры потребления сельского населения. Однако проведенный в этих целях опрос губернских статистических бюро не дал надежных сведений. В конечном итоге А. Г. Михайловский был вынужден ограничиться следующим допущением: в производящих губерниях размеры хлебного потребления крестьян были не ниже довоенного уровня, а в потребляющих губерниях определялись размерами урожая и переброской хлебных излишков из производящей полосы⁴.

Для исчисления размеров крестьянских излишков использовались данные Особого совещания по продовольственному делу за период с 1909 по 1913 г. с поправкой на урожай 1918 г.⁵ Фактически определялись не все крестьянские излишки, а только та их часть, которая вывозилась в города или за пределы губерний. Местный рыночный оборот сбрасывался со счетов. Для потребляющей полосы излишки вообще не подсчитывались, а определялся суммарный размер недостатка. Предполагалось, что та часть хлебных излишков, которая оставалась в производящей полосе после государственных заготовок, нелегальным путем поступала в города или вывозилась в потребляющие губернии.

Сведения о продукции животноводства и ее распределении также были получены путем исчислений. По переписи 1919 г. определялось количество скота и размеры его приплода в 1918 г. Нормы убоя и среднего веса туши были взяты из дореволюционной статистики. Для 1918/19 г., когда кормовые культуры шли на продовольствие населения и «человек объел скот», эти нормы уже не соответствовали действительности. Однако снижение среднего веса туши сопровождалось увеличением убоя, и в результате одни погрешности исчислений, налагаясь на другие, взаимно компенсировались. Умножив средние нормы городского потребления мясных продуктов по обследованиям питания на численность населения городов, А. Г. Михайловский получил размеры потребления мяса горожанами. Вычтя полученную величину из общих размеров мясного производства, он оценил объем сельского потребления⁶.

Наиболее сложной оказалась оценка размеров нелегальной

хлебной торговли, игравшей в то время большую роль в снабжении населения продовольствием. А. Г. Михайловский пошел следующим путем. Определив размеры городского потребления хлебных продуктов, он вычел из них величину снабжения хлебом горожан через продовольственные органы, оценив таким образом степень распространения мешочничества в городах. Затем, исходя из полученных цифр, общих размеров государственных заготовок и довоенных норм потребления хлеба крестьянами в производящих губерниях, А. Г. Михайловский определил максимальную величину переброски хлеба мешочниками в сельские местности потребляющих губерний. Наконец, исходя из минимально возможного количества хлеба, израсходованного крестьянами в потребляющей полосе, он оценил нижний предел нелегальной доставки хлебных продуктов нуждавшимся крестьянам. Расхождения между полученными цифрами составляли 40 %. Считая, что из-за трудностей передвижения мешочничество не могло достигнуть максимальной величины, А. Г. Михайловский остановился на минимальной оценке⁷.

Есть основания считать, что реальные размеры мешочничества были несколько выше. Во-первых, поскольку городское потребление хлеба было преуменьшено А. Г. Михайловским, то тем самым было занижено и городское мешочничество. Во-вторых, так как в хлебофуражном балансе расход на корм скота был отнесен целиком на счет крестьян, то 4,7 млн пудов хлеба, израсходованных Наркомпродом на городской скот, было учтено в составе продовольствия горожан⁸.

В. И. Ленин прекрасно сознавал неизбежные в условиях недостатка статистических данных погрешности хлебофуражного баланса. Именно поэтому он сопоставлял итоговые цифры баланса с результатами обследования питания городских рабочих⁹. Тщательное источниковедческое исследование баланса позволило В. И. Ленину сделать глубокие исторические обобщения. В частности, он установил, что в короткий срок и при невиданных трудностях государству удалось приблизительно наполовину обеспечить потребность городских рабочих в хлебе, не затрагивая при этом жизненных интересов крестьян. «В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, от диктатуры пролетариата крестьяне вообще, — писал В. И. Ленин. — Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался* лучше горожанина. Впервые крестьянин увидал свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода»¹⁰.

Предпринятый нами в настоящей работе пересчет хлебофуражного баланса 1918/19 г. с использованием тех сведений, которые не были известны сотрудникам ЦСУ (в частности, материалов бюджетного обследования крестьянских хозяйств 1918/19 г., раз-

работка которых в 20-е годы не была завершена), не только полностью подтвердил эти ленинские обобщения, но и разрешил все сомнения относительно достоверности использованных им данных. И если отдельные цифры хлебофуражного баланса оказались не совсем точными, то общие закономерности производства и распределения хлеба в 1918/19 г. были им воспроизведены совершенно правильно.

С момента образования в 1921 г. Государственной плановой комиссии на ее плечи легла огромная работа по составлению единого государственного плана. В центре широкого круга задач хозяйственного строительства оказалась проблема снабжения населения продовольствием. «За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений», — указывал В. И. Ленин в записке «Тов. Кржижановскому в Президиум Госплана»¹¹.

Основным источником для составления продовольственных планов стали хлебофуражные балансы. Именно В. И. Ленин обратил внимание Госплана на необходимость проведения балансовых исчислений¹². Выполняя прямые указания В. И. Ленина, сотрудники Статистического бюро Госплана в первый же год своей работы дали сравнительную оценку размеров урожая в 1920 и 1921 гг., состояния государственного хлебного фонда, норм хлебного питания городского и сельского населения¹³. Широкое распространение получила разработанная Госпланом схема составления хлебофуражных балансов. В состав прихода записывались не только размеры урожая, но и хлебные запасы, оставшиеся от прошлых лет. Приход распределялся между селом, городом и армией. Учитывался экспорт хлеба. Оценивались размеры остатка хлеба после потребления¹⁴.

В 1922 г. в рамках исследования ценообразования на хлебном рынке к работе по составлению хлебофуражных балансов подключился Конъюнктурный институт Наркомфина. Прделанная им работа позволила прояснить вопрос о соотношении между крестьянским предложением хлеба и спросом на него со стороны внутреннего рынка. Вместе с тем обнаружились расхождения между данными, полученными Госпланом и Конъюнктурным институтом. Если Госплан определил размеры урожая в 1922 г. в 3258 млн пудов, то Конъюнктурный институт — в 3097 млн пудов, т. е. на 5,2 % ниже¹⁵. Если прибавить к этому, что, по подсчетам ЦСУ урожай 1922 г. составил только 2824 млн пудов¹⁶ (т. е. на 15,4 % ниже оценки Госплана), то проблема расхождения статистических данных разных учреждений окажется достаточно серьезной, чтобы не обойти ее вниманием.

Сопоставим подробно материалы за 1923 г., когда работа по составлению хлебофуражных балансов проводилась уже многими учреждениями (см. табл. 1). Заметно, что наряду с оценками валовых сборов различаются также данные об остатках прошлых лет, расходах на обсеменение и внутреннее потребление крестьянских хозяйств и остатках к концу года. Все эти расхождения можно объяснить.

Таблица 1. Хлебофуражный баланс 1923 г. по данным различных учреждений (в млн пудов)

Статья баланса	ЦСУ	Конъюнктурный институт Наркомфина	Наркомзем
А. Приход			
1. Валовой сбор	2853	2950,3	2897
2. Остаток от прошлых лет	75	93,0	90
Итого	2928	3043,3	2987
Б. Расход			
1. Сельское население:			
а) обсеменение	542	542,0	578
б) личное продовольствие	1338	1418,4	
в) прокорм скота	385	387,2	
г) прокорм птицы	—	30,0	1731
Итого	2265	2377,6	2309
2. Городское население:			
а) продовольствие	232	232,0	—
б) прокорм скота	40	40,0	—
Итого	272	272,0	272
3. Прочие расходы:			
а) армия	42	54,0	40
б) экспорт	175	175,0	175
в) вывоз в Туркестан и Закавказье	12	—	12
г) расход на самогон	—	50,0	—
Итого	229	279,0	227
Весь расход	2766	2928,6	2808
В. Остаток	162	114,7	179

Источник: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 10.

Валовые сборы определялись всеми учреждениями по размерам посевной площади и средней урожайности. Отправной точкой для исчисления посевных площадей большинству учреждений служила сельскохозяйственная перепись 1916 г. Уже на стадии подсчета итогов этой переписи возникли разногласия. Так, ЦСУ определило площадь посевов в 1916 г. в 82 371 тыс. дес., а Наркомзем — в 81 658 тыс. дес.¹⁷ Перепись 1916 г. несколько недоучла размеры посевной площади. Однако величина недоучета опять-таки оценивалась различно. ЦСУ делал надбавку в размере 5 %, Наркомзем — 10 %, а Госплан — 14 %¹⁸. Уже одно это позволяет объяснить большую часть расхождений в оценках валовых сборов.

Существовали и другие причины. Для исчисления прироста посевных площадей многие учреждения использовали данные весенних опросов ЦСУ, за качеством сведений которых велся постоянный контроль¹⁹. Вместе с тем Конъюнктурный институт

ориентировался на налоговые сводки, а Наркомзем — на отчеты губернских земельных управлений²⁰. Надежность последних двух источников никак не контролировалась. Это было еще одной причиной расхождений.

Наконец, к разным оценкам валовых сборов вели и различия в учете посевов и составе культур. ЦСУ исчисляло как полевые, так и усадебные посевы, а Наркомзем и Госплан — только полевые. ЦСУ и Наркомзем включали в подсчет только основные зерновые культуры (рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, просо и кукурузу), а Конъюнктурный институт — еще и второстепенные (крупяные и бобовые)²¹, что увеличивало оценку урожая на 1,6 %.

Остаток от прошлых лет определялся по видимым торговым запасам, причем каждое учреждение имело свои представления о погрешностях торговой статистики, что и приводило к расхождениям. Однако почти никто не пытался оценить размеры остатков на руках у крестьян. Только Госплан исчислил их в размере 200 млн пудов²². Госплан дал и более высокую по сравнению с другими учреждениями оценку валовых сборов (3170 млн пудов)²³. В результате оценка размеров прихода в хлебофуражном балансе Госплана заметно превысила данные других учреждений.

Различие в оценках расхода сельским населением хлебных продуктов было отчасти связано с разной оценкой посевных площадей, причины чего мы выяснили выше. Определенное значение имели также различия в оценках норм хлебного питания сельского населения. В основе исчисления этих норм лежали, как правило, материалы обследований питания. Однако одни учреждения (Госплан, Конъюнктурный институт) принимали эти нормы без каких-либо поправок, а другие (ЦСУ, Наркомзем) считали завышенными. Поскольку обследования питания сельского населения проводились в такие сроки (октябрь и февраль), когда недостатка в хлебе не ощущалось, то они, естественно, завышали нормы хлебного потребления крестьян. Отдел статистики потребления ЦСУ определил размеры завышения в 5 %²⁴. Наконец, некоторые различия были связаны с разным исчислением кормовой потребности. ЦСУ, проводившее как весенние, так и осенние опросы, установило, что состав стада от весны до осени заметно меняется. Поэтому оно вносило соответствующую поправку в расчеты. Другие же учреждения использовали только сведения о поголовье скота по весенним обследованиям. При этом по-разному оценивался недоучет скота весенними обследованиями²⁵.

В 1923 г. расхождения в цифрах хлебофуражных балансов обратили на себя внимание исследователей. После длительной полемики и перекрестных исчислений, проводившихся разными методами, многократных изменений и уточнений опубликованных ранее цифр (ЦСУ, например, пересчитывало свой баланс 1923 г. не менее трех раз) удалось добиться сближения ведомственных позиций.

Таблица 2. Хлебофуражный баланс 1924 г. по данным различных учреждений (в млн пудов)

Статья баланса	ЦСУ	Конъюнктурный институт	Госплан	Наркомзем
А. Приход				
1. Валовой сбор	2615	2622,8	2675	2548,8
2. Остаток от прошлых лет	162	114,7	225	179,0
Итого	2777	2737,5	2900	2727,8
Б. Расход				
1. Сельское население:				
а) обсеменение	551	542,0	630	} 570
б) личное продовольствие	1325	1362,9	1425	
в) корм скоту и птице	323	358,7	330	
Итого	2199	2303,6	2385	2213
2. Городское население:				
а) продовольствие	} 272	232,0	250	} 290
б) корм скоту		40,0	42	
Итого	272	272,0	292	290
3. Прочие расходы:				
а) армия	30	40,0	30	30
б) вывоз в Туркестан и Закавказье	12	14,0	15	15
в) расход на самогон	—	25,0	—	—
г) экспорт	75	82,9	75	60
Итого	117	161,9	120	105
Весь расход	2588	2737,5	2797	2608
В. Остаток	189	0	103	119,8

Источник: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 23.

О том, насколько сгладились расхождения между хлебофуражными балансами, составленными разными учреждениями, свидетельствуют данные за 1924 г. (см. табл. 2). В большинстве случаев различия между оценками валовых сборов сократились до 2,6 %, сельского потребления — до 4,8, общей суммы расхода — до 5,8 %. И только баланс, составленный Госпланом, заметно выделялся среди других балансов. Он давал более высокие оценки валовых сборов, остатка от прошлых лет, расходов сельского и городского населения.

Дело в том, что в отличие от других учреждений, стремившихся прежде всего к уточнению размеров урожая на основе более правильной оценки посевных площадей и сбора с десятины посева, Статистическое бюро Госплана взяло за основу размеры потребления, определяемые по обследованиям питания. Оценка валовых сборов была им сведена к исчислению суммы израсходованных хлебных продуктов. Однако для получения более точной картины необходимо было одинаково критическое отношение ко всем элементам, из которых складывался баланс. Кто же смог

правильно отразить действительность? Ответ на этот вопрос был получен в 1925 г.

Урожай на 1925 г. Госплан исчислил в 4780 млн пудов. В соответствии с этим им была составлена предварительная оценка хлебных излишков у крестьян, в соответствии с которой финансировались хлебные заготовки. Экспорт хлеба был определен Госпланом в 380 млн пудов, и на эту цифру ориентировались планы внешней торговли. Были выданы лицензии на ввоз большого количества промышленного сырья и оборудования, усилился импорт мануфактуры и других недостающих на рынке товаров²⁶.

То, что оценка Госплана существенно завышала реальный сбор хлеба, было замечено не сразу, и поэтому в течение долгого времени осуществлялась не соответствовавшая крестьянскому предложению зерна практика заготовок и их кредитования, не были своевременно пересмотрены другие хозяйственные планы. Реальный экспорт хлеба составил только 125 млн пудов. При этом он осуществлялся в условиях повышения внутренних хлебных цен и государство не получило того дохода, на который рассчитывало. В результате этого в конце 1925 г. образовалось пассивное торговое сальдо и импортные операции были резко сокращены, что заметно отразилось на планах развертывания промышленного производства²⁷.

Тяжелые экономические последствия завышения основных статей хлебофуражного баланса заставили пересмотреть организацию работы по его составлению. В середине 20-х годов основная деятельность по исчислению хлебофуражных балансов сосредоточивается в руках ЦСУ, где к этому моменту организовались сектор народнохозяйственного баланса и экспортный совет по оценке урожаев²⁸.

Точная оценка размеров хлебофуражной продукции стала исходным пунктом в составлении балансов²⁹. Наряду с этим проводилась большая работа по уточнению размеров крестьянских хлебных запасов, в связи с чем сопоставительному анализу были подвергнуты материалы весенних опросов, бюджетных обследований крестьянских хозяйств и торговой статистики³⁰. В результате удалось добиться высокой достоверности оценки приходных статей баланса хлебофуражной продукции.

Большая работа была проведена и в целях изучения расходных статей баланса. В 1925 г. коллегия ЦСУ приняла предложение Л. Н. Литошенко о расширении программы рыночных опросов крестьянских хозяйств до объема хлебофуражного баланса³¹. Тем самым был увеличен круг фактических данных о распределении хлебной продукции. В последующем балансовым целям стали служить и краткие бюджетные обследования крестьянских хозяйств, в связи с чем были пересмотрены их программа и сроки проведения³².

Хлебофуражные балансы, составленные во второй половине 20-х годов, как в методическом отношении, так и по объему содержащихся в них сведений заметно отличались от балансов преды-

дущего периода. Если раньше предъявляемое балансом требование о примерном равенстве приходных и расходных статей нередко использовалось в целях восполнения недостающей информации, то теперь оно стало служить для оценки достоверности собранного материала. В первой половине 20-х годов весь поступивший от крестьян хлеб статистики стремились распределить между городом, армией и экспортом. Использование материалов бюджетных обследований позволило учесть обратное приобретение хлеба крестьянами. В схеме хлебофуражного баланса появился новый раздел, связанный с балансом рыночного хлеба* (см. схему 1).

Наконец, хлеб стал учитываться не только как продовольствие, но и как сырье для перерабатывающей промышленности³³.

Поэтому хлебофуражные балансы 20-х годов имеют ценность не только как источник о продовольственном снабжении населения, но и как материал, позволяющий изучить связь земледелия с промышленностью.

В отличие от хлебофуража натуральные балансы других сельскохозяйственных продуктов не были объектом столь же тщательной статистической работы. Интерес к их составлению пробудился лишь во второй половине 20-х годов и прежде всего со стороны ведомственной промышленной статистики (например, ЦУС ВСНХ) в связи с проявившимися сырьевыми затруднениями.

В 1927 г. были составлены балансы льна-волокна за 1924/1925 г., в которых по данным о посевной площади и урожайности были исчислены валовые сборы и затем определено распределение продукции между внутренним крестьянским потреблением, промышленностью и экспортом. В 1928 г. составлялись балансы

Отчуждение	Госорганам и кооперации	Продано за деньги
		Безденежное отчуждение
		Итоговое отчуждение
	На частный рынок	Продано за деньги
		Безденежное отчуждение
		Итого отчуждено
Приобретение	У госорганов и кооперации	Покупка
		Безденежное приобретение
		Всего
	На частном рынке	Покупка
		Безденежное приобретение
		Всего
Отчуждение	Госорганам и кооперации	
	На частный рынок	
	Крестьянам	
	Итого	
Приобретение	У госорганов и кооперации	
	На частном рынке	
	У крестьян	
	Итого	
Сальдо в отношении госорганов и кооперации		
Сальдо в отношении частного рынка		
Сальдо по внутрикрестьянскому обороту		
Общее сальдо отчуждения и приобретения		

Схема 1. Баланс рыночного хлеба.

* См.: ЦГАНХ СССР. Ф. 562. Оп. 72. Д. 1—8.

за 1926 и 1927 гг. сельскохозяйственных продуктов (подсолнечника, конопли и льна-семени), используемых в качестве сырья маслостроительной промышленностью. Исчисленный балансовым методом фонд для промышленной переработки был сопоставлен с планом заготовок и результатами его исполнения, что позволило вскрыть неиспользованные резервы³⁴.

По ряду важных в сырьевом отношении сельскохозяйственных продуктов ведомственная статистика испытывала затруднения в составлении балансов, и поэтому к такой работе подключились и сотрудники ЦСУ. Ими были составлены балансы шерсти, крупного кожсырья и овощей³⁵.

Несмотря на несистематический характер работы, балансы сырьевых сельскохозяйственных продуктов существенно расширяют наши представления о товарности крестьянского производства, его связи с промышленным производством.

Натуральные балансы продуктов промышленности в 20-е годы составлялись крайне редко и только лишь как часть более обширной статистической работы. Так, при составлении баланса народного хозяйства за 1923/24 г. была предпринята попытка исчисления натуральных балансов по восьми промышленным продуктам: керосину, соли, сахару, спичкам, галошам, хлопчатобумажным, шерстяным и льняным тканям³⁶. Большое разнообразие промышленного ассортимента делало натуральные балансы отдельных продуктов промышленности труднообозримыми, а любую их выборку малопредставительной. Познавательная ценность таких балансов невелика.

Баланс народного хозяйства

21 июля 1924 г. Совет Труда и Оборона в специальном постановлении поручил ЦСУ составление балансов народного хозяйства за 1923/24 г. и предположительного баланса за 1924/25 г.³⁷ Предстояло дать точную статистическую картину всей системы общественного воспроизводства. Работы такого масштаба еще не знала мировая история статистики.

Методологической основой для построения баланса послужила разработанная К. Марксом и дополненная В. И. Лениным теория простого и расширенного воспроизводства. Свою задачу работники ЦСУ формулировали следующим образом: «При анализе статистических материалов баланса, руководствуясь схемой Маркса, мы должны прежде всего выявить те отношения, благодаря которым происходит воспроизводство советского хозяйства в данный исторический момент, т. е. выявить, в какую форму и систему вылилось распределение годового продукта по отдельным отраслям народного хозяйства и классам общества, выявить, в каких пропорциях были произведены в течение операционного года средства производства и средства существования, и тем самым выявить пропорциональность отдельных отраслей народного хозяйства. Затем мы должны выявить, между какими отраслями

хозяйства и классами населения было распределено и потреблено то, что поступило в народное хозяйство в течение года, и тем самым выяснить отношения между производством и потреблением, а также какую роль в установлении равновесия сыграла связь с мировым хозяйством»⁵⁸.

Вместе с тем, изучая народное хозяйство в тех формах, в каких оно существовало в действительности, сотрудники ЦСУ не могли провести четкие разграничительные линии между отраслями, производящими только средства производства или только предметы потребления. Точно так же нельзя было изначально провести жесткую классификацию потребителей, распределяя их по этим двум подразделениям общественного производства. Определенные трудности представляло также выделение прибавочной стоимости.

Решая эти проблемы, сотрудники ЦСУ разработали ряд методологических принципов и приемов составления народнохозяйственных балансов, легших позже в основу отечественной и зарубежной балансовой статистики. Баланс исходил из наиболее детальной классификации отраслей и групп производства, объединявших однородную по производственному или потребительскому значению продукцию. В отношении каждого конкретного продукта выяснялось, какую роль он играл в общественном производстве, выступал ли как средство производства или являлся предметом потребления. В связи с этим большое значение приобретало рассмотрение потребления продуктов по главным группам потребителей. Начиная с производства валовой продукции и прослеживая ее распределение по отраслям народного хозяйства и группам потребителей, статистики подходили к определению размеров чистой продукции. Таким образом, баланс позволял изучить общественные отношения как в системе воспроизводства, так и в сфере распределения, установить взаимосвязь между производством и распределением.

Ввиду того что производство складывалось из огромного количества предметов разной материальной сферы, оказалось невозможным анализировать отношения производства и распределения без приведения всех продуктов к сравнимым единицам. Методом соизмеримости продуктов производства стала их денежная оценка. Поскольку все потребители в народнохозяйственном балансе выступали одновременно и как производители материальных благ, то денежная оценка результатов производства вплотную подводила к изучению проблемы стоимости, а также накопления социалистической прибыли в условиях расширенного воспроизводства, обращения ее в орудия и средства производства.

Баланс строился так, чтобы иметь возможность установить взаимоотношения не только между отраслями производства, но и между формами хозяйства: социалистической, кооперативной, мелкотоварной и капиталистической, а также определить взаимоотношения между классами, которые скрывались за этими формами хозяйства. При этом особое внимание было обращено на взаимоотношения между социалистической промышленностью

и мелкими крестьянскими хозяйствами, городом и деревней, рабочим классом и крестьянством. Следует, однако, принять во внимание особенности отражения народнохозяйственным балансом этих взаимоотношений. Поскольку товарная промышленная и крестьянская продукция поступала на рынок, производство оказывалось оторванным от распределения. Баланс мог проследить движение продукции до рынка, и здесь статистическое наблюдение прерывалось. Только изучая потребление промышленности и рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства, с другой стороны, можно было вновь взять под наблюдение продукцию, изучавшуюся на стадии производства. Лишь в порядке взаимного сопоставления данных о производстве и потреблении можно было установить характер экономических взаимоотношений³⁹.

Баланс строился на огромном фактическом материале. Трудно даже просто перечислить все использованные при его составлении источники. Поэтому мы подробно остановимся лишь на тех из них, которые характеризовали экономическую смычку между городом и деревней.

В основу учета валовой и чистой промышленной продукции, ее запасов, а также производственного потребления промышленности были положены материалы текущей промышленной статистики ЦСУ (поквартальные сводки), относившиеся к цензовой промышленности (т. е. к промышленным предприятиям с не менее чем 16 рабочими при наличии двигателя и не менее чем 30 рабочими без механического двигателя), а также промышленной переписи 1923 г., стремившейся охватить как цензовые, так и нецензовые предприятия. Во вспомогательных целях привлекались данные промышленной переписи 1920 г., динамические сельскохозяйственные переписи и материалы дореволюционной статистики⁴⁰.

Разработка данных, относившихся к цензовой промышленности, не встретила серьезных затруднений. Здесь следует только учесть два обстоятельства. Во-первых, к моменту составления баланса статистики еще не имели сплошных данных о потреблении в производстве сырья и вспомогательных материалов, вследствие чего удалось точно установить только размеры потребления основных видов сырья (хлопка, льна, шерсти, сахарной свеклы, железной руды и др.). Потребление же прочих сырьевых продуктов и вспомогательных материалов устанавливалось на основании норм, исчисленных по данным промышленного учета 1922/23 г. Поэтому содержащиеся в балансе сведения о промышленном потреблении нельзя рассматривать как совершенно точные. Во-вторых, сведения об остатках материальных благ в промышленности были получены только по организованным в крупные промышленные объединения предприятиям. Следовательно, размеры оставшихся не израсходованных к концу года промышленных товаров баланс занижал⁴¹.

При составлении данных по мелкой и кустарно-ремесленной промышленности трудности оказались более значительными. По-

мимо отсутствия исчерпывающего статистического материала, на основании которого можно было бы подробно изучить мелкое и кустарно-ремесленное производство, не было и единого понимания в отношении понятия «кустарно-ремесленная промышленность». В отличие от многих исследователей, исключавших из состава мелкой промышленности кустарей, занимавшихся производством в виде промысла в свободное от сельскохозяйственных работ время, составители баланса пошли по пути максимального учета размеров кустарного производства, не включая в него только домашнее, нерыночное производство. В результате к кустарям и ремесленникам были отнесены те лица, для которых основным занятием было сельское хозяйство.

Какое значение имело для оценки размеров мелкой и кустарно-ремесленной промышленности включение в ее состав лиц с основным доходом от сельского хозяйства, показывает табл. 3, составленная по данным дореволюционной статистики. Если относить к мелкой и кустарно-ремесленной промышленности только мелкие промышленные предприятия, а также городских ремесленников и кустарей, работающих в течение всего года, то занятый в ней персонал составит 51,1 % всех занятых в промышленности лиц, а валовая продукция не превысит 17,6 % всей промышленной продукции. Если же присоединить сюда и крестьян, занимавшихся промышленной деятельностью в виде промыслов, то тогда доля занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности лиц составит уже 65,8 %, превысив, таким образом, численность фабрично-заводского пролетариата, а ее вклад в общую промышленную продукцию достигнет 32,9 %.

Таблица 3. Персонал и валовая продукция промышленности в дореволюционной России

Промышленность	Число занятых лиц, тыс.	Стоимость валовой продукции, млн руб.
Цензовая	2700	4900
Мелкая и кустарно-ремесленная	5200	2400
В том числе:		
мелкая и городская кустарно-ремесленная	1325	1050
подсобные предприятия крестьян	3875	1350

Составлено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. М., 1926. Ч. 1. С. 189.

Разработка источников осуществлялась следующим образом. По данным промышленной переписи 1923 г. была определена численность лиц, занятых в мелкой промышленности в городах и поселках городского типа. Вне переписи остались лица, ведущие производство в жилом помещении и работающие в одиночку. Их численность была определена по данным городской демографиче-

ской переписи 1923 г. Для определения количества лиц, занятых в мелкой промышленности в сельской местности, были использованы данные выборочного динамического обследования крестьянских хозяйств за 1923 г. Распространение данного выборочного обследования на всю массу сельского населения было осуществлено на основании данных промышленной переписи 1920 г., дополненных в части кустарного производства материалами переписи населения 1920 г.⁴² Затем определялась средняя норма выработки на одно лицо. Для городской мелкой и кустарной промышленности сведения об этом предоставляла промышленная перепись 1923 г. Однако по сельской местности такие данные отсутствовали и нормы выработки были определены на основании дореволюционной статистики. Методом перемножения была определена стоимость валовой продукции⁴³.

Ясно, что при таком состоянии источников говорить о точном определении размеров валовой продукции мелкой и кустарно-ремесленной промышленности не приходится. Полученная оценка может рассматриваться лишь как приближенная. Видимо, для городов продукция мелкой и кустарно-ремесленной промышленности была оценена несколько точнее, чем для сельских местностей.

Потребление промышленной продукции городским и сельским населением оценивалось на основании выборочных данных: бюджетных обследований и рыночных опросов.

Для оценки потребления городского населения было использовано бюджетное обследование рабочих и служащих, проведенное в ноябре 1923 г. Всего было собрано 3,5 тыс. бюджетов. В них население было сгруппировано по величине расходного бюджета на взрослого едока, что позволило изучить особенности потребления по группам, связь между нормами потребления и дохода⁴⁴. Чтобы перевести ноябрьские нормы в годовые, статистики привлекли данные о ценах на промышленные товары по материалам регистрации центрального Бюро статистики труда. Чтобы установить связь между ценами и потреблением, были использованы бюджетные обследования московских рабочих, содержащие данные о месячном потреблении с января по июнь 1924 г. Однако объем этого обследования был слишком мал (33 бюджета) для того, чтобы изучить этот вопрос. Поэтому расчет годового потребления рабочими и служащими различных промышленных товаров производился, как правило, на основании ноябрьских норм⁴⁵. Ясно, что точность расчета была весьма приблизительной. Можно говорить, что баланс очертил лишь примерную величину потребления городского населения.

Значительно лучше обстояли дела в области определения размеров потребления промышленных товаров сельским населением. Здесь наряду с полным бюджетным обследованием в 1923/24 г. 3,7 тыс. крестьянских хозяйств, дававшим подробное представление о годовых нормах потребления различных промышленных товаров крестьянством, использовались также данные рыноч-

ного опроса, проведенного весной 1924 г. и охватившего 60 тыс. хозяйств, каждое из которых сообщало сведения о приобретенных им за год 80 различных товарах промышленности. Затруднение составило лишь то обстоятельство, что и рыночный опрос, и крестьянские бюджеты были приурочены к производственному сельскохозяйственному году, начинавшемуся весенними полевыми работами, а баланс составлялся на хозяйственный год, начинавшийся с 1 октября. Отсюда возникала необходимость поправок по отношению к размерам приобретения, по крайней мере тех продуктов, на которые летом 1924 г. крестьянством был предъявлен особо повышенный спрос. Необходимые коэффициенты поправок были найдены при помощи сопоставления динамики поквартального спроса за полтора года, начиная с весны 1923 г. и по 1 октября 1924 г., с данными ЦОС ВСНХ о сбыте соответствующих промышленных изделий⁴⁶. Таким образом, статистикам удалось получить достаточно достоверные сведения о приобретении крестьянами промышленных товаров.

В настоящей главе мы уже касались тех трудностей, которые существовали в области определения размеров зернового производства. Не меньшие трудности возникали и при определении размеров продукции других отраслей сельского хозяйства.

Как и при установлении величины валовых сборов зерна, при определении величины всей полеводческой и луговодческой продукции сотрудники ЦСУ опирались на материалы весенних опросов, позволявших установить размеры посевной площади, а также сенокосных угодий. Здесь мы специально остановимся на проблемах определения средней урожайности сельскохозяйственных культур, так как при составлении баланса 1923/24 г. была апробирована новая методика. Ранее статистики при определении размеров урожая пользовались ответами на прямой вопрос, обращенный к добровольным корреспондентам или лицам волостной и сельской администрации. В условиях неурожайных 1921 и 1922 гг. статистикам приходилось с точностью до десятой части пуда определять обеспеченность населения хлебом и часто разница в одну десятую в конечных расчетах решала, быть ли уезду признанному неурожайным и остро нуждающимся в помощи или остаться без нее. Естественно, что в таких условиях население, прежде чем ответить на вопрос о размерах урожая, не только стало подсчитывать их действительную величину, но и старалось представить себе, какие последствия за тот или иной ответ понесет его хозяйство. В результате ответы стали отражать не действительное положение вещей, а некоторую равнодействующую между фактическим размером и специфической заинтересованностью в ответе на вопрос. Сильнее всего страдал от этой заинтересованности учет той части полеводческой продукции, где посевная площадь и урожай были объявлены объектом обложения. По подсчетам статистиков, недоучет урожайности в этих условиях составил 20 %⁴⁷.

Поэтому при составлении баланса ЦСУ испробовало новую

методику, заключающуюся в отказе от прямого вопроса к населению о размерах урожая и переходе к балльной его оценке. Ее давали 25—30 тыс. добровольных корреспондентов губернских статистических бюро, волостных статистиков, а также местные должностные лица Наркомзема и Госстраха. Переход от оценок урожая в баллах к его оценке в пудах осуществлялся по шкале урожайности, разработанной отделом научной методологии ЦСУ под руководством Б. С. Ястремского. В табл. 4 приведены итоги сравнения прямого наблюдения за урожаем в бюджетных обследованиях и его оценки, полученной путем перевода балльной системы в десятичную. Таблица показывает, что урожай, исчисленный по балльной оценке, даже несколько превышал данные бюджетных обследований, в которых урожай должен быть выше среднего, так как обследовались преимущественно хорошо организованные хозяйства. На основе новой методики исчисления урожайности при составлении баланса размеры валовых сборов хлеба в 1923 г. ЦСУ определило в 3204 млн пудов, тогда как в составленном ранее им хлебофуражном балансе сбор оценивался только в 2853 млн пудов⁴⁸. Точно так же определялась продукция технических культур, объемистых кормов, картофеля, кормовой свеклы, бахчевых и огородных культур. Продукцию садоводства и виноградарства за неимением прямых данных о площадях насаждений и сборе с десятины пришлось определить исходя из данных о потреблении⁴⁹.

Таблица 4. Сопоставление бюджетных и балльных оценок урожайности в 1923 г.

Регион	Собрано зерна с дес. (в пудах)	
	по материалам бюджетных обследований	по балльной оценке ЦСУ
Потребляющий	51	43
Производящий	44	41
Украина	54	61
Киргизская АССР	26	27
Сибирь	45	43
В среднем	47	48

Источник: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. С. 120.

Продукция животноводства первоначально также исчислялась исходя из данных весенних опросов. Однако при дальнейшей работе над балансом выяснилось, что весенний опрос 1923 г. занижил количество скота в среднем на 3 %. Это показало изучение статей балансов мясной и кожевенной продукции, а также сопоставление числа голов рабочих лошадей за 1923 и 1924 гг. Поэтому данные весенних опросов за 1923 г. были пересчитаны с внесением поправки на недоучет⁵⁰. Для вычисления мясной продукции определялись количество убойного скота и вес его туши. Нормы

убоя исчислялись путем сопоставления данных за 1923 и 1924 гг. Для установления среднего веса туши использовались данные крестьянских бюджетов и сведения городских боен. Кроме того, принимались во внимание нормы падежа, полученные по дореволюционным сведениям. Материалы бюджетных обследований лежали в основе определения молочной продукции⁵¹.

Расход продуктов сельского хозяйства на продовольственные нужды исчислялся по материалам обследований питания, охвативших около 25 тыс. крестьянских хозяйств и более 8 тыс. городских семей. Регистрация производилась несколько раз в течение года. Кроме того, в летних обследованиях питания предпринимались попытки учесть годовое потребление. Все это позволило определить годовые нормы потребления сельскохозяйственных продуктов как городским, так и крестьянским населением. Для сравнения привлекались данные 6,2 тыс. кратких крестьянских бюджетов, собранных в 1923/24 г.⁵²

Сведения об использовании сельскохозяйственных продуктов в качестве сырья были получены, помимо промышленной статистики, из бюджетных обследований крестьянских хозяйств, а также из отчетов заготовительных органов (Всероссийский кожаный синдикат, акционерное общество «Шерсть», Кишпромторг и др). Экспорт и импорт сельскохозяйственных товаров оценивал отдел статистики внешней торговли ЦСУ⁵³.

Оценивая товарность крестьянской продукции, сотрудники ЦСУ использовали уже упоминавшиеся нами выше материалы рыночного опроса 1924 г. Однако в отличие от оценки ими приобретения крестьянами промышленных товаров при исчислении крестьянских промышленных товаров, при исчислении крестьянских продаж никаких поправок, связанных с несовпадением хронологических рамок опроса и народнохозяйственного баланса, не производилось. Между тем осенью 1924 г. выявился неурожай в волжских губерниях, вызвавший усиленные закупки хлеба населением пострадавших районов⁵⁴. Поэтому размеры товарности крестьянской продукции балансом несколько преуменьшены.

В отличие от промышленной продукции, регистрировавшейся источниками в денежной оценке, продукты сельского хозяйства измерялись в натуральных единицах. Поэтому перед статистиками возникла сложная задача по денежной оценке сельскохозяйственной продукции. Она расценивалась по двум категориям: по ценам производителя и по ценам потребителя. Наибольшие трудности вызвала оценка сельскохозяйственной продукции по ценам производителя. Для определения этих цен нельзя было воспользоваться данными о средних нормах производственных издержек, ренты и прибыли, так как крестьянское хозяйство носило в значительной мере натуральный, потребительский характер, а цены на его продукцию могли быть ниже цены производства. Поэтому производственную цену пришлось определять не по издержкам производства, а взять ее условно, по ценам периода массовой реализации сельскохозяйственной продукции. При этом

статистики исходили из предположения, что в этот период, как в момент проявления наибольшей товарности крестьянского производства, цена на сельскохозяйственную продукцию должна быть наиболее близка к цене производства.

Для определения таких цен сотрудники ЦСУ располагали двумя источниками: заготовительными ценами Хлебопродукта и других заготовительных организаций и данными Отдела статистики внутренней торговли ЦСУ. Попытка воспользоваться ценами Хлебопродукта и других заготовителей не удалась, так как ими освещалось положение рынка лишь в производящих губерниях, да и то не равномерно по всей территории, а по тем отдельным районам, где велась заготовка. Это были или районы, наиболее удобные для заготовки по техническим условиям, или местности с наиболее низкими сельскохозяйственными ценами. Кроме того, осенью 1923 г. заготовительные цены были объектом регулирования со стороны государства и поэтому не отражали реальных рыночных отношений.

В связи с этим были использованы цены отдела статистики внутренней торговли, регистрировавшиеся на городских базарах и в поселках городского типа. Дефектом этого источника была некоторая неустойчивость сети пунктов, в которых производилась регистрация. Насколько можно было судить по сельскохозяйственным заготовкам, главным периодом реализации крестьянской продукции в 1923/24 г. было время с 1 октября по 1 декабря 1923 г. Но затем выяснилось, что этот период совпал с последними днями совзнаков, их наибольшим обесцениванием. Поэтому цены октября—декабря при пересчете их на червонные рубли по официальному курсу дали значительно пониженные величины по сравнению с действительностью. Например, в некоторых районах Украины цена пшеницы на 1 октября 1923 г. при пересчете совзнака на червонную валюту определилась бы в 12 коп. за пуд. Это объяснялось тем, что на местах падение совзнака шло медленнее, чем по его официальной котировке. Выход из положения дало бы знание местных курсов совзнака, но они нигде не регистрировались. Поэтому цены производителя были условно приняты равными средней цене из октябрьской, двойной январской и апрельской регистрации. Апрельская цена была введена, чтобы ослабить значение низкой октябрьской цены, а двойная январская цена была введена, чтобы уменьшить вес сравнительно высоких апрельских цен⁵⁵.

Рассмотрим, как соотносились составленные ЦСУ цены производителя с заготовительными ценами (см. табл. 5). По большей части продуктов (лен, пенька, масличные семена, шерсть, табак, махорка, крупные и мелкие кожи) ЦСУ занизило производственные цены по сравнению с заготовительными. Поскольку в этот период в области заготовительных цен государство проводило политику лимитов, сдерживало рост цен, то такое занижение едва ли можно считать оправданным. По другим продуктам (сливочное масло, зерновые хлеба, хлопок) цены производителя были выше

заготовительных. Здесь получалось, что крестьяне торговали как бы себе в убыток. Видимо, недостаток методики ЦСУ заключался в том, что она не учитывала изменение производственных условий в течение хозяйственного года, а выводила цены производства исходя лишь из условий реализации в течение короткого отрезка времени. На наш взгляд, для определения цены производства следовало бы все-таки попытаться в максимальной степени воспользоваться данными о заготовительных ценах, дополняя их базарными городскими ценами лишь в самых необходимых случаях.

Таблица 5. Сравнение принятых ЦСУ цен производителя с заготовительными ценами сельскохозяйственной продукции в 1923/24 г. (в руб.)

Продукция	Единица измерения	Цена производителя	Средняя заготовительная цена
Зерновые хлеба	пуд	0,69	0,61
Хлопок	»	4,64	4,62
Лен	»	6,79	7,36
Пенька	»	4,62	6,00
Маслосемена	»	0,86	1,00
Масло	»	18,31	15,00
Шерсть	»	7,70	10,00
Табак	»	11,75	16,00
Махорка	»	2,82	2,93
Кожи крупные	шт.	5,28	8,00
Кожи мелкие	»	1,22	2,00
Сахарная свекла	берк.	2,12	2,25

Составлено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—1924 г. Ч. 2. Таблицы. С. 55—57; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор Бюро Конъюнктур. Совета Госплана СССР. М., 1926. С. 32, 34.

Среднегодовые потребительские цены выводились по тем же материалам, что и производственные, однако в основу расчета бралась средняя из октябрьской (1923 г.), январской, апрельской, июльской и октябрьской (1924 г.) регистраций. Цена на 1 октября 1924 г. использовалась для того, чтобы на среднегодовой цене отразилось и влияние урожая следующего года. Средняя выводилась не простая из пяти опорных квартальных дат, а с удвоением веса цен на средние сроки, т. е. на 1 января, 1 апреля и 1 июля. Видимо, было бы правильней избрать веса в соответствии с объемом обращавшихся на рынке сельскохозяйственных товаров за каждый квартал. Кроме того, статистики учли то обстоятельство, что в потребляющей полосе цены ряда сельскохозяйственных продуктов (например, хлебных) были в среднем на 10 % выше городских цен, а в производящих районах, наоборот, на 10 % ниже. Это было связано с тем, что в потребляющих губерниях

снабжение деревни продовольствием шло через город⁵⁶. В целом же сотрудникам ЦСУ удалось достаточно хорошо определить средние потребительские цены сельскохозяйственных продуктов.

Таковы были основной круг использованных сотрудниками ЦСУ источников и главные принципы их обработки. Результаты этой работы легли в основу построения важнейшей части народнохозяйственного баланса — так называемой оборотной ведомости материальных ценностей, а также ряда вспомогательных таблиц.

Народнохозяйственный баланс понимался как равенство приходных и расходных статей, причем к числу первых относились запасы к началу года, а сальдо расходных статей определялось как остатки к концу года. Оборотная ведомость материальных ценностей, создаваемых и распределяемых в течение хозяйственного года, представляла собой основную часть народнохозяйственного баланса. Оборотная ведомость строилась в форме таблицы, строки которой обозначали отрасли производства, а столбцы — статьи прихода и расхода.

При оценке производственной деятельности материал классифицировался по 53 различным производствам. Из них 17 характеризовали земледелие и луговое хозяйство, 16 — животноводство, 2 — лесоводство и охоту, 3 — горнодобывающую промышленность, 11 — обрабатывающую промышленность, 1 — издательское дело и 1 — строительство⁵⁷. Такая схема не отражала фактически сложившегося разделения труда, а была построена по принципу выделения однородных и неповторяющихся производств. Фактически же многие предприятия производили продукцию, принадлежавшую к различным разделам классификационной схемы. Однако учет этого обстоятельства привел бы к двойному учету отдельных продуктов.

Кроме приведенной выше классификации, промышленная и сельскохозяйственная продукция подразделялась еще на четыре группы: а) продукты личного потребления; б) сырье и материалы; в) топливо; г) орудия производства⁵⁸. Однако целый ряд продуктов мог использоваться по разным направлениям. В этом случае статистики производили классификацию по основному назначению продуктов.

Оборот народнохозяйственной продукции учитывался по следующей схеме:

1. Поступление продуктов в народное хозяйство.

1. Запасы в производстве и у государственных заготовительных организаций на 1 октября 1923 г.
2. Валовая продукция.
3. Привоз.
4. Итого поступило в народное хозяйство по производственным ценам.
5. Итого поступило в народное хозяйство по потребительским ценам.

6. Разница оценок по производственным и потребительским ценам.

В том числе:

7. Создано транспортом (железнодорожным и водным).

8. Извлечено в порядке акцизов.

9. Извлечено в процессе товарооборота и других операций.

II. Распределение продуктов в народном хозяйстве.

A. Потребление в народном хозяйстве.

Производственное потребление.

10. Сельского хозяйства.

Промышленности:

11. Фабрично-заводской (цензовой).

12. Мелкой (неценовой) и кустарно-ремесленной.

13. Итого.

Строительства:

14. Городского.

15. Сельского.

16. Фабрично-заводского.

17. Итого.

18. Транспорта.

19. Торговли.

20. Итого производственное потребление.

Непроизводственное потребление.

Личное потребление и потребление в домоводстве:

21. Земледельческого населения.

22. Неземледельческого населения.

23. Итого.

Коллективное (потребление учреждений):

24. По государственному бюджету.

25. По местному бюджету.

26. Итого.

27. Итого непроизводственное потребление.

28. Всего потреблено в народном хозяйстве.

29. Вывоз.

30. Запасы в производстве и у государственных заготовительных организаций на 1 октября 1924 г.

31. Запасы в торговых предприятиях и в каналах обращения.

32. Всего распределено в народном хозяйстве⁵⁹.

Наибольшие трудности для статистики вызвало определение понятия валовой продукции. Дело в том, что в итоговых гнездах оборотной ведомости приходилось складывать хлопок и пряжу из него, а затем и ткань из пряжи или железную руду и выплавленный из нее металл, а затем и изделия из этого металла. Если бы оборотная ведомость давала моментальный снимок действительности, то такую операцию можно было бы оправдать. Однако баланс описывал годовой результат производства, когда один и тот же продукт успевал совершить несколько оборотов по различным отраслям производства прежде, чем он попадал к по-

требителю. В результате понятие валовой продукции соответствовало не физической массе продуктов, а оборотам материальных ценностей.

Стремление к полному охвату производственного процесса привело к еще одному несколько необычному расширению понятия валовой продукции. В условиях 20-х годов, когда сельское хозяйство сохраняло еще в значительной мере черты натурального строя, весьма существенная часть сырых материалов крестьянского происхождения только технически подвергалась промышленной переработке на мелких промышленных установках, а экономически оставалась собственностью крестьянина-производителя. Такого рода взаимоотношения между промышленностью и крестьянским хозяйством охватывали все нетоварное мукомолье, значительную часть маслобойного дела, портновский и сапожный промыслы. С точки зрения учета продукции мелкой промышленности возникал вопрос: причислять ли к ней стоимость оплаты труда по переработке сырья и само сырье заказчика или нет? Включение такого сырья в стоимость валовой продукции промышленности присоединяло к ней такие ценности, которые никогда владельцами мелких предприятий не оплачивались, и существенно завышало реальный вес мелкой промышленности. Исключение же сырья заказчиков из стоимости валовой продукции промышленности приводило к разъединению стоимости годового продукта в расходной части оборотной ведомости. Во избежание этих неудобств статистики решили вводить стоимость сырья заказчиков в состав валовой продукции тех отраслей производства, которые хотя бы отчасти работали на собственном сырье (мукомолье, маслобойная промышленность и т. д.)⁶⁰.

Описанный выше способ определения валовой продукции привел к изменению обычных представлений о соотношении промышленной и сельскохозяйственной продукции. Вся огромная масса зерна и масличных семян, не проходившая фактически через рынок и завозимая для переработки на мельницы и маслобойни самими крестьянами, была приписана к валовой продукции соответствующих отраслей производства и повторена, таким образом, как в разделе сельского хозяйства, так и в разделе промышленности. Это не изменило объема сельскохозяйственного производства, но значительно отразилось на размерах промышленной продукции, в особенности на пищевой ее отрасли. Вследствие этого в общей сумме валовой продукции увеличивалась доля промышленного производства и относительно сократился удельный вес сельского хозяйства. Еще более крупные изменения произошли в расходной части оборотной ведомости, где потребление продовольствия учитывалось только в переработанном виде и роль промышленных продуктов в крестьянском хозяйстве оказалась чрезвычайно высокой.

Отстаивая свои позиции, составители народнохозяйственного баланса попытались зачислить сельское хозяйство в разряд «добывающей промышленности», чья продукция являлась лишь

сырьем для промышленной переработки. Однако они оставили за сельским хозяйством ту часть его продукции, которая была переработана крестьянами «домашним» способом⁶¹. Фактически это была попытка провести новую границу между промышленностью и сельским хозяйством, причем разделительной полосой являлся рынок. Пока крестьянин перерабатывал свою продукцию, он занимался сельскохозяйственной деятельностью. Но стоило ему только начать помогать в переработке продукции соседям, как он вступал в рыночные отношения и его продукция уже рассматривалась как промышленная.

Следует отметить, что такое толкование сельскохозяйственной продукции не отразилось на потреблении горожан. Составители этой части раздела баланса отнесли к сельскохозяйственным продуктам не только непереработанную их часть, но и все те продукты, где стоимость обработки сравнительно мало прибавляла к стоимости сельскохозяйственного сырья (муку, крупу, растительное масло). Однако они причисляли к промышленным ряд импортных сельскохозяйственных товаров (чай, кофе, какао)⁶². Так что в этой части баланс не был сильно испорчен.

О том, в какой мере принятое составителями баланса представление о валовой продукции и сельскохозяйственной ее части отразилось на народнохозяйственных пропорциях, показывает табл. 6.

Таблица 6. Поступление продукции в народное хозяйство в 1923/24 г. по данным Госплана и народнохозяйственного баланса ЦСУ (в млн червонных руб.)

Отрасль народного хозяйства	Конъюнктурный Совет Госплана	Баланс народного хозяйства ЦСУ
Промышленность	7229	9717,5
Сельское хозяйство	12114	10738,1
Прочие отрасли	0	925,4
Итого	19343	21410,1

Составлено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. Ч. 1, С. 294; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Приложения.

При общем превышении данных ЦСУ над исчислениями Госплана о суммарном размере поступившей в народное хозяйство продукции, составившем 10,7%, промышленная продукция по ЦСУ превысила оценки Госплана на 34,4%, а сельскохозяйственная оказалась ниже на 12%. При этом доля промышленной продукции в составе всей продукции по данным баланса оказалась равной 45,4%, а по оценке Госплана — только 37,4%.

Все это и определило незначительный интерес, проявленный исследователями к материалам народнохозяйственного баланса 1923/24 г. как к источнику о взаимоотношениях между социалисти-

ческой промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в СССР в 20-е годы. Однако такое отношение несправедливо. Материалы народнохозяйственного баланса допускают возможность перерасчета оборотной ведомости в соответствии с любыми избранными исследователем принципами оценки промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Оборотная ведомость не была единственной статистической формой, полученной в результате составления баланса народного хозяйства. Большое значение для исследователей имеют данные баланса о составе оборотных фондов народного хозяйства в разных социально-экономических укладах, об условной ценности земельных владений и их распределении по формам пользования, о составе потребления по социально-экономическим группам потребителей, о производственных связях промышленности и сельского хозяйства, составленные в виде отдельных таблиц. Большое значение имеют также материалы предположительного баланса 1924/25 г., приведенные с данными баланса за 1923/24 г.

Таким образом, баланс вобрал в себя и обобщил такое количество фактического материала, что отказ от использования в той или иной форме его данных означал бы обеднение источникового фонда исследователей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБСЛЕДОВАНИЯ КОНЪЮНКТУРЫ

Термин «конъюнктура» происходит от латинского выражения «*coniunctio rerum omnium*» — связь всех вещей. Ф. Лассаль употреблял понятие конъюнктуры для обозначения единой, тесной и неразрывной связи всех экономических явлений¹. Такое представление было стержневым элементом всех проводившихся в 20-е годы обследований конъюнктуры. Позже оно сохранилось лишь за обследованиями изменений рыночных ситуаций, движения цен.

В нашей стране конъюнктурные обследования получили организационное оформление в 1920 г., когда при Тимирязевской сельскохозяйственной академии был образован Конъюнктурный институт, подчиненный впоследствии Наркомфину. В 1923 г. был создан Конъюнктурный Совет при Госплане. Исследования конъюнктуры приняли широкий размах в середине 20-х годов; когда Конъюнктурный институт с 1928 г. был передан из ведения Наркомфина ЦСУ, проявились тенденции к свертыванию исследовательской работы. В начале 30-х годов вся деятельность научных центров, изучавших экономическую конъюнктуру, свелась к систематизации и обработке ведомственных и районных материалов отчетности о ходе выполнения народнохозяйственного плана².

В основе всей деятельности представителей конъюнктурной школы лежали представления о том, что постоянная смена условий

является характерной чертой экономической жизни. Производство увеличивается и уменьшается, рынки расширяются и сжимаются, растут и падают цены. Однако изменение экономических условий никогда не бывает случайным. За кажущимся хаотическим движением скрываются глубокие закономерности. Раскрыть эти закономерности и на их основе предсказать будущее являлось основной задачей исследователей конъюнктуры.

Особое внимание они обращали на взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством. В сезонности сельскохозяйственного производства усматривался источник сезонных колебаний работы промышленности, изменением спроса сельского населения объясняли оживление или спад торговых оборотов. Предпринимались также попытки найти связь между многолетними экономическими циклами и колебаниями урожайности.

Такого рода исследования могли проводиться лишь на основе огромного эмпирического материала, причем к этому материалу представители конъюнктурной школы предъявляли особые требования. Статистические данные должны были описывать не состояние экономики, а процесс ее развития, и чем детальней воспроизводилось изменение показателей во времени, тем успешнее могло осуществляться исследование. В 20-е годы предприятия отчитывались перед государством по итогам деятельности за квартал или за год. Именно благодаря существованию конъюнктурной школы мы располагаем подекадными и помесечными данными о развитии промышленного производства, сельскохозяйственных заготовках, транспортных перевозках, оборотах оптовой и розничной, внутренней и внешней торговли, изменении занятости и остатке безработных, движении цен, денежном обращении, деятельности банков, состоянии государственных и местных финансов. В результате, от изучения временных срезов удалось перейти к анализу процессов.

Большое значение имеет для нас также разработанная в рамках исследований конъюнктуры методика изучения динамических рядов. Именно представители конъюнктурной школы впервые ввели в практику социально-экономического исследования математико-статистические методы анализа источников, разработали приемы разложения динамического ряда на тренд, сезонные колебания, нерегулярные колебания и случайную компоненту, которые ныне являются классическими в математической статистике.

В годы репрессий конъюнктурная школа была разгромлена, а целый ряд ее видных представителей (Н. Д. Кондратьев, М. В. Игнатъев, В. Г. Громан, С. А. Первушин) пали жертвой политических процессов. Лишь немногим исследователям, таким как А. Л. Вайнштейн, Н. С. Четвериков, А. Г. Рашин, удалось пережить эту эпоху.

Показатели состояния народного хозяйства СССР по данным Конъюнктурного института

С момента своего образования в 1920 г. Конъюнктурный институт приступил к сбору, систематизации и обработке статистических

данных, характеризующих ежемесячное развитие народного хозяйства страны. Для этого институт организовал собственную корреспондентскую сеть, вступил в контакты с заготовительными промышленными, торговыми, банковскими и профсоюзными учреждениями, требуя от них отчетности. Результаты этой работы обобщались институтом в форме таблицы показателей состояния народного хозяйства, публиковавшейся в ежемесячном журнале «Экономический бюллетень Конъюнктурного института».

Состав и принципы обработки и систематизации статистических данных неоднократно изменялись. Первоначально таблица включала в себя всего 19 показателей, характеризовавших натуральные размеры производства ряда промышленных продуктов, таких, как уголь, чугун, пряжа и ткани, уровень цен и количество денег в народном обращении, обороты центральных органов государственной торговли, занятость и безработицу, государственные доходы, размеры железнодорожных перевозок³. Собственно говоря, эти показатели характеризовали не все народное хозяйство, а лишь отдельные его стороны, но других достоверных ежемесячных данных в начале 20-х годов сотрудники Конъюнктурного института получить не могли.

На протяжении 1922—1924 гг. Конъюнктурный институт расширял круг исходных данных, включая все новые и новые показатели. Появились сведения о хлебных заготовках, оборотах биржевой торговли, банковских операциях, экспорте и импорте, уровне заработной платы и производительности труда на государственных промышленных предприятиях. Существенно пополнился список промышленных изделий, о производстве которых стали поступать ежемесячные сведения⁴.

В 1925 г. данных стало уже так много, что возникла необходимость отбора важнейших из них для систематизации отобранных показателей. После целого ряда попыток удалось отобрать 171 показатель, сгруппированный по следующим разделам: I. Государственные финансы; II. Индексы цен; III. Денежное обращение и кредит; IV. Торговля; V. Транспорт и связь; VI. Государственная промышленность; VII. Труд⁵.

Раздел «Государственные финансы» включал в себя 21 показатель, характеризовавший поступление прямых и косвенных налогов, неналоговых доходов и состояние государственного долга. Сведения о государственных расходах не приводились, так как ежемесячные данные по ним отсутствовали. Источником сведений по государственным финансам была отчетность Наркомфина, причем до февраля 1926 г. Конъюнктурный институт использовал данные оперативной отчетности, а позже — кассовой отчетности⁶.

Содержащиеся в этом разделе данные чрезвычайно важны для нас, так как в 20-е годы государственный бюджет был одним из главных орудий перераспределения народного дохода. Мы можем установить, какое место в государственных доходах составляли поступления от промышленности и сельского хозяйства, как изменялись из месяца в месяц размеры этих поступлений. Несмотря на то

что Конъюнктурный институт специально не ставил перед собой такой задачи, ему удалось представить доходную часть государственного бюджета как целостную развивающуюся систему (см. схему 2). Коэффициенты корреляции * позволяют оценить тесноту взаимосвязи между элементами этой системы. Обращает на себя внимание большая согласованность поступлений единого сельскохозяйственного налога с такими элементами государственного бюджета, как прямые налоги ($r = + 0,893$), налоги и пошлины ($r = + 0,759$), государственные доходы ($r = + 0,522$)⁷. Все это указывает на заметную роль сельского хозяйства в формировании государственных доходов.

Хотя сотрудникам Конъюнктурного института и не удалось включить в состав показателей народного хозяйства сведения о государственных расходах, методы математической статистики позволяют в определенной степени восполнить этот пробел. Поскольку государственные расходы производились из состава государственных доходов, между этими показателями существовала тесная взаимосвязь. Следовательно, если государственные расходы оказывали заметное воздействие на развитие каких-либо элементов народного хозяйства, то об этом можно судить по коэффициентам корреляции между этими элементами и государственными доходами. Очень тесная взаимосвязь существовала между государственными доходами и развитием горной ($r = + 0,528$), тяжелой ($r = + 0,501$), легкой ($r = + 0,555$) промышленности, а также номинальной зарплатой рабочих ($r = + 0,567$)⁸. Эту взаимосвязь нельзя объяснить поступлением доходов от промышленности, так как взаимосвязь между ними и соответствующими статьями государственного бюджета значительно слабее. Следовательно, методы математической статистики позволяют использовать материалы, собранные Конъюнктурным институтом, в качестве источника о процессах перераспределения доходов между сельским хозяйством и промышленностью.

Раздел «Индексы цен» включал в себя 12 показателей, причем многие из них дублировались (среднемесячные индексы и индексы на конец месяца). Фактически Конъюнктурный институт включил в показатели состояния народного хозяйства только данные об изменении общего уровня оптовых и розничных цен в частном секторе торговли, а также о соотношении между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары на городских рынках. Для изучения такой сложной и противоречивой экономической категории, какой являлись цены в 20-е годы, этих данных было недостаточно. Конъюнктурный институт, будучи одним из ведущих центров в области обследования цен и систематически публикуя результаты своей работы, видимо, стремился избежать повторения. Так или иначе, но индексы цен мы вынуждены выделить в качестве предмета специального исследования.

Чрезвычайно детальные сведения содержал раздел «Денежное

* Мера взаимной линейной зависимости двух случайных величин, характеризует тесноту и направление взаимосвязи.

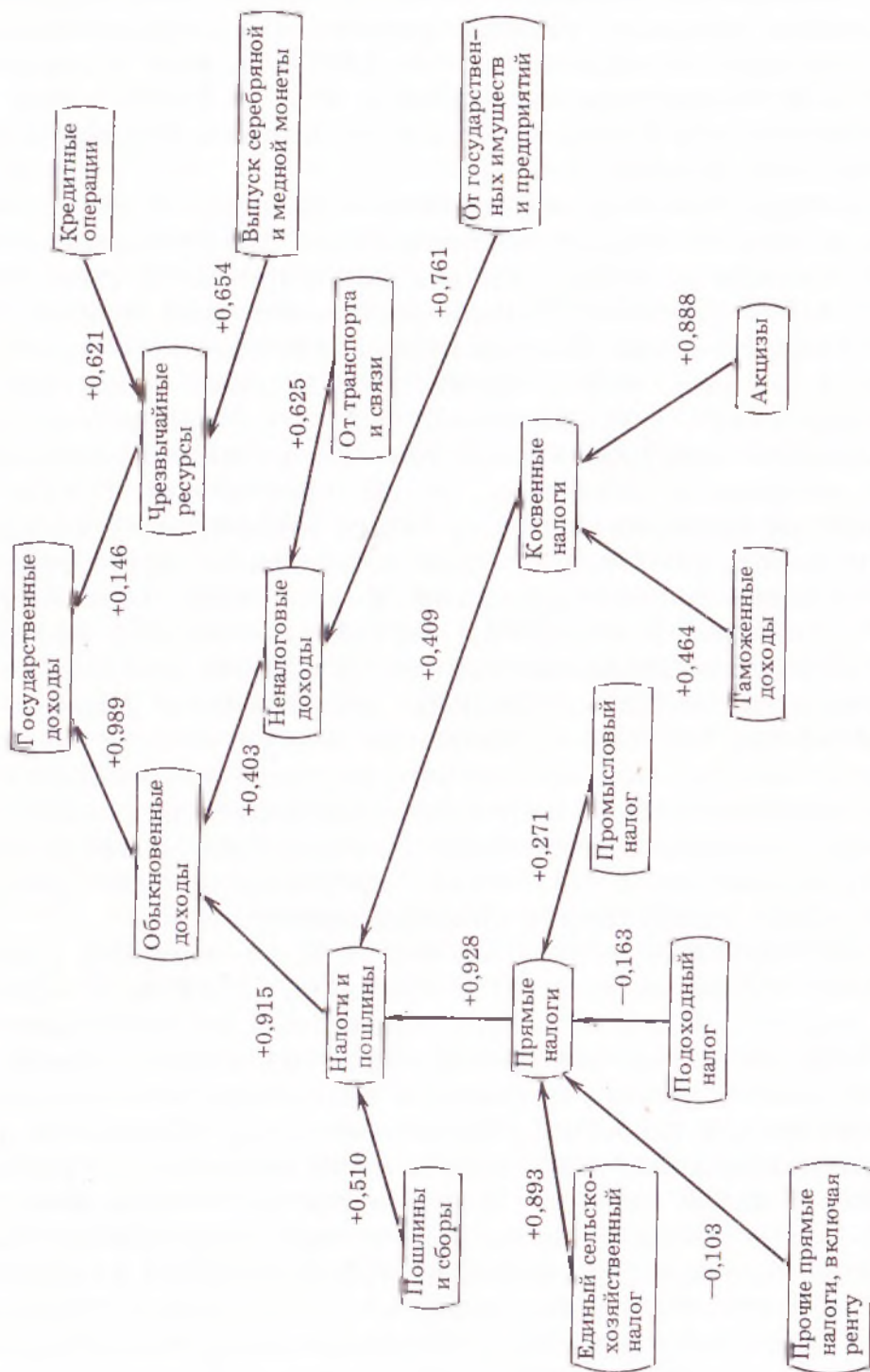

Схема 2. Система государственных доходов по данным Конъюнктурного института, октябрь 1922—сентябрь 1927 гг.

обращение и кредит», где были приведены 55 показателей, характеризовавших динамику денежной эмиссии, количества денег в народном обращении, покупательной силы рубля и его вольного курса по отношению к иностранной валюте, состояния ресурсов, развития кредитных операций Государственного банка и четырех московских акционерных банков, расширения сети сберегательных касс и охвата ими мелких сбережений населения. Основными источниками сведений о денежном обращении и валютно-финансовом рынке были отчеты Валютного управления Наркомфина и Фондового отдела Московской товарной биржи, о развитии банковских операций — балансовая статистика и отчетность банков, о мелких сбережениях населения — отчеты Управления сберкассами Наркомфина⁹.

Среднее месячное количество денег в народном обращении выводилось из подекадных данных, причем сведения на 11 и 21 числа брались с утроенным весом¹⁰. Это делалось с тем, чтобы избежать воздействия данных на начало и конец месяца, использовавшихся при выведенных средних за соседние месяцы. Однако в результате изменение денежной массы во времени представлялось более гладкой кривой, чем в действительности.

Серьезные сомнения вызывает способ определения покупательной силы рубля как величины, обратной общесоюзному индексу розничных цен Конъюнктурного института¹¹. Этот индекс исчислялся по ценам частного сектора торговли. Помимо того, что частный рынок не представлял всей торговли, цены на нем были выше, а главное, более подвержены случайным изменениям, чем в целом по всей торговле. В табл. 7 приведены данные о покупательной силе рубля по общесоюзному индексу цен, которые в частном секторе торговли на 11,9 % ниже, чем по индексу оптовых цен государственной торговли, и на 3,4 % ниже, чем по бюджетному индексу, в котором учитывались все сектора торговли, но на 5,3 % выше, чем по индексу рыночных и кооперативных цен в Москве. Дисперсия * же покупательной силы рубля по общесоюзному индексу розничных цен составляла 5,442 против 4,422 по оптовому индексу, 5,041 по бюджетному индексу и 4,436 по московскому индексу, т. е. была самой высокой. Нам представляется более правильным исчислять покупательную силу рубля по бюджетному индексу цен, который лучше других отражал удельный вес различных секторов торговли в реальных покупках населения.

Данные о динамике денежного обращения и кредита важны нам в трех отношениях. Во-первых, они позволяют судить о том, в какой мере удалось государству добиться соответствия товарной и денежной массы, устойчивости рубля. «Успешное решение этой задачи означает улучшение положения рабочего класса и трудовых слоев населения вообще и оздоровление всего хозяйства», —

* Показатель степени разброса вокруг средней.

Таблица 7. Покупательная сила рубля в 1923/24 г. (в коп.)

Дата	По данным			
	оптового индекса Госплана	розничного индекса Конъюнк- турного института	бюджетного индекса статистики труда	московского индекса рыночных и коопера- тивных цен
1923 г.				
Октябрь	67,2	60,5	59,9	53,2
Ноябрь	65,9	57,4	60,6	56,5
Декабрь	61,3	55,8	57,2	51,5
1924 г.				
Январь	57,5	52,1	53,3	45,0
Февраль	52,0	47,8	49,0	45,2
Март	53,8	47,6	47,1	45,2
Апрель	56,2	46,4	47,4	44,6
Май	58,4	47,1	48,1	44,6
Июнь	60,2	47,4	49,1	45,2
Июль	57,7	45,4	47,3	42,6
Август	56,8	44,1	47,9	42,4
Сентябрь	59,8	44,6	51,2	45,5
В среднем за 1923/24 г.	58,8	49,4	51,1	46,8

Источники: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 479; Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1924. № 1/2. Данные по московскому индексу цен исчислены.

указывала XIII конференция РКП(б)¹². Во-вторых, сведения об изменении размеров текущих счетов и вкладов в банках и сберегательных кассах дают возможность определить, насколько успешно шел процесс сосредоточения в руках государства всех денежных резервов народного хозяйства, являвшихся важным фактором социалистического накопления. В-третьих, данные о динамике учетно-ссудных операций позволяют изучить, как осуществлялось кредитование промышленности и сельского хозяйства.

Сведения о динамике денежного обращения имеют прямое отношение к проблеме осуществления экономической смычки между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Это показывают результаты корреляционного анализа (см. схему 3). Выпуск денег в обращение был тесно связан с развитием торговли. В связи с денежной эмиссией изменялось количество денег в обращении. Другим фактором роста денежной массы в обороте являлось кредитование. Источником учета и ссуд были вклады в текущие счета банков. Размеры вкладов находились в связи с хлебными заготовками. Это объяснялось широким участием банков в хлебных операциях. С ростом хлебных заготовок увеличивались вклады в сберегательных кассах, которые

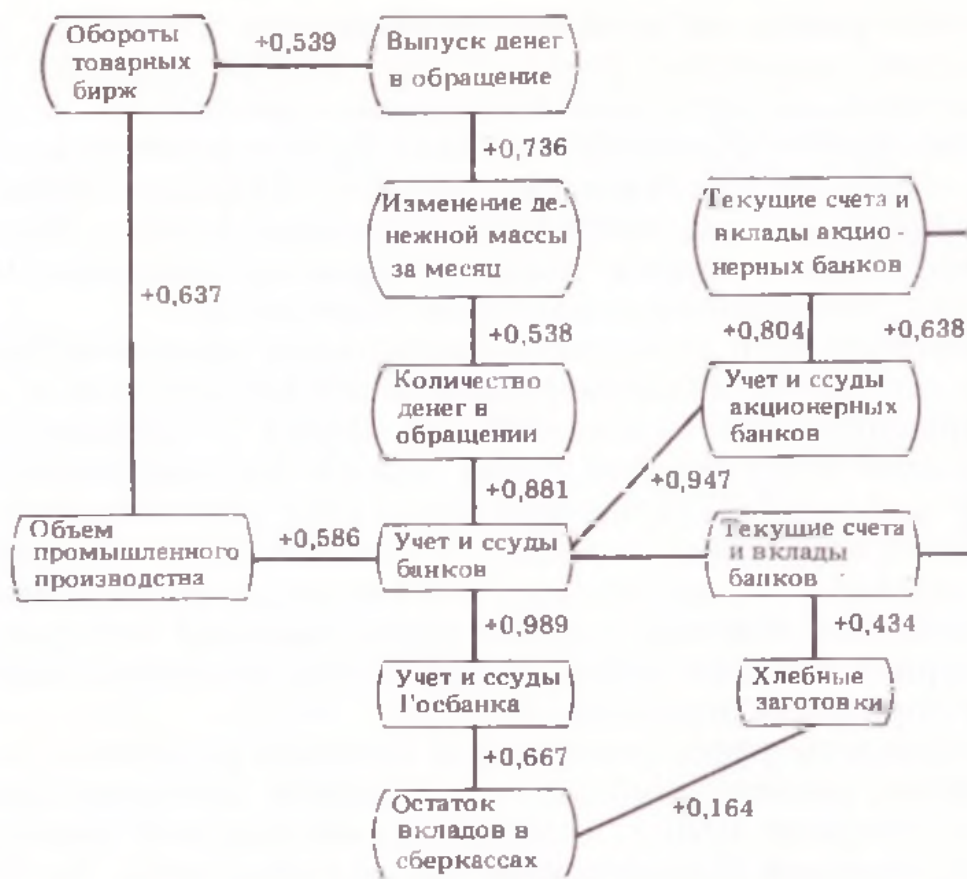

Схема 3. Денежное обращение и кредит в системе народного хозяйства страны, октябрь 1922—сентябрь 1927 гг.

заметно влияли на размеры учета и ссуд Государственного банка. С ростом кредитования увеличивался объем промышленного производства, что приводило к оживлению торговли. Таким образом, кредитно-денежная система являлась одним из посреднических звеньев, связывающих крестьянское хозяйство с промышленным производством.

Вместе с тем следует отметить, что в связи с неправильным ее расчетом покупательная сила рубля в составе показателей народного хозяйства оказалась вне системы денежного обращения и кредита. Максимальную взаимосвязь этот показатель обнаружил только с числом вкладчиков сберкасс ($r = -0,398$), что скорее говорит об отрицательном воздействии роста цен в частном секторе торговли на число вкладчиков, чем о действительной роли покупательной силы рубля.

Раздел «Торговля» включал в себя 30 показателей и состоял из четырех частей. В первой содержалась помесечная динамика важнейших сельскохозяйственных заготовок. Во второй — сведения об оборотах основных предприятий оптовой торговли (товарных бирж, трестов и синдикатов) с выделением оборотов по важнейшим группам промышленных и сельскохозяйственных товаров. В третьей — те немногие динамические данные, которые удалось получить о предприятиях розничной торговли. В четвер-

той — материалы по внешней торговле, где в составе экспорта специально выделялись сельскохозяйственные продукты.

Сведения о сельскохозяйственных заготовках сотрудники Конъюнктурного института получали непосредственно из Наркомторга, Льноцентра, Маслоцентра. По остальным показателям источниками данных были статистические отделы Московской товарной биржи, Совета съездов биржевой торговли, ВСНХ и Главного таможенного управления Наркомторга¹³.

«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких землевладельцев и крупной промышленностью», — писал В. И. Ленин¹⁴. Поэтому для нас содержание этого раздела очень важно. Он показывает, как из месяца в месяц на протяжении 20-х годов осуществлялась связь через торговлю между социалистической индустрией и крестьянским земледелием, как овладевало государство товарным оборотом, вытесняя частный торгово-посреднический аппарат, какую роль играла крупная оптовая торговля в экономической смычке между городом и деревней.

Не удовлетворяясь приведением данных о физических размерах важнейших сельскохозяйственных товаров, Конъюнктурный институт с февраля 1926 г. стал исчислять сводный показатель — индекс заготовок сельскохозяйственных продуктов. За 100 были приняты среднемесячные заготовки 1924/25 г., по отношению к этой базе вычислялись заготовки за каждый месяц, начиная с августа 1925 г., семи товаров: ржи, пшеницы, ячменя, овса, кукурузы, льна-волокна, коровьего масла. Из них выводилась взвешенная средняя геометрическая, причем весами служила стоимость заготовок каждого товара в 1924/25 г.¹⁵

Если бы в 20-е годы велся точный помесечный учет стоимости сельскохозяйственных заготовок, то необходимость исчисления такого индекса была бы проблематичной. Однако соответствующий обобщающий показатель можно было получить, только перемножая натуральные размеры заготовок и средние заготовительные цены, причем при этом возникали неизбежные неточности. Поэтому попытку статистиков определить динамику сельскохозяйственных заготовок индексным способом можно считать оправданной.

К сожалению, в сентябре 1926 г. сотрудники Конъюнктурного института изменили базу для расчета индексов, взяв в ее качестве среднюю заготовку за период с июля 1925 г. по июнь 1926 г., и веса товаров, определив их как среднемесячную стоимость заготовки конкретных сельскохозяйственных продуктов в 1925/26 г.¹⁶

К каким результатам это привело, показывает табл. 8. Следствием изменения базы было резкое уменьшение абсолютных значений индекса, а переход к новым весам изменил характер динамики. Дело в том, что заготовки 1925/26 г. по всем включенным в индекс продуктам были выше, чем заготовки 1924/25 г.,

Таблица 8. Сравнение индексов сельскохозяйственных заготовок, исчисленных с разными базами и весами

Дата	Средняя месячная заготовка с июля 1924 г. по июль 1925 г. принята за 100		Средняя месячная заготовка с июля 1925 г. по июль 1926 г. принята за 100	
	Индекс	% к индексу предыдущего месяца	Индекс	% к индексу предыдущего месяца
1925 г.				
Август	134,28	—	100,16	—
Сентябрь	195,66	145,7	139,67	139,4
Октябрь	177,26	90,6	110,31	79,0
Ноябрь	155,81	87,9	91,41	82,9
Декабрь	174,82	112,2	96,38	105,4
1926 г.				
Январь	156,35	89,4	92,32	95,8
Февраль	166,30	106,4	104,23	112,9
Март	164,78	99,1	98,74	94,7
Апрель	144,54	87,7	88,45	89,6
Май	92,47	64,0	60,44	68,3
Июнь	74,66	80,7	45,92	76,0
Июль	56,21	75,3	35,29	76,9

Составлено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 3. С. 11; № 4. С. 11; № 6. С. 14; № 7; С. 10; № 8. С. 14; № 9. С. 10.

но при этом уменьшился в их составе удельный вес ржи и увеличилась доля пшеницы.

Таким образом, статистикам не удалось разрешить проблему сопоставимости индексов заготовок сельскохозяйственных продуктов за разные годы, что препятствует их использованию в качестве показателей народнохозяйственной динамики.

Однако этот недостаток можно исправить путем пересчета индекса. В качестве базы можно избрать среднюю заготовку за весь период, по которому имеются надежные статистические данные, т. е. с июля 1923 г. по июль 1929 г. Весами может служить средняя стоимость заготовки конкретных продуктов за тот же период. Следует также ввести в индекс другие важные сельскохозяйственные продукты, по которым есть достоверные данные (например, картофель, масличные семена, сахарная свекла). Исчисленный таким образом индекс покажет, в каком отношении к средней за 20-е годы была ежемесячная заготовка в каждом конкретном году.

О том, насколько полны были сведения о торговле, отобранные сотрудниками Конъюнктурного института, позволяют судить коэффициенты корреляции (см. схему 4). Мы видим, как вслед за ростом объема сельскохозяйственных заготовок увеличивались обороты товарных бирж с мануфактурой и металлоизделиями, как с ростом биржевого оборота оживлялась внешняя торговля

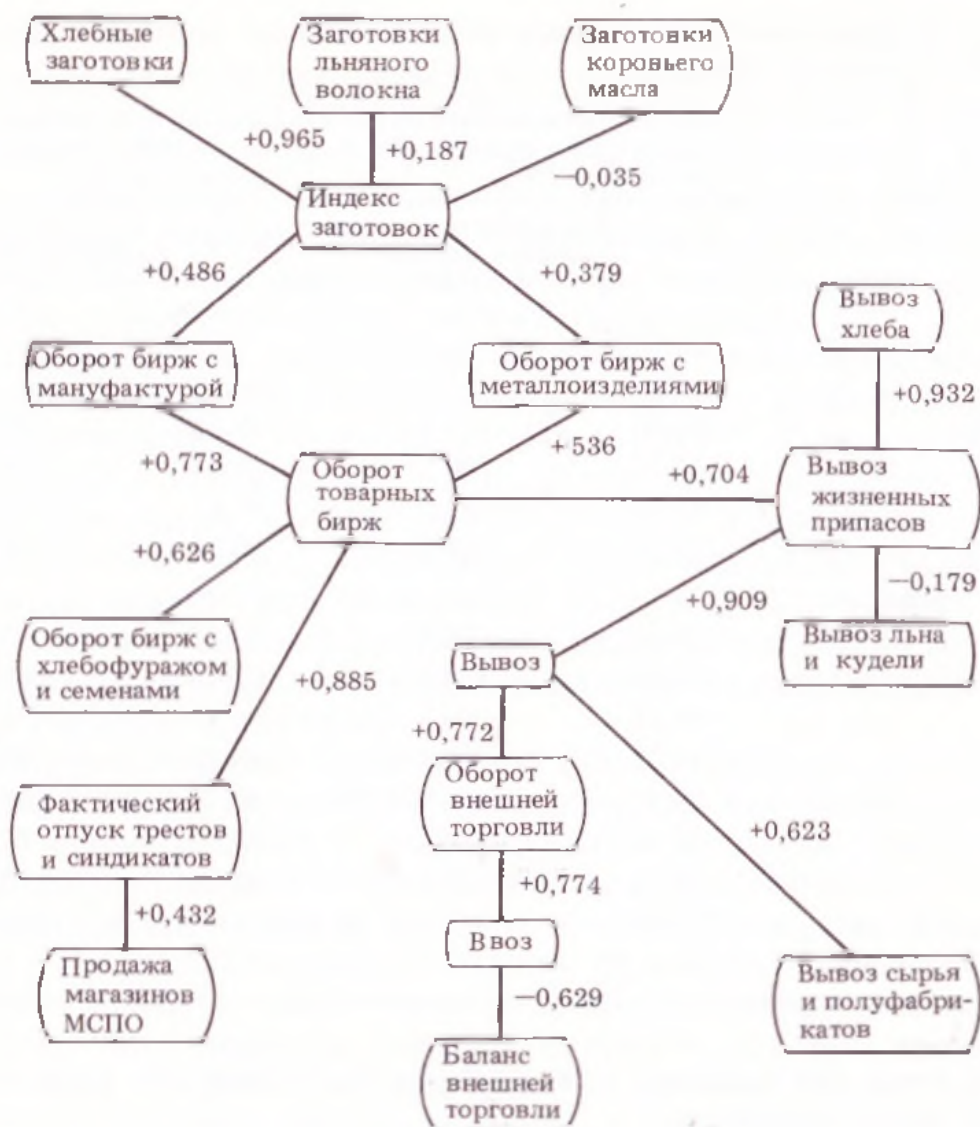

Схема 4. Сельскохозяйственные заготовки и торговля, октябрь 1922—сентябрь 1927 гг.

и увеличивался фактический отпуск трестов и синдикатов. Таким образом, общие контуры экономической смычки между городом и деревней через торговлю вырисовываются достаточно четко. Более того, выявляются весьма интересные специфические особенности торговой динамики. Заметно, например, какую большую роль играл вывоз хлеба в составе экспорта, тесно связанный не только с вывозом жизненных припасов, как это показано на схеме, но и с общими размерами вывоза ($r = +0,861$). Напротив, вывоз льна и кудели, являвшихся важнейшим сырьем для государственной промышленности, был отрицательно связан с вывозом. Он увеличивался лишь по необходимости, когда иссякали возможности хлебного экспорта. Видно также, как сильно сдерживался ввоз балансом внешней торговли.

Тем не менее ряд важных моментов экономической смычки остались в тени. В составе приведенных на схеме показателей три связаны с хлебной торговлей: хлебные заготовки, оборот

бирж с хлебофуражом и семенами и вывоз хлеба. И все они оказались слабо связанными друг с другом. Очевидно, что торговая система в 20-е годы была гораздо сложнее и разветвленней, чем это отражают данные Конъюнктурного института. Заметнее всего ощущается отсутствие данных о кооперативной и частной торговле, обслуживавшей товарные нужды деревни. Недостаточно показан механизм перехода сельскохозяйственных продуктов к городскому потребителю. Ясно, что в этих частях данные Конъюнктурного института должны быть восполнены.

Раздел «Транспорт и связь» состоял из 10 показателей. Из них для нас важны 7 показателей, связанных с работой железнодорожного транспорта. Конъюнктурный институт учитывал общие размеры железнодорожных перевозок, в которых он выделял специально хлебные грузы и стремился определить долю участия в этих перевозках частных отправителей. Все данные были взяты из отчетности НКПС¹⁷.

Коэффициенты корреляции свидетельствуют о том, что железнодорожные перевозки были тесно связаны с работой промышленности ($r=+0,627$), размерами биржевой торговли ($r=+0,556$), а также экспортом ($r=+0,526$). Хлебные перевозки находились в связи с хлебными заготовками ($r=+0,625$) и вывозом хлеба ($r=+0,395$). Величины двух последних коэффициентов показывают, что в деле хлебных перевозок большую роль должны были играть другие виды транспорта: речной, морской, гужевой. Однако помесячных данных о работе этих видов транспорта Конъюнктурный институт получить не смог. Об этом приходится сожалеть, так как весенняя и осенняя распутица, а также сезонность речного транспорта заметно отражались на торговом обороте между городом и деревней.

Вообще при лучшем состоянии транспортная статистика могла бы существенно обогатить наши представления о товарных отношениях между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. Однако материал, собранный сотрудниками Конъюнктурного института, позволяет лишь уточнить вопрос о доставке хлеба в города.

В разделе «Государственная промышленность», состоявшем из 32 показателей, приводились сведения о динамике численности рабочих, использованного рабочего времени, производительности труда и валовой стоимости выработанных изделий. Были включены также данные о натуральных размерах производства важнейших видов продукции тяжелой и легкой индустрии. Все сведения были представлены отделом статистики ВСНХ¹⁸.

Наиболее важными в разделе были индексы физического объема промышленного производства, исчислявшиеся Конъюнктурным институтом. Методика исчисления индексов была разработана Я. П. Герчуком. Заметный вклад в эту работу внес также Н. С. Четвериков¹⁹. Основная задача построения такого индекса состояла в том, чтобы в одном ряде относительных чисел дать сводную, обобщенную характеристику изменений объема промыш-

ленного производства, не используя его денежную оценку, зависящую от состояния рыночной конъюнктуры. Трудность проблемы заключалась в установлении общего метода агрегирования относительных изменений объема продукции разнородных отраслей промышленного производства, приведения их к единому ряду — ряду, характеризующему динамику объема всей разнородной массы производимых изделий.

Индекс вычислялся по методу взвешенной средней геометрической из относительных изменений объема продукции отдельных отраслей производства. Устанавливая систему весов, создатели индекса пришли к выводу о непригодности для этих целей ценностных показателей валовой или чистой продукции. В основу взвешивания были положены данные о распределении между отдельными отраслями производства числа рабочих и мощности механических двигателей. По каждому из этих показателей для отдельных отраслей дан процент к общему итогу и за основу весов бралась средняя из этих процентов.

Ряды относительных чисел, по которым был исчислен индекс, состояли из данных о размерах натуральной продукции важнейших отраслей государственной промышленности по месяцам, начиная с января 1921 г. Всего в индекс вошли 55 показателей динамики производства отдельных продуктов, для чего использовались опубликованные и неопубликованные данные отдела статистики ВСНХ.

За базу индекса была взята среднемесячная промышленная продукция за период с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. По отношению к этой базе были вычислены все относительные величины. К этому же периоду относились и данные, положенные в основу системы весов. Для их расчета были использованы материалы отдела текущей промышленной статистики ЦСУ.

Индексы исчислялись по следующим отраслям производства (в скобках указаны веса индексов).

А. Общий индекс физического объема промышленного производства (100).

I. Горная (добывающая) промышленность (26,8).

II. Обрабатывающая промышленность (73,2).

1. Тяжелая промышленность (32,9).

а) металлургические товары (27,5);

б) цементное производство (0,9);

в) основная химическая промышленность (0,9).

2. Легкая промышленность (40,3):

а) текстильная промышленность (27,6):

хлопчатобумажная промышленность (18,0),

шерстяная промышленность (3,9),

льняная промышленность (5,0);

б) кожевенное производство (2,5);

в) бумажное производство (3,5);

г) табачная промышленность (1,0).

Б. Индекс производительности труда по всем отраслям промышленности.

Дополнительно к индексу физического объема промышленного производства был исчислен индекс производительности труда, полученный путем деления общего промышленного индекса на ряд относительных чисел, характеризующих динамику проработанного времени (в человеко-днях). Наряду с индексами за 20-е годы был составлен также и индекс физического объема производства в дореволюционной России за период с 1885 по 1913 г. с базой на 1900 г.²⁰

В табл. 9 приведены результаты сравнения темпов динамики промышленной продукции по индексу Конъюнктурного института и по учету ЦОС ВСНХ в довоенных ценах. В целом темпы роста промышленного производства и тем и другим источником отражены сходным образом. Однако данные Конъюнктурного института обнаруживают большую дисперсию (10, 668) по сравнению с учетом ВСНХ (9,401). Это было связано с различиями в методах подсчета. При простом суммировании довоенной стоимости продукции процентное увеличение показателя от срока к сроку зависит не только от разности размеров продукции, но и от абсолютной величины показателей, по которым эта разность вычисляется. Скажем, если в двух соседних месяцах разность между размерами производства составляет 50 единиц и его абсолютные размеры равны 100 и 150, то увеличение составит 50 %, а если размеры равны 200 и 250, то только 25 %. При расчете же средней геометрической абсолютная величина показателей не влияет на значение индекса.

Таблица 9. Темпы роста промышленной продукции по индексу Конъюнктурного института и данным ЦОС ВСНХ (в % к предыдущему месяцу)

Месяц	1922/23 г.		1923/24 г.		1924/25 г.	
	Индексы Конъюнктурного института	Учет ЦОС ВСНХ	Индексы Конъюнктурного института	Учет ЦОС ВСНХ	Индексы Конъюнктурного института	Учет ЦОС ВСНХ
Октябрь	129,3	—	109,6	106,2	112,8	114,0
Ноябрь	106,3	103,0	95,5	95,4	91,9	95,7
Декабрь	115,8	113,7	94,3	101,5	105,9	109,8
Январь	81,2	86,8	101,9	105,6	102,6	104,0
Февраль	116,5	110,4	110,8	107,0	103,8	102,6
Март	118,2	113,7	99,5	98,4	104,0	105,4
Апрель	79,1	80,3	101,3	98,2	96,3	99,8
Май	113,7	111,3	103,8	103,3	101,0	100,4
Июнь	104,4	105,0	103,5	97,6	109,0	103,5
Июль	79,3	80,1	97,0	98,6	90,7	90,6
Август	110,6	112,7	107,8	107,2	110,5	109,9
Сентябрь	116,5	115,9	119,3	118,9	118,4	116,9

Источник: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 14.

В ряде случаев, например, в декабре 1923 г. или апреле 1924 г. индексы Конъюнктурного института и учет ЦОС ВСНХ дали различное направление динамики развития промышленности. Это объясняется влиянием весов индекса. ЦОС ВСНХ просто складывал размеры продукции по разным отраслям, а Конъюнктурный институт производил их взвешивание по числу рабочих и количеству двигателей. Ясно, что эти веса могли не соответствовать размерам производства отрасли, что приводило к искажениям.

Вообще система весов была слабым местом индекса физического объема промышленного производства. Со временем численность рабочих и размеры производственного оборудования в разных отраслях изменялись неодинаковым образом. Так произошло, например, с тяжелой и легкой промышленностью, изменившими свой удельный вес в составе промышленности за 20-е годы. Строившийся по неизменным весам индекс не отражал этих изменений и тем самым искажал реальные производственные пропорции. Однако индекс был единственным источником, по которому можно судить о динамике тяжелой и легкой промышленности с 1921 г. Соответствующие исчисления других учреждений содержат более поздний материал и не всегда раскрывают помесечную динамику. Поэтому без использования данных индекса физического объема промышленного производства исследователь не может обойтись, но он должен четко сознавать его недостатки.

Несколько слов следует также сказать и об индексах производительности труда в промышленности. По идее они должны были отражать степень эффективности промышленного производства, поскольку последняя характеризуется наибольшими материальными результатами при наименьших затратах труда. Однако индексы производительности труда не вполне отвечали этой задаче, так как не учитывали изменения интенсивности труда. Статистики обратили внимание на этот недостаток, но преодолеть его им не удалось²¹.

Коэффициенты корреляции позволяют определить, насколько полно были представлены Конъюнктурным институтом данные о государственной промышленности, как отражалась ими взаимосвязь между промышленным производством и другими частями народного хозяйства (см. схему 5.). Заметно, что между отдельными отраслями промышленности существовали вполне определенные взаимосвязи. От размеров продукции добывающей промышленности зависел объем производства средств производства, а тяжелая промышленность оказывала воздействие на размеры продукции легкой промышленности. Число рабочих заметнее всего влияло на объем производства горной промышленности, испытывавшей некоторую нехватку рабочих рук. Менее заметно оно влияло на размеры производства тяжелой и легкой промышленности, сосредоточенных в городах, где еще существовала безработица. Воздействие роста производительности труда сильнее всего проявлялось в тяжелой промышленности. Но в общем производитель-

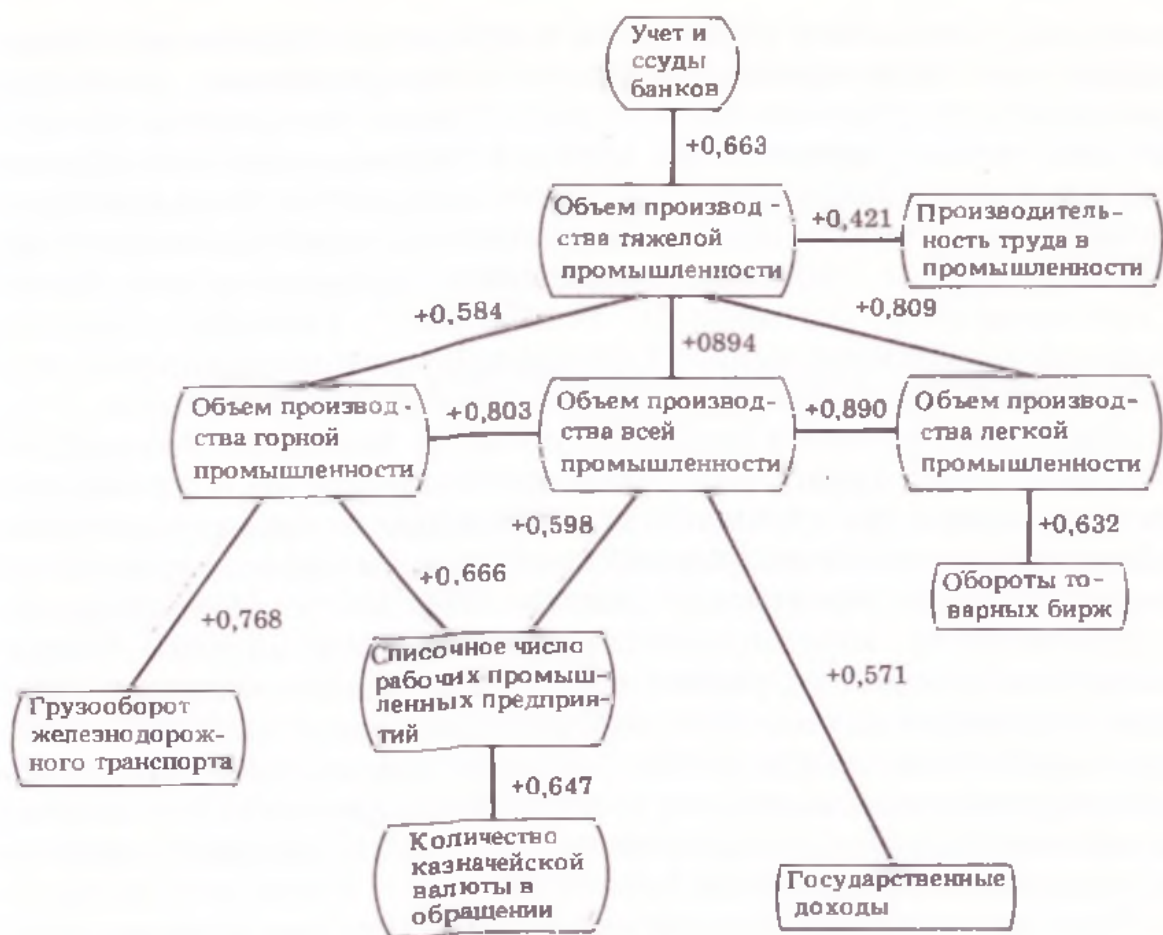

Схема 5. Государственная промышленность в системе народного хозяйства страны, октябрь 1922—сентябрь 1927 гг.

ность труда не слишком тесно была связана с промышленной продукцией. Это объясняется тем, что в середине 20-х годов индустрия работала в основном на старом оборудовании и степень его изношенности была более сильным фактором, воздействовавшим на производство, чем производительность труда. К сожалению, данные об основных фондах в показателях Конъюнктурного института отсутствуют. Дело в том, что сведения об их ежемесячной динамике неоткуда было получить, так как балансовые отчеты промышленности составлялись лишь на 1 октября каждого года.

Что касается взаимоотношений промышленности с другими отраслями народного хозяйства, то видно, что объем производства горной промышленности, требовавшей перемещения к центрам производства огромной массы сырья и топлива, сильно влиял на размеры грузооборота железнодорожного транспорта; от роста производства легкой промышленности зависели обороты товарных бирж; развитие тяжелой промышленности было связано с кредитованием, всей промышленности — с государственными доходами; количество рабочих воздействовало на размеры находившейся в обращении казначейской валюты.

Таким образом, показатели Конъюнктурного института позволяют проследить связи государственной промышленности с состоянием транспорта, внутренней торговли, государственных

финансов, денежного обращения и кредита. Однако непосредственные контакты промышленности с крестьянским хозяйством проследить не удастся. Это связано с включением в число показателей только сведений по крупной промышленности. Данных о динамике средней и мелкой промышленности Конъюнктурный институт получить не смог. На важность развития мелкой промышленности в деле осуществления экономической смычки с крестьянством указывал В. И. Ленин²². Поэтому отсутствие сведений о динамике мелкого промышленного производства является весьма заметным недостатком статистики 20-х годов.

Последний раздел «Труд» содержал 11 показателей о реальной и номинальной заработной плате рабочих крупной промышленности в целом по стране и для Москвы, а также о динамике безработных и числе получивших работу за месячный срок. Источником сведений послужили данные ВЦСПС и Наркомтруда²³.

Сведения о заработной плате позволяют изучить вопросы роста благосостояния рабочего класса и развития спроса городского населения на сельскохозяйственные продукты. Надо сказать, что заработная плата рабочих была довольно тесно связана с размерами промышленного производства ($r = +0,518$). Поэтому ее целесообразнее рассматривать в составе данных о развитии государственной промышленности.

Что же касается безработицы, то заметное влияние на ее развитие оказывала миграция сельского населения. «Основным источником, откуда пополняются кадры безработных, является деревня, выбрасывающая в город излишнюю рабочую силу», — указывала XV конференция ВКП(б)²⁴. Поэтому изучение динамики безработных важно для анализа взаимоотношений между городом и деревней в сфере обмена населением. По данным Конъюнктурного института можно установить обратную и очень тесную взаимосвязь между числом безработных и продукцией легкой промышленности ($r = -0,742$). С другими же отраслями промышленности количество безработных было связано слабо. Таким образом, рассматриваемые нами данные позволяют проследить, в какие отрасли народного хозяйства направлялся поток сельской миграции.

Итак, показатели состояния народного хозяйства СССР, составленные сотрудниками Конъюнктурного института, являются чрезвычайно ценным источником о взаимоотношениях между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в СССР в 20-е годы. Важным их преимуществом является то, что они позволяют не только установить, как отражался механизм смычки на всех элементах народного хозяйства, но и изучить процесс осуществления экономической смычки в динамике на всем протяжении 20-х годов. Особенно подробны данные Конъюнктурного института за период с октября 1922 г. по конец 1927 г. Это объяснялось тем, что в связи с эмиссией червонца с конца 1922 г. и денежной реформой 1924 г. удалось добиться устойчивой стоимостной оценки результатов хозяйст-

венной деятельности, наладить систему учета всех элементов народного хозяйства, обеспечить сопоставимость показателей. С 1928 г. число показателей, по которым велась регистрация, было значительно сокращено, хотя наблюдения за экономической конъюнктурой и продолжали осуществляться²⁵. Поэтому изучение динамики народного хозяйства в конце 20-х годов уже не может вестись с такой же детальностью.

Показатели конъюнктуры Госплана СССР

Изучение текущей экономической и рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывавшиеся хозяйственные отношения в 20-е годы рассматривались как одно из основных направлений деятельности Госплана. В связи с этим в его составе были организованы Конъюнктурный Совет, Бюро Конъюнктурного Совета (Конъюнктурное бюро), а также отдел торговой конъюнктуры и цен. Деятельность отдела торговой конъюнктуры сосредоточилась в области изучения ценообразования и динамики цен. Конъюнктурный Совет разрабатывал основные мероприятия по урегулированию экономической конъюнктуры, а Бюро Конъюнктурного Совета осуществляло изучение изменений хозяйственной обстановки. Это вызвало потребность у Конъюнктурного бюро организовать систематическую и постоянную работу по проведению обследований в области динамики экономической жизни.

Первую попытку составить свод статистических данных по динамике народного хозяйства Конъюнктурное бюро Госплана предприняло в 1923 г. В 1924 г. работа, которой руководил М. Е. Подтягин, была продолжена²⁶. В то время методические основы составления сводных данных еще только разрабатывались, принципы систематизации не установились, связи со статистическими учреждениями не были налажены. Однако уже проявились некоторые характерные признаки работы Конъюнктурного бюро, отличавшие ее от деятельности Конъюнктурного института.

Если Конъюнктурный институт ориентировался только на месячные и подекадные данные, то Конъюнктурное бюро, ставя своей задачей изучение развития народного хозяйства из месяца в месяц и в то же время сознавая неполноту и меньшую степень надежности кратковременных наблюдений, включало их в рамки годовых и поквартальных данных, дополняя динамику статикой.

Конъюнктурный институт редко оперировал над цифрами, стремясь по возможности публиковать их в том виде, в каком они были получены. Госплан же смело вторгался в исходные данные, корректируя их, разбивая на более дробные отрезки времени, распространяя на широкие совокупности.

В 1925 г. в расположении материала, собранного Конъюнктурным бюро, уже можно обнаружить определенную систему. Вначале приводились данные о промышленном производстве, числе рабочих, размере заработной платы, затем о транспортных перевозках

и торговле, далее о ценах, денежном обращении, государственном бюджете и банковских операциях²⁷.

Только в 1926 г. сложилась форма систематизации статистических данных, просуществовавшая почти без изменений до конца 20-х годов. При этом количество показателей, учитываемых Конъюнктурным бюро, было значительно меньше (всего около 30), чем число показателей, регистрируемых Конъюнктурным институтом²⁸.

Важным новшеством, введенным в статистическую практику именно Конъюнктурным бюро, была оценка всех показателей в трех единицах измерения: в довоенных ценах, в товарных рублях и в червонцах. Первое измерение имело целью определить физические объемы экономических показателей. Товарные рубли исходили также из довоенных цен, но при этом принималось во внимание изменение соотношения между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Измерение в товарных рублях давало возможность, устраняя воздействие покупательной силы денег, учесть важнейшие сдвиги в ценностных соотношениях. Третье измерение включало в оценку покупательную силу денег²⁹.

Динамика учитывалась в двух формах: 1) годовые, полугодовые и квартальные итоги; 2) ежемесячные данные. Состав показателей в этих формах несколько различался.

В первой форме приводились следующие данные.

Производство.

Сельское хозяйство.

Промышленность.

Итого.

Товарная масса.

Сельское хозяйство.

Промышленность.

Итого.

Биржевой оборот.

Сельскохозяйственные товары.

Промышленные товары.

Итого.

Индексы.

Оптовый индекс Госплана.

а) сельскохозяйственный;

б) промышленный;

в) общий;

г) отношение промышленного индекса к сельскохозяйственному.

Розничный индекс Конъюнктурного института.

а) сельскохозяйственный;

б) промышленный;

в) общий;

г) отношение промышленного индекса к сельскохозяйственному.

Денежная масса.

Всего без платежных обязательств.

Вклады и текущие счета.

Вклады по пяти банкам.

Учетно-ссудные операции.

Всего по пяти банкам без особых ссуд промышленности и хлебных операций.

Государственный бюджет.

Доходы.

Среднесуточная погрузка (в тыс. вагонов).

Всего.

То же без дров.

Крупная промышленность.

Вся продукция в млн руб.

Число рабочих в тыс. человек.

Продукция на одного рабочего в руб.

Месячная зарплата одного рабочего в руб.

Соотношение зарплаты и продукции в %.

Обороты госторгорганов в млн руб.

Внешняя торговля

(По европейской границе в млн руб.).

Вывоз.

Ввоз.

Баланс ³⁰.

Мы видим, что по наиболее важным разделам данные приводятся с выделением промышленности и сельского хозяйства, так как взаимоотношения между ними неизменно оказывались в центре внимания исследователей конъюнктуры.

Многих, конечно, интересуют первые два раздела показателей конъюнктуры, в которых приведены данные о размерах промышленного и сельскохозяйственного производства, а также о величине товарной массы индустрии и сельского хозяйства. Однако ценность этого раздела снижается оттого, что в нем содержатся исчисленные данные.

Первую попытку исчисления размеров промышленного и сельскохозяйственного производства предпринял М. Е. Подтягин. Он воспользовался результатами проведенного Н. П. Огановским подсчета размеров сельскохозяйственной продукции в 1923 г., внеся в них поправку на недоучет Закавказья, Туркестана, Дальнего Востока. Затем М. Е. Подтягин воспользовался данными ЦСУ о размерах валовой продукции цензовой промышленности в 1921 и 1922 гг. и, взяв 1/4 часть продукции 1921 г. и 3/4 продукции 1922 г., определил размеры производства цензовой промышленности в 1921/22 г. Расчет был бы точным только в том случае, если бы в последних кварталах 1921 г. и в 1922 г. действительно была произведена ровно четвертая часть годовой продукции. После этого он сбросил 20 % полученной величины, чтобы исключить стоимость полуфабрикатов, переработанных на тех же пред-

приятнях. Наконец, М. Е. Подтягин, ориентируясь на данные учета ЦУУС ВСНХ, охватывавшие лишь наиболее крупные промышленные предприятия, распространил данные о процентном увеличении продукции на этих предприятиях на всю цензовую промышленность. Ясно, что полученная оценка размеров промышленной продукции не могла быть точной. Суммируя эти оценки размеров сельскохозяйственной и промышленной продукции, М. Е. Подтягин определил размеры всего производства³¹. Последующие исчисления отличались от исчислений М. Е. Подтяги́на включением данных по мелкой и кустарной промышленности, о которой вообще не существовало сколько-либо точных сведений.

Таковыми же приближенными были и оценки товарной массы. По промышленности использовались данные ЦОС ВСНХ о соотношении между фактическим отпуском и размерами продукции крупной индустрии, распространявшиеся на все производство. По сельскому хозяйству товарность была оценена в размере 30 % от производства³². Еще менее точными были оценки размеров продукции и товарной ее части по полугодиям и кварталам года. Разделение промышленной продукции по полугодиям осуществлялось следующим образом. Продукция предприятий ВСНХ разделялась по данным учета ЦОС, а вся остальная продукция просто делилась на две равные части. Для сельскохозяйственной продукции данные за первое полугодие исчислялись как половина продукции текущего сельскохозяйственного года, а за второе полугодие — четверть продукции текущего и четверть следующего года³³. Изменение товарной массы промышленной продукции определялось по предприятиям ВСНХ, а для сельского хозяйства товарность оставлялась всюду равной 30 % от производства³⁴.

Оценки по сельскому хозяйству при таком разнесении данных по полугодиям и кварталам оказывались наиболее неточными, так как не учитывалась сезонность производства.

В 1927 г. размеры валовой продукции народного хозяйства СССР и ее товарной части попытался определить А. Никитский. В табл. 10 полученные им данные сравниваются с исчислениями Госплана. По валовой продукции расхождения достигают 13,9 %,

Таблица 10. Валовая продукция народного хозяйства СССР и ее товарная часть по данным ЦСУ и Госплана (в млн товарных руб.)

Хозяйственный год	Валовая продукция		Товарная ее часть	
	ЦСУ	Госплан	ЦСУ	Госплан
1922/23 г.	11123	9765	5345	4430
1923/24 г.	11681	11280	6284	5550
1924/25 г.	14592	14712	7874	7692

Источники: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. XVI; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор Бюро Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1926. С. 218—219. Приложения; *Никитский А.* Валовая продукция, товарная часть ее, народный доход и бюджеты СССР // Экон. обозрение. 1927. № 1. С. 39.

а по товарной ее части — 20,7 %. Это не означает, что одна из двух оценок лучше и ей стоит отдать предпочтение, а лишь показывает, каких размеров могут достигать погрешности исчислений. Все это заставляет осторожно относиться к содержащимся в показателях конъюнктуры Госплана оценкам валовой и товарной продукции.

Сведения о биржевом обороте взяты Госпланом из того же источника, откуда черпал свои сведения Конъюнктурный институт — статистического отдела Московской товарной биржи и Совета съездов биржевой торговли³⁵, и поэтому в итоговых цифрах совпадают. Однако Госплан попытался разделить весь биржевой оборот на промышленные и сельскохозяйственные товары, что дополняет сведения Конъюнктурного института об обороте с конкретными товарами.

Раздел об индексах цен в составе показателей Конъюнктурного бюро отличался наличием данных о бюджетном индексе с разделением его на индексы промышленных и сельскохозяйственных товаров. В следующей главе, специально посвященной индексам цен, мы увидим, что такое подразделение не проводилось самими составителями индекса. Поэтому в этой части полученные Госпланом материалы представляют большой интерес.

В остальном приведенные Конъюнктурным бюро данные не отличались существенно от данных Конъюнктурного института. Форма для учета помесечных изменений имела следующий вид.

Валовая продукция крупной государственной промышленности.

Месячная зарплата одного рабочего.

Биржевой оборот.

- а) общий;
- б) сельскохозяйственных товаров;
- в) промышленных товаров.

Оборот госорганов ВСНХ.

Внешняя торговля по европейской границе.

- а) вывоз;
- б) ввоз;
- в) баланс.

Оптовый индекс цен.

- а) общий;
- б) сельскохозяйственный;
- в) промышленный;
- г) раствор «ножниц».

Розничный индекс цен.

- а) общий;
- б) сельскохозяйственный;
- в) промышленный;
- г) раствор «ножниц».

Бюджетный индекс цен.

- а) общий;
- б) сельскохозяйственный;

Таблица 11. Показатели Конъюнктурного бюро Госплана и Конъюнктурного института в 1925 г. (в млн червонных руб.)

Источник сведений	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Валовая продукция крупной промышленности									
Госплан	380	386	406	405	405	416	379	419	500
Конъюнктурный институт	382,2	388,2	406,9	400,6	405,0	417,3	379,3	418,3	499,3
Оборот госторгоров									
Госплан	145	153	190	187	171	182	210	218	317
Конъюнктурный институт	255,1	260,6	314,0	316,3	310,2	327,6	368,6	378,0	459,6
Денежная масса									
Госплан	727	720	748	773	786	819	881	965	1079
Конъюнктурный институт	729,7	757,3	757,3	793,1	786,1	828,5	881,6	969,9	1090,9
Вклады и текущие счета банков									
Госплан	726	765	805	826	847	860	875	929	1022
Конъюнктурный институт	742,0	789,9	808,9	822,5	863,0	860,3	925,5	1073,2	1271,5
Учет и ссуды банков									
Госплан	1035	1105	1181	1235	1314	1418	1516	1630	1764
Конъюнктурный институт	1041,7	1150,1	1195,6	1257,1	1347,1	1455,8	1557,2	1668,9	1848,4
Государственные доходы									
Госплан	219	210	193	197	200	197	229	229	287
Конъюнктурный институт	228,7	213,0	213,7	209,4	208,9	211,4	229,8	232,3	311,5

Источники: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Приложение; Эконом. бюл. Конъюнктур. ин-та, 1926, № 2. С. 4-7.

- в) промышленный;
- г) раствор «ножниц».

Оптовые цены по производящей полосе СССР.

- а) рожь;
- б) пшеница;
- в) говядина.

Денежная масса без платежных обязательств.

Вклады и текущие счета по пяти банкам.

Учетно-ссудные операции по пяти банкам.

Государственный бюджет (доходы) ³⁶.

Все исчисления общих размеров продукции народного хозяйства в помесячных данных отсутствуют. Зато в их состав введены сведения об оптовых ценах на важнейшие сельскохозяйственные продукты. Эти данные приведены по материалам собственной регистрации оптовых цен, организованной Госпланом в целях исчисления оптового индекса цен. Отсутствие данных о натуральных ценах было недостатком показателей народного хозяйства Конъюнктурного института. Обращение к материалам Конъюнктурного бюро позволяет компенсировать этот недостаток (см. табл. 11).

Данные по размерам валовой продукции крупной государственной промышленности расходились в среднем на 0,4 %, причем максимальные расхождения не превышали 1,1 %. Их можно объяснить тем, что хотя Конъюнктурное бюро и Конъюнктурный институт брали сведения из одного источника — статистического отдела ВСНХ, но обращались туда в разные сроки. Конъюнктурный институт, публиковавший данные из месяца в месяц, нуждался в срочной информации. Госплан же имел возможности дождаться окончательных итогов. Хотя расхождения в целом незначительны, данные Конъюнктурного бюро несколько точнее сведений Конъюнктурного института.

По оборотам государственных торговых органов данные Конъюнктурного института в среднем на 70 % выше сведений Конъюнктурного бюро, причем максимум мог достигать 81,4 %, а минимум не опускался ниже 45 %. Это объясняется разным охватом торговых органов. Конъюнктурное бюро использовало сведения только по 162 объединениям, в то время как Конъюнктурный институт учитывал обороты 12 синдикатов и 291 объединения.

Совершенно ясно, почему Госплан сузил круг наблюдений до 162 производственных объединений. Это делалось в целях сопоставимости динамических данных. Получив первоначально сведения по 162 объединениям, он не мог расширить их число, чтобы не нарушить сопоставимости данных.

Такие же проблемы возникали и перед Конъюнктурным институтом. Например, первоначально им регистрировались сведения об оборотах 35 провинциальных бирж. Затем он смог получить сведения еще по 35 биржам. Конъюнктурный институт предпочел пересчитать все данные за предшествующие месяцы регистрации, обеспечив тем самым сопоставимость данных за длительный

хронологический отрезок, а не ограничиться старым составом бирж. Следовательно, данные Конъюнктурного института являются более полными.

Данные Конъюнктурного института по размерам денежной массы несколько превышали сведения Конъюнктурного бюро (максимум на 5,2 %). Это было связано с разной методикой исчисления среднемесячного количества денег в обращении. Госплан выводил простую среднюю из подекадных данных на 1, 11 и 21-е числа, а Конъюнктурный институт добавлял к ним сведения на 1-е число следующего месяца, чем и объяснялось превышение, и брал данные на 11-е и 21-е числа с утроенным весом. Видимо, материалы Госплана точнее улавливали реальные колебания денежной массы.

Интересную картину обнаруживают расхождения данных о вкладах и текущих счетах банков. Незначительные в начале года (максимум 3,2 %), они резко увеличивались с июля, достигая 24,4 % в сентябре. Это объяснялось учетом Конъюнктурным институтом счета Наркомфина в Государственном банке по так называемому обменному фонду, увеличивавшемуся в период заготовительной кампании. Госплан же исключал из банковской деятельности все хлебные операции. Поэтому данные Конъюнктурного института имеют для нас большую ценность.

Расхождения между данными об учетно-ссудных операциях банков также росли от лета к осени, достигая в сентябре 4,8 %, что было связано с финансированием заготовок, учитываемым Конъюнктурным институтом. Однако здесь расхождения были менее заметными, так как хлебная кампания приводила к расширению кредитования промышленности и торговли вообще, что не мог не учитывать Госплан.

Таким образом, и в области кредитного дела сведения Конъюнктурного института оказываются более полными.

Оценки государственных доходов расходились в среднем на 5,7 %. Одним из источников расхождения было то обстоятельство, что Конъюнктурный институт использовал предварительные данные о доходах, составлявшиеся ежемесячно, а Госплан — окончательные сведения, определявшиеся в конце года. Следует, однако, учесть, что Конъюнктурный институт, входивший в систему Наркомфина, имел более широкий доступ к статистическим материалам о государственном бюджете и поэтому полнее их использовал в своих публикациях.

Таким образом, анализ расхождений между данными Конъюнктурного бюро и Конъюнктурного института выявляет довольно сложную картину. Мы не можем отдать предпочтение сведениям какого-либо одного из исследовательских центров. В одних случаях учет вел точнее Конъюнктурный институт, в других — Госплан. Все зависело от выбора источников, характера их обработки и полноты сведений.

Выше мы отмечали, какой пробел в наших знаниях создает отсутствие данных о низовой розничной торговле. Госплан пред-

принял попытку восполнить этот пробел. Для этого была использована сеть корреспондентов отдела товарной конъюнктуры и цен Госплана, созданная в интересах регистрации рыночных цен. С 1923 г. эта корреспондентская сеть стала давать подекадные качественные оценки состояния местных рынков и оборотов по отдельным товарным группам, таким, как текстиль, металлические товары, хлебофураж, бакалея и т. д. С. А. Первушин и В. М. Яковлев переводили качественные оценки в баллы по следующей шкале:

бездеятельность рынка	—1 балл
рыночное затишье	—1,5 балла
спокойное состояние торговли	—2 балла
небольшое частичное оживление	—2,5 балла
неполное оживление рынка	—3 балла
общее оживление торговли	—4 балла
сильное оживление рынка	—5 баллов ³⁷ .

Оценки корреспондентов обрабатывались и иначе. Все корреспонденции за каждую декаду классифицировались по трем группам: 1) рыночное оживление; 2) рынок без перемен; 3) на рынке затишье. Затем определялось процентное соотношение между этими группами³⁸.

Оба способа позволяли составить количественные ежедекадные оценки состояния местных рынков. Но еще большее значение имели сообщения для изучения географии состояния низовых рынков.

Видимо, можно было пойти и дальше, находя соответствие балльных оценок с приблизительными размерами товарооборота, т. е. используя уже разработанную ЦСУ методику, связанную с переводом балльных оценок в размеры урожая. Однако такой подход не был осуществлен на практике.

Показатели конъюнктуры составлялись в 20-е годы также республиканскими и областными отделениями Госплана: на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Татарской АССР, Башкирской АССР, Центрально-Черноземной, Центрально-Промышленной и Северо-Западной областях, Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе и Дальнем Востоке³⁹.

Рассмотрим, например, показатели конъюнктуры, регистрировавшиеся на Украине.

1. Промышленность.

1. Общая стоимость продукции.
 - 1а. Тяжелая индустрия.
 - 1б. Легкая индустрия.
2. Добыча каменного угля.
3. Вывоз каменного угля.
4. Число рабочих каменноугольной промышленности.
 - 4а. В том числе забойщиков.
5. Выплавка чугуна.
6. Производство мартеновского металла.
7. Прокатка.

- II. Финансы.
 - 8. Поступление налогов.
 - 8а. В том числе местных.
 - 9. Поступление доходов.
 - 9а. В том числе местных.
 - 10. Всего налогов и доходов.
 - 10а. В том числе местных.
- III. Государственный кредит.
 - 11. Текущие счета и вклады учреждений Госбанка.
- IV. Цены.
 - 12. Стоимость бюджетного набора на 1-е число.
 - 12а. Стоимость предметов питания.
 - 12б. Стоимость предметов первой необходимости.
 - 13. Всеукраинский бюджетный индекс.
 - 13а. Предметы питания.
 - 13б. Предметы первой необходимости.
- V. Торговля.
 - 14. Обороты госорганов.
 - 15. Внешняя торговля.
 - 15а. Вывоз в пудах.
 - 15б. То же в золотых рублях.
 - 16а. Привоз в пудах.
 - 16б. То же в золотых рублях.
 - 17. Отношение вывоза к привозу.
- VI. Транспорт.
 - 18. Среднесуточная погрузка всех грузов.
 - 19а. Наличие здоровых паровозов на 1000 верст сети.
 - 19б. Наличие здоровых товарных вагонов на 1000 верст сети.
- VII. Труд.
 - 20. Число занятых рабочих в тысячах.
 - 21. Число занятых рабочих в % к январю 1923 г.
 - 22. На 100 предложений труда приходилось мест (по 25 биржам труда).
 - 23. Число безработных на 1-е число месяца.
 - 23а. В том числе промышленных рабочих.
 - 23б. В том числе работников умственного труда.
 - 24. Заработная плата в % к стоимости бюджетного набора⁴⁰.

Вопросы взаимоотношений между государственной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами не получили в этом комплексе достаточно четкого выражения. И этот недостаток был общим для других местных обследований конъюнктуры. Однако в целом республиканские и областные конъюнктурные показатели, внося большой вклад в общий комплекс данных о хозяйственной динамике 20-х годов, позволяли изучить ее региональные особенности.

В результате обследований хозяйственной конъюнктуры отложился обширный комплекс источников, раскрывающих помесечную динамику народного хозяйства. Динамические показатели охватили почти все сферы экономической жизни. Большое внимание при этом уделялось проблеме взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. Четко прослеживается стремление организаторов обследований представить народное хозяйство как целостную систему, охватить все ее важные элементы, проследить взаимосвязи между ними. Большое внимание уделялось сопоставимости помесечных данных, в связи с чем статистики следили за однородностью состава изучаемых объектов, всякий раз пересчитывая данные за предшествующие месяцы при расширении числа регистрируемых объектов.

Следует учесть, однако, некоторые важные особенности динамических рядов. Во-первых, не все экономические явления могли получить в них отражение. Как, например, изучать помесечную динамику посевных площадей или урожая? Однако такие явления могут оказаться очень важными для изучения взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством. Следовательно, динамические данные должны изучаться в комплексе со статическими сведениями.

Такой подход был предложен сотрудниками Конъюнктурного бюро Госплана. Осуществлялся он и Конъюнктурным институтом, который в 1926 г. составил свод показателей годовых итогов развития народного хозяйства СССР, включив в него наряду с данными о промышленности, государственных финансах, денежном обращении, торговле, транспорте и ценах также и сведения по сельскому хозяйству о динамике посевных площадей, валовых сборах и количестве скота⁴¹.

Во-вторых, динамические ряды являются чрезвычайно сложным для изучения источником, информационное богатство которого может быть раскрыто только при условии применения математико-статистических методов. Таким путем шли сотрудники Конъюнктурного института. Хорошо известны исследования Н. С. Четверикова о связи хлебных цен с урожаями, где использовались коэффициенты корреляции⁴², М. В. Игнатьева о применении параболических кривых для выделения тенденции изменений и гармонического анализа для изучения колебаний⁴³, Е. Е. Слуцкого, заложившего основу теории авторегрессионных рядов⁴⁴. Собственно говоря, математическое изучение динамических рядов мы начали уже в этой главе, так как оказалось невозможным раскрыть информационное богатство источников, не прибегая к математической статистике. Подробно же методика анализа таких комплексов данных будет изложена в четвертой и пятой главах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ИНДЕКСЫ ЦЕН

«В проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а следовательно, и политические проблемы Советского государства, — указывал февральский (1927 г.) Пленум ЦК ВКП(б). — Вопросы установления правильных взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, вопросы обеспечения взаимосвязанного и взаимообусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, вопросы распределения национального дохода и связанные с ним вопросы индустриализации СССР и укрепления как экономически, так и политически рабочего класса, вопросы обеспечения реальной заработной платы, укрепления червонца, наконец, планомерное усиление социалистических элементов нашего хозяйства и дальнейшее ограничение частнокапиталистических элементов народного хозяйства — все это упирается в проблему цен»¹.

Таким образом, соотношение между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары является важнейшим показателем, характеризующим взаимоотношения между мелким крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью в 20-е годы. Но для того чтобы изучить это соотношение, общих списков цен недостаточно, результаты исследования могут быть различными в зависимости от выбранных для сопоставления товаров.

Поэтому необходим сводный показатель, объединяющий цены многих товаров, пригодный для сопоставления в хронологическом и региональном отношениях. Этим условиям удовлетворяют индексы цен, исчисления которых производились в 20-е годы.

Индекс — это относительный показатель, получающийся в результате сравнения двух абсолютных величин, характеризующих уровень изучаемого явления для двух разных периодов. Величина, которую сравнивают и которая стоит в числителе индексного отношения, характеризует уровень отчетного периода, а величина, с которой сравнивают и которая стоит в знаменателе индексного отношения, характеризует уровень базисного периода.

Индексы цен характеризуют изменения уровня цен.

С точки зрения охвата совокупности товаров индексы цен подразделяются на индивидуальные, групповые и общие.

Индивидуальные индексы характеризуют изменения уровня цен на отдельные товары. Они исчисляются по формуле

$$i_p = \frac{p_1}{p_0}, \quad (1)$$

где p_1 — цена единицы товара в отчетном периоде, а p_0 — цена той же единицы товара в базисном периоде.

В качестве примера индивидуального индекса цен можно при-

вести индекс цен ржаной муки в Москве, исчислявшийся Конъюнктурным институтом Народного комиссариата финансов РСФСР в начале 20-х годов².

Групповые индексы цен характеризуют изменения среднего уровня цен на несколько товаров, близких в производственном или потребительском отношениях. Групповые индексы являются обобщающими показателями сравнения двух совокупностей, состоящих из элементов, непосредственно не поддающихся суммированию. Наиболее общей формулой для исчисления групповых индексов цен является формула агрегатного индекса, предложенная в 1874 г. немецким экономистом Г. Пааше³:

$$I_p = \frac{\sum p_1 q_1}{\sum p_0 q_1}, \quad (2)$$

где q_1 — количество товаров отчетного периода.

В числителе агрегатного индекса цен — сумма фактического товарооборота отчетного периода, а в знаменателе — товарооборот отчетного периода в базисных ценах.

Экономическое содержание индекса, вычисленного по формуле (2), ясное: он показывает, как изменился уровень цен на товарную массу, реализованную в отчетном периоде. Разность между числителем и знаменателем позволяет оценить тот экономический эффект, который имело изменение цен.

Благодаря этим свойствам агрегатный индекс в советской теории рассматривается как основная форма всякого экономического индекса.

Примером группового индекса цен, рассчитанного по формуле (2), может служить индекс отпускных цен на промышленные изделия трестов и синдикатов ВСНХ, исчислявшийся с 1923 г.⁴ Групповой индекс цен может быть рассчитан также по формуле взвешенного индекса

$$I_p = \frac{\sum p_1 m_1}{\sum p_0 m_1}, \quad (3)$$

где m_1 — удельный вес товара в общей товарной массе в отчетном периоде.

В отличие от объективно фиксируемых статистическим учетом количеств обращающихся товаров определение их удельных весов может отразить и субъективные конструкции исследователей.

В начале 20-х годов среди отечественных экономистов разгорелся спор о принципах взвешивания. Одни считали, что критерием взвешивания должны служить размеры национального потребления товаров. Другие указывали, что каждый товар служит предметом нескольких сделок и что система должна отразить всю сумму оборотов товара на пути от производителя к потребителю⁵.

Ярким примером группового индекса цен, рассчитанного по формуле (3), является бюджетный индекс на продукты питания, исчислявшийся Отделом статистики труда ВЦСПС с 1919 г. Здесь весами были избраны суточные нормы потребления взрослого едока⁶.

Большинство групповых индексов цен в 20-е годы исчислялось по формуле (2) или (3). Однако в начале 20-х годов, когда точные данные о размерах товарооборота не были известны, групповые индексы цен иногда рассчитывались по формуле так называемого простого индекса, введенной в статистическую практику итальянским экономистом Г. Карли в 1764 г.⁷:

$$I_p = \sum \frac{p_1}{p_0} : n, \quad (4)$$

где n — число товаров.

При расчете индекса по формуле (4) все абсолютные уровни цен в базисном периоде приравниваются к 1 и в дальнейшем исследователь оперирует только их относительными изменениями.

Формула (4) имеет два существенных недостатка. Во-первых, она игнорирует то обстоятельство, что разные товары имеют различный удельный вес в товарообороте. Во-вторых, при изменении цен заметное влияние на величину индекса оказывают цены базисного периода.

Эти недостатки простого индекса были известны статистикам 20-х годов. Изучались размеры расхождений между простым и взвешенным индексами, условия, при которых эти расхождения минимальны.

Удалось установить общую закономерность относительно точности простого индекса. Его расхождения с индексом взвешенным увеличиваются с ростом различий между индивидуальными индексами цен и уменьшаются с увеличением независимых друг от друга товаров, входящих в индекс.

Мерой величины различий между индивидуальными индексами цен служит коэффициент вариации, а мерой независимости товаров — коэффициент корреляции. Величина погрешности простого индекса может быть определена как функция от этих параметров.

Формулы, определяющие погрешность простого индекса, существуют⁸. Но необходимость в подобных расчетах возникает редко. Оказалось, что на практике абсолютная величина и изменение во времени простого и взвешенного индексов обычно почти совпадают. При этом чрезвычайно существенную роль играет число товаров, входящих в индексы. Большое число товаров является гарантией точности простого индекса.

Примером группового индекса, исчислявшегося по формуле (4), является индекс цен на 33 продовольственных товара в Москве, рассчитывавшийся Конъюнктурным институтом Народного комиссариата финансов РСФСР в 1920—1921 гг.⁹

Общие индексы цен характеризуют изменения среднего уровня цен всей совокупности товаров.

Теоретически для исчисления общих индексов вполне пригодны формулы (2) и (3). Но на практике, когда количество товаров, входящих в общий индекс, велико, а значения индивидуальных индексов, исчислявшихся при расчете групповых индексов, известны, процедура расчета общего индекса может быть значительно упрощена.

Используя формулу для исчисления индивидуального индекса цен, можно получить следующее выражение для цен базисного периода:

$$p_0 = \frac{p_1}{i_p} \quad (5)$$

Подставив это выражение в формулу агрегатного индекса, получаем

$$I_p = \frac{\sum p_1 q_1}{\sum \frac{p_1}{i_p} q_1} \quad (6)$$

Исчисленный по формуле (6) индекс цен носит наименование среднего гармонического индекса.

Наряду с формулой (6) для исчисления общих индексов цен в 20-е годы использовались также формулы (2), (3) и (4). Дело в том, что для характеристики изменения уровня цен экономисты часто пользовались выборочной совокупностью товаров. Так, например, рассчитывавшийся Конъюнктурным институтом большой московский индекс розничных цен включал в себя только 98 товаров¹⁰.

Выборочный характер изучения изменения среднего уровня цен был связан как с чисто практическими трудностями регистрации цен на редко встречающиеся товары, так и с потребностью скорейшей обработки информации.

Это обстоятельство выдвигает проблему установления репрезентативности выборочной совокупности товаров по отношению к генеральной. В большинстве случаев выборка охватывала все имевшие сколько-нибудь широкое распространение товары. Но иногда, конструируя выборку, экономисты 20-х годов обращали больше внимания на представительство товарных групп, чем на представительство товаров. В таких случаях проблема репрезентативности представляет определенные сложности для ее разрешения.

Анализ динамики цен на основании индексов, исчисленных по формуле (2), (3) и (6), особенно удобен в том случае, если сопоставляемые ряды значений индексов имеют общую базу. Если же база индексов различна, то нередко возникает потребность в приведении их к общей базе.

Соответствующие расчеты возможны, если известны все исходные данные исчисления индексов. К сожалению, первичный материал построения индексов цен 20-х годов сохранился лишь

частично. В этих условиях приведение индексов, исчисленных по формулам (2), (3) и (6), к общей базе может быть осуществлено лишь с некоторой погрешностью.

Источником погрешности является то обстоятельство, что индексы цен, исчисленные с учетом размеров товарооборота отчетного периода, являются индексами с переменными весами. Не располагая сведениями об изменении весов от одного периода к другому, мы вынуждены рассматривать эти веса как неизменные.

Этим недостатком обладают не все индексы цен, исчислявшиеся в те годы. В середине 20-х годов отечественными экономистами была предпринята попытка исчисления индексов по так называемому цепному методу, допускающему переход индексов от одной базы к другой без каких-либо погрешностей.

Исчисление индексов цен по цепному методу заключалось в следующем.

Первоначально находились так называемые звенья индекса — относительные изменения индекса от одной регистрации к другой. Перемножая найденные звенья между собой, можно получить индекс, имеющий базой любую регистрацию цен.

Звено индекса вычислялось следующим образом. Цена каждого товара в каждом пункте регистрации цен на определенную дату регистрации делилась на соответствующую цену предшествующей регистрации в том же пункте. Получались относительные изменения цен отдельных товаров в каждом пункте регистрации.

Из относительных изменений цен товаров, принадлежащих к одной товарной группе в каждом отдельном пункте, выводилась невзвешенная средняя геометрическая — среднее изменение цены данной группы товаров в данном пункте. Наконец, из этих средних изменений цен каждой товарной группы в каждом пункте вычислялись взвешенные средние геометрические: 1) по всем пунктам для каждой товарной группы; 2) по всем пунктам для групп сельскохозяйственных и промышленных товаров; 3) по всем пунктам для всех товарных групп.

Построим формулу, по которой исчислялось звено индекса. Для этого обозначим цены текущей регистрации латинскими буквами, а цены предшествующей регистрации — греческими буквами. Цены товаров одной и той же группы обозначим одинаковыми буквами, различающимися наименованием товаров 1, 2, 3, ..., n . При этом пусть в первой группе товаров будет всего n отдельных наименований, во второй группе — m , в третьей группе — l наименований товаров. Цены товаров в разных пунктах будем отмечать штрихом ', ", ''' и т. д. Веса каждой товарной группы в каждом пункте обозначим соответственно $\rho'_a, \rho''_a, \rho'''_a, \dots; \rho'_b, \rho''_b, \rho'''_b, \dots; \rho'_c, \rho''_c, \rho'''_c, \dots$

Относительные изменения цен на отдельные группы товаров по пунктам будут представлены так.

Товары первой группы в первом пункте:

$$\frac{a'_1}{\alpha'_1}, \frac{a'_2}{\alpha'_2}, \dots, \frac{a'_n}{\alpha'_n},$$

во втором пункте:

$$\frac{a''_1}{\alpha''_1}, \frac{a''_2}{\alpha''_2}, \dots, \frac{a''_n}{\alpha''_n} \text{ и т. д.}$$

Товары второй группы в первом пункте:

$$\frac{b'_1}{\beta'_1}, \frac{b'_2}{\beta'_2}, \dots, \frac{b'_m}{\beta'_m},$$

во втором пункте:

$$\frac{b''_1}{\beta''_1}, \frac{b''_2}{\beta''_2}, \dots, \frac{b''_m}{\beta''_m} \text{ и т. д.}$$

Товары третьей группы в первом пункте:

$$\frac{c'_1}{\gamma'_1}, \frac{c'_2}{\gamma'_2}, \dots, \frac{c'_l}{\gamma'_l},$$

во втором пункте:

$$\frac{c''_1}{\gamma''_1}, \frac{c''_2}{\gamma''_2}, \dots, \frac{c''_l}{\gamma''_l} \text{ и т. д.}$$

Средние изменения цен по товарам первой группы в первом пункте:

$$\sqrt[n]{\frac{a'_1}{\alpha'_1} \cdot \frac{a'_2}{\alpha'_2} \cdot \dots \cdot \frac{a'_n}{\alpha'_n}},$$

по товарам первой группы во втором пункте:

$$\sqrt[n]{\frac{a''_1}{\alpha''_1} \cdot \frac{a''_2}{\alpha''_2} \cdot \dots \cdot \frac{a''_n}{\alpha''_n}};$$

по товарам второй группы в первом пункте:

$$\sqrt[m]{\frac{b'_1}{\beta'_1} \cdot \frac{b'_2}{\beta'_2} \cdot \dots \cdot \frac{b'_m}{\beta'_m}} \text{ и т. д.}$$

Тогда звено общего индекса будет рассчитываться по формуле¹¹

$$I_p = \sqrt[n]{\left(\frac{a'_1}{\alpha'_1} \cdot \frac{a'_2}{\alpha'_2} \cdot \dots \cdot \frac{a'_n}{\alpha'_n}\right) \left(\frac{a''_1}{\alpha''_1} \cdot \frac{a''_2}{\alpha''_2} \cdot \dots \cdot \frac{a''_n}{\alpha''_n}\right) \dots \left(\frac{b'_1}{\beta'_1} \cdot \frac{b'_2}{\beta'_2} \cdot \dots \cdot \frac{b'_m}{\beta'_m}\right) \dots}$$

Примером индекса цен, исчисляющегося по цепному методу, является общетоварный индекс Госплана СССР, рассчитывавшийся с 1 августа 1922 г.¹²

Краткий обзор методов построения индексов цен в 20-е годы позволяет заключить, что этот важный с точки зрения изучения взаимоотношений между мелким крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью комплекс источников нуждается в подробном источниковедческом исследовании. Проблемы репрезентативности и информационных возможностей индексов цен не могут быть решены без тщательного анализа каждого индекса в отдельности.

Надо сказать, что изложением методов построения индексов круг проблем, связанных с их анализом, не исчерпывается. Важными оказываются также вопросы регистрации цен, размещения регистрационной сети, выбора базисного периода, первоначального назначения индекса и т. д. Эти вопросы находятся в центре последующего изложения.

Бюджетный индекс

Индексная статистика зародилась в нашей стране еще в до-революционную эпоху¹³. Среднеарифметический невзвешенный индекс оптовых цен исчислялся Центральным статистическим комитетом¹⁴. В начале XX в. индексы цен стали использоваться для решения проблем, связанных с определением народного дохода¹⁵. Это дало толчок к развитию методологических принципов построения индексов¹⁶. В годы империалистической войны индексы цен исчислялись уже многими общественными организациями¹⁷. Их задачей становится определение роста дороговизны¹⁸. Революция привела к расширению задач исчисления индексов.

Бюджетный индекс статистики труда стал исчисляться с начала 1919 г. Его возникновение было связано с потребностями органов нормирования труда. В условиях чрезвычайно быстро менявшегося уровня цен регулирование заработной платы требовало критерия, который позволял бы следить за покупательной силой денег и тем самым давал возможность определять размеры реальной заработной платы в разных районах страны.

Первую попытку построения бюджетного индекса предпринял в 1918 г. С. Г. Струмилин. По ценам, регистрировавшимся Петроградской городской управой (до августа 1917 г.), а затем по данным регистрации статистики труда и Комиссариата продовольствия он вычислил стоимость суточного пищевого пайка черно-рабочего за период с 1911 по 1918 г. Нормы пайка были построены

в соответствии с физиологическими нормами питания, необходимыми для тяжелой физической работы¹⁹. Опыт построения этого индекса и был использован при расчете всероссийского бюджетного индекса (с 1923 г. — всесоюзного).

Бюджетный индекс был исчислен как набор определенного количества товаров, изменение стоимости которого должно было показывать движение дороговизны. 16 товаров представляли пищу, 9 — одежду и обувь и 4 характеризовали изменение цен на квартиру и хозяйственные потребности²⁰.

Каждый товар взвешивался, причем нормы пищевой части набора были рассчитаны по суточному потреблению взрослого едока, а все остальные нормы определялись по месячным размерам потребления. Основанием для вычисления норм послужили материалы обследования бюджетов рабочих 1918 г.

Из-за того что в составе набора были учтены не все потребности бюджета, при исчислении прожиточного минимума месячный расход на пищу принимался за 100 тыс. ккал (в действительности месячная норма составляла 81 тыс. ккал), что должно было покрыть расход на неучитывавшиеся статьи бюджета. Вес пищевых продуктов составлял 72,5 % в бюджете и 71,8 % в индексе²¹.

Невозможность регистрации сколько-нибудь доброкачественных данных о ценах на одежду, обувь и хозяйственные расходы привела к тому, что систематически обрабатывались по республике только цены на пищу. Цены же на одежду, обувь и хозяйственные потребности в 1919 и 1920 гг. систематически регистрировались только в Москве, а в 1921 г. — еще в 11 городах²².

В условиях отсутствия легальной торговли в 1919—1920 гг. задача регистрации цен была сложной. В основе лежали цены вольного рынка. В случае отсутствия свободного торга в форме базаров или открытых палаток должны были фиксироваться цены сделок «по знакомству» или «из-под полы». Из-за частого отсутствия на рынке ряда товаров, входящих в набор, допускалась замена одного товара другим, близким с потребительской точки зрения и с обязательным соблюдением количества калорий в суточном пайке²³.

Общий уровень цен составлялся из двух компонентов: стоимости выдачи по твердым ценам и стоимости доли пайка, которую можно было приобрести по вольным ценам.

В начале 1919 г. количество городов, из которых поступали сведения о ценах, достигало 60—70. К концу этого же года число городов более чем удвоилось, а в начале 1921 г. цены регистрировались уже в 35 губернских и 284 уездных городах. Со второй половины 1919 г. стали поступать сведения по Уралу, а с конца 1920 г. — по Сибири. Одновременно была организована регистрация цен в городах Украины²⁴.

С 1921 г. появился легальный рынок, и в бюджетный индекс стали включать данные о ценах на одежду, обувь и хозяйственные потребности. С расширением рыночного оборота и ликвидацией

Таблица 12. Материалы для исчисления бюджетного индекса

Товар	Единица измерения	Норма взвешивания	Цена 1913 г. (коп.)
Мука ржаная	кг	16,0	94,4
Мука пшеничная	»	8,0	95,6
Пшено	»	3,1	30,8
Картофель	»	16,0	30,4
Капуста квашеная	»	3,7	15,3
Свекла	»	1,8	6,7
Лук	»	0,4	2,8
Говядина	»	3,07	93,8
Масло коровье	»	0,4	35,9
Молоко	»	7,4	51,6
Яйца	шт.	6	10,8
Масло растительное	кг	0,4	14,7
Сельдь	»	0,73	17,8
Сахар рафинад	»	0,82	30,8
Соль	»	0,82	2,0
Сапоги	пар	0,06	32,6
Ситец	м	2,0	26,0
Полотно	»	0,6	18,7
Сукно	»	0,15	33,8
Керосин	кг	2,4	27,6
Дрова	м ³	2,4	28,8
Табак	кг	0,08	23,2
Спички	кор.	3,0	3,0
Мыло	кг	0,3	8,7

Источник: Сосенский И. Бюджетные индексы // БСЭ. М., 1927. Т. 8. С. 434.

продовольственного кризиса в 1922 г. была изменена номенклатура товаров. Изменились также и веса отдельных товаров в бюджетном наборе.

Приведем исходные данные, по которым в 1922 г. производился расчет бюджетного индекса (см. табл. 12).

В 1923 г. при переходе к исчислению всесоюзного индекса система товарных весов вновь изменилась. Список городов, где регистрировались цены, был увеличен до 229²⁵. С 1 октября 1926 г. был введен новый всесоюзный бюджетный индекс статистики труда и Госплана СССР, в котором число товаров увеличилось до 40, изменились нормы взвешивания, стали учитываться цены государственной, кооперативной и частной торговли в зависимости от их действительного значения в рабочем бюджете. При этом исчисление общего бюджетного индекса по старой методике не было прекращено в целях получения сопоставимых с предшествующим временем данных²⁶.

Номенклатура индекса 1926 г. была такова: мука ржаная, хлеб ржаной, мука пшеничная, хлеб пшеничный, пшено, гречневая

крупы, картофель, капуста квашеная, свекла, лук, говядина, баранина, масло коровье, молоко, яйца, масло растительное, сельдь, сахар-рафинад, сахарный песок, соль, чай, сапоги простые, галоши, ситец, полотно, сукно, чугунная посуда, стаканы, керосин, дрова, табак, спички, мыло, квартирная плата, электрическая энергия, вода, трамвай, газета, бумага, кино²⁷.

Изменения систем товарных весов, номенклатуры товаров и числа пунктов регистрации имели место и в последующем. Это надо учитывать, сопоставляя данные за различные отрезки времени.

Индексы розничных цен

В исследуемый период розничный товароборот имел особое значение. Вплоть до 1922 г. вся внутренняя торговля осуществлялась практически в форме розничных сделок. И в дальнейшем значительная часть товарооборота, особенно в области сельскохозяйственных продуктов, совершалась в сфере розничной торговли, минуя оптовую, чем и объясняется особое внимание экономистов 20-х годов к построению индексов розничных цен.

В 1920 г. Конъюнктурный институт Народного комиссариата финансов РСФСР приступил к построению индекса розничных цен по Москве. В то время товароборот был очень ограничен, поэтому пришлось расчет индекса вести лишь по 39 товарам, 33 из которых были продовольственными²⁸. Основу исчислений первоначально составили цены, регистрировавшиеся Кооперативным народным банком. С 1921 г. Конъюнктурный институт наладил собственную сеть регистрации цен на Смоленском и Сухаревском рынках²⁹. Индекс исчислялся по ценам вольного рынка.

С началом нэпа рыночный товароборот расширился, и индекс Конъюнктурного института перестал отражать положение дел на рынке. Поэтому с 1 января 1922 г. стал исчисляться расширенный индекс из 98 товаров: 52 продовольственных и 46 непродовольственных³⁰. Система регистрации цен осталась прежней, и в целях сопоставимости данных за предыдущий период прежний московский индекс, получивший название малого индекса, стал исчисляться как выборочная обработка материалов исчисления большого московского индекса розничных цен. Базой как малого, так и большого индексов служили цены 1913 г. в Москве, большую часть которых Конъюнктурный институт опубликовал.

Индексы исчислялись по следующим группам товаров: 1) хлебные (12 наименований); 2) фураж (3); 3) овощи и сухие грибы (7); 4) мясо и рыба (8); 5) жиры (8); 6) молочные продукты и яйца (7); 7) бакалейные продовольственные (9); 8) бакалейные непродовольственные (5); 9) одежда и обувь (18); 10) предметы домашнего обихода (12); 11) осветительные и отопительные (3); 12) канцелярские принадлежности (3); 13) мелкий хозяйственный инвентарь (5). Помимо этих групп, индексы исчислялись по 52 продовольственным и 46 непродовольственным товарам, а с января

Таблица 13. Сопоставление малого и большого московских индексов цен, 1922 г.

Месяц	Малый индекс (39 товаров)	Большой индекс (98 товаров)	Малый индекс в % к большому
Январь	490973	401237	122,4
Февраль	1032149	761649	135,5
Март	2168879	1526706	142,1
Апрель	3870853	2752512	140,6
Май	5365401	4387743	122,3
Июнь	6166271	5335736	115,6
Июль	6331539	5605685	112,9
Август	7006494	6135107	114,2
Сентябрь	7805404	7201106	108,4

Источник: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 10/11. С. 2. Соотношения исчислены.

1923 г. — еще и по 37 сельскохозяйственным и 51 промышленному товару³¹.

Сопоставление малого и большого московских индексов розничных цен выявляет следующие их особенности (см. табл. 13). Индекс 39 товаров был выше индекса 98 товаров, и до марта 1922 г. расхождения увеличивались. С марта же разница между индексами стала уменьшаться. Это объясняется замедлением темпа роста цен продовольственных товаров весной 1922 г. и заметным подъемом цен на промышленные товары, составлявшие 15 % в малом и 47 % в большом московских индексах розничных цен.

Соотношение между продовольственным и непродовольственным, с одной стороны, и сельскохозяйственным и промышленным групповыми индексами, с другой стороны, по большому московскому индексу розничных цен было следующим (см. табл. 14).

Индексы групп непродовольственных и промышленных товаров расходятся незначительно (на 1,4—5,5 %). При этом индекс цен на промышленные товары, как правило, несколько выше индекса цен на непродовольственные товары. Это связано с ростом дороговизны тех продовольственных продуктов, которые вырабатывались промышленностью. Более заметными являлись расхождения между индексами цен на продовольственные и сельскохозяйственные товары (8,2—24,5 %). При этом индекс цен на продовольственные товары стоит заметно выше индекса цен на сельскохозяйственные товары. Это объясняется большим удельным весом в продовольственной группе дорогостоящих товаров промышленной переработки сельскохозяйственного сырья. В группе промышленных товаров из-за большей товарной номенклатуры вес продовольственных продуктов был не так заметен.

Ввиду отсутствия точных данных о размерах товарооборота взвешивание малого и большого индексов розничных цен не

Таблица 14. Групповые индексы розничных цен в 1923 г. (в млн)

Месяц	Продовольственные (52 товара)	Непродовольственные (46 товаров)	Сельскохозяйственные (37 товаров)	Промышленные (51 товар)
Январь	24,5	31,4	20,5	32,2
Февраль	30,5	39,2	25,0	40,8
Март	37,1	45,1	31,5	47,6
Апрель	49,1	65,8	42,1	69,1
Май	68,5	90,9	63,3	95,2
Июнь	111,3	145,3	95,1	149,1
Июль	172,0	206,8	147,1	213,7
Август	280,1	381,6	232,6	394,8
Сентябрь	446,2	673,1	358,4	683,7
Октябрь	826,7	1526,9	682,2	1524,8

Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1923. № 9/10. С. 10; № 11/12. С. 14.

производилось. Но сотрудники Конъюнктурного института провели тщательную работу по подбору товаров, так что погрешности индексов удалось свести к минимуму.

С января 1922 г. Конъюнктурный институт приступил к исчислению всероссийского индекса розничных цен.

Первоначально набор товаров ограничивался 15 наименованиями: мука ржаная, овес, картофель, говядина, масло русское, молоко, масло растительное, сельдь, мыло, керосин, гвозди, топор, ситец, сапоги и дрова. Взвешивание цен не производилось³². Изменялось количество городов, в которых регистрировались цены. В первые месяцы — 20, в 1923 г. — 39—35. В 1922 г. индекс исчислялся отдельно по уездным, губернским городам и столицам. В 1923—начале 1924 г. — по столицам и уездным городам.

Сравним невзвешенные индексы розничных цен между собой и со взвешенным всероссийским бюджетным индексом (см. табл. 15).

Несмотря на то что взвешивание цен при построении розничных индексов не производилось, они в большинстве случаев обнаруживают лишь небольшие отклонения от взвешенного бюджетного индекса. При этом отмеченные расхождения в первую очередь объясняются различной номенклатурой и количеством товаров, а также разными пунктами регистрации цен.

Заметно, что всероссийский розничный индекс стоит ниже малого и большого московских. Это связано с более высокими ценами и темпом их подъема в столице. Если исключить данные первой, еще несовершенной регистрации цен, то окажется, что всероссийский индекс розничных цен довольно близко подходит к бюджетному индексу. В последний, однако, включалось больше переработанных сельскохозяйственных продуктов, а также сравнительно дорогостоящие товары, такие, как пшеничная мука, сахар

Таблица 15. Розничные и бюджетные индексы цен (в тыс.)

Дата	Московский малый индекс	Московский большой индекс	Всероссийский индекс	Бюджетный индекс
1922 г.				
1 января	276	281	183	288
1 февраля	620	522	448	545
1 марта	1202	1171	894	1153
1 апреля	2789	2241	1949	2524
1 мая	4759	3822	3656	4162
1 июня	5723	4872	4173	5087
1 июля	6226	5436	4619	5795
1 августа	6620	5792	5026	5589
1 сентября	7336	6354	5430	5995
1 октября	8536	8298	6365	7342
1 ноября	12786	12596	10434	11561
1 декабря	18355	19195	14884	16442
1923 г.				
1 января	22848	24961	19582	21015
1 февраля	26744	29906	24622	27782

Источник: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1923. № 1/2 (16/17). С. 7.

рафинад, сукно, что и определило его некоторое превышение над розничным индексом цен.

С 11 мая 1924 г. Конъюнктурный институт приступил к построению новых московского и общесоюзного индексов розничных цен. Индексы рассчитывались по взвешенным ценам. Основанием для построения весов послужили данные переписи торговых заведений, проведенной в марте 1923 г. Перепись стремилась установить размеры торговых оборотов для каждого города в отдельности и порайонное распределение оборота по секторам торговли. Но она в значительной мере недоучла размеры розничного товарооборота, особенно в провинции³³.

При исчислении московского индекса набор товаров был сокращен до 60, а при исчислении общесоюзного индекса — увеличен до 35. Изменились количество и состав товарных групп.

Приведем список товаров, состав товарных групп и групповые веса общесоюзного индекса розничных цен (см. табл. 16).

В качестве базы в новых индексах были приняты две даты — цены 1913 г. и средние цены за апрель 1924 г. Индексы с базой на цены апреля 1924 г. должны были характеризовать движение цен со времени денежной реформы.

Индексы вычислялись цепным методом, причем первым звеном было изменение цен с 1913 г. по январь 1924 г.; дальнейшие звенья рассчитывались за декадные промежутки, причем индекс с базой на 1913 г. получился путем последовательного перемножения всех звеньев.

Таблица 16. Веса общесоюзного индекса розничных цен, 1924 г.

Товары и группы	Веса	Товары и группы	Веса
		Чай	58
		Махорка	238
Сельскохозяйственные	4919	Мануфактура	2240
Промтовары	5081	Ситец	
Хлебные	2817	Сукно	
		Холст	
Овес		Обувь	313
Ячмень		Сапоги	
Ржаная мука		Галоши	
Пшеничная мука		Металлические	733
Пшено		Топор	
Гречневая крупа		Гвозди	
Овощи	410	Чугун	
Картофель		Посуда	82
Квашеная капуста		Стакан	
Мясные	1379	Тарелка	
Говядина		Бакалейные непродовольст-	322
Свиное сало		венные	
Молочные	313	Спички	
Молоко		Мыло	
Русское масло		Сода	
Яйца		Керосин	62
Сельдь	411	Дрова	55
Подсолнечное масло	89	Бумага	233
Соль	47	Итого	10000
Сахарный песок	197		

Источник: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1924. № 8. С. 16.

Приведем несколько цифр по данным нового московского индекса розничных цен³⁴:

<i>1 звено</i>	<i>2 звено</i>	<i>3 звено</i>
1913—1.01.1924	1.01.1924—11.03.1924	11.03.1924—21.03.1924
2,01	1,065	1,01
<i>4 звено</i>	<i>5 звено</i>	<i>6 звено</i>
21.03.1924—1.04.1924	1.04.1924—11.04.1924	11.04.1924—21.04.1924
1,03	0,99	0,99

Перемножая звенья 1—6, получаем индекс (2,18) на 21 апреля 1924 г., имеющий базой цены 1913 г. Если же мы перемножим звенья 3—6, то получим индекс (1,02) на 21 апреля, имеющий базой цены 11 марта 1924 г. — начало денежной реформы.

Общесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института с базой на цены 1913 г. пересчитывался дважды. В первом

Таблица 17. Индексы розничных цен с разными базами, апрель 1923 г.

Группа товаров	По данным Конъюнктурного института и статистики труда	По данным ЦСУ
Сельскохозяйственные	2,15	1,84
Промышленные	2,19	2,45
Хлебные	1,51	1,54
Сахар	2,31	2,19
Мануфактура	3,08	3,02
Металлы	2,09	1,82
Итого	2,18	2,13

Источник: Кохи М. П. Русские индексы цен. М., 1926. С. 99.

случае источником сведений за 1913 г. служили материалы Конъюнктурного института и статистики труда, во втором — данные, собранные ЦСУ СССР. Так как ни те, ни другие данные о ценах в 1913 г. не опубликованы, то о различиях между ними можно судить лишь на основании сопоставления индексов (см. табл. 17).

Если величина тотального индекса при пересчете изменилась незначительно, то индексы цен на промышленные товары при старых базисных ценах уменьшали уровень цен на 11,9 %, индексы сельскохозяйственных цен преувеличивали уровень цен на 16,8 %. При этом расхождения в уровнях сельскохозяйственных цен не были обусловлены различиями в ценах на хлебные товары. В связи с этим необходимость пересчета была обоснованной.

Ранее базой общесоюзного индекса служили средние невзвешенные всероссийские цены: эти цены непосредственно сопоставлялись с общесоюзными средними ценами за апрель 1924 г., причем по 7 товарам (из 35) довоенные цены отсутствовали. Вследствие этих дефектов, а также из-за неправильного распределения весов недостающих 7 товаров уровень сельскохозяйственных цен оказался преувеличенным, а уровень промышленных цен преуменьшенным (как и в индексе, рассчитывавшемся по 15 товарам). Осенью 1924 г. Конъюнктурный институт обратился в ЦСУ с просьбой собрать через местные статистические бюро материал о довоенных ценах всех 35 товаров. Ответы были получены более чем от 300 городов, на основании этого было пересчитано звено индекса: апрель 1924 г. — довоенное время. Причем брались уже не средние общесоюзные цены, а цены отдельных городов, которые затем взвешивались по весам городов³⁵.

Рост государственной и кооперативной торговли, с одной стороны, и практические потребности государства в регулировании цен, с другой стороны, поставили перед Конъюнктурным институтом в качестве очередной задачи коренную реформу его индекса розничных цен. Основная цель реформы состояла в том, чтобы наряду с индексом розничных цен в частной торговле создать

подобные же показатели для торговли государственной и кооперативной, а также в том, чтобы дать синтез всех трех индексов в общеторговый индекс, который мог бы служить показателем динамики покупательной силы денег, поскольку для ее определения частноторговых цен недостаточно.

Само намерение вывести регистрацию цен за пределы частной торговли зародилось в Конъюнктурном институте в 1925 г., когда им стал исчисляться индекс кооперативных цен по Москве. Идея исчисления всесоюзного индекса кооперативных цен возникла весной 1926 г., а в июле она была обстоятельно изложена на специальном совещании в НКФ. Постановление СТО от 11 августа 1926 г. и опиравшееся на него предложение межведомственной индексной комиссии Госплана ускорили реформу индекса³⁶.

Так как сопоставимость индексов неизбежно должна была даже в отношении индексов частных цен до известной степени нарушиться, то институт решил воспользоваться случаем, чтобы пересмотреть и улучшить все стороны исчисления индексов. Было обращено самое пристальное внимание на улучшение качества первичных данных о ценах, получаемых с мест. Список регистрируемых товаров был расширен, были определены новые районы, по которым вычислялись районные индексы, была исчислена новая система товарных весов, отражавшая реальные соотношения между социальными категориями торговли, экономическими районами, а также между группами различных товаров³⁷.

Система исчисляемых индексов приняла такой вид.

1. Всесоюзный индекс розничных цен в государственной, кооперативной, частной торговле. Каждый из этих индексов вычислялся самостоятельно на основании особо регистрируемых цен с учетом присущей ему системы весов.

Все три индекса синтезировались в общеторговом всесоюзном индексе розничных цен, который получался из трех предыдущих индексов в форме среднего взвешенного, т. е. с учетом той доли общего торгового розничного оборота, которая в рознице падает на государственную, кооперативную и частную торговлю.

2. Наряду с общими индексами исчислялись (отдельно по каждой социальной категории торговли) субиндексы:

а) для сельскохозяйственных товаров; б) для промышленных товаров; в) для продовольственных товаров; г) для непродовольственных товаров, а также индексы отдельных товарных групп.

3. Кроме всесоюзных индексов, вычислялись отдельные индексы по Москве и по 7 крупным районам: 1) потребляющей полосе; 2) производящей полосе; 3) Украине и Крыму; 4) Северному Кавказу; 5) Закавказью; 6) Туркестану (Казахстану, Узбекистану, Туркменистану и Киргизской Автономной Республике); 7) Сибири и Дальневосточной области.

Вся регистрационная сеть института охватывала 102 города.

Наряду с индексом, вычисляемым по всей сети городов на первые числа каждого месяца, в целях получения более подробной

информации по 40 городам, представляющим 75 % всего розничного оборота, исчислялся индекс на 11-е и 21-е числа месяца. Но, к сожалению, подекадный индекс вычислялся только по частной торговле, как более чутко реагиовавшей на динамику торговой конъюнктуры. Это не позволяет рассчитать среднемесячные общеторговые индексы, необходимые в целях сопоставления с другими народнохозяйственными показателями.

За основную базу был принят 1924/25 г., как год непосредственно следующий за денежной реформой. В качестве базисных цен для индекса частной торговли взяты средние цены за время с октября 1924 г. по сентябрь 1925 г. по материалам собственной регистрации Конъюнктурного института. Этот срок (вместо первоначально предполагавшегося — с апреля 1924 г. по март 1925 г.) был продиктован состоянием данных по кооперативным ценам, которые институт, не располагая собственными материалами, заимствовал у Центросоюза. Те же цены кооперативной розницы легли и в основу базисных цен для индекса государственной торговли.

В качестве второй базы был сохранен 1913 г., цены которого по необходимости легли в основу всех трех индексов. Самые же цены довоенного времени подверглись коренному пересмотру с привлечением новых материалов ЦСУ по довоенным ценам, а также данных ВЦСПС.

Несмотря на приложенные усилия, не по всем товарам удалось подобрать данные для базисной цены, в особенности по кооперативным ценам 1924/25 г., а также некоторым довоенным ценам на товары, впервые вводимые в розничный индекс. Цепной метод исчисления индексов был сохранен. Общее количество товаров для всесоюзного индекса составило 44 наименования, для Москвы — 66. Существенным недостатком всесоюзного общеторгового индекса являлась система постоянных весов. Этот недостаток был устранен лишь в 1929 г., когда состояние торговой статистики позволило рассчитать индексы с переменными весами.

Индексы оптовых цен

Индексы оптовых цен стали исчисляться в 1922 г. с началом развития оптовой торговли. Первый индекс оптовых цен был вычислен по Москве за период с 1 июля 1922 г. по декабрь 1923 г. Конъюнктурным институтом³⁸. В это время значительное число торговых сделок совершалось вне биржевого оборота, что не давало возможности устанавливать действительные цены сделок. Кроме того, отсутствие сделок к моменту регистрации не позволяло фиксировать цены на это число.

Эти обстоятельства заставили Конъюнктурный институт исчислять индекс по отпускным, прейскурантным ценам для большинства товаров. Только по хлебным и мясным товарам фиксировались цены фактических сделок.

Приведем номенклатуру индекса (см. табл. 18).

Таблица 18. Номенклатура индекса оптовых цен Конъюнктурного института

Группа товаров	Число товаров	
	1922 г.	1923 г.
Металлургия и металлообрабатывающая промышленность	9	} 11
Электрическая промышленность	2	
Топливо	7	7
Деревообрабатывающая промышленность	3	3
Основная химическая промышленность	6	6
Прочие химические производства	8	7
Силикатная промышленность	5	4
Текстильное сырье	} 15	5
Текстильные полуфабрикаты и изделия		12
Кожевенное сырье	} 9	3
Кожевенные изделия		5
Резиновое производство	3	3
Переработка сельскохозяйственной продукции	12	12
Хлебопродукты, овощи, фураж, масличные семена	13	15
Мясо, рыба, животные жиры	11	11
Итого	103	104

Источник: Кохн М. П. Указ. соч. С. 100.

Кроме приведенных выше групп товаров, вычислялись еще сводные индексы сырья (10 товаров), предметов преимущественно промышленного потребления (28 товаров), индексы групп продовольственных (29 товаров) и непродовольственных (73 товара) товаров³⁹.

Исчисление групповых и общего индексов производилось первоначально цепным методом. Из изменений цен отдельных товаров вычислялись изменения групповых и всех цен как простые средние. Путем умножения индекса предшествующей регистрации на величину изменения цен получался индекс на данное число. Первой отправной точкой, с которой производились исчисления, был индекс на 1 февраля 1922 г., полученный как средняя арифметическая из индивидуальных индексов с базой на цены 1913 г. Оказалось, что средняя арифметическая не пригодна для исчисления цепного индекса, так как индексы, полученные путем перемножения звеньев и путем деления индивидуальных цен отчетного периода на цены базисного периода, не совпадали. О существенности расхождений свидетельствует табл. 19.

Несущественная вначале погрешность цепного индекса, вычисленного по формуле средней арифметической, стремительно возрастала с увеличением числа перемножаемых звеньев. Поэтому в октябре 1922 г. индекс оптовых цен в Москве стал исчисляться по формуле простого индекса, а данные с 1 июля 1922 г. были пересчитаны.

Таблица 19. Погрешности цепного индекса цен в 1922 г.

Месяц	Цепной индекс	Простой индекс	Погрешность цепного индекса
Июль	4293	4245	+1,1 %
Август	4755	4557	+4,4 %
Сентябрь	5967	5343	+11,7 %
Октябрь	9362	8071	+16,0 %

Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 12/13. С. 2; 1923. № 1/2 (16/17). С. 2.

Исчисление индекса оптовых цен Конъюнктурного института было прекращено в декабре 1923 г., так как наличие общетоварного индекса Госплана делало излишними вычисления отдельного по Москве индекса.

Задачи, которые ставили инициаторы построения общетоварного индекса Госплана, были несколько шире тех, которые обычно решаются при исчислении индексов цен. Непрерывное падение покупательной силы денег в первой половине 20-х годов и отсутствие в силу этого устойчивого измерителя ценности особенно остро стали ощущаться народным хозяйством с переходом к новой экономической политике. Таким измерителем не могло быть золото, поскольку по условиям обращения в 20-е годы его цена подвергалась значительным колебаниям.

Помимо задач познавательного характера — исчисления размеров обесценения бумажного рубля, — общетоварный индекс предполагалось применять в качестве критерия для установления расчетного курса при совершении разного рода сделок на срок, в договорах, сметах, счетоводстве и т. д.

Общетоварный индекс должен был служить прежде всего для нужд государственного хозяйства, так как государственный бюджет на 1922/23 г. был составлен в товарных рублях и его исполнение происходило по курсу такого рубля. Это последнее обстоятельство, а также те общие задачи, которые ставились перед индексом Госплана, наложили заметный отпечаток на его конструкцию. Веса индекса первоначально были построены таким образом, что учитывали преимущественно оборот государственной торговли и промышленности.

Общетоварный индекс Госплана начал исчисляться с 1 августа 1922 г., после чего система построения индекса дважды подвергалась пересмотру: в августе 1923 г. и в марте 1924 г.

Первоначально в индекс входило 80 товаров, но из-за того, что часть из них встречалась очень редко, количество товаров сократилось до 72 (см. табл. 20). Отдельные товары, входившие в индекс, также имели веса. В первые месяцы исчисления индекса цены регистрировались по 13 городам. Число городов, однако, постоянно увеличивалось и уже к началу 1923 г. достигло 45—50.

Таблица 20. Номенклатура общетоварного индекса Госплана

Товарная группа	Число товаров	Вес группы
Зерно, фураж	6	1726
Прочее растительное продовольствие	8	2205
Животное продовольствие	6	761
Продукты пищевой промышленности	7	619
Все продовольственные товары	27	5311
Топливо	4	1165
Черные металлы	6	632
Цветные металлы	5	262
Все металлы	11	894
Хлопчатобумажные изделия	4	919
Шерстяные изделия	3	277
Льняные и пеньковые ткани	2	99
Текстильное сырье	4	238
Текстильные фабрикаты	9	1295
Вся продукция текстильной промышленности	13	—
Кожевенное сырье	2	70
Кожевенные фабрикаты	3	182
Бумага	1	170
Химические товары	7	374
Строительные товары	4	301
Все сельскохозяйственные товары	30	5000
Все промышленные товары	42	5000
Итого	72	10000

Источник: Бобров С. П. Индексы Госплана. М., 1925. С. 69.

По каждому городу составлялся список постоянно встречающихся на рынках этого города товаров, из числа входивших в индекс. Количество товаров, регистрировавшихся в каждом городе, было, таким образом, неодинаковым и зависело от характера торговли данного пункта. Вес каждого отдельного товара устанавливался только в тех городах, в которых этот товар входил в постоянный список. Общетоварный список исчислялся цепным методом с использованием средних геометрических.

Неорганизованность оптового рынка в 1922 г. и в начале 1923 г. делала почти невозможным получение сведений о ценах на один и тот же товар по каждому городу. Существенным препятствием являлось также и запаздывание сведений, так как общетоварный индекс, имевший широкое практическое применение, публиковался в определенные сроки.

Эти обстоятельства привели к тому, что основное правило цепного метода — сопоставление цен на один и тот же товар

за два смежных регистрационных периода — не всегда было выполнимым. Отсутствие цены какого-либо товара на предшествующую регистрационную дату даже при наличии сведений о цене на отчетный момент не позволяло рассчитать звено индекса. Дело в том, что этот товар по данному пункту был снабжен определенным весом и невключение данных об изменении его цены влияло на вес данного товара в общей системе весов индекса. Чтобы преодолеть указанную трудность, вес товара по городу, в котором не была зарегистрирована его цена, передавался ближайшему соседнему городу. Так как на каждую регистрационную дату выпадали данные по разным товарам и городам, то система весов индекса оказалась переменной.

В качестве базы для первого звена общетоварного индекса были приняты довоенные цены, средние за пятилетие 1908—1912 гг.

В дальнейшем индекс исчислялся по декадам: 1, 11 и 21-го числа каждого месяца. При этом индекс каждой декады вычислялся только по отношению к предшествующему регистрационному сроку, отражая, таким образом, лишь текущие изменения цен вне связи этих изменений с довоенными ценами.

В августе 1923 г. были рассчитаны значения индекса с базой на цены 1913 г., что позволило сопоставить его с другими индексами цен.

В публикациях до 1 марта 1924 г. общетоварный индекс исчислялся с ошибкой — не были пересчитаны данные за прежнее время по вновь установленному отношению промышленных и сельскохозяйственных товаров. Пересмотр системы весов и пересчет значений индекса за предыдущий период, т. е. с 1 августа 1922 г., были произведены в марте 1924 г.⁴⁰ Число товаров в индексе было сокращено до 69. Из важных изменений в составе групп следует отметить выделение группы сырья сельскохозяйственного происхождения⁴¹.

Индекс отпускных цен трестов и синдикатов ВСНХ возник в начале 1923 г. Задачей индекса было дать динамику отпускных цен государственной торговли на промышленные изделия, так как изменение отпускных (прейскурантных) цен госорганов — самого крупного вида оптовой торговли — являлось чрезвычайно существенным фактором ценообразования.

Кроме того, этот индекс, вычислявшийся по наиболее близким к производству ценам, мог служить для оценки текущих изменений в калькуляционной себестоимости изделий госпромышленности.

Не менее важным являлось применение индекса для оценки промышленной продукции по текущим ценам. До середины 20-х годов весь учет стоимости продукции государственной промышленности производился в довоенных ценах. Только при помощи индекса промышленных цен можно было выражать стоимость продукции в червонной валюте.

Таблица 21. Товарные группы и веса индекса отпускных цен

Товарная группа	Веса	
	1922 г.	1923/24 г.
Металлическая	11,7	9,4
Электротехническая	1,0	0,9
Химическая	7,6	8,4
В том числе:		
основная химическая	0,7	1,1
резиновая	4,3	4,4
изделия массового потребления	2,3	2,6
лакокраски	0,3	0,3
Текстильная	27,0	30,5
В том числе:		
хлопчатобумажная	18,5	21,8
шерстяная	4,2	5,3
льняная	3,9	3,2
пеньковая	0,4	0,2
Кожевенная	7,7	6,9
Топливная	18,6	18,4
Нефтяная	4,3	2,5
Лесная	7,5	5,3
Силикатно-строительная	0,8	1,2
Бумажная	2,1	1,8
Пищевкусовая	11,7	14,7
Итого	100,0	100,0

Источник: Кохи М. П. Указ. соч. С. 138.

Номенклатура индекса содержала 70 товаров. Индекс вычислялся с базой на цены 1913 г. Источником этих последних служили довоенные прейскуранты и справочники с необходимыми экспертными поправками на изменившиеся по сравнению с довоенным временем сорта товаров⁴². Внутри каждой из групп, кроме химической и текстильной, индекс вычислялся как простая средняя из индексов отдельных товаров. Индексы текстильной и химической группы вычислялись взвешенные из индексов отдельных подгрупп. Тотальный индекс вычислялся взвешенный из индексов товарных групп по весу соответствующей отрасли промышленности в общей массе продукции.

Основой построения весов индекса служила производственная программа промышленности на 1922/23 г. Так как эта программа устанавливала стоимость выработки в довоенных ценах, то для определения удельного веса каждой отрасли были внесены необходимые поправки на современное (1923 г.) изменение ценностных отношений отдельных товарных групп.

Приведем группы и веса индекса (см. табл. 21).

В 1923/24 г. по сравнению с 1922 г. в веса были внесены некоторые изменения на основании отчетных материалов о работе промышленности. По весам индекса 1923/24 г. индекс исчислялся вплоть до 1926 г.

В 1925 г. ВСНХ приступил к пересмотру методики исчисления индекса отпускных цен. Изменены были веса индекса. Номенклатура товаров увеличивалась до 400. Индекс стал исчисляться по методу средней геометрической.

Индексы внешней торговли

Задача индекса Наркомвнешторга заключалась в оценке оборотов по внешней торговле в текущих ценах. До октября 1924 г. таможенная статистика определяла стоимость экспорта и импорта в довоенных золотых рублях, что совершенно не давало возможности судить об активности и пассивности торгового баланса страны.

Для указанной цели вычислялись индексы импортируемых и экспортируемых товаров. Последние определялись по ценам внутреннего и внешнего рынка, что позволяло судить одновременно и о степени рентабельности экспорта.

Индексы как экспортных, так и импортных товаров вычислялись как взвешенные среднеарифметические, а весом была доля соответствующего товара или группы (по ценности) в общей сумме ввоза или вывоза за данный месяц. Таким образом, вес отдельных товаров или групп от месяца к месяцу видоизменялся в зависимости от структуры внешней торговли за данный месяц⁴³.

Индекс экспортных товаров, кроме того, вычислялся еще по постоянным весам, составленным по плану вывоза на данный операционный год.

Номенклатура экспортного индекса из года в год не пересматривалась и состояла из следующих товаров или товарных групп: хлеба, жмыха, масла коровьего, яиц, семян, льна, пеньки, пушнины, щетины, конского волоса, кишок, кожсырья, леса, нефтяных продуктов. По ценности перечисленные продукты составляли 90—95 % вывоза.

Внутренние цены для экспортных товаров регистрировались в соответствующих районах заготовок данных товаров. Цены на внешнем рынке регистрировались преимущественно в Англии. В 1922/23 г. цены внутреннего рынка фиксировались по курсу золотого рубля, в 1924 г. — червонного. В качестве базы брались цены 1913 г.

Номенклатура индекса импортируемых товаров содержала 37 наименований. Цены регистрировались по всем странам импорта.

Для возможности сводки всех показаний цены товаров в разных странах переводились в золотые рубли по стоимости унции золота на Лондонской бирже.

Для исчисления тотального индекса ввозимых товаров по всем странам за данный месяц рассчитывались взвешенные по суммам привоза средние. Тотальный индекс вывозимых товаров вычислялся из индексов отдельных товаров, взвешенный по суммам экспорта каждого товара в отчетном месяце.

Крестьянские индексы цен

Все рассмотренные выше индексы цен исчислялись по ценам городских рынков. В сельской местности уровень цен и характер их изменения были заметно иными, чем в городах. В связи с этим состояние низовых рынков оказалось неохваченным наблюдением. Поэтому в середине 20-х годов предпринимались многочисленные попытки построения индексов цен, по которым приобретало промышленные товары и отгружало сельскохозяйственную продукцию крестьянское население. Большей частью эти попытки носили разрозненный и несистематический характер⁴⁴.

Положение изменилось в 1925 г., когда к работе по составлению крестьянских индексов подключился Конъюнктурный институт. Его сотрудники исходили из той идеи, что соотношение цен на различные продукты, затрачиваемые в крестьянском хозяйстве, с одной стороны, и цен на производимые крестьянами товары, с другой стороны, являлось основным фактором, влиявшим на организацию крестьянского хозяйства.

Для освещения этого соотношения цен были необходимы материалы, характеризовавшие движение цен в деревне. Поэтому Конъюнктурный институт с 1 октября 1925 г., используя низовую сеть сельскохозяйственной кооперации, организовал в 76 сельских пунктах сеть корреспондентов. Выбор местностей для наблюдения был произведен таким образом, чтобы информация поступала из различающихся в плане сельскохозяйственной специализации районов. Всего было выделено пять районов: 1) льноводческий, 2) картофелеводческий, 3) молочный, 4) свеклосахарный, 5) пшеничный⁴⁵.

Исчисление индексов производилось следующим образом. Первоначально исчислялись индексы цен всех производимых в районе сельскохозяйственных товаров, цен отгружаемых товаров и цен покупаемых товаров. Затем определялись отношения индексов цен отдельных сельскохозяйственных товаров к индексу цен всех производимых в районе сельскохозяйственных товаров. На основе исчисленных соотношений делались выводы о том, в каком направлении изменение рыночной конъюнктуры влияло на организацию хозяйства и его экономическое положение.

Предполагалось, что сдвиги в соотношении цен на труд и цен товаров, производимых в районе, влекут за собой изменение трудовой интенсивности хозяйства, а динамика соотношения между ценами на средства производства товаров приводит к изменению интенсивности использования основных фондов. Наряду

с этим крестьянские индексы цен выясняли, какие конкретные сельскохозяйственные продукты оказывались более выгодными для производства, а также в каких направлениях целесообразнее всего осуществлять их переработку.

Таким образом, крестьянские индексы Конъюнктурного института позволяют определить, в какой мере изменение рыночных условий отражалось на структурных сдвигах в сельскохозяйственном производстве.

Однако первоначальное намерение Конъюнктурного института увеличить количество сельских пунктов, в которых регистрировались цены, доведя их число до 500 и охватив тем самым всю территорию страны, осталось нереализованным⁴⁶. Крестьянские индексы характеризовали условия производства лишь в наиболее развитых в товарном отношении местностях: Волоколамском уезде Московской губернии, в Северо-Западном районе, в Белоруссии и на Украине. Видимо, принципиально невозможно распространить их данные на всю территорию СССР, особенно на те ее районы, где крестьянское хозяйство продолжало оставаться еще полунатуральным и воздействие рынка на его организацию не было решающим. Кроме того, составители индексов не пытались получить данные за широкий отрезок времени. Первые индексы были исчислены за октябрь 1925 г., а последующая регистрация проводилась в январе и марте 1926 г.⁴⁷ Все это налагает большие ограничения на возможности использования материалов крестьянских индексов цен.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ АНАЛИЗ ДАННЫХ

Каждый отдельно взятый источник несет информацию двоякого рода: явную, доступную непосредственному изучению, и скрытую, для выявления которой нужна специальная методика¹. Например, рассматривая размеры хлебозаготовок, мы сразу можем определить периоды их увеличения и уменьшения. Однако для установления тех периодичностей, которые, налагаясь друг на друга, вызвали сложную картину колебаний хлебозаготовок, нужна специальная методика.

Если же перед нами совокупность источников, то к явной и скрытой информации каждого из них добавляется еще и информация, извлекаемая из их сопоставления. Например, мы можем определить зависимость хлебозаготовок от урожая, кредитования заготовителей, уровня хлебных цен. Ту часть информации источника, которую можно выявить при его изолированном от других источников анализе, мы будем называть прямой информацией. Соответственно такую информацию, которая выявляется только

при сопоставлении источников, мы будем называть косвенной информацией. Преимущества комплексного подхода к изучению источников заключаются в возможности вовлечения в научный оборот широкого слоя косвенной информации.

По сравнению с прямой информацией косвенная является более объективной, так как она не зависит прямо от воли субъекта. Разумеется, всякие искажения прямой информации отражаются и на косвенной, но ее содержательный смысл при этом не изменяется.

Если бы статистики, например, преуменьшали слишком высокие значения бюджетного индекса, то взаимосвязь между ним и индексом розничных цен не утратила бы своей определенности.

В большинстве случаев косвенная информация относится к скрытой в источнике информации. Это выдвигает на первый план проблему извлечения косвенной информации из источника. От избранной исследователем методики зависит, сохранит ли косвенная информация свою изначальную объективность или будет искажена в процессе извлечения.

На первый взгляд решение проблемы может заключаться в разработке универсальных методов, пригодных для всех видов скрытой косвенной информации. Однако на самом деле такой подход мало что дает исследователю. Дело в том, что косвенная информация редко бывает целостной. Существующие в ней пробелы не могут быть восполнены однозначно. Например, если мы располагаем ежемесячными данными об уровне цен и размерах денежной массы, то можно предположить бесконечное множество функций, связывающих эти переменные, так как внутри месячных отрезков цены и количество денег в обращении могут принимать любые значения.

Из этих функций только одна описывает реальную связь, но выделить ее из остальных, оставаясь в рамках методики извлечения скрытой информации, невозможно.

Подобных трудностей не испытывает подход, при котором мы начинаем изучение комплекса источников, имея заранее сформулированную гипотезу о форме связи между переменными. В процессе же изучения мы подвергаем эту гипотезу всесторонней проверке.

Однако и этот путь не может считаться вполне удовлетворительным, ибо никакая гипотеза, не опирающаяся на эмпирический материал, не может претендовать на глубокое проникновение в историческую действительность. Информационный потенциал источников остается при этом в значительной мере не использованным.

Решение проблемы заключается в сочетании этих двух подходов. Первоначально мы ограничиваемся выявлением, так сказать, верхнего слоя скрытой информации. Затем, опираясь на срезанный нами верхний пласт, мы строим гипотезы, претендующие на объяснение полученных данных. Проверка этих гипотез позволяет

гораздо глубже выявить скрытую в источниках информацию. Так, ступенька за ступенькой, мы проходим весь путь извлечения информации из комплекса источников в тесном сочетании с его исследованием.

Основным инструментарием выявления скрытой в комплексе источников информации являются методы математической статистики. Ранее статистический анализ совокупности переменных сводили к изучению каждой из них в отдельности. При таком подходе работа по созданию комплекса источников была бессмысленной, так как результаты его анализа не давали новой информации по сравнению с анализом каждого отдельно взятого источника. Изучение совокупности переменных стало возможным лишь с разработкой методов многомерного статистического анализа, рассматривающего комплекс источников как некую целостность, содержащую косвенную информацию о наиболее существенных скрытых свойствах изучаемого явления.

Следует сказать, что, несмотря на довольно бурное развитие многомерной статистики, применение ее методов не во всех случаях оказывается эффективным. С одной стороны, это связано с тем, что предъявляемые математической статистикой требования о нормальном распределении переменных, линейности взаимосвязи между ними редко выполняются в реальной действительности. С другой стороны, этому способствуют и многочисленные погрешности источников, на которые многомерные методы достаточно чутко реагируют, а также небольшой объем изучаемой совокупности, в результате чего закономерные изменения заслоняются случайными отклонениями. Это должен учитывать исследователь, анализируя полученные результаты.

Для того чтобы методы математической статистики можно было применить к исходному материалу, он должен пройти путь первичной обработки. В одномерной статистике методы первичной обработки не вызывают особых проблем. Они избираются в соответствии с характером изучаемых переменных. Например, если распределение переменной не подчиняется нормальному закону, то используются различные методы выравнивания формы распределения.

В многомерной статистике дела обстоят сложнее. Исследователь, учитывающий особенности каждой входящей в комплекс источников переменной, исключает из комплекса часть косвенной информации. Например, отклонение какой-либо переменной от нормального распределения может объясняться воздействием на нее других переменных. Выравнивая форму распределения, мы элиминируем это воздействие. Поэтому первичную обработку комплекса источников следует производить с большой осторожностью.

Для выдвижения гипотез о характере изучаемых явлений мы пользуемся средствами математического моделирования. Первая проблема, возникающая при построении моделей, состоит в выборе ключевых переменных, с помощью которых можно понять основные

свойства изучаемого явления. Результаты многомерного статистического анализа комплекса источников значительно облегчают решение этой проблемы. Как только ключевые переменные установлены, возникает необходимость в математическом аппарате, способном описать существенные черты явления. Первоначально этот аппарат должен быть достаточно простым и гибким, чтобы всегда существовала возможность модификации с целью учета дальнейших результатов анализа комплексов источников, а также новой интерпретации полученных ранее данных. По мере охвата математическим описанием все новых сторон изучаемого явления возникает потребность в усложнении математического аппарата, которым мы уже описываем не формы взаимосвязей между переменными, а глубинные механизмы явления, порождающие эти взаимосвязи. На этой стадии мы можем получить ряд логических следствий, с помощью которых вскрываются наиболее глубокие пласты скрытой в комплексе источников информации косвенного свойства. Анализ завершается построением имитационных моделей, выявляющих характерные черты и закономерности экономического развития СССР в 20-е годы и позволяющих не только установить основные закономерности, но и изучить нереализовавшиеся в истории альтернативы, оценивая тем самым достигнутый прогресс.

Следует сказать, что большинство из описываемых нами методов реализуется только с помощью быстродействующих электронных вычислительных машин. Это влечет за собой и некоторые неудобства.

Составление машинной программы и ее последующая отладка занимают много труда и времени, что оправдывается лишь при многократном обращении к данному методу. Но и в этом случае исследователи, как правило, не владеют искусством программирования и вынуждены обращаться к пакетам программ вычислительных центров.

Пользователям пакетов приходится ограничиваться только теми методами, которые нашли в них отражение, хотя это не всегда отвечает целям исследования. Кроме того, в пакетах программ не предусмотрен вывод на печать всей информации, необходимой исследователю.

Наконец, историк обращается к помощи математиков и вычислительных центров, не усвоив практически суть используемых методов. Это ведет к неправильной интерпретации полученных результатов.

Поэтому широкое распространение ЭВМ ни в коей мере не снижает значения других вычислительных средств, таких, как программируемые калькуляторы, позволяющие на несложных примерах всесторонне изучить тот или иной метод перед обращением к ЭВМ, а также выполнять разнообразные вычислительные процедуры, не требующие слишком больших затрат времени.

Обработка временных рядов

Выше мы уже касались вопроса о характере содержащейся в комплексе источников информации. Теперь целесообразно рассмотреть проблему, связанную с методами извлечения информации.

Прежде всего комплекс массовых источников содержит данные о различных величинах, изменяющихся со временем. Часть этих величин относится к прямой информации источников, например изменение физического объема промышленного производства, размеров сельскохозяйственных заготовок, уровня цен. Другие величины можно получить, сопоставляя источники: например, разность между товарной и денежной массой, изменение покупательной силы сельскохозяйственных товаров, излишек рабочих рук в деревне.

О характере изменения величин во времени позволяет судить только феноменологический слой информации. Более глубокий причинный слой может быть вскрыт только в процессе исследования.

Для того чтобы вскрыть причинно-следственные связи, надо так расположить материалы комплекса источников, чтобы не нарушить естественное соотношение между переменными. Возможны два принципа расположения динамических данных: синхронный и с учетом лаговых соотношений.

К сожалению, второй принцип практически неосуществим: для того чтобы учесть запаздывание изменения одной величины относительно другой, нужно прежде всего оценить интервал времени запаздывания, т. е. проделать определенную работу над еще не сформированным комплексом источников. Кроме того, лаговые соотношения сами могут быть переменной величиной. Таким образом, при введении данных в ЭВМ мы вынуждены использовать синхронный принцип. Такой принцип расположения материала пригоден для решения всех возникших в процессе настоящего исследования проблем.

Поэтому упорядочим материалы комплекса источников так, чтобы в итоге получилась таблица, строки которой соответствуют различным переменным величинам, а столбцы — состояниям этих переменных величин в последовательные и равные отрезки времени. Результаты такой работы назовем матрицей исходных данных.

Она может рассматриваться двояко: во-первых, как совокупность вектор-столбцов, представляющих из себя временные ряды, каждый из которых раскрывает развитие какого-либо одного явления во времени; во-вторых, как совокупность матриц-строк, являющихся вариационными рядами и позволяющих сравнивать состояние всех переменных в какой-либо определенный момент

времени. Эти два возможных представления матрицы выражают ее свойство двойственности, открывающее простор для применения математических методов.

После того как матрица исходных данных составлена, ее следует перенести на магнитные диски, с тем чтобы оставшуюся работу по преобразованию матрицы исходных данных и выполнению вычислительных процедур за нас проделала машина. Для этого нами использовались две системные программы, реализующиеся на персональном компьютере IBM PC-XT, снабженном жестким магнитным диском типа «Винчестер»: программа базы данных «dBase III Plus» и программа «Statgraphics» (ver. 2.1). Первая из этих программ позволяет хранить и преобразовывать в удобном для нас виде исходную информацию, вторая — выходить на файлы базы данных и производить математико-статистическую обработку содержащейся в них информации.

Какие же задачи решались нами с помощью персонального компьютера и указанных программ? Прежде всего задачи восполнения пробелов в источниках, затем — преобразования исходной матрицы в удобную для исследования форму, наконец, получения матрицы парных взаимосвязей и их последующего исследования с помощью многомерного статистического анализа.

Не все компоненты векторов матрицы исходных данных были нам известны. Однако в большинстве случаев пробелы в источниках удалось восстановить. Дело в том, что информация об отсутствующих значениях переменной в скрытом виде содержится в известных нам ее значениях, а также в значениях других переменных. Статистически это выражается в высоких показателях авторегрессии и кросс-корреляции. Разумеется, одних этих показателей недостаточно для восполнения пробелов. Для этого нужна хорошо зарекомендовавшая себя методика.

Мы чаще всего пользовались теорией структуры временного ряда, разработанной представителями конъюнктурной школы. Согласно их взглядам, временной ряд раскладывается на тренд (долговременную тенденцию), более или менее регулярные колебания вокруг тренда, сезонные циклы и случайный остаток. Мы не считаем, что такое представление позволяет изучить всю сложность реальных процессов. Но для восполнения пробелов оно очень удобно и дает неплохие результаты.

В самом деле, первые три компоненты подчиняются достаточно строгим закономерностям, а следовательно, их значения можно более или менее точно предсказать. Что же касается четвертой компоненты, то ее значения экстраполируются лишь приближенно, причем степень приближения зависит от дисперсии остатка.

Долговременная тенденция хорошо отражается многочленами вида

$$\bar{y}_t = a_0 + a_1 t + \dots + a_k t^k.$$

Иногда достаточно взглянуть на график ряда, чтобы определить

порядок многочлена. В более сложных случаях рассматривается несколько многочленов и выбирается тот из них, который минимизирует сумму абсолютных значений или сумму квадратов значений отклонений ряда от значений тренда. Методика поиска многочлена, достаточно хорошо аппроксимирующего фактические данные, была детально разработана П. Л. Чебышевым².

Аппроксимацию тренда чаще всего производят методом наименьших квадратов, требующим, чтобы сумма квадратов отклонений фактических данных от выравненных была минимальной:

$$\Sigma (y_i - \tilde{y}_i)^2 = \min.$$

Однако хорошие результаты при существенном упрощении вычислений дает метод расчленения временного ряда на примерно равные части (по числу неизвестных параметров) с тем, чтобы сумма отклонений фактических данных от выравненных в каждой части была равна нулю (метод средних значений):

$$\Sigma (y_i - \tilde{y}_i) = 0.$$

Метод наименьших квадратов подробно рассматривается в литературе³. Однако другие способы аппроксимации не получили должного освещения. Между тем в практике социально-экономических исследований метод наименьших квадратов наталкивается на целый ряд проблем.

Рассмотрим в качестве примера проблему обращения функции. Из математического анализа известно, что каждая линейная функция обратима. Если между переменными x и y существует отношение

$$y = \alpha_0 + \alpha_1 x,$$

то должна существовать функция

$$x = \beta_0 + \beta_1 y,$$

такая, что

$$\beta_1 = \frac{1}{\alpha_1}; \quad \beta_0 = -\frac{\alpha_0}{\alpha_1}.$$

Геометрически функция y_x и обратная ей функция x_y описываются одной и той же линией в двух системах координат Oxy и Oyx , причем в первой системе ось независимой переменной есть Ox , а во второй — Oy . Однако в случае использования способа наименьших квадратов для аппроксимации фактических данных операция обратимости функции не выполняется. Геометрически \tilde{y}_x и \tilde{x}_y в системах координат Oxy и Oyx представляются двумя разными линиями.

Математические причины необратимости функций, получаемых путем приближения фактических данных методом наименьших квадратов, достаточно хорошо исследованы⁴. Однако сколь-либо удовлетворительного содержательного объяснения этого явления не дано. Попытки обосновать необратимость функций направле-

нием причинно-следственных связей между x и y являются бездоказательными. Также не имеют никаких оснований ссылки на особенности стохастических переменных, так как именно случайная компонента и исключается при аппроксимации.

Необратимость функций заставила исследователей задуматься над вопросом об истинности определяемых методом наименьших квадратов параметров уравнений. Практическая же потребность в операции обращения породила ряд изощренных и сложных с вычислительной точки зрения процедур, таких, как двойной и тройной метод наименьших квадратов, а также метод максимального правдоподобия⁵.

В случае метода средних значений такие проблемы не возникают. Аппроксимация этим методом фактических данных дает обратимые функции. Это еще раз доказывает, что проблеме обратимости нельзя связывать с особенностями переменных. Она всецело зависит от способа аппроксимации.

Метод средних значений удобен и с другой точки зрения. Допустим, что между переменными x и y существует функциональная зависимость

$$y=f(x).$$

Однако в результате погрешностей статистического наблюдения эта зависимость воспроизводится фактическими данными с некоторой погрешностью ζ :

$$y=f(x)+\zeta.$$

Ясно, что ζ является случайной величиной, о которой в соответствии с теорией математической статистики выдвигается гипотеза, что ее средняя равна нулю:

$$\frac{1}{m} \sum \zeta = 0.$$

Метод средних значений позволяет произвести аппроксимацию фактических данных в точном соответствии с этой гипотезой, что облегчает теоретическое осмысление результатов. Этот случай можно обобщить и для стохастической зависимости между x и y :

$$y=f(x)+u,$$

где u — остаточная компонента с нулевым математическим ожиданием. Метод наименьших квадратов не дает такого же эффекта.

Мы считаем, что недостаточная математическая изученность метода средних значений связана с его слабой распространенностью в исследовательской практике.

Что касается более или менее регулярных колебаний вокруг тренда, то в простейшем случае они могут быть аппроксимированы синусоидой:

$$u=A\sin(\alpha t+\beta),$$

где u — разность между фактическими данными и линией тренда; t — время; A — полуамплитуда колебания, т. е. наибольшее отклонение от оси t ; α — угловая частота, определяемая как $2\pi/T$, где T — период (длина цикла) колебаний; β — начальная фаза колебаний.

При изучении сложных колебаний их можно представить в виде суммы нескольких синусоид.

Для этого обычно используется разложение функции в ряд Фурье:

$$u_t = \sum_{j=1}^{\infty} A_j \sin(\alpha t + \beta),$$

что эквивалентно

$$u_t = \sum_{k=1}^{\infty} (a_k \cos kt + b_k \sin kt)^*,$$

где $A_j = \sqrt{a_j^2 + b_j^2}$, $\alpha = \text{tg}^{-1}(a_j/b_j)$, а k определяет гармонику ряда и принимает значения 1, 2, 3..., т. е. в ряде Фурье слагаемые располагаются по убыванию периодов. Последовательно вычисляя все новые и новые гармоники, мы можем аппроксимировать с помощью ряда Фурье практически любую функцию. Однако познавательное значение такой аппроксимации невелико, а ее предсказательная сила ничтожна. Дело в том, что наряду с реальными циклическими движениями ряд Фурье аппроксимирует и случайные возмущения, присутствующие в тех конечных по времени данных, которыми располагает историк.

Как же разделить реальные колебания циклического характера и случайные отклонения? Существуют разные методы. Мы опишем наиболее распространенные.

Один из методов был предложен А. Шустером. Он носит название периодограмм-анализа. Согласно этому методу, для определения периода колебания в качестве первого приближения к эмпирическому берут первый член ряда Фурье

$$u_t = A_1 \sin(\alpha t + \beta)$$

и подставляют в него различные значения t , соответствующие разным периодам. Для каждого из них вычисляют полуамплитуду A_1 , характеризующую интенсивность колебания. Она равна квадратному корню из суммы квадратов величин a_1 и b_1 , определяемых

* Более общая форма записи ряда Фурье включает еще величину a_0 : $y_t = a_0 + \sum_{k=1}^{\infty} (a_k \cos kt + b_k \sin kt)$, которая равна $\sum y/n$. Однако при аппроксимации тренда методом средних значений $a_0 = \sum u/n = 0$.

по формулам

$$a_1 = \frac{2}{n} \sum_{t=1}^n u_t \cos \frac{2\pi t}{T};$$

$$b_1 = \frac{2}{n} \sum_{t=1}^n u_t \sin \frac{2\pi t}{T}.$$

В ряде исследований в качестве меры интенсивности используется величина $A_1^2 = a_1^2 + b_1^2$. Затем строят периодографик, где на оси абсцисс отмечают испытуемые периоды, а на оси ординат — интенсивность колебания, соответствующую этим периодам. Чем больше интенсивность, тем выше вероятность того, что соответствующее ей циклическое движение действительно существует⁶.

В последние годы широкое распространение и основательную математическую разработку получил другой метод, носящий наименование спектрального анализа. Его основные отличия от метода А. Шустера состоят в следующем. Во-первых, если в периодограмм-анализе интенсивность колебания сопоставляется с длиной цикла $T = 2\pi/\alpha$, то в спектральном анализе — с числом циклов в единицу времени $\alpha/2\pi$, т. е. циклической частотой. Во-вторых, интенсивность в спектральном анализе имеет несколько иное измерение, так как величины a_1 и b_1 определяются по формулам

$$a_1 = \frac{1}{\sqrt{n\pi}} \sum_{t=1}^n u_t \cos \alpha t;$$

При этом мера интенсивности определяется как сумма квадратов этих двух чисел. Если интенсивность колеблется в очень широких пределах, то вычисляется логарифм этой величины. Зависимость измеренной таким образом интенсивности от циклической частоты называется спектральной функцией⁷.

Сравнивая эти методы, можно сказать, что периодограмм-анализ дает непосредственно в руки исследователя данные о вероятных периодах колебаний и их амплитудах, в то время как в случае спектрального анализа эти величины нужно определять. Вместе с тем спектральная функция позволяет исчислять дробные величины циклов, тогда как периодограмма содержит только данные о целых периодах колебаний. Вообще математический аппарат спектрального анализа более разработан, хотя многие полученные в этой области результаты могут быть распространены и на периодограмм-анализ. В сущности, различия между этими методами не слишком велики и многие исследователи рассматривают периодограмм-анализ как разновидность спектрального анализа⁸.

Для изучения сезонных циклов методы периодограмм-анализа и спектрального анализа также могут быть использованы. Однако существует и специальная методика. Например, метод фиктивных переменных, предложенный Л. Клейном и усовершенствованный Г. В. Лэддом⁹.

Что же касается присутствующей во временном ряде остаточной компоненты, то в последние годы, прежде всего благодаря успехам спектрального анализа, в области ее изучения наметился некоторый прогресс.

Согласно более ранним представлениям, остаточная компонента может быть только набором чисто случайных величин. Основное требование, которое предъявляется к такому остатку, заключается в несвязанности любых двух сколь угодно близких к друг другу ее значений. На основании имеющейся информации о случайной переменной мы можем рассчитать вероятности того, что ее предшествующие значения не превысят той или иной величины. Этим и исчерпываются возможности ее экстраполяции.

В терминах спектрального анализа случайная переменная называется белым шумом. Шумом ее называли из-за несистематического характера, а белым — из-за сходства ее спектра со спектром белого света. Теоретически спектр белого шума представляет собой просто горизонтальную прямую, так как его интенсивность одинакова на всех частотах¹⁰.

Однако практические исследования остаточной компоненты показали, что ее спектр в той или иной степени можно объяснить, не отвергая гипотезу о случайности остатка. Но с накоплением практического опыта были получены результаты, свидетельствующие о систематическом характере отклонений спектра остатка от прямой линии.

В 1982 г. специальному обсуждению подвергся так называемый фликкер-шум (от английского слова flicker, означающего мерцание). Этот шум по своему характеру существенно отличается от настоящего белого шума: его спектр представляет собой не прямую, параллельную оси частот, а более или менее крутую гиперболу, загибающуюся вверх по мере уменьшения частоты. В остатке такого рода интенсивность колебаний не одинакова, а растет с увеличением периода колебаний.

О природе фликкер-шума высказываются различные точки зрения. Одни исследователи считают, что фликкер-шум характеризует процессы, находящиеся вдали от точки равновесия; другие связывают его с процессами старения, совершающимися случайными толчками; третьи полагают фликкер-шум неотъемлемой частью так называемых стохастических процессов, изучение которых началось лишь недавно¹¹. На наш взгляд, последняя группа исследователей ближе всех к истине. Не следует только связывать фликкер-шум со стохастическими процессами вообще. Он характеризует лишь одну, довольно распространенную их разновидность.

В самом общем виде стохастические процессы можно определить следующим уравнением:

$$\varepsilon_t = -\alpha_1 \varepsilon_{t-1} - \alpha_2 \varepsilon_{t-2} - \dots - \alpha_k \varepsilon_{t-k} + \zeta_t,$$

где k определяет порядок процесса, а ζ есть возмущение в момент t .

Понятно, что ζ_t как чисто случайная величина независима от $\varepsilon_{t-1}, \varepsilon_{t-2}, \dots, \varepsilon_{t-k}$. Однако она влияет на ε_t , так же как ζ_{t-1} влияет на ε_{t-1} , а ζ_{t-k} — на ε_{t-k} . Рассмотрим простейший случай такого процесса:

$$\varepsilon_t = -\alpha\varepsilon_{t-1} + \zeta_t,$$

где $|\alpha| < 1$. Заменяя ε_{t-1} соответствующим выражением, получаем

$$\varepsilon_t = \zeta_t - \alpha\zeta_{t-1} + \alpha^2\varepsilon_{t-2}.$$

Замену можно продолжить, при этом с повышением степени α последние члены выражения будут стремиться к нулю, так что ε_t практически зависит от конечного числа случайных возмущений ζ . Таким образом, хотя полученный нами ряд и нельзя назвать чисто случайным, в его основе лежат случайные возмущения. Вместе с тем в отличие от чисто случайной переменной, значения которой не связаны друг с другом, значение стохастического процесса в момент t_0 зависит от его значений в момент $t_{-1}, t_{-2}, \dots, t_{-R}$.

Спектр простейшего стохастического процесса обратно пропорционален частоте. Налицо прямая аналогия с фликкер-шумом. Однако уже в случае стохастического процесса второго порядка

$$\varepsilon_t = -\alpha_1\varepsilon_{t-1} - \alpha_2\varepsilon_{t-2} + \zeta_t,$$

где $|\alpha_1| < 2$ и $-\alpha_2 < 1 - |\alpha_1|$, спектр имеет несколько измененную форму. С ростом частоты интенсивность первоначально с ускорением растет, затем скорость роста замедляется, а с достижением максимума интенсивность сначала с ускорением, а потом с замедлением уменьшается¹².

Если остаточная компонента временного ряда представляет собой стохастический процесс, то ее значения гораздо легче экстраполировать, чем значения чисто случайного остатка. Степень приближения к действительности будет значительно выше, однако, не зная величины ζ_t в период экстраполяции, мы не добьемся полной идентичности.

Наконец, теоретически остаток может представлять собой и регулярные колебания. Это имеет место в том случае, если в ряде есть регулярные колебания с периодом, равным двум интервалам наблюдения t_0 , или с угловой частотой, равной π/t_0 . Это предельное значение для обнаружения регулярных циклов. Оно носит название частоты Найквиста и связано с примечательным эффектом. Если переменная u_t является синусоидой с частотой Найквиста, то и остаток ε_t будет синусоидой с частотой Найквиста¹³. Ясно, что такой остаток экстраполируется «без погрешностей».

Не совсем решенной проблемой являются эхо-эффекты и боковые пики, а также применяемая для их устранения процедура сглаживания¹⁴.

Для оценки случайности остатка могут быть использованы различные приемы математической теории проверки статистиче-

ских гипотез. Наиболее эффективны методы непараметрической статистики¹⁵.

Рассматриваемая здесь методика восполнения пробелов в статистических источниках не является единственно возможной. В настоящее время широкое распространение получили модели Бокса—Дженкинса, Брауна, Хольта—Уинтерса, Харрисона, использующиеся чаще всего для построения прогнозов. В отличие от взглядов конъюнктурной школы эти модели исходят из такого представления о временном ряде, согласно которому он является потоком взаимосвязанных событий, генерируемых единым механизмом¹⁶.

На наш взгляд, в принципе временной ряд может генерироваться разными механизмами. Потому-то нам так импонирует методика конъюнктурной школы. Однако она не учитывает возможные перестройки механизмов со временем. В этом плане весьма перспективна методика, предложенная Ю. Кахком и М. Реммелем, базирующаяся на предварительной сегментации временного ряда в случае изменения характера процесса¹⁷. К сожалению, временные ряды являются, как правило, слишком короткими для того, чтобы сегментация дала эффект при изучении материала.

Как мы уже указывали, столбцы матрицы исходных данных представляют собой временные ряды. Многие методы многомерной статистики применяются только к таким временным рядам, которые обладают свойством инвариантности¹⁸. То есть результаты анализа таких рядов не должны зависеть от выбора конкретного начала отсчета времени. Такими, в частности, являются стационарные временные ряды, т. е. ряды, из которых тренд удален или отсутствует.

Ряды, характеризующие социально-экономические процессы, как правило, обладают ярко выраженным трендом. Например, физический объем промышленного производства в 20-е годы имеет четкую тенденцию к росту, а доля сельскохозяйственных товаров в товарообороте страны имеет тенденцию к уменьшению. Для того чтобы подвергнуть такие ряды многомерному статистическому анализу, их следует привести к стационарному виду.

Это можно сделать, традиционным путем, удалив из ряда тренд. Но в многомерном случае этот способ неприемлем. Вернемся к приведенному выше примеру. Ясно, что рост физического объема промышленного производства был одной из важнейших причин снижения доли сельскохозяйственных товаров в рыночном обороте. Другой причиной были ножницы цен. Удалив из рядов тренд, мы лишили бы себя возможности установить степень взаимообусловленности экономических процессов на макроуровне, ограничившись только данными о согласованности отклонений значений рядов от линии тренда. Таким образом, существенная часть содержащейся в источниках информации была бы утрачена.

Поэтому в настоящей работе используется иной способ приведения исходных данных к стационарному виду, не влекущий за со-

бой потери сколь-либо важной информации. Он заключается в переходе от исходных переменных к новым, исчисляемым по методу конечных разностей.

Переход к конечным разностям преобразует исходные нестационарные переменные в стационарные, причем для этого в большинстве случаев достаточно рассчитать только разности первого порядка:

$$\Delta y_i = y_{i+1} - y_i.$$

Проверка ряда на стационарность может заключаться в подсчете числа положительных разностей (c). При этом первые разности диагностируют исходный ряд, а разности порядка r — ряд, составленный из разностей порядка $r-1$. В случае стационарности математическое ожидание (E) числа положительных разностей равно

$$E(c) = (n-1) / 2.$$

Отклонение фактического числа от ожидаемого не должно превышать

$$\text{var}(c) = (n+1) / 12.$$

Связь исходной переменной с конечными разностями такова. Если значения ряда со временем растут, то первые их разности положительны. Если рост со временем затухает, то вторые разности отрицательны и т. д. Таким образом, первые разности характеризуют скорость роста, вторые — ускорение и т. д.

Отсутствие сведений о начальных значениях ряда является единственной потерей информации. Поэтому для перехода к исходным переменным на основе суммирования разностей надо сохранять информацию о начальных значениях ряда.

Решение проблемы стационарности открывает путь к исчислению коэффициентов ковариации и корреляции, являющихся мерами тесноты линейной взаимосвязи между двумя переменными. Вообще говоря, линейная форма взаимосвязи не является единственно возможной. Однако ее легче выявить, идентифицировать, установить уровень значимости. Поэтому многие многомерные статистические методы строятся на предположении о линейности взаимосвязи между переменными. Это налагает определенные ограничения на возможности использования методов многомерной статистики, что не всегда учитывается историками.

В случае анализа матриц конечных разностей проблема линейности во многих случаях снимается. Дело в том, что любую взаимосвязь, сколь бы сложной она ни была, можно представить в форме многочлена

$$y_x = a_0 + a_1x + a_2x^2 + \dots + a_kx^k.$$

Если этот ряд конечен, т. е. k -я его разность есть постоянное число, то исчисление конечных разностей «выпрямляет» нелинейность исходной взаимосвязи.

Исчисление конечных разностей удобно не только для многомерного статистического анализа временных рядов. Конечными разностями можно аппроксимировать дифференциальные уравнения, широко используемые при моделировании исторических процессов. Поэтому, исчисляя конечные разности, мы сближаем математический инструментарий анализа данных и математического моделирования.

Разумеется, между математической моделью, выявляющей наиболее существенные стороны явления, и фактическими данными, учитывающими все детали процесса, неизбежны расхождения. Для того чтобы избежать возможных затруднений, можно исключить малосущественные детали из фактических данных. Делается это путем сглаживания столбцов матрицы конечных разностей. Суть методики сглаживания состоит в замене абсолютных данных их средними величинами за определенные периоды. Такие средние определяются способом скольжения, т. е. путем последовательного исключения из периода первых значений ряда и включения последующих. При этом все колебания переменной с периодом, меньшим периода сглаживания, уменьшаются, а с периодом, равным периоду сглаживания, погашаются¹⁹. В последние десятилетия теория скользящих средних интенсивно разрабатывалась²⁰. Наиболее широкое распространение получили взвешенные скользящие средние, где каждое значение переменной наделяется определенным коэффициентом, уменьшающимся к началу и к концу периода сглаживания²¹. В литературе рассматриваются также вопросы выбора периода сглаживания и определения весовых коэффициентов²².

Делаются попытки устранения из ряда тренда на основе скользящих средних²³. Это позволяет уточнить несколько расплывчатое понятие «долговременная тенденция». При выделении тренда методом скользящих средних исследователь избавляется от необходимости подбора подходящего функционала. Однако в силу метода и слабость его: не имеющий аналитического выражения тренд не позволяет предсказывать возможные его значения на большем или меньшем удалении от концов ряда.

Многомерный статистический анализ

Основная проблема, которую приходится решать при изучении комплекса массовых источников, заключается в сжатии исходной информации, вычленении наиболее существенной ее части, которая засорена и затемнена различного рода второстепенными деталями, не имеющими никакого отношения к изучаемому явлению или не составляющими его сути. Матрица исходных данных содержит сотни переменных и фиксирует множество их состояний. Ясно, что в своем первоначальном виде она совершенно необозрима для исследователя и без специальной обработки никаких выводов из ее рассмотрения делать нельзя.

Если бы нам удалось каким-либо способом *сжать* исходную информацию, то мы не только сделали бы ее доступной для исследователя, но и появилась бы надежда на то, что мы приблизились к выявлению тех закономерностей, которые определяют сущность изучаемого явления. Разумеется, остались бы еще вопросы, связанные с интерпретацией полученных данных, но решить их было бы уже гораздо легче, ибо в матрице исходных данных эти закономерности часто вообще не просматриваются, так что проблема интерпретации не может возникнуть.

Одним из наиболее распространенных и разработанных средств сжатия информации, содержащейся в матрице исходных данных, является комплекс методов, называемый факторным анализом^{23а}. В его основании лежит следующая идея. При проведении статистических обследований, когда определяются состояния множества переменных, часто оказывается, что они тесно коррелируют между собой. Объяснить это явление можно тем, что изучаются мало отличающиеся друг от друга в качественном плане переменные. Они состоят примерно в равном отношении к сути исследуемого явления. На самом деле существует сравнительно небольшое число сущностных переменных, выделить которые исследователь может, только глубоко познав объект исследования. Обследуемые переменные именно потому и оказываются взаимосвязанными, что они зависят от сущностных переменных. Эти заранее неизвестные сущностные переменные принято называть факторами.

Любая ли действительность отвечает требованиям факторной модели? Очевидно, что не все взаимосвязи могут быть объяснены реальным наличием скрытых сущностных переменных — факторов. На наш взгляд, именно это обстоятельство приводит к тому, что в целом ряде работ по применению факторного анализа выделенные факторы имеют спорную, а то и заведомо неверную интерпретацию²⁴.

Очень часто, а в существующих в настоящее время моделях факторного анализа это только и постулируется, факторы не могут быть измерены непосредственно. Как, например, измерить заинтересованность крестьянских хозяйств в товарообмене с городом? Но эта заинтересованность самым непосредственным образом сказывается на переменных, регистрирующих размеры товарооборота между городом и деревней.

Эта идея факторного анализа приводит к следующей задаче: наблюдая большое число измеряемых переменных, выявить небольшое число тех переменных-факторов, которые в основном определяют состояния измеряемых переменных. Так как фактор — это какая-то переменная, то решение указанной задачи означает нахождение небольшого числа векторов с m компонентами, где m — число строк в матрице исходных данных. С помощью этих векторов можно достаточно хорошо описать все столбцы матрицы исходных данных.

Пусть число измеряемых переменных x_1, x_2, \dots, x_n равно n , а число факторов — k , причем $k < n$. Будем обозначать факторы

через f_1, f_2, \dots, f_k и считать их m -мерными векторами. Тогда

$$x_i = \sum_{l=1}^k \alpha_{il} f_l + \varepsilon_i, \quad i = \overline{1, m},$$

где α_{ei} — подлежащие определению коэффициенты, называемые факторными нагрузками, а ε_i — некоторый дополнительный вектор, называемый характерным фактором; в отличие от него факторы f_1, f_2, \dots, f_k называют общими факторами.

Внешне это соотношение имеет вид уравнений регрессии, однако оно отличается от регрессии тем, что неизвестными являются не только коэффициенты α_{il} и вектор ε_i , но и векторы f_1, f_2, \dots, f_k . Поэтому наше соотношение в отличие от уравнений регрессии не будет иметь решения, если не сделать некоторых предположений о свойствах общих и характерных факторов и о связи между ними.

Первое предположение, которое обычно делается в факторном анализе, связано с тем, что общие факторы f_1, f_2, \dots, f_k не коррелируют между собой. Если бы факторы были взаимосвязаны, то появилось бы основание считать, что сами эти корреляции могут быть объяснены еще меньшим числом общих факторов, подобно тому как наличие корреляции между переменными исходной матрицы позволяет предположить существование общих факторов вообще.

Другие предположения не столь очевидны. Поэтому в зависимости от того, делаем ли мы их или не делаем, различаются направления и модели факторного анализа.

В собственно факторной модели предполагается, что не только общие факторы, но и характерные факторы не коррелируют ни между собой, ни с общими факторами. Представления, лежащие в основе этого предположения, можно описать так. Каждая переменная исходной матрицы представляет собой сумму двух составляющих: вычисленной переменной, определяемой общими факторами, т. е. существенными внутренними свойствами изучаемого явления, и характерного фактора, связанного лишь с природой данной исходной переменной и не зависящего от свойств самого явления. В силу различной природы переменных характерные факторы не связаны между собой.

В модели главных компонент предполагается, что общие факторы таковы, что они минимизируют суммарную дисперсию характерных факторов. Это означает, что общие факторы и факторные нагрузки в данной модели определяются так, чтобы наилучшим образом с помощью только общих факторов охарактеризовать сумму дисперсий изучаемых переменных.

В модели центроидных компонент общие факторы предполагаются такими, что сумма модулей коэффициентов корреляции между исходными переменными и факторами оказывается максимальной.

Коррелированность характерных факторов имеет место как

в модели главных компонент, так и в модели центроидных компонент²⁵. А поскольку в факторном анализе любые корреляции мы стремимся объяснить наличием общих факторов, то с точки зрения основной идеи такого анализа собственно факторная модель представляется логически более цельной. Поэтому имеет смысл на ней сосредоточить основное внимание.

В литературе доказывается, что если в факторной модели число общих факторов существенно меньше числа исходных переменных, то не существует таких общих факторов, которые удовлетворяли бы точно всем условиям факторной модели²⁶. Поэтому имеются в виду такие общие факторы и факторные нагрузки, которые удовлетворяют этим условиям лишь приблизительно. Поскольку критерии приближенности могут быть разными, постольку существуют различные методы решения факторной модели, отличающиеся тем, в каком смысле они обеспечивают это приближение. Наиболее распространенными из этих методов являются метод минимальных остатков, метод главных факторов и центроидный метод.

Метод минимальных остатков обеспечивает отсутствие корреляции между общими факторами, а также между общими и характерными факторами, корреляцию же между характерными факторами минимизирует. Ясно, что такая модель отличается от модели главных компонент и модели центроидных компонент только величиной корреляции между характерными факторами.

Метод главных факторов максимизирует ту часть дисперсии исходных переменных, которая определяется общими факторами. Его отличие от метода главных компонент заключается только в том, что на главной диагонали корреляционной матрицы стоят не единицы, а так называемые общности, имеющие смысл той части дисперсии исходной переменной, которая определяется общими факторами. При этом возникает неприятная ситуация: определить эти общности точно можно, только зная конечный результат факторного анализа, а получить этот результат можно, только зная общности. Поэтому общности оцениваются приблизительно, причем у исследователя никогда нет уверенности в том, что это приближение хорошее. Вообще неясно, в каком точном смысле метод главных факторов дает приближенное решение факторной модели.

Центроидный метод близок к методу главных факторов. Разница заключается в том, что если в методе главных факторов максимизируется функционал

$$W(f_1, f_2, \dots, f_k) = \sum_{i=1}^m \sum_{l=1}^k (\hat{x}_i, f_l)^2 = \max,$$

то в центроидном методе — функционал

$$W(f_1, f_2, \dots, f_k) = \sum_{i=1}^m \sum_{l=1}^k |\hat{x}_i, f_l| = \max.$$

Вместе с тем с вычислительной точки зрения центроидный метод существенно проще метода главных факторов. Этим объясняется его большая распространенность²⁷.

Основная цель применения факторного анализа при обработке комплекса источников заключается в сокращении числа переменных путем замены их общими факторами. К сожалению, эта задача также может быть решена лишь приближенно. Дело в том, что общие факторы не могут рассматриваться как линейные комбинации переменных²⁸. Поэтому вычисляются не сами факторы, а их оценки

$$\tilde{f}_l = \sum_{i=1}^m \alpha_{il} x_i + \eta_l, \quad l = 1, \dots, n$$

путем минимизации помехи η_l . Это обстоятельство, а также затруднения, связанные с решением общей факторной модели и вращением факторов, заставляют исследователей обращаться к иной методике, позволяющей в худшем случае проверить результаты факторизации, а в лучшем случае получить такие же результаты более надежным способом.

При изложении методов факторного анализа мы отмечали, что ситуация, когда переменные образуют несколько достаточно изолированных групп, является типичной. Внутри этих групп переменные сильно связаны, в то же время те же переменные, входящие в разные группы связаны слабо. Знание таких групп существенно для вскрытия тех закономерностей, которым подчиняется эмпирический материал. Дело в том, что причиной возникновения изолированной группы сильно связанных переменных может быть некоторый фактор, который наиболее сильно влияет именно на переменные данной группы. Эти соображения привели к обоснованию процедуры вращения факторов для нахождения групп сильно связанных переменных. При этом трудности такого поиска значительны, а вероятность получения неоднозначных результатов велика.

Однако те же самые соображения о происхождении сильно связанных групп переменных указывают на возможность принципиально иного подхода к выявлению существенных факторов. Именно вместо того чтобы сначала искать факторы, а затем вращать их так, чтобы каждый фактор оказывался связанным с одной из сильно коррелированных групп переменных, можно сначала разбить переменные на группы, а затем по каждой группе определить соответствующий фактор. Комплекс математических методов, реализующих этот подход или по крайней мере его первую часть, связанную с группировкой переменных, достаточно широк. В литературе был предложен для этих методов объединяющий термин — «диагонализация матрицы»²⁹. Он редко используется. Происхождение этого термина связано с тем, что в корреляционной матрице выделенные переменные образуют квадратные подматрицы разных размеров, расположенные вдоль главной диагонали матрицы.

Наиболее простой способ диагонализации состоит в переборе всех коэффициентов взаимосвязи и выборе из них максимальных. Можно воспользоваться для этого алгоритмом максимального корреляционного пути, модифицировав его введением пороговой величины h . Первоначально отыскивается максимальный по абсолютной величине коэффициент корреляции и отмечается его принадлежность к строке и столбцу матрицы. Затем сравниваются те строки матрицы, к которым этот коэффициент принадлежит, и отыскивается максимальный в них коэффициент. Столбцы матрицы, в которых были найдены максимальные показатели взаимосвязи, исключаются из рассмотрения. Процедура продолжается до тех пор, пока не будет исключен последний столбец³⁰.

Число выделяемых таким способом групп переменных зависит от пороговой величины h . Если $h=0$, то все переменные образуют одну группу; при $h=1$ число групп соответствует числу переменных. Известно, что если одна переменная тесно связана с двумя другими переменными, то одно это обстоятельство определит наличие взаимосвязи между второй и третьей переменными³¹. Этого достаточно для доказательства того, что предлагаемый нами способ, который мы назовем методом корреляционных групп, действительно позволяет выделить группы взаимосвязанных переменных.

В отличие от факторного анализа, стремящегося объяснить все корреляции между переменными наличием скрытых факторов, метод корреляционных групп допускает и иную возможность, когда корреляции порождаются наличием сильной взаимосвязи между немногими базовыми переменными. Эту возможность должен всегда иметь в виду исследователь, анализирующий социально-экономическую информацию, где некоторые переменные являются комбинациями других переменных.

Трудности метода корреляционных групп связаны с определением пороговой величины h . Интуитивно ясно, что она должна быть достаточно высокой (не ниже 0,5), но может различаться при переходе от одной матрицы к другой. Если нет иных соображений содержательного порядка, то можно, начав с высоких значений пороговой величины h , постепенно снижать ее. Поскольку метод максимального корреляционного пути располагает переменные в строго определенном порядке, то такая процедура приводит к постепенному укрупнению корреляционных групп, позволяя построить их более оптимально.

Другой подход к решению задачи диагонализации матрицы заключается во введении подходящего функционала, зависящего от того, как именно разбиты переменные на группы. Хороший в интуитивном понимании способ диагонализации соответствует экстремальному значению функционала. Этот подход называется вариационным³².

В отличие от метода корреляционных групп вариационный подход наталкивается на более существенные трудности. Во-первых, не удается предложить функционал, отражающий все

стороны интуитивного понимания хорошего разбиения переменных на группы. Во-вторых, исследователь должен заранее предложить число групп переменных. В-третьих, с ростом числа переменных становится невозможным отыскать глобальный экстремум функционала. Затем и поиски достаточно близкого к глобальному локального экстремума становятся затруднительными. Если же число переменных составляет несколько сотен, то и процедура, обеспечивающая достижение только локального экстремума функционала, не может быть реализована на ЭВМ.

Переменные можно представить себе как векторы. Если рассматривать нормированные и центрированные векторы, то их скалярные произведения будут коэффициентами корреляции. Трактруя эти коэффициенты как меру близости между переменными, можно построить удобную процедуру группировки переменных. Одновременно с группировкой можно сформировать особые векторы, каждый из которых оказывается наиболее сильно связанным с переменными одной группы. Эти новые векторы можно понимать как факторы, ибо каждый из них соответствует одной из изолированных групп взаимосвязанных переменных. Однако эти факторы формируются из принципиально иных соображений, чем факторы классического факторного анализа. Описанный подход получил название методов экстремальной группировки переменных.

Пусть множество переменных x_1, \dots, x_m разбито на L групп G_1, \dots, G_L и, кроме того, введено L факторов f_1, \dots, f_L . Рассмотрим функционал J_1 :

$$\begin{aligned}
 J_1 = & \frac{1}{n^2} \sum_{j \in G_1} (x_j, f_1)^2 + \frac{1}{n^2} \sum_{j \in G_2} (x_j, f_2)^2 + \dots \\
 & \dots + \frac{1}{n^2} \sum_{j \in G_L} (x_j, f_L)^2 = \sum_{j \in G_1} \bar{\rho}_{x_j, f_1}^2 + \\
 & + \sum_{j \in G_2} \bar{\rho}_{x_j, f_2}^2 + \dots + \sum_{j \in G_L} \bar{\rho}_{x_j, f_L}^2.
 \end{aligned}$$

Каждая частная сумма в этом функционале зависит только от переменных, попавших в одну группу, и от фактора, поставленного в соответствие этой группе переменных. Такая частная сумма тем больше, чем сильнее коррелирует фактор с каждой из переменных данной группы. В свою очередь, фактор тем сильнее коррелирует с каждой из переменных группы, чем он ближе к этой группе и чем она теснее. Таким образом, функционал J_1 устроен так, что его максимизация означает образование возможно более тесных групп и построение факторов, сильно связанных с этими группами.

Однако определение максимума функционала J_1 с вычислительной точки зрения представляет значительные трудности. Поэтому

очень часто в практических задачах используется другой функционал J_2 :

$$J_2 = \sum_{j \in G_1} |(\bar{\rho}_{x_j}, f_1)| + \sum_{j \in G_2} |(\bar{\rho}_{x_j}, f_2)| + \dots + \sum_{j \in G_r} |(\bar{\rho}_{x_j}, f_r)|.$$

С содержательной стороны он имеет тот же смысл, что и функционал J_1 . Однако алгоритмы экстремизации J_2 значительно проще и позволяют обрабатывать большое число переменных.

Если мы сравним результаты факторного анализа, метода корреляционных групп, а также экстремальной группировки переменных, то найдем и общие черты, и существенные отличия. Все три приема одинаково хорошо выделяют группы тесно связанных переменных, но даже при средней силе взаимосвязи переменные могут оказаться в различных группах. Предпочтение можно было бы отдать методу экстремальной группировки, ясному в содержательном плане и эффективному по результатам. Однако алгоритм экстремальной группировки слишком сложен для того, чтобы использовать его без прикидочной разбивки переменных на группы. Поэтому обработка совокупности массовых источников средствами факторного анализа, позволяющего расширить задачи и результаты обработки, сохраняет свое ведущее значение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Дифференциальные и разностные уравнения

Как инструмент моделирования социально-экономических процессов дифференциальные уравнения привлекают наше внимание по двум причинам. Во-первых, они дают представление о характере и основных закономерностях развития исторических явлений во времени, а также позволяют установить форму взаимосвязи между отдельными историческими явлениями. Во-вторых, дают возможность без нарушений логической строгости переходить от постулирования исходных концепций к анализу исторических данных и затем к формулированию содержательных обобщений. При этом недостаточно продуманные концепции обнаруживают свою несостоятельность уже на ранних стадиях моделирования, что дает мощный стимул работе исследовательской мысли, не отнимая времени и сил на попытки насильно втиснуть эмпирический материал в «прокрустово ложе» ошибочной теории. В то же время продуктивные подходы, сколь бы простыми они ни были, дают в процессе исследования моделей важные для развития исторической теории следствия.

Значение разностных уравнений заключается прежде всего в том, что с их помощью можно получить численное решение дифференциальных уравнений. Кроме того, как показали работы

экономистов, разностные уравнения сами по себе способны описывать многие социально-экономические процессы. При этом оказывается возможным использование неравенств вместе с конечными разностями. Изучение соотношений, содержащих производные и неравенства, гораздо сложнее.

Дифференциальные уравнения являются большим разделом математики с обширной библиографией¹. В ряде работ рассматриваются вопросы применения дифференциальных уравнений для моделирования социально-экономических процессов². Гораздо беднее литература о разностных уравнениях³. Однако их изучение интенсифицируется.

Мы затронем ряд наиболее важных вопросов теории дифференциальных и разностных уравнений, приведем несколько конкретных примеров моделирования и закончим рассмотрением возможностей использования дифференциальных и разностных уравнений в исторических исследованиях.

Соотношение, устанавливающее зависимость между неизвестной функцией, ее производными и независимыми переменными, называется дифференциальным уравнением. Аналогично соотношение, связывающее независимые переменные с искомой функцией и ее разностями, называется разностным уравнением. С разностями читатель знаком уже из содержания четвертой главы. Теперь необходимо дать понятие производной.

Как известно, производной функции

$$y=f(x)$$

называется новая функция, которая в каждой точке равна пределу отношения приращения зависимой переменной y к приращению независимой переменной x :

$$y' = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta y}{\Delta x} = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{f(x_0 + \Delta x) - f(x_0)}{\Delta x}.$$

Например, производная функции $y=x^2$ равна

$$y' = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{(x + \Delta x)^2 - x^2}{\Delta x} = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{(2x + \Delta x)\Delta x}{\Delta x} = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} (2x + \Delta x) = 2x.$$

Поскольку производная функции есть новая функция той же независимой переменной x , то от нее, в свою очередь, можно вычислить производную. Последовательность вычисления производных может быть продолжена. Получающиеся производные носят наименование производных первого, второго и т. д. порядков.

Содержательный смысл производных поясним следующими примерами. В первой половине 20-х годов валовая продукция крупной государственной промышленности изменялась по формуле

$$y=91,186+0,358t+0,081t^2,$$

где y — промышленная продукция, а t — время.

Первая производная этого выражения

$$y' = 0,358 + 0,162t$$

дает нам скорость роста промышленного производства. Вторая производная

$$y'' = 0,162$$

показывает ускорение процесса. Таким образом, математический анализ позволяет установить, что развертывание промышленности совершалось с постоянно нарастающими темпами.

В то же время число рабочих в государственной промышленности изменялось по формуле

$$z = 1269,4 + 37,218t - 1,154t^2,$$

где z — количество рабочих. Первая производная показывает, что число рабочих увеличивалось:

$$z' = 37,218 - 2,308t,$$

а вторая производная говорит о том, что рост числа рабочих постепенно замедлялся:

$$z'' = -2,308.$$

С одной стороны, это свидетельствовало об интенсификации использования труда в промышленности, а с другой стороны, указывало на то, что со временем промышленность могла столкнуться с проблемой нехватки рабочих рук. Рассматривая те же данные, но в виде таблицы фактических значений или составленных на их основе диаграмм, мы этой закономерности уловить не можем.

Выражение

$$f'(x) \Delta x$$

называется дифференциалом переменной y по переменной x и обозначается dy . Дифференциал же переменной x есть

$$dx = (x)' \Delta x = \Delta x.$$

Следовательно, можно записать

$$dy = f'(x) dx,$$

откуда

$$f'(x) = \frac{dy}{dx}.$$

Определим теперь первую разность функции $y(x)$ как

$$\Delta y(x) = y(x+1) - y(x).$$

Вторая разность будет равна

$$\Delta^2 y(x) = \Delta y(x+1) - \Delta y(x) = y(x+2) - 2y(x+1) + y(x).$$

Можно определить n -ю разность как

$$\Delta^n y(x) = \Delta^{n-1} y(x+1) - \Delta^{n-1} y(x) = y(x+n) - ny(x+n-1) + \dots + (-1)^n y(x).$$

Между производной и разностью существует соотношение вида

$$y'(x + \Theta h) = \frac{1}{h} \Delta y(x), \quad 0 \leq \Theta \leq 1,$$

т. е. $\frac{1}{h} \Delta y(x)$ равна производной в некоторой точке между x и $x+h$ и $\frac{1}{h} \Delta y(x) \rightarrow y'(x)$ при $h \rightarrow 0$. Для численного решения задач эта аппроксимация производной разностью имеет большое значение.

Проведем аппроксимацию на примере функции $y=x^3+4$. Ее производные в точке $x=0,2$ равны

$$y'(x) = 3x^2 = 0,12;$$

$$y''(x) = 6x = 1,2;$$

$$y'''(x) = 6.$$

Разности же функции составляют следующие величины:

x	y	Δy	$\Delta^2 y$	$\Delta^3 y$
0	4	0,001	0,006	0,006
0,1	4,001	0,007	0,012	0,006
0,2	4,008	0,019	0,018	0,006
0,3	4,027	0,037	0,024	
0,4	4,064	0,061		
0,5	4,125			

Для приближенного определения производных можно использовать формулу

$$y^n(x_i) \approx \frac{\Delta^n y_i}{h^n}.$$

Получаем

$$y'(0,2) = 0,019 : 0,1 = 0,19;$$

$$y''(0,2) = 0,018 : 0,01 = 1,8;$$

$$y'''(0,2) = 0,006 : 0,001 = 6.$$

Как видим, две первые производные оценены с погрешностью. Для более точного определения производных можно использовать интерполяционную формулу Ньютона.

Для рассматриваемого случая она принимает достаточно простой вид:

$$y'(x_i) = \frac{1}{h} \left(\Delta y - \frac{\Delta^2 y}{2} + \frac{\Delta^3 y}{3} \right);$$

$$y''(x_i) = \frac{1}{h^2} (\Delta^2 y - \Delta^3 y);$$

$$y'''(x_i) = \frac{1}{h^3} (\Delta^3 y).$$

Получаем

$$y'(0,2) = \frac{1}{0,1} \left(0,019 - \frac{0,018}{2} + \frac{0,006}{3} \right) = 0,12;$$

Пусть $y(x) = f(x, C_1, \dots, C_n)$ — произвольная функция переменной x , включающая n постоянных C_1, \dots, C_n . Рассмотрим эту функцию в некоторой точке x и найдем ее производные в этой точке до n -го порядка. Каждая производная является функцией x и постоянных C_1, \dots, C_n . Получим следующие $n+1$ соотношений:

$$y(x) = f(x, C_1, \dots, C_n);$$

$$y'(x) = f_1(x, C_1, \dots, C_n);$$

$$y^n(x) = f_n(x, C_1, \dots, C_n).$$

Можно взять первые n из полученных уравнений и решить относительно постоянных C_1, \dots, C_n , выразив их через функцию $y(x)$ и первые $(n-1)$ производные. Мы получим соотношения вида

$$C_i = \varphi_i [x, y(x), y'(x), \dots, y^{n-1}(x)].$$

Если теперь их подставить в последнее соотношение, то мы получим дифференциальное уравнение n -го порядка:

$$y^n(x) = F[x, y(x), y'(x), \dots, y^{n-1}(x)].$$

Аналогично можно получить разностное уравнение n -го порядка, исключив n постоянных:

$$\Delta^n y(x) = F[x, y(x), \Delta y(x), \dots, \Delta^{n-1} y(x)].$$

Первоначальная функция $f(x, C_1, \dots, C_n)$ называется первообразной дифференциального или разностного уравнения, которое получено из нее приведенным выше путем. Решить дифференциальное или разностное уравнение означает проделать указанные действия в обратном порядке, т. е. найти первообразную функцию, из которой могло быть получено уравнение.

В случае дифференциального уравнения отыскание первообразной является действием, обратным дифференцированию — отысканию производных. Общий вид первообразной данной функции $f(x)$ называется неопределенным интегралом от функции $f(x)$ и обозначается так:

$$\int f(x) dx,$$

где переменная под знаком интеграла носит название переменной интегрирования, функция $f(x)$ — подынтегральной функции и произведение $f(x) dx$ — подынтегрального выражения. Если $F(x)$ — какая-либо первообразная функция $f(x)$, то неопределенный интеграл от $f(x)$ равен сумме $F(x) + C$, где C — постоянная:

$$\int f(x) dx = F(x) + C.$$

Для разностного уравнения поиск первообразной является действием, обратным исчислению разностей.

Существуют разные типы дифференциальных и разностных уравнений. Например, уравнение типа

$$y'(x) = f(x, y)$$

называется обыкновенным дифференциальным уравнением первого порядка, разрешенным относительно производной. При этом дифференциальным уравнением оно называется потому, что в него входит производная искомой функции y ; обыкновенным — потому, что искомая функция зависит лишь от одной переменной x и, таким образом, уравнение не содержит частных производных; первого порядка — потому, что наивысший порядок входящих в уравнение производных функции y равен 1; и разрешенным относительно производной — потому, что оно разрешено относительно $y'(x)$ в отличие, например, от дифференциального уравнения в неявном виде

$$g[x, y, y'(x)] = 0.$$

Аналогично уравнение типа

$$\Delta y(x) = f(x, y)$$

называется разностным уравнением первого порядка.

В обыкновенных дифференциальных и разностных уравнениях, используемых для моделирования социально-экономических процессов, независимая переменная почти всегда отождествляется со временем и поэтому для ее обозначения используется буква t вместо более привычной буквы x . Можно интерпретировать t , во-первых, как обобщающую независимую переменную, результирующую воздействие на y множества реальных независимых переменных; во-вторых, как своеобразную количественную меру независимых переменных, в том числе и таких, которые не имеют иного количественного выражения; и в-третьих, как меру развертывания процесса во времени.

Для моделирования социально-экономических процессов особую важность имеют уравнения следующего вида:

$$a_0(t) y^n(t) + a_1(t) y^{n-1}(t) + \dots + a_n y(t) = \varphi(t);$$

$$a_0(t) \Delta^n y(t) + a_1(t) \Delta^{n-1} y(t) + \dots + a_n y(t) = \varphi(t),$$

где коэффициенты $a_i(t)$ могут быть функциями от t , но не могут быть функциями от y или ее производных. Такие уравнения называются линейными дифференциальными или линейными разностными уравнениями n -го порядка. Если коэффициенты a_i являются постоянными, то уравнения называются линейными дифференциальными или линейными разностными уравнениями n -го порядка с постоянными коэффициентами. Если $\varphi(t) = 0$, то линейные уравнения называются однородными. Дифференциальные или разностные уравнения рассмотренного вида, в которых y является

функцией одной переменной t , называются обыкновенными. Если u является функцией нескольких переменных и частные производные или частные разности включены в уравнение, то такие уравнения называются дифференциальным уравнением в частных производных или разностным уравнением в частных разностях.

Теория линейных дифференциальных уравнений обобщается и на некоторые виды нелинейных уравнений, с которыми также приходится иметь дело при изучении социально-экономических процессов.

Исходным пунктом моделирования социально-экономических процессов с использованием дифференциальных и разностных уравнений является конкретная историческая ситуация, выдвигающая перед исследователем задачу, на которую нужно найти ответ. Исторические ситуации редко бывают четко очерченными, а их взаимосвязь с прошлыми ситуациями и с иными ситуациями, развивавшимися параллельно исследуемой, часто делает точное описание затруднительным. Поэтому процесс выделения задачи, поддающейся математическому анализу, является сложным. Он начинается с качественного исследования исторического процесса. При этом устанавливаются его существенные особенности, имеющие решающее значение. Для социально-экономических процессов эта стадия схематизации играет ведущую роль, поскольку в формировании процессов участвуют множество факторов и выделить главные из них чрезвычайно сложно.

Поэтому успех моделирования прежде всего зависит от методологических позиций исследователя. Одним из наиболее важных аспектов применения дифференциальных и разностных уравнений в исторических исследованиях является то, что они требуют от исследователя мобилизации и гибкого использования теоретических знаний об изучаемом явлении. При отсутствии тщательно разработанной теории успех применения дифференциальных и разностных уравнений в социально-экономических исследованиях весьма проблематичен.

После того как существенные факторы выявлены, следующий шаг состоит в переводе их на язык математических понятий и величин и постулировании соотношений между этими величинами. Здесь нас часто могут ждать неприятные сюрпризы. Лучшим способом определения соотношения между величинами являются данные исторических источников. Однако очень часто такие данные либо вообще отсутствуют, либо содержат значительные погрешности. Видимо, все-таки есть смысл исходить из имеющихся данных, с тем, чтобы впоследствии внести в них коррективы, если факт погрешностей будет со всей несомненностью доказан.

Третья стадия состоит в решении дифференциальных или разностных уравнений модели. Выше мы уже касались общих принципов решения. На практике решение дифференциальных и разностных уравнений таит в себе немало подводных камней и поэтому для разных видов уравнений существуют разные способы решения. Наиболее изучены способы решения дифференциальных уравнений.

противоречивой и подчиняться всем законам математической логики. Во-вторых, ее адекватность зависит от способности точно описывать моделируемую ситуацию. Ответ на последний вопрос мы получаем, сопоставляя модель с фактическими данными.

Моделирование с помощью дифференциальных и разностных уравнений предоставляет историку широкие возможности. Во-первых, с их помощью можно определить характер процессов и форму зависимости между переменными. Во-вторых, дифференциальные и разностные уравнения позволяют проверить справедливость той или иной постулируемой историком теории. В-третьих, они позволяют получить новое знание о сущности изучаемых процессов. В-четвертых, дифференциальные модели дают возможность изучить нереализовавшиеся в истории ситуации, сравнить их с действительным ходом событий и на этой основе дать объективную оценку тем или иным историческим преобразованиям.

Модели рынков

Познакомившись с элементарными приемами моделирования, перейдем к более продвинутым моделям, представляющим собой математическое осмысление и развитие определенных теоретических представлений об изучаемой действительности. Вторгаясь в область теории, математика позволяет выявить ее логическую непротиворечивость, получить целый ряд нетривиальных следствий, облегчить интерпретацию фактических данных.

Наиболее ярким примером такого рода моделей являются модели рынков, развивавшиеся первоначально представителями неоклассической политической экономики, точнее, — представителями ее математического крыла⁴, но в последние десятилетия обратившие на себя внимание советских экономистов и математиков, сумевших в значительной мере приблизить эти модели к реальной экономике⁵. Для темы нашей монографии математические модели рынков имеют огромное значение. Все вопросы, связанные с рыночным равновесием или неравновесием, перераспределением национального дохода между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, расхождением цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, мы решаем с использованием результатов математического моделирования процессов обмена и перераспределения.

Генетически рыночные модели восходят к следующей формальной схеме рынка. Участники обмена располагают некоторыми начальными товарными запасами, и каждый из них сравнивает различные наборы товаров по их предпочтительности для себя. Вводится система цен, исходя из которой участники формируют наиболее удовлетворительные для них планы предложения и спроса. Если эти индивидуальные планы совместимы друг с другом, то происходит обмен товарами. Если совместимость не достигнута, то изменяется система цен. Таким образом, рынок оказывается системой, разрешающей конфликт между индивидуальными интересами.

На первый взгляд кажется, что эта схема находится в неприимом противоречии с теорией К. Маркса. В частности, она вроде бы полностью игнорирует потребительскую и трудовую стоимость. На самом деле это не так. Потребительская стоимость проявляет себя при формировании участниками наиболее предпочтительных для них наборов товаров. А включив в эту схему процесс производства с его издержками и прибылью, мы в состоянии рассмотреть и действие трудовой стоимости.

Решив все математические проблемы, связанные с описанием изложенной выше схемы рынка, исследователи приступили к ее усложнению, стремясь приблизиться к формализации существующих рыночных систем. В частности, были предложены модели с неполной конкуренцией⁶ и неравновесными ценами⁷. В настоящем своем виде существующие модели рынков вобрали в себя все достижения современной математики: математическую логику, теорию множеств, топологию, математический анализ, теорию оптимизации и т. д. Тем не менее не все содержательные проблемы реальных рынков еще решены. Поэтому в конкретном анализе можно пользоваться результатами математического моделирования рынков, но нельзя целиком на него полагаться.

Ниже мы дадим самое общее введение к математическому моделированию рынков. Изложение в нем некоторых важных математических сюжетов рассчитано прежде всего на специалистов в этой области. Нам же оно дает возможность, не нарушая научной строгости, избежать рассмотрения специальных вопросов в конкретном исследовании рыночной смычки между городом и деревней.

Товары и участники обмена — первичные элементы рыночной системы. Находясь в диалектическом единстве, каждое из этих понятий отталкивается от другого. Товар определяется способностью к обмену, осуществляемому участниками. То, что товары являются предметом сделок, подразумевает, что в рамках данной рыночной системы они соизмеримы.

Будем обозначать количество товара k вещественным неотрицательным числом $x_k \geq 0$. Определить количество каждого из представленных на рынке товаров — значит задать число x_k для k , изменяющегося от 1 до l . Это равносильно покомпонентному заданию вектора x из l -мерного пространства R'_+ . Соответственно если задан вектор $x \in R'_+$, то l его компонент определяют количество каждого товара. Если $x_k = 0$, то это означает, что товара k нет на рынке.

Зафиксируем набор товаров $\Omega \in R'_+$, представляющий собой всю обращающуюся на рынке товарную массу. Предполагается, что он известен всем участникам обмена. Ясно, что в реальных рыночных условиях такое предположение не всегда оправдывается. Однако попытки ввести в теорию элементы неопределенности выявили существенные математические затруднения. Проблема рынка сводится к тому, как распределить вектор Ω между m участниками обмена.

Назовем распределением любой вектор $X = (x_1, \dots, x_m)$ из пространства \mathbb{R}_+^m . Если выполняется условие $\sum_{i=1}^m x_i = \Omega$, то распределение считается допустимым. Итак, мы приходим к выделению множества \mathfrak{R} допустимых распределений. Каждый элемент этого множества задает для всякого участника i его набор товаров, и при этом сумма товаров всех участников не превышает имеющиеся товарные ресурсы.

Попытаемся уменьшить число возможных распределений. Задача может заключаться в выборе в некотором смысле лучшего распределения из множества допустимых. Рассмотрим участника i , сравнивающего распределения X и Y . Введем отношение предпочтения \succsim_i . Запись $X \succsim_i Y$ означает, что либо участник i из двух предложенных распределений выбирает X , либо X и Y для него безразличны. Предпишем предпочтениям некоторый порядок. Он выражается свойством транзитивности: если участник i предпочитает распределение X распределению Y , а распределение Y распределению Z , то он предпочтет также распределение X распределению Z . Если любые два распределения сравнимы, то порядок предпочтения является полным. Распределение X будем считать лучшим для участка i , если $X \succsim_i Y$ для всех $Y \in \mathfrak{R}$.

Представляется естественным рассуждать точно так же и относительно множества всех участников S , т. е. стараться определить отношение коллективного предпочтения \succsim_S на множестве допустимых распределений. Но следует учесть два обстоятельства. Во-первых, реально существуют лишь индивидуальные предпочтения. Поэтому лишь исходя из них можно строить отношения коллективного предпочтения. Во-вторых, невозможно одновременно пойти навстречу желаниям всех участников. Такова, например, ситуация, когда каждый хотел бы получить все. Поэтому задача сводится к отысканию наилучшего из возможных компромиссов.

Для того чтобы учесть эти обстоятельства, необходимо как-то соизмерять индивидуальные предпочтения. Порядок предпочтения оказывается для этого недостаточным. Он только утверждает, что участник i предпочитает распределение X распределению Y , но не говорит насколько. Было бы удобно ввести показатель степени предпочтений. Речь идет о численном индикаторе, который сопоставил бы каждому распределению $X \in \mathbb{R}_+^m$ некоторый показатель удовлетворенности $u(X) \in \mathbb{R}$. Чем выше этот показатель, тем больше степень удовлетворения. Такой показатель называется функцией полезности. Говорят, что u является функцией полезности, представляющей порядок предпочтения, если $u(X) \geq u(Y) \Leftrightarrow X \succsim_i Y$.

Для того чтобы порядок предпочтения можно было представить функцией полезности u , необходимо, чтобы он был непрерывным. Непрерывность порядка предпочтения означает, что если участник предпочитает распределение X^0 распределению Y^0 , то он предпочтет также распределение X распределению Y , если распределения X и Y близки распределениям X^0 и Y^0 соответственно.

Рассмотренные нами условия не гарантируют единственности функции полезности. Более того, они предполагают, что существует бесконечное число функций, представляющих данный порядок предпочтения. Полезно поэтому выдвинуть некоторые предположения о порядке предпочтения с тем, чтобы сузить круг представляющих его функций.

Будем считать порядок предпочтения монотонным:

$$\mathbf{X} + \mathbf{Z} \succcurlyeq \mathbf{X} \quad \forall \mathbf{X} \in \mathbb{R}_+^{lm}, \quad \forall \mathbf{Z} \in \mathbb{R}_+^{lm}.$$

Предположение о монотонности, по существу, означает, что все товары желаемы: чем больше товаров, тем лучше. Следовательно, функция полезности должна быть такой, что

$$u(\mathbf{X} + \mathbf{Z}) \geq u(\mathbf{X}) \quad \forall \mathbf{X} \in \mathbb{R}_+^{lm}, \quad \forall \mathbf{Z} \in \mathbb{R}_+^{lm}.$$

Это значит, что функция u не убывает с ростом аргументов. В реальной экономике предположение о монотонности выполняется не всегда. Но для равновесных рыночных систем оно справедливо.

Будем также считать порядок предпочтения выпуклым. Множество M называется выпуклым, если вместе с любыми двумя точками оно содержит отрезок, их соединяющий. Математически это записывается так:

$$x \in M, \quad y \in M \Rightarrow \alpha x + (1 - \alpha)y \in M \quad \forall \alpha \in [0, 1].$$

Аналогично условие выпуклости записывается и для порядка предпочтения:

$$\mathbf{Y} \succcurlyeq \mathbf{X} \text{ и } \mathbf{Y} \neq \mathbf{X} \Rightarrow \lambda \mathbf{X} + (1 - \lambda) \mathbf{Y} \succ \mathbf{Y},$$

где \succ — строгое предпочтение. Выпуклость порядка предпочтения свидетельствует о стремлении участника распределить свое потребление между всеми товарами. Это можно приписать эффекту насыщения, который, начиная с некоторого уровня, уменьшает привлекательность потребления исключительно одного товара. Как только основные потребности начинают удовлетворяться, появляются другие, на которые участник переключается.

Точный перевод на язык функций предположения о выпуклости имеет вид

$$u(\mathbf{Y}) \geq u(\mathbf{X}) \text{ и } \mathbf{Y} \neq \mathbf{X} \Rightarrow u(\lambda \mathbf{X} + (1 - \lambda) \mathbf{Y}) > u(\mathbf{Y}).$$

Это означает, что поверхности уровня функции не содержат отрезков прямой. Такие функции называются квазивогнутыми. К сожалению, квазивогнутые функции сравнительно неудобны для работы. Они образуют слишком обширный класс, для того чтобы применять частные методы. Поэтому на практике их заменяют вогнутыми функциями. Условие вогнутости записывается:

$$u(\lambda \mathbf{X} + (1 - \lambda) \mathbf{Y}) > \lambda u(\mathbf{X}) + (1 - \lambda) u(\mathbf{Y}).$$

Это значит, что график функции нигде не лежит над касательной к нему. Любая вогнутая функция является квазивогнутой. Однако

обратное неверно. Значит, не любой выпуклый порядок предпочтения можно представить вогнутой функцией. Это породило множество работ, изучающих те условия, которые нужно наложить на порядок предпочтения, чтобы он мог быть представлен вогнутой функцией. Среди прочих результатов доказано, что любой выпуклый монотонный порядок предпочтения можно сколь угодно точно аппроксимировать порядками, представимыми вогнутыми функциями полезности.

Есть смысл рассматривать функцию полезности как целевую функцию, моделирующую поведение участников, стремящихся ее максимизировать. Рассмотрим функцию коллективной полезности, складывающуюся из функций индивидуальных полезностей с некоторыми весовыми коэффициентами α_i , определяющими долю каждого участника в коллективном выборе:

$$u_S^\alpha = \alpha_1 u_1 + \dots + \alpha_m u_m, \quad \alpha_i \geq 0, \quad \sum_{i=1}^m \alpha_i = 1.$$

Каждому набору коэффициентов α , соответствует своя функция коллективной полезности u_S^α и, следовательно, свой коллективный порядок предпочтения. Итак, перед нами оказывается целое семейство коллективных функций полезности, все они совершенно равноправны и нет никаких причин предпочесть одну функцию другой.

Однако положение не совсем безвыходное. Зафиксируем производные коэффициенты α и максимизируем u_S^α на множестве допустимых распределений. Мы получим распределение X^α , удовлетворяющее условию $X^\alpha \succeq_S^\alpha Y$ для всех $Y \in \mathcal{R}$. При данных α , оно является лучшим из всех возможных распределений. Если теперь изменять α , распределение X^α будет меняться в множестве допустимых распределений \mathcal{R} . Однако совокупность таких X^α охватит не полностью \mathcal{R} , а лишь некоторое его подмножество \mathcal{P} , гораздо меньшее, чем \mathcal{R} . Распределения из \mathcal{P} обладают такими свойствами, благодаря которым они являются единственными достойными рассмотрения при коллективном выборе.

Множество \mathcal{P} содержит распределения, оптимальные в смысле Парето. Распределение X называется оптимумом Парето, если в пределах имеющихся товарных ресурсов невозможно увеличить ни долю всех участников обмена, ни долю одного участника, не уменьшая долю других. В сущности, оптимум Парето соответствует такому поведению участников, когда то, что хорошо для одного, хорошо и для всех остальных. Выделив множество \mathcal{P} , мы освободились от тех распределений, которые считаются худшими всеми участниками.

Однако в пределах оптимальных по Парето распределений нельзя найти такое распределение, которое бы единодушно предпочиталось всеми участниками. В частности, если нужно выбирать между $X \succeq \mathcal{P}$ и $Y \succeq \mathcal{P}$, то мнения обязательно разделятся. Математически это выражается тем обстоятельством, что оптимумы

Парето определяют на \mathfrak{R} коллективный порядок предпочтения, не являющийся полным.

Для того чтобы сделать коллективный выбор более определенным, необходимо привлечь дополнительные соображения. В разработке новых критериев фундаментальную роль играют коалиции участников. Если S является множеством, состоящим из m участников обмена, то любое подмножество множества S называется коалицией. Коалиции являются математическими аналогами трестов, синдикатов, кооперативных объединений, выполняющих торговые функции.

Обозначим $C(S)$ множество всех возможных коалиций. Если S содержит m участников, то $C(S)$ содержит 2^m коалиций. Однако не следует думать, что все возможные коалиции существуют. Для того чтобы участники решили объединиться, необходима как минимум общность интересов. Множество образованных коалиций будем обозначать \mathfrak{C} . Оно является подмножеством $C(S)$. Будем говорить, что \mathfrak{C} является набором коалиций.

Среди наборов коалиций особую роль играют сбалансированные наборы. Рассмотрим участника i , входящего одновременно в коалиции C и D . Поставим ему в соответствие два числа $\beta'_C > 0$ и $\beta'_D > 0$, в сумме равных единице, что означает, что обе коалиции полностью представляют участника i . Условимся, что коалиции C соответствует доля участия β'_C , а коалиции D — доля β'_D участника i . Этот прием применим и для большего числа коалиций. Будем считать, что каждая коалиция в равной степени представляет своих участников: $\beta'_C = \beta^i_C$. Наборы коалиций, отвечающие этим условиям, называются сбалансированными.

Допустим, что m участников, действуя согласованно, могут разделить товары так, чтобы обеспечить полезность v . Для осуществления такого дележа необходимо, чтобы каждый нашел его выгодным для себя. Это значит, что следует предложить участнику i по крайней мере столько, сколько он может гарантировать себе, действуя в одиночку.

Введем в рассмотрение множество всех коалиций. Это существенно изменяет ситуацию. Теперь каждый участник постоянно производит смотр всем возможным союзам, и если члены коалиции A в своих расчетах замечают, что, действуя сообща, они смогут получить строго больше, чем им предложили, то они откажутся от предложенного дележа. Будем говорить, что коалиция A блокирует дележ $v \in R^S$, если существует такой дележ $u \in V(A)$, что $v_i < u_i$ для всех $i \in A$. Ясно, что коалиция A заботится только о своих членах, при этом она может гарантировать им любое распределение из $V(A)$, и только из него.

Для того чтобы и в этих условиях сохранялась целостность рыночной системы, введем понятие ядра рынка. Ядром рынка называется множество дележей из $V(S)$, которые не блокируются никакой коалицией. Кажется, что ядро рынка дает приемлемое решение проблемы коллективного выбора: если предлагается распределение из ядра, то никто, будь то участник или коалиция,

не имеет побудительных мотивов противопоставить этому распределению другое. Если же какая-либо коалиция попытается сделать это, то собственные члены ее покинут. К сожалению, пока не ясно, существуют ли на деле такие дележи? Не является ли ядро рынка пустым?

Видимо, если ядро рынка пусто, то коалиции, являясь промежуточными между участниками и всем коллективом, имеют слишком много возможностей. Для ограничения этих возможностей введем свойство супераддитивности. Если A и B — две непересекающиеся коалиции и если A может обеспечить своим членам полезность $(v_i)_{i \in A} \in V(A)$, а B — полезность $(u_i)_{i \in B} \in V(B)$, то коалиция $A \cup B$ сможет обеспечить своим членам дележ $(v_i, u_i)_{i \in A \cup B}$. Для этого достаточно, чтобы A и B действовали независимо. Математически свойство супераддитивности записывается так:

$$A \cap B = \emptyset \Rightarrow V(A) \times V(B) \subset V(A \cup B).$$

Включение строгое, что означает увеличение возможностей, предоставляющихся коалициям A и B , если они соглашаются объединить свои усилия.

Ясно, что в этих условиях весь коллектив S обладает наибольшими возможностями. Это и есть способ выражения того факта, что промежуточные коалиции не слишком могущественны. К сожалению, этого недостаточно. Для того чтобы ядро рынка не было пусто, необходимо также, чтобы наборы коалиций были сбалансированными. Рынок со сбалансированными коалициями, на котором выполняется свойство супераддитивности, будем называть сбалансированным. Ядро такого рынка не пусто.

Настало время ввести ряд предположений, уточняющих рыночную ситуацию. Допустим, что суммарные товарные ресурсы Ω с самого начала распределены между участниками. Ясно, что при этом мы отказываемся от целого класса реальных рыночных систем, в которых государство объявило монополию на товарные ресурсы и само распределяет их между участниками. Какое-то представление о таких системах можно получить из предшествующего анализа. Теперь же мы остановимся на таком классе рыночных ситуаций, когда невозможно распорядиться долей общих ресурсов ω^i без согласия i -го участника. Этот участник имеет в своих руках некоторые товары, которые можно у него изъять, лишь предложив ему нечто лучшее. Отныне задача формулируется не в терминах дележа, а в терминах обмена.

Общая задача рынка не изменилась: наилучшим образом распределить товарные ресурсы Ω . Однако теперь всегда существует какое-то начальное распределение и конкретная задача рынка состоит в том, чтобы его улучшить. Предположение о начальном распределении товаров и связанной с ним возможности блокирования позволяет существенно уточнить выбор. Делается это путем расширения возможностей блокирования на основе понятия нечетких коалиций.

Нечеткой коалицией называется любой набор $a = (a_1, \dots, a_m)$

из m неотрицательных чисел. Ее носителем A называется множество таких $i \in S$, для которых $\alpha_i \neq 0$. Говорят, что нечеткая коалиция блокирует распределение (x^1, \dots, x^m) , если существуют такие наборы товаров $y^i \in R_+^l$, $i \in A$, что

$$\alpha_i y^i = \sum_{i \in A} \alpha_i \omega^i, \quad y^i \geq x^i \quad \forall i \in A.$$

Если, например, $\alpha_i = 0$ или 1 для всех $i \in S$, то это просто означает, что распределение (x^1, \dots, x^m) блокируется коалицией A . Такова же ситуация, если α_i равна некоторой константе для всех $i \in S$. Таким образом, нечеткая коалиция является просто математическим обобщением понятия коалиции.

Нечетким ядром рынка называется множество допустимых распределений, которые не блокируются никакими нечеткими коалициями. Если обозначить ядро рынка \mathfrak{N} , нечеткое ядро \mathfrak{W} , а оптимум Парето \mathfrak{P} , то можно записать

$$\mathfrak{W} \subset \mathfrak{N} \subset \mathfrak{P} \subset R_+^{lm}.$$

Таким образом, распределения из нечеткого ядра принадлежат ядру рынка, а распределения из ядра оптимальны по Парето. Так как нечетких коалиций, каждая из которых обладает возможностью блокирования, бесконечное множество, то множество \mathfrak{W} , вообще говоря, значительно меньше ранее изученных. Рассмотрим, при каких условиях распределения принадлежат нечеткому ядру.

Пусть перед нами рыночная система с распределенными между участниками товарными ресурсами и выпуклыми порядками предпочтения. Возьмем допустимое распределение (x^1, \dots, x^m) , не насыщающее ни одного участника. Для того чтобы это распределение принадлежало нечеткому ядру \mathfrak{W} , необходимо и достаточно, чтобы существовали такие коэффициенты (p_1, \dots, p_l) , не все равные нулю, что для всех $i \in S$

$$y \geq x^i \Rightarrow \sum_{k=1}^l p_k y_k \geq \sum_{k=1}^l p_k \omega_k^i.$$

Если допустить, что каждый из участников имеет каждый вид товаров, хотя бы в весьма малом количестве, то условие принадлежности распределения (x^1, \dots, x^m) нечеткому ядру \mathfrak{W} запишется так:

$$\sum_{k=1}^l p_k x_k^i = \sum_{k=1}^l p_k \omega_k^i;$$

$$\left[y \in R_+^l \text{ и } \sum_{k=1}^l p_k y_k \leq \sum_{k=1}^l p_k \omega_k^i \right] \Rightarrow x^i \geq y.$$

Экономическая интерпретация полученных соотношений такова. Коэффициенты (p_1, \dots, p_l) — это цены соответствующих товаров. Величина $\sum_{k=1}^l p_k \omega_k^i$ — это та сумма, которую участник i

может получить за свой начальный запас. Равенство $\sum_{k=1}^l p_k x_k = \sum_{k=1}^l p_k \omega_k$ означает, что именно эту сумму надо заплатить, чтобы

купить набор товаров x^i . Последнее из полученных соотношений означает, что для участника i не существует лучшего способа истратить полученную им сумму. Таким образом, стоило нам только ввести начальное распределение товаров, как в системе автоматически появились цены и даже некоторое подобие денег, точнее говоря, расчетных единиц, которые могут не иметь денежного эквивалента.

Описанная выше ситуация такова, что цены могут быть как положительными, так и отрицательными. В последнем случае p_k является уже скорее не ценой, а нормой возмещения убытков за обладание товаром k . Для того чтобы цены были только положительными, необходимо сделать еще одно предположение, заключающееся в желательности всех товаров. Математически это значит монотонность порядков предпочтений.

Если ограничиться введенными предположениями, то мы будем иметь дело с такой рыночной системой, в которой никакой участник не может влиять на цены. В такой ситуации при сложившейся системе цен $p = (p_1, \dots, p_l)$ участник i оценивает свой капитал в расчетных единицах $r^i = \sum_{k=1}^l p_k \omega_k^i$. Эта сумма позволяет ему

выбрать любой набор товаров $y \in \mathbb{R}_+^l$, который не стоит дороже r^i . Доступные участнику i наборы товаров образуют бюджетное множество $B(r^i)$. В своем бюджетном множестве участник i выбирает наиболее предпочтительный для него набор товаров $x \in B(r^i)$, $u_i(x) \geq u_i(y) \forall y \in B(r^i)$. Математически участник i максимизирует свою функцию полезности на бюджетном множестве. Бюджетное множество каждого участника $i \in S$ не изменяется при умножении всех цен на одну и ту же константу $\lambda > 0$. Экономически это значит, что изменение расчетной единицы не влияет на индивидуальные потребления. Это позволяет рассматривать положительные цены с единичной суммой.

Назовем областью цен множество

$$\Pi = \{p \in \mathbb{R}^l \mid p_1 + \dots + p_l = 1, p_k > 0 \forall k\}.$$

Отображение D^i , ставящее в соответствие любой системе цен $p \in \Pi$ вектор x^i из бюджетного множества участника i , который предпочитается всем остальным, называется функцией индивидуального спроса. При сделанных выше предположениях функция индивидуального спроса такова, что для удовлетворения спроса участник i должен продать все, что он имеет.

Предположим, что $p_1 = 0$. Тогда бюджетное множество не будет ограничивать потребление товара y_1 . А так как все товары

желаемы, то участник i никогда не будет насыщен товаром y_i . Следовательно, уже нельзя определить индивидуальный спрос, максимизируя полезность. Для того чтобы индивидуальный спрос был удовлетворен, система цен должна отвечать определенным условиям. Она должна быть такой, чтобы для каждого товара спрос был в точности равен предложению.

Введем в рассмотрение функцию избыточного спроса z , определяемую равенством

$$z(p) = \sum_{i=1}^m D^i(p) - \Omega.$$

Компонента $z_k(p)$ представляет собой превышение спроса на товар k над его предложением. Если рынок находится в состоянии равновесия, то $z(p) = 0$ — спрос равен предложению. Вектор цен, обеспечивающий равенство спроса и предложения, называется системой равновесных цен, а вектор спроса при равновесных ценах называется равновесным распределением. Множество равновесных распределений совпадает с нечетким ядром рынка \mathfrak{W} .

Важно осознавать, что не существует фундаментальной математической теории, описывающей поведение участников вне состояния рыночного равновесия. Однако в реальных рыночных ситуациях цены не всегда равновесные. Таков, в частности, рынок с регулируемыми ценами, наиболее характерной чертой которого является дефицитность одних товаров при дороговизне других. В условиях дефицита товары предлагаются участникам в ограниченных количествах. Будем обозначать q_k потребительскую квоту на товар k . Отображение C^i , ставящее в соответствие любой системе квот $q = (q_1 + \dots + q_l)$ вектор x^i из бюджетного множества участника i , который предпочитается всем остальным, будем называть функцией потребительского выбора. Если бюджетное множество таково, что квоты не влияют на выбор участника i , то функция потребительского выбора совпадает с функцией индивидуального спроса. Поведение участника оказывается тождественным описанному выше. В противном случае мы имеем дело не со спросом, а с его деформированным проявлением в виде реализованного выбора, зависящего от квот. Можно сказать, что функция потребительского выбора порождается функцией индивидуального спроса.

Выше мы ввели в рассмотрение коалиции участников, блокирующие любые распределения, не принадлежащие ядру экономики. Можно интерпретировать распределения из ядра как ситуации равновесия сил, в которых невозможны эффективные коалиции и, следовательно, отсутствуют причины их образования. В случае рынка с неравновесными ценами существование коалиций, видимо, уже имеет экономический смысл. Для этого достаточно показать, что деформированный квотами выбор оптимален по Парето, но не принадлежит ядру рынка.

В самом деле, выбор в условиях дефицитности принадлежит множеству допустимых распределений и представляет собой

результат максимизации индивидуальных функций полезности, т. е. он единогласно предпочитается всем остальным распределениям и, следовательно, оптимален по Парето. Однако либо ядро регулируемого рынка пусто, либо существующие на нем цены равновесны и выбор не зависит от квот. Для доказательства этого можно воспользоваться теоремой Г. Оуэна, гласящей, что если игра существенная с постоянной суммой, то ядро игры пусто. Игра называется существенной, если

$$u_S > \sum_{i=1}^S u_{\{i\}}.$$

Возможность рассматривать рынок как существенную игру вытекает из свойства супераддитивности. Игра называется игрой с постоянной суммой, если для любой коалиции $A \subset S$ выполняется

$$u_S = u_A + u_{(S/A)}.$$

Для рынка с равновесными ценами это утверждение лишено смысла хотя бы потому, что в общем случае полезности неаддитивны. Однако в случае дефицита аддитивность полезностей, видимо, имеет место, так как появляется возможность интерпретировать рынок как игру с прямо противоположными интересами коалиций A и S/A : если одна сторона получает дефицитные товары, то их не получает другая сторона.

Если ядро регулируемого рынка пусто, то следует подумать о возможности иного уточнения множества оптимальных в смысле Парето допустимых распределений товаров на таком рынке. В этих целях можно использовать рассматриваемые в теории игр НМ-решения, введенные Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном. Множество распределений $\mathfrak{B} \subset \mathfrak{P}$ называется НМ-решением для $X \in \mathfrak{P}$ если

- а) из $Y, X \in \mathfrak{B}$ следует, что $Y > X$ не может иметь места;
- в) если $Y \notin \mathfrak{B}$, то найдется такое распределение $X \in Y$, что $X > Y$.

Основная трудность, связанная с НМ-решениями, состоит в том, что из определения не следует ни их существования, ни их единственности. Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн утверждали, что НМ-решения отражают нормы поведения, свойственные данной общественной структуре. Как только общество выработает норму поведения (НМ-решение), реализовавшееся распределение будет определяться деловыми способностями участников в рамках этих норм. В отличие от распределений из ядра НМ-решения допускают дискриминацию участников.

Для того чтобы обзор современного состояния теории рынков был полным, необходимо рассмотреть также понятие устойчивости. В случае равновесного рынка его устойчивость определяется просто. Предполагается, что динамическое поведение такого рынка

описывается одним из следующих соотношений:

$$dp/dt = kz [p(t)],$$

$$\Delta p(t) = kz [p(t)],$$

где $z [p(t)]$ — вектор избыточного спроса в ценах $p(t)$, а k — коэффициент пропорциональности. В дифференциальном уравнении цены меняются мгновенно, как реакция на возникновение избыточного спроса. В разностном уравнении цены реагируют на избыточный спрос со сдвигом на период. И в том, и в другом случае скорость изменения цены пропорциональна величине избыточного спроса. В условиях равновесия $z(p) = 0$. Тогда рынок называется устойчивым, если при любых начальных ценах $p > 0$ величина $p(t)$ приближается к равновесию.

Таким образом, определение устойчивости зависит от определения равновесия. Это объясняет затруднения, возникающие при описании динамики неравновесных рыночных систем. Для того чтобы преодолеть эти затруднения, вводится понятие согласованного состояния рынка, поддерживаемого совместным действием механизмов цен и квот. Из множества возможных согласованных состояний выделяется наилучшее, т. е. в каком-то смысле оптимальное. Если принять его за равновесие, то устойчивость проявится в приближении системы к такому состоянию.

Таковы основные результаты математической теории рынков. Делаются попытки соединить ее с математической теорией производства в целях получения интегрированной теории экономических систем.

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЗОБЩЕННОСТИ К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Мировая социал-демократия верила, что пролетарская революция снимет все препятствия, которые встречает прогресс в земледелии в условиях капитализма. Противоречие между возможной и действительной производительностью труда в сельском хозяйстве будет устранено благодаря социалистической промышленности, которая снабдит крестьян орудиями труда, передовым естествознанием и научной агрономией. Производительные силы сельского хозяйства поднимутся до самой высокой степени. Но как при этом поступить с мелкими земледельцами? Можно ли примирить их существование с обобществлением средств производства, плановым хозяйством, использованием современной техники?

Западная социал-демократия считала, что пролетариат, достигнув власти, не использует ее для немедленной экспроприации мелких крестьян или конфискации их земельных участков. «Об этом никто из социал-демократов не думает. Это, конечно, само по себе не могло бы еще быть гарантией, что дело не дойдет до подобной экспроприации. Мы ведь можем говорить только за самих себя, но мы не знаем, кто из нас доживет до победы пролетариата, при каких условиях она наступит, каковы будут воззрения победителей. Однако, помимо доброй воли живущих теперь социал-демократов, существует и другой фактор, представляющий гораздо большее ручательство за то, что дело не дойдет до экспроприации крестьян: это — тот простой факт, что подобная экспроприация не только не отвечает интересам пролетариата, но и противоречит им», — писал К. Каутский¹.

Какие же доводы выдвигал лидер II Интернационала в пользу сохранения пролетариатом мелкого землевладения? «Победоносный пролетариат будет иметь все основания позаботиться о том, чтобы производство пищи шло нормальным порядком. А экспроприация крестьян привела бы всю эту отрасль производства в сильнейшее замешательство и угрожала бы новому режиму голодом. Крестьяне, следовательно, могут не беспокоиться. Экономически без них нельзя обойтись, и это гарантирует от экспроприации, не говоря уже о том, что самое элементарное благоразумие требует избегать враждебных отношений с таким сильным слоем населения»².

Пролетариат отменит частную собственность на землю и будет оказывать крестьянину всяческую поддержку в техническом пере-

вооружении его хозяйства. Поэтому мелкие крестьяне от победы социализма ничего не потеряют, только выиграют. Разумеется, никакое облегчение и никакая поддержка не сделают для мелкого хозяйства в полной мере доступной современную технику. «Мелкие крестьяне поэтому рано или поздно, когда укрепится новый способ производства, сами добровольно откажутся от своей формы хозяйства, которая для них будет препятствием для дальнейшего социального подъема»³.

В отличие от западных русские социал-демократы не относились к современному им крестьянству как к единому социальному слою. Крестьянство в условиях товарного производства неизбежно раскалывается на пролетариат и буржуазию, хотя между ними продолжительное время может сохраняться уменьшающаяся прослойка средних крестьян. В спорах с народничеством такая точка зрения становилась своеобразным символом веры, отделявшим ортодоксальный марксизм от утопического социализма. Поэтому вопрос об отношении пролетариата к мелкому землевладению был для русской социал-демократии более сложным. «...Само мелкое земледелие стремится принять буржуазный характер, — писал Г. В. Плеханов. — ...Таким образом, вопрос о мелком или крупном земледелии сводится для России лишь к вопросу о торжестве крупной или мелкой буржуазии»⁴.

Но может быть в условиях иной хозяйственной системы разложение крестьянства станет невозможным? Ведь нельзя отрицать в образе жизни русского крестьянина некоторых элементов «стихийного социализма», на которых строились все народнические теории.

Из-за традиционной оценки задач русской революции, которая должна была завершить утверждение капитализма, установить господство буржуазии, для Г. В. Плеханова сама постановка такого вопроса казалась абсурдной. «...Представим себе страну, в которой крупная промышленность только стремится еще к господству, между тем как товарное производство уже легло в основу ее хозяйства; другими словами, перенесем в страну мелкой буржуазии. Какие экономические задачи должен будет решать „самодержавный народ“ в этом случае? Прежде всего и исключительно — задачу обеспечения интересов мелких индивидуальных производителей, так как именно этот класс составляет большинство народа. Но, идя по этой дороге, не минуешь ни капитализма, ни господства крупной буржуазии, так как сама объективная логика товарного производства заботится о превращении мелких индивидуальных производителей в наемных рабочих, с одной стороны, и буржуа-предпринимателей — с другой»⁵.

В. И. Ленин, поставивший вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, о гегемонии пролетариата в предстоящей революции в России, впервые взглянул на все крестьянство как на союзника рабочего класса на буржуазно-демократическом этапе революционного процесса. Но «крестьянский социализм» оценивался им до революции

также однозначно. «Полное уничтожение частной собственности на землю. . . не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс, — писал он в годы первой русской революции. — И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства и т. д. . . Мысль о „социализации“ земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение. Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это и подобное ему заблуждение разделялось большинством»⁶.

Социализм немыслим без уничтожения всякой эксплуатации человека человеком. Любое, даже мелкое, владение собственностью создает возможности для эксплуатации. Поэтому, чтобы стать борцом за социализм, крестьянин должен отказаться от своего хозяйства, перейти к обобществленному хозяйству. Таким образом, крестьянин, боровшийся с помещиком и капиталистом, являясь мелким хозяином, оставался у ворот социализма. «Борьба за социализм есть борьба против господства капитала, — указывал В. И. Ленин. — . . . Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплуатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности»⁷.

Уже накануне Октябрьской революции, в первый раз обращаясь к «Примерному наказу, составленному на основании 242-х наказов, доставленных местными депутатами на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов», который содержал требования крестьян об отмене частной собственности на землю, недопущении наемного труда и конфискации инвентаря, В. И. Ленин писал: «Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря — это не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это — шаги к социализму, ибо переход *инвентаря* „в исключительное пользование государства или общины“ означает необходимость крупного, социалистического земледелия или по крайней мере социалистического контроля за объединенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйства.

А „недопущение“ наемного труда? Это пустая фраза, беспомощное, бессознательно-наивное пожелание забытых мелких хозяйчиков, которые не видят, что . . . „недопущение“ наемного труда и означает не что иное, как шаг к социализму»⁸.

Итак, несовместимость мелкого крестьянского хозяйства с социализмом еще признавалась, но уже намечались расхождения с взглядами старой русской социал-демократии по коренному вопросу революции: об отношении рабочих к крестьянам. «Рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад, к примирению с капитализ-

мом»⁹. Впервые было осознано, что старая позиция, высмеивающая крестьянский утопический социализм, отдаст их в руки либеральной буржуазии. Новая позиция, используя крестьянские идеалы о поравнении и идя им до некоторой степени на уступки, подталкивала крестьян к социализму. «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать. . . Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой, — писал В. И. Ленин. — Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, — то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате „силы примера“, подсказано будет самой практикой»¹⁰.

Именно благодаря такой позиции В. И. Ленин смог констатировать на VIII съезде РКП(б): «В октябре 1917 г. мы брали власть *вместе с крестьянством в целом*. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась. . . Только летом 1918 г. началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять такую революцию, работа наша была бы неполна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты — не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне»¹¹.

Но как же быть с мелкими крестьянскими хозяйствами? В отношении сельского пролетариата вопрос ясен — он используется при организации крупного государственного сельского хозяйства; в отношении кулаков действия тоже ясны — подавление их эксплуататорских поползновений, неполная экспроприация. Но как быть с десятками миллионов средних крестьянских хозяйств? В. И. Ленин неоднократно повторял: «. . . *никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем*»¹². Но все дело в том, что, как писал В. И. Ленин в «Очередных задачах Советской власти»: «. . . *главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов*»¹³. А в такой работе нельзя было не считаться с основными производителями продовольствия — мелкими крестьянскими хозяйствами.

Планомерное производство и распределение продуктов возможно лишь при существовании крупного обобществленного хозяйства. В иных условиях оно немыслимо. Однако как отмечал В. И. Ленин: «Мы прекрасно знаем, что такие величайшие перемены в жизни десятков миллионов людей, касающиеся наиболее

глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь»¹⁴. Возникла угроза того, что крупное планомерное производство в городе будет сочетаться с мелким нерегулируемым производством в деревне. Даже при налаженном товарообмене между городом и деревней это привело бы к дезорганизации народного хозяйства.

Вот почему вопреки теоретической решенности вопроса В. И. Ленин и в марте 1919 г. призывал «работать в том смысле, чтобы внести побольше ясности в наши отношения к среднему крестьянству. Это очень трудно, потому что *ясности этой нет в жизни*. Этот вопрос не только не разрешен, но и *неразрешим*, если хотят решить его сразу и *сейчас же*»¹⁵. Решение было найдено только в начале 1923 г., когда В. И. Ленин продиктовал секретарю: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим“ исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹⁶. Небольшое исключение, на которое указывал В. И. Ленин, составляли концессионные предприятия.

В настоящем разделе рассматривается, как практически осуществлялись взаимоотношения между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в тот период, пока кооперативная форма вхождения крестьян в социализм еще не могла воплотиться в жизнь или хотя бы быть правильно оцененной большинством партийных и государственных работников, не говоря уже о крестьянской массе. Это был сложный период, изобилующий драматическими поворотами как в хозяйственной политике, так и в экономической жизни. В литературе этот период до сих пор подавался крайне упрощенно и идеализированно. Так, утвердилось представление, что союз между рабочим классом и трудящимся крестьянством постоянно креп, переходя из политической формы в экономическую или дополняясь ею¹⁷, а ленинский кооперативный план был принят партией едва ли не раньше его разработки¹⁸.

Пора уже отказаться от идеализированных, упрощенных схем. Они не укрепляют доверие к социализму, а подрывают его, не укрепляют, а ослабляют роль советской исторической науки в жизни общества.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПЕРВЫЕ ШАГИ К ТОВАРООБМЕНУ

Продовольственная проблема

«Если в стране с преобладанием крестьянского населения происходит рабочая революция, и фабрики, заводы и железные дороги переходят в руки рабочего класса, то в чем должна состоять сущность экономических отношений между рабочим классом и крестьянством? — писал В. И. Ленин. — Очевидно в том, что рабочие, производя на фабриках и заводах, им отныне принадлежащих, все необходимые для страны, а значит и для крестьянства, как большинства населения, продукты, перевозят их на своих железных дорогах, на своих речных судах, доставляя их крестьянству, получая от него все излишки из сельскохозяйственных продуктов»¹.

Возможность установления прочных экономических отношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством возникла не сразу вслед за взятием рабочим классом государственной власти. Революция получила в наследие сильно расшатанное войной хозяйство. Материальные основы экономических отношений между городом и деревней были в значительной мере подорваны.

Появление огромной армии, численность которой возросла с 1370 тыс. человек в 1913 г. до 14 290 тыс. человек в 1916 г.², с одной стороны, привело к истончению слоя квалифицированных рабочих в промышленности, а с другой стороны, усилило разорение бедняцких хозяйств в деревне. Многие крестьянские семьи, где нередко единственный работник был на фронте, ликвидировали хозяйства и переселялись в город. Благодаря этому численность сельского населения уменьшилась с 113,9 млн в 1914 г. до 112,7 млн человек в 1917 г., а численность городского населения за то же время возросла с 25,8 млн до 29,0 млн человек³. Оставляемую бедняками землю прибирали к рукам зажиточные крестьяне.

Перепополнение городов и обширные военные заказы должны были стимулировать развитие промышленности. Однако крах политики «внутреннего мира» между царской администрацией и промышленно-торговыми кругами привел к тому, что сроки введения в строй новых производственных мощностей затягивались, а имеющиеся ресурсы использовались не полностью. Сокращались добыча угля, выплавка чугуна, производство стали. Валовая продукция промышленности по ценам 1913 г. уменьшилась с 5620 млн руб. в 1913 г. до 4344 млн руб. в 1917 г.⁴ Разрушалась производственная организация, падала трудовая дисциплина.

Между тем спрос городского и сельского населения необычайно возрос. Это произошло прежде всего в результате запрета продажи алкогольных напитков. Высвободившиеся у народа средства превысили миллиард рублей, в то время как ожидавшееся повышение производительности труда на 7 % было перечеркнуто развалом

экономики⁵. Таким образом, существенное расширение платежеспособного спроса населения не сопровождалось увеличением товарного предложения. Напротив, под влиянием военных закупок приходящаяся на население товарная масса заметно сократилась.

Особенно значительным было сокращение промышленных товаров. В связи с военной перестройкой тяжелой индустрии производство сельскохозяйственных машин и орудий в 1915 г. составило 50 % от довоенного, а в 1916 г. — 20 %⁶. Размещение военных заказов в легкой промышленности привело к тому, что только 20—25 % текстильного производства приходилось в 1916 г. на долю гражданского населения⁷. Что же касается сельскохозяйственного производства, то здесь бремя военных заготовок было тяжелым лишь в отношении некоторых продуктов, таких, как мясо, масло, сахар. На главном же богатстве России — хлебе военные заготовки почти не отразились, так как их увеличение полностью компенсировалось сокращением экспорта⁸.

Однако потребности войны вызвали отлив железнодорожного транспорта в районы военных действий. При общем росте железнодорожных перевозок объем невоенных грузов упал в 1915 г. до 67 % по сравнению с 1913 г., в том числе хлебных грузов до 65 %⁹. В 1916 г. плановые перевозки хлеба были выполнены только на 48 %¹⁰.

Следствием избытка денег у населения и недостатка товаров был рост дороговизны. Если принять цены 1913 г. за 100 %, то в январе 1916 г. розничные цены в Москве составили 203 %. При этом цены на промышленные товары поднялись до 223 %, а цены на сельскохозяйственные товары — до 178 %¹¹. Получив начальный толчок, дороговизна стремительно развивалась. В январе 1917 г. уровень розничных цен в Москве достиг 421 %¹². В этих условиях уже не избыток денег приводил к повышению цен, а рост дороговизны вынуждал царское правительство к эмиссии бумажных денег. В 1916 г. количество бумажных денег в обращении увеличилось на 275 % по сравнению с 1913 г.¹³ Это вызвало недоверие к бумажным деньгам, стремление заменить их в качестве средства накопления золотом, драгоценностями, дефицитными товарами. Цена на золото в 1916 г. увеличилась в 4 раза по сравнению с 1914 г.¹⁴

В обстановке нехватки промышленных товаров, ухудшения работы транспорта и краха финансовой системы царизма разорвались и без того непрочные нити экономических отношений между капиталистическим городом и мелкобуржуазными слоями деревни. Любая попытка царского правительства остановить продовольственную анархию вызывала массовое недоверие крестьян. Введение в конце 1915—начале 1916 г. твердых закупочных цен на рожь и пшеницу породило повсеместное стремление избежать государственных заготовок. В то время как город испытывал все возрастающую нехватку хлеба, в деревне скапливались огромные хлебные излишки. В Тамбовской губернии в сентябре 1916 г. внезапная

ревизия на одной из мельниц обнаружила запас зерна и муки, достаточный для снабжения губернского города в течение года¹⁵.

В 1915/16 г. государственные заготовки хлеба дали 343 млн пудов, а оставшиеся в деревне излишки составили на середину июля 1916 г. 402 млн пудов¹⁶.

Замыкавшееся в себе крестьянское хозяйство сокращало посевные площади. Если в 1913 г. площадь посевов была равна 97,8 млн дес., то в 1916 г. она уменьшилась до 90,7 млн дес., т. е. на 8 %¹⁷. Наиболее масштабным было сокращение посевных площадей в регионах товарного зернового хозяйства. На юго-востоке страны в 1916 г. посевы ржи уменьшились на 33 %, а посевы пшеницы — на 21 % по сравнению с довоенным временем¹⁸. Разрыв деревни с промышленностью произошел и на почве доставки рабочей силы. До войны от 74 до 95 % крестьянских дворов отпускали в город излишек рабочих рук. В 1917 г. доля крестьянских хозяйств с отхожими промыслами составила от 32 до 55 %¹⁹.

Оказавшись перед лицом уменьшающейся товарности деревни, царское правительство решилось в ноябре 1916 г. ввести на территории 31 губернии принудительную хлебную разверстку. Таким путем предполагалось получить около 700 млн пудов хлеба. Однако, несмотря на насильственные меры, удалось собрать только 305 млн пудов. Из этого количества лишь 62 % было вывезено из деревни²⁰. Пришедшее на смену царскому режиму Временное правительство в марте 1917 г. издало закон о введении хлебной монополии, согласно которому все излишки хлеба должны были сдаваться по твердым ценам государственным продовольственным органам²¹. Хлебные заготовки приобрели характер военных действий против крестьян. Осенью 1917 г. борьба крестьян за хлеб с продовольственными органами Временного правительства в ряде губерний стала главной, отодвинув на второе место даже борьбу за землю с помещиками²². Тем не менее план хлебных заготовок в октябре 1917 г. был выполнен только на 19 %²³.

Продовольственная проблема, стремительно развиваясь, перерастала в угрозу голода. Еще царское правительство было вынуждено принять ряд мер, направленных к ограничению потребления продовольствия населением. В мае 1916 г. Государственная дума провела закон о мясопустных днях²⁴. К началу 1917 г. в ряде крупных городов была введена карточная система распределения хлеба, мяса и сахара. При Временном правительстве карточная система стала повсеместной и распространилась на все продовольственные продукты. Со временем нормы выдачи продовольствия по карточкам уменьшались. В августе 1917 г. в Петрограде и Москве хлебный паек был сокращен с $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день²⁵. Значительную часть свободного времени городское население было вынуждено проводить в продовольственных очередях.

Растущая нехватка распределяемых по твердым ценам продовольственных продуктов привела к созданию «черного» рынка, на котором дефицитные товары отпускались по вздутым ценам. Чем больше пустели полки продовольственных лавок, тем глубже

внедрялась нелегальная торговля в хозяйственную жизнь страны. Только за один 1915 г., когда «черный» рынок еще не успел развернуться, полицией было наложено 23 тыс. штрафов за спекуляцию на сумму 3 млн руб.²⁶ Однако эти цифры показывают лишь верхушку айсберга.

Легальная торговля приходила в расстройство. В 1913 г. среднее квадратическое отклонение заготовительных цен от их средней величины составляло по ржи 17,5 коп., по пшенице 17,7 коп., по овсу 15,0 коп. В 1915 г. оно увеличилось по ржи до 35,9 коп., по пшенице до 42,8 коп. и по овсу до 38,1 коп.²⁷ Следовательно, различие в ценах между губерниями росло, единый аграрный рынок распадался на ряд локальных рынков. Параллельно этому процессу происходило дробление продовольственных учреждений. В 1917 г. заготовками хлеба занимались государственные продовольственные органы, военное интендантство, земские и городские самоуправления, городские и районные Советы рабочих депутатов, отдельные фабрично-заводские комитеты и др. Единая система оптовой хлебной торговли перестала существовать.

В первый же день диктатуры пролетариата новое рабоче-крестьянское правительство поставило перед собой задачу восстановления экономических отношений между городом и деревней. В обращении Второго Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!» говорилось: «Советская власть... озабочится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню...»²⁸ Решение продовольственной проблемы впервые было поставлено в связь со снабжением деревни промышленными товарами.

Удовлетворить потребности 110-миллионной массы крестьянства даже в предметах первой необходимости было невозможно без существенного увеличения доли гражданской продукции в составе промышленного производства, сокращения военных заказов. Поэтому мероприятия по перестройке работы промышленности, степень их осуществления нельзя рассматривать в отрыве от внешнеполитической деятельности рабоче-крестьянского правительства.

Борьба Советской власти за выход из империалистической войны получила весьма подробное освещение в историографии²⁹. Однако сосредоточиваясь на военно-политических сюжетах, исследователи бросают лишь беглый взгляд на экономические мероприятия, ставя их в связь не с этапами, а с исходом мирных переговоров. Еще более обширен список трудов о первых шагах Республики Советов в области преобразования промышленности³⁰. Но здесь глобальные проблемы о введении рабочего контроля и национализации промышленных предприятий заслоняют вопросы перестройки структуры производства.

Между тем проблема демилитаризации промышленности занимала заметное место в экономической деятельности Советской власти в первые месяцы ее существования. Эта проблема была поставлена В. И. Лениным в повестку дня заседания СНК 10 де-

кабря 1917 г.³¹, т. е. еще до заключения перемирия с германо-австрийским военным блоком. Два дня спустя В. И. Ленин написал проект постановления СНК «О переводе военных заводов на хозяйственно-полезные работы», в котором отразил особую срочность организации производства сельскохозяйственных орудий и машин³². 21 декабря Советское правительство приняло развернутое постановление о демобилизации промышленности, в котором говорилось: «Ныне Рабочим и Крестьянским правительством России заключено с центральными державами Европы, по воле Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, перемирие, которое, вероятно, в ближайшем будущем перейдет в общий демократический мир для всех народов Европы. Само собой разумеется, что теперь изготовление предметов военного снаряжения явилось бы совершенно бесцельной тратой народного труда и достояния. Таким образом, товарищи, надо немедленно же прекратить дальнейшее производство этих продуктов и сейчас же перейти к производству предметов мирного обихода, в которых так нуждается вся страна»³³.

Был принят целый ряд практических шагов, направленных на выполнение этого постановления. 24 декабря СНК возложил на Особое совещание по обороне обязанность ликвидации «заказов на оборону или уменьшения их до нормального по мирному времени уровня», а также перевод заказов на производство гражданской продукции³⁴. 2 января 1918 г. Советское правительство аннулировало все договоры и контракты, заключенные военным и морским ведомствами на поставку боевого снаряжения армии и флота³⁵. Среди многочисленных причин национализации частных промышленных предприятий периода «красногвардейской атаки на капитал» был и отказ предпринимателей подчиниться декрету о демобилизации промышленности³⁶.

Результаты проведения в жизнь мероприятий по демилитаризации промышленности Советская власть стремилась прежде всего использовать для налаживания обмена продуктами между городом и деревней. Пересмотр военных заказов позволил высвободить для сельского хозяйства 14 млн пудов металла, что примерно соответствовало довоенным нормам его расходования на производство сельскохозяйственного инвентаря. Заказы на производство плугов, борон, кос, серпов, сельскохозяйственных машин, а также гвоздей, сортового и кровельного железа для крестьян были размещены на 800 заводах, освободившихся от военного производства. Кроме того, предполагалось пустить в ход еще около 700 заводов, специализировавшихся на выпуске сельскохозяйственной техники, но приостановленных в годы войны³⁷.

Все эти мероприятия проводились в тот период, когда мирные переговоры велись на предложенных советской делегацией условиях. Отказ германо-австрийской стороны от дальнейших переговоров о заключении демократического и справедливого мира, выдвижение ею аннексионистских требований резко изменили круг внешнеполитических проблем, стоявших перед Советской

властью. Единственный путь их разрешения был связан с укреплением внутренней обороноспособности. В этих условиях восстановить экономические отношения между городом и деревней в сравнительно короткий срок за счет демилитаризации промышленности было уже невозможно.

Это, однако, не привело к свертыванию работы по налаживанию обмена продуктами между промышленностью и сельским хозяйством. 25 марта 1918 г. СНК принял постановление об ассигновании Народному комиссариату продовольствия 1162 млн руб. для закупки необходимых деревне товаров³⁸. На следующий день был утвержден декрет о товарообмене для усиления хлебных заготовок. В этом декрете на Наркомпрод была возложена задача организации «правильного товарообмена в государственном масштабе». В обмен на хлеб и другие продовольственные продукты предполагалось дать крестьянам ткани, нитки, галантерею, обувь, галоши, спички, мыло, свечи, керосин, подковы, гвозди, сельскохозяйственные машины, стекло и другие промышленные изделия. Большое значение придавалось распределению промышленных продуктов между деревенской беднотой и нуждающимися слоями сельского населения. Одновременно было решено принять меры по извлечению возможно большего количества денежных знаков у деревенской буржуазии³⁹.

Наряду с организацией обмена продуктами серьезное внимание было уделено улучшению коммуникаций между промышленными и хлебобродными районами страны. В конце марта 1918 г. в составе Наркомпрода был организован Совет по постройке продовольственных железных дорог, для работы которого было ассигновано 10 млн руб.⁴⁰ 30 марта СНК утвердил декрет о продовольственных железных дорогах, в котором признавалась особо срочной работа по проведению железнодорожных линий в хлебном районе Западной Сибири⁴¹.

В это время работа промышленности начинает испытывать серьезные затруднения. Во-первых, сократилось количество рабочих. Часть из них уходила в деревню за продовольствием, часть мобилизовывалась в Красную Армию, часть рассчитывалась из-за невозможности продолжения производства. Во-вторых, снизилась производительность труда из-за нехватки еды, ухудшения самочувствия, падения дисциплины. В-третьих, многие предприятия простаивали из-за перебоев в снабжении сырьем и топливом⁴². В результате с конца 1917 г. до середины 1918 г. добыча угля уменьшилась на 149 %, выплавка чугуна — на 486 %, производство стали — на 667 %, производство сахара — на 175 %⁴³. В этих условиях товарообмен с деревней оказался невозможным.

Для борьбы с развалом продовольственного дела Советское правительство было вынуждено принять чрезвычайные меры. 13 мая 1918 г. ВЦИК и СНК утвердили декрет, согласно которому крестьяне обязывались к сдаче по твердым государственным ценам всех излишков хлеба сверх количества, необходимого для посева полей и личного потребления по установленным нормам.

Государственная монополия хлебной торговли объявлялась незыблемой⁴⁴.

Если город переживал в 1918 г. серьезные производственные и продовольственные затруднения, то экономическое положение деревни не было столь катастрофическим.

Ряд факторов создавали благоприятные предпосылки для развития сельскохозяйственного производства. Проведение в жизнь Декрета о земле дало в руки крестьян свыше 160 млн дес. бывших помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель, сельскохозяйственного инвентаря на сумму 300 млн довоенных руб., освободило их от арендных платежей и расходов в размере 700 млн руб. золотом, уплаты поземельных налогов, составлявших в 1913 г. 200 млн руб., ликвидировало миллиардную задолженность крестьян банкам⁴⁵. За счет миграции из городов и возвращения из армии численность сельского населения увеличилась примерно на 7 %⁴⁶ и малосемейные дворы уже не испытывали острой нехватки рабочих рук.

Однако экономическая обособленность деревни от города и транспортная разруха продолжали оказывать отрицательное воздействие на сельское хозяйство. В результате товарные отрасли крестьянского производства подвергались дальнейшему сокращению. Особенно сильно пострадало скотоводство. поголовье свиней уменьшилось по сравнению с 1917 г. примерно на 70 %. Численность молодняка крупного рогатого скота сократилась приблизительно на 30 %. Уменьшение численности конского молодняка составило около 20 %⁴⁷.

Важнейшим достижением аграрной политики Советской власти явилось приостановление процесса сокращения посевных площадей. Посевы ржи и пшеницы остались приблизительно на уровне 1917 г., а посевы проса и гречихи даже увеличились на 20 %. Продолжали сокращаться только посевы кормовых (на 15 %) и технических (на 10 %) культур⁴⁸.

Вместе с тем под влиянием природно-климатических факторов, а также ухудшения качества обработки почвы в 1918 г. уменьшилась урожайность. Валовой сбор зерна оказался на 9 % ниже чем в 1916 г.⁴⁹ Одновременно отчасти по политическим причинам, а отчасти из-за плохого состояния транспорта государственные хлебные заготовки не могли производиться по всей территории страны, а охватили преимущественно лишь 26 губерний, где на 52,7 млн человек населения приходилось 951 млн пудов чистого сбора зерна, т. е. по 18 пудов на душу⁵⁰.

По территории урожай распределился очень неравномерно. Основная его масса сконцентрировалась в 12 черноземных и волжских губерниях. Здесь на 33,0 млн человек населения приходилось 788 млн пудов хлеба, т. е. по 23,9 пуда на душу. В 14 западных, северных и центральных губерниях было собрано только 164 млн пудов зерна на 19,7 млн человек, т. е. по 8,3 пуда на душу⁵¹.

Исходя из численности сельского населения и душевых норм потребления крестьянами хлебных продуктов, можно оценить

размеры излишков хлеба на руках у крестьян. Для 12 богатых зерном губерний они составляли 194 млн. пудов, а в 14 бедных излишков не было, а был недостаток в 67 млн пудов⁵².

Перед продовольственными органами стояли сложные задачи. Для обеспечения минимальных потребностей 10,2 млн человек городского населения предстояло заготовить 138 млн пудов хлеба. Кроме того, необходимо было учесть потребности нуждающейся части крестьянского населения, а также Красной Армии. В итоге размеры хлебных заготовок должны были составить около 210 млн пудов, что несколько превышало наличные ресурсы. При этом приблизительно 150 млн пудов предстояло перебросить из богатых хлебом районов в бедные⁵³.

Для решения этих задач был необходим огромный централизованный заготовительный аппарат с множеством сыпных пунктов и налаженными коммуникациями между ними и железнодорожными станциями или речными причалами. В 1918 г. такого аппарата не было. Централизованно хлебные заготовки производились лишь в бедных хлебом губерниях, где продовольственные органы сконцентрировали в своих руках снабжение зерном не только городского населения и армии, но также отчасти и сельского населения. В богатых же хлебом губерниях вопросы продовольствия городского населения решались преимущественно губернскими продовольственными комитетами⁵⁴.

Всего за период с августа 1918 г. по август 1919 г. государственные централизованные заготовки дали 94 млн пудов хлеба. В том числе 59 млн пудов поступило из 12 богатых хлебом губерний, а 32 млн пудов — из приуральских и нижеволжских губерний, где заготовки носили эпизодический характер. В 14 бедных хлебом губерниях было заготовлено около 3 млн пудов хлеба⁵⁵. Количество зерна, заготовленного непосредственно губернскими продовольственными органами в 12 богатых хлебом губерниях, не поддается точному учету. Во всяком случае, оно не было ниже 16 млн пудов. Если принять эту цифру, то в сумме заготовки составили 110 млн пудов, т. е. 52 % от необходимого количества⁵⁶.

Из всей массы заготовленного хлеба удалось организовать отправку за пределы губерний только 58 млн пудов, в том числе 46 млн пудов было доставлено гражданскому населению. При этом в 14 бедных хлебом губерний было ввезено 32 млн пудов, что составляло лишь 21 % от их потребностей⁵⁷.

По категориям потребителей заготовленный хлеб распределялся следующим образом. 43 млн пудов получило городское население 26 губерний, 13 млн пудов было доставлено нуждающемуся сельскому населению 14 бедных хлебом губерний, и 19 млн пудов составило продовольствие Красной Армии. Если учесть еще 28 млн пудов, распределенных между населением приуральских и нижеволжских губерний, то окажется, что потребители получили 103 млн пудов заготовленного зерна, а 7 млн пудов составили потери при перевозках⁵⁸.

Если бы собранный продовольственными органами хлеб был

единственным источником продовольствия для городского населения, то в среднем на душу пришлось бы в недостаточных губерниях 3,3 пуда, а в избыточных — 5,4 пуда⁵⁹. Однако обследования питания дают иные нормы душевого потребления городского населения, а именно 7,6 пуда для недостаточных губерний и 10,6 пуда для избыточных губерний⁶⁰. Недостаток в хлебе город восполнял путем самозаготовок и через нелегальную торговлю.

Что же касается сельского населения, то после произведения государственных заготовок и за вычетом кормовой потребности у него оставалось в недостаточных губерниях по 8,2 пуда на душу, а в избыточных губерниях по 19,2 пуда на душу⁶¹. Однако, по данным губернских статистических бюро, душевое потребление хлеба сельским населением составило в недостаточных губерниях 11 пудов, а в избыточных губерниях — 16 пудов⁶². Через систему государственных заготовок и мешочничество хлеб перераспределялся между сельским населением.

В табл. 22 приведены итоги наших подсчетов. По сравнению с довоенным временем хлебное продовольствие населения уменьшилось примерно на 6 %. Так как сокращение валовых сборов было более значительным, то это говорит о мобилизации хлебных запасов. Вместе с тем наметился контраст в продовольственном обеспечении сельского и городского населения. В среднем хлебное потребление крестьян сократилось по сравнению с довоенным временем меньше чем на 1 %, тогда как уменьшение питания горожан составило свыше 34 %.

Заметный разрыв наблюдался также между потреблением промышленно развитых и сельскохозяйственных губерний. В первых хлебное продовольствие сократилось на 21 %, а во вторых даже увеличилось на 2 % по сравнению с довоенным временем. В наиболее тяжелом положении оказались горожане недостаточных губерний. Для них сокращение потребления хлеба составило 44 %.

В условиях расстройств продовольственного дела большое значение приобретали самозаготовки и нелегальный рынок. На их долю приходился 41 % всего отчужденного у крестьян хлеба. Наиболее заметную роль мешочничество играло в снабжении городского населения промышленно развитых губерний, доставляя ему 56 % хлеба. Однако и горожане сельскохозяйственных губерний также находились в зависимости от нелегального рынка, получая через него 49 % хлебного продовольствия.

Те же, но только еще более ярко выраженные явления наблюдались в области распределения других сельскохозяйственных продуктов. Слухи о возможной реквизиции привели к повышенному убою скота. Однако из-за сокращения поголовья молодняка и свиней общее потребление мяса сократилось на 33 %. При этом уменьшение потребления крестьян составило 15 %, а горожан — 58 %. В промышленно развитых губерниях потребление мяса уменьшилось на 53 %, а в сельскохозяйственных — на 17 % по сравнению с довоенным временем. 86 % отчужденных у крестьян мясных продуктов распределялось по каналам частной торговли⁶³.

Таблица 22. Хлебофуражный баланс 1918/19 г. (в млн пудов)

Статья баланса	Регион		Итого	Прочие	Всего
	14 недоста- точных губерний	12 избы- точных губерний			
Чистый сбор хлебов	163,5	787,6	951,1	—	—
По довоенным нормам					
потребности сельского населения	230,9	594,0	824,9	—	—
потребности городского населения	78,3	59,4	137,7	—	—
конечные избытки (+) или недостатки (—)	—145,7	+134,2	—11,5	—	—
Заготовки					
государственных органов	2,9	75,3	78,2	31,9	110,1
самозаготовки и мешоч- ничество	0	73,3	73,3	4,1	77,4
итого	2,9	148,6	151,5	36,0	187,5
Вывоз					
Наркомпрода	2,5	43,3	45,8	12,7	58,5
мешочников	0	50,4	50,4	4,1	54,5
Ввоз					
Наркомпрода	32,1	5,4	37,5	8,5	46,0
мешочников	50,4	0	50,4	0	50,4
Хлебные ресурсы	243,5	699,3	942,8	—	—
Потребление					
сельского населения					
за счет					
Наркомпрода	12,7	0	12,7	—	—
мешочничества	25,6	0	25,6	—	—
собственных ресурсов	160,6	619,7	780,3	—	—
итого	198,9	619,7	818,6	—	—
городского населения					
за счет					
Наркомпрода	19,3	7,3	26,6	0	26,6
губпродкомов	0	16,4	16,4	27,7	44,1
мешочничества	24,8	22,9	47,7	—	—
итого	44,1	46,6	90,7	—	—
армии и флота	0,5	13,7	14,2	5,4	19,6
итого	243,5	680,0	923,5	—	—
Запасы у крестьян	0	19,3	19,3	—	—

Исчислено по: Бюл. Центр. Стат. Управления РСФСР 1920. № 19/20. С. 1—7.

Нехватка продовольствия и сосредоточение значительной его части в руках у нелегального торговца привели к дальнейшему росту продовольственных цен в городах. В начале 1919 г. в Москве цены на хлеб увеличились в 638 раз по сравнению с 1913 г., а цены

на мясо — в 174 раза. В целом же цены продовольственных продуктов увеличились в 382 раза⁶⁴.

Продовольственный кризис и дороговизна больно ударили по жизненному уровню городского населения. Весной 1919 г. средняя норма суточного питания рабочих губернских городов промышленных районов снизилась до 1974 ккал на взрослого едока, что составляло приблизительно 70 % физиологической нормы. Между тем этот паек, едва достаточный для поддержания жизни, почти исчерпывал бюджетные ресурсы рабочего. На приобретение пищи рабочая семья расходовала до 80 % своего бюджета⁶⁵.

Несоответствие между продовольственными расходами и заработком требовало от рабочих мобилизации всех возможных источников дохода. При этом приходный бюджет рабочей семьи принимал необычную форму. Уже в 1918 г. в столичных городах заводской заработок составлял лишь 61—65 % прихода, а остальные поступления шли из других источников.

Эти источники были разнообразны. В обмен на сельскохозяйственные продукты рабочий отдавал свое домашнее имущество, одежду, обувь. В деревню перекачивались также мануфактура и другие предметы вещевого снабжения, получаемые по месту работы. Используя заводские инструменты и сырье, рабочий был вынужден заниматься ремесленничеством и продажей изготовленных им бытовых предметов. Определенное значение имело поступление от подсобного хозяйства. Под картофель распахивались все свободные площади дворовых участков, фабричные земли. Те, кто имели возможность, отправляли членов семьи в деревню, кормясь привозимым оттуда продовольствием⁶⁶. Чтобы не порывать с городом и заводом, рабочий должен был уделять больше времени и сил огороду, ремеслу и продовольственным экспедициям, чем работе по специальности. Тем не менее снижение жизненного уровня обгоняло рост доходов.

Из-за плохого питания сократилась рождаемость и увеличилась смертность в городах. В среднем за 1911—1913 гг. в Петербурге (Петрограде) на 1000 человек приходилось 27,7 родившихся и 21,8 умерших. В 1917 г. рождаемость уменьшилась до 18,7, в 1918 г. — до 17,3, а в 1919 г. — до 13,7 человека. Смертность же в 1917 г. увеличилась до 22,9, в 1918 г. — до 46,7 и в 1919 г. — до 77,1 человека⁶⁷.

Многие не выдерживали всех тягот жизни в крупных промышленных центрах и отправлялись за лучшей долей в иные места. Численность населения Петрограда с 2300 тыс. в 1917 г. уменьшилась до 1469 тыс. в 1918 г. и до 900 тыс. человек в 1919 г.⁶⁸ Численность населения Москвы сократилась с 1701,3 тыс. в 1917 г. до 1028,2 тыс. человек в 1920 г.^{68а} Основной поток миграции направлялся в города богатых хлебом губерний, а также в сельскую местность.

Увеличение расходов по хлебным заготовкам, необходимость повышения заработной платы рабочим и служащим, рост издержек на оборону вызывали напряжение бюджетных средств госу-

дарства. Во второй половине 1918 г. государственные расходы составили 29 103 млн руб., а доходы — 12 727 млн руб.⁶⁹ В первой половине 1919 г. государственные расходы увеличились до 50 702 млн руб., а доходы — до 20 349 млн руб.⁷⁰ Таким образом, дефицит государственного бюджета возрос с 16 376 млн до 30 353 млн руб. Для покрытия дефицита государство было вынуждено обращаться к займам у населения и денежной эмиссии.

Если в 1917 г. количество денег в обращении составило 16,4 млрд руб., то в 1918 г. оно увеличилось до 43,0 млрд, а в 1919 г. — до 116,6 млрд руб.⁷¹ При этом рост денежной массы сопровождался сужением сферы ее обращения.

Из-за нехватки продуктов питания для рабочих и служащих были введены продовольственные пайки. В связи с этим произошла частичная натурализация заработной платы. Со временем продовольственные пайки и другие выдачи натурой стали важнейшей частью городского потребления.

В еще большей степени, чем для города, деньги стали терять свое значение для деревни. В августе 1918 г. СНК принял декрет об обязательном товарообмене, согласно которому в сельских местностях хлебных губерний промышленные товары должны были отпускаться только в обмен на продовольственные продукты⁷².

Была предпринята попытка натурализации части налоговых платежей населения. 30 октября 1918 г. ВЦИК утвердил декрет об обложении крестьян натуральным налогом в виде отчисления доли сельскохозяйственной продукции⁷³. Однако продовольственная ситуация потребовала изъятия у крестьян не зависящей от производства доли продукции, а необходимого для города количества хлеба. Этим целям лучше отвечала продрозверстка. Поэтому натуральный налог стал лишь своеобразным дополнением к продрозверстке. В декабре 1918 г. ВЦИК постановил взыскивать этот налог только с тех крестьян, которые не сдали все затребованное у них по продрозверстке количество хлеба⁷⁴.

Резкое усиление несоответствия между товарной и денежной массой дало новый толчок развитию инфляционных процессов. Если раньше темпы роста цен отставали от увеличения эмиссии, то с 1918 г. цены стали возрастать быстрее денежной массы. При этом оба процесса подхлестывали друг друга: обесценивание денег вело к новой эмиссии, а рост денежной массы приводил к повышению цен. В литературе существуют два представления о сущности эмиссионной политики Советской власти в рассматриваемый период. Одни исследователи считают, что государство сознательно подрывало финансовую систему⁷⁵. Другие полагают, что чрезмерная эмиссия была средством сконцентрировать в руках государства материальные ресурсы⁷⁶. Но как можно говорить о какой-то концентрации средств на основе эмиссии, если реальная стоимость денежной массы уменьшилась с 2,5 млрд руб. в 1917 г. до 0,2 млрд руб. в 1919 г.⁷⁷ Не могло государство и сознательно подрывать денежное хозяйство, не задевая при этом материального положения трудящихся, включая рабочих.

Видимо, причины больших выпусков денег связаны с недостатком у государства денежных средств в условиях роста дороговизны. Ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее.

Темпы развития инфляционного процесса поставили на первый план организацию натурального снабжения населения. Первоначально такое снабжение включало в себя только продукты, получаемые государством по подразверстке. Вскоре выяснилась острая нехватка и других продуктов. Состояние экономики продиктовало необходимость для государства сосредоточить в своих руках практически все продукты общественного производства. Вслед за хлебом монополия была объявлена на остальные виды продовольствия, продукты личного потребления и домашнего хозяйства, и затем и на все виды сырья. Самостоятельные товаропроизводители теряли право свободно распоряжаться своей продукцией⁷⁸.

Это лишало их стимулов к расширению хозяйственной деятельности. Поэтому государство должно было взять под свой контроль и сам процесс производства. Промышленность и транспорт стали работать по плановым заданиям. Даже мелкие промышленные и кустарные предприятия обязаны были выполнять правительственные наряды, иначе они лишались возможности легального снабжения сырьем.

В результате произошло заметное огосударствление производства и распределения, а «черный» рынок и мешочничество утратили былые размеры. Если в 1918 г. до 53 % своего реального заработка рабочий нес на рынок, то в 1919 г. — только 21 %, а в 1920 г. — всего 7 %⁷⁹. 30 апреля 1920 г. СНК принял декрет «О введении трудового продовольственного пайка», согласно которому устанавливалось единообразное распределение продуктов питания среди трудового несельскохозяйственного населения⁸⁰. В конце 1920 г. был принят еще ряд декретов о бесплатном предоставлении населению продовольствия, предметов личного потребления и коммунальных услуг⁸¹.

При этом произошла определенная нивелировка потребления. Советские декреты 1918 и 1919 гг., регулировавшие условия труда и заработной платы, не допускали большого разрыва между максимальной и минимальной ставками, но и не были уравнительными. В условиях натурального снабжения на первый план выдвинулась задача обеспечения прожиточного минимума, а проблема дифференцированной оплаты труда практически была сведена на нет⁸². Нехватка товаров и обесценение денег нанесли удар принципам материального стимулирования труда.

Однако еще больший ущерб бестоварье и инфляция нанесли процессу восстановления экономических взаимоотношений между государственной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. В 1920 г. валовая продукция промышленности составила примерно 930,0 млн, а сельского хозяйства — 2897,1 млн довоенных руб. Всего в деревню поступило промышленных изделий на сумму 266,7 млн (29 % объема производства), а изъято у крестьян в порядке разверстки сельскохозяйственных продуктов

на сумму 865,9 млн довоенных руб. (30 % валовой продукции). Всего же к этому моменту в крестьянских хозяйствах скопилось денег на сумму 1104,3 млн довоенных руб. Часть этой внушительной суммы имела обращение в рамках внутрикрестьянского оборота. При этом происходило перераспределение сельскохозяйственной продукции на сумму 640,7 млн довоенных руб. Но даже если допустить отсутствие натурального обмена, имевшего на самом деле довольно широкое распространение, то и тогда количество оседавших мертвым грузом денежных знаков в крестьянских хозяйствах составило бы 1062,8 млн довоенных руб.⁸³

Таким образом, избыток денег в деревне порождал по меньшей мере два негативных момента, препятствовавших восстановлению экономических отношений между государственной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. С одной стороны, происходило разбухание внутрикрестьянского товарного оборота, что вносило дезорганизующий момент в государственные продовольственные заготовки. С другой стороны, постоянное превышение платежеспособного спроса крестьян над предложением промышленных товаров лишало деревню материальных стимулов к расширению взаимоотношений с городом, вызывало растущее недовольство раздраженностью, ничего не дающей крестьянину.

В последний год гражданской войны обособление деревни от города достигло крайних пределов. На участников продотрядов крестьянин стал смотреть как на врагов, стремящихся воспользоваться результатами чужого труда. Множились вооруженные выступления против членов продотрядов. В некоторых местах деревня превратилась в военный лагерь, занявший круговую оборону против любых попыток проникновения в нее извне.

Такое положение требовало срочных мер. Сохранить экономическое единство страны можно было двумя путями. Первый путь был связан с отменой продразверстки, расширением прав хозяйствования мелких товаропроизводителей, восстановлением товарооборота между городом и деревней. Вторым путем заключался в уничтожении мелкотоварного уклада, мелкого крестьянского хозяйства, объединении крестьян в коммуны.

Первый путь означал возвращение к экономическим методам хозяйствования с учетом особенностей страны. Вторым путем был невозможен без административного вмешательства в экономику, насилия над крестьянством.

Альтернатива нэпу?

В современной историографии политика «военного коммунизма» однозначно оценивается как экономически не оправданная, временная мера, вынуждаемая необходимостью сконцентрировать все силы для защиты политических и социальных завоеваний революции. При этом исследователи исходят из весьма упрощенного представления о «военном коммунизме», акцентирующего все внимание на его военно-экономической стороне. «Советская

власть ввела военный коммунизм и осуществила соответствующие ему политические и экономические меры: она взяла под централизованный контроль всю промышленность — крупную и мелкую, поставив ее на службу обороны страны; ввела монополию хлебной торговли, запретив частную торговлю; взяла на учет все продовольственные ресурсы в сельском хозяйстве; ввела продрозверстку и круговую поруку всей общины за ее выполнение; ввела всеобщую трудовую повинность и централизовала руководство всеми звеньями народного хозяйства»⁸⁴.

Если бы политика «военного коммунизма» действительно ограничивалась только этими мерами, многие из которых использовались еще до революции, то едва ли кому-нибудь пришло в голову характеризовать нэп как тактический шаг, как вынужденное отступление. На самом деле «военный коммунизм» наряду с продиктованными военной обстановкой мерами включал в себя и весьма радикальную программу коммунистического строительства, и конкретные шаги в направлении немедленного утверждения в обществе социалистических производственных отношений. Именно в этой своей части «военный коммунизм» казался многим «шагом вперед» по сравнению с новой экономической политикой. Именно в этой его части «военный коммунизм» и был назван В. И. Лениным ошибкой.

«Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, в момент окончания империалистической войны, под влиянием этих обстоятельств и ряда других, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению», — писал В. И. Ленин в октябре 1921 г.⁸⁵ Стремление перейти сразу к коммунистическому производству и распределению наиболее ярко выразилось в двух документах: постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» и декрете СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах»⁸⁶.

В целях создания единого производственного хозяйства, снабжающего страну всем необходимым при наименьших затратах народного труда, был принят курс на форсирование объединения единоличных крестьян в коллективные хозяйства, а также создание совхозов. Земельный фонд передавался в первую очередь советским хозяйствам и коммунам, во вторую — трудовым артелям и товариществам по совместной обработке земли, а единоличные крестьяне пользовались землей в последнюю очередь. В целях создания единого распределительного механизма каждый человек должен был стать членом потребительской коммуны и приписаться к одному из ее пунктов. Контроль за распределением осуществлялся Наркомпродом.

В историографии если содержание этих документов и излагается, то неизменно добавляется, что хозяйственно-административная политика 1919 г. не имела практического успеха⁸⁷. В дей-

ствительности же все обстояло гораздо сложнее. Путем насилия над крестьянством и средними городскими слоями основные положения рассмотренных выше документов все же претворялись в жизнь, и к 1920 г. среди экономического хаоса и разрухи стали вырисовываться черты сравнительно устойчивой командно-плановой экономической системы. Она была всецело порождением военного времени и излишнего увлечения администрированием. Но неизбежно ли она должна была исчезнуть с переходом от гражданской войны к мирному строительству? Казалось бы, ответ однозначен. Однако ленинская оценка жизнеспособности этой системы была более многоплановой.

Характеризуя экономическую обстановку, послужившую толчком к новой экономической политике, В. И. Ленин писал: «Если бы 1920 год дал нам очень хороший урожай, или по крайней мере только хороший, если бы мы из 420-миллионной разверстки собрали 400 миллионов пудов, мы могли бы нашу промышленную программу выполнить большей частью, тогда у нас был бы известный фонд обмена городских промышленных продуктов на земельные. У нас получилось обратное. Получился еще более острый в некоторых местах, чем продовольственный кризис, кризис топливный, полная невозможность удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами. Получился невероятно острый кризис крестьянского хозяйства. Вот из каких обстоятельств вытекало то, что мы ни в каком случае при старой продовольственной политике оставаться не могли. Мы должны были поставить на очередь вопрос о том, какие нужны экономические основы союза между рабочим классом и крестьянством нам немедленно, как переход к дальнейшим мерам»⁸⁸.

Значит, в случае хорошего урожая, выполнения плана разверстки и отсутствия топливного кризиса командно-админи-

Таблица 23. Коэффициенты корреляции между показателями народного хозяйства РСФСР за январь 1920 — март 1921 г.

Показатель	1	2	3	4	5
1. Заготовка продовольствия	-0,026	+0,625	+0,346	+0,276	+0,090
2. Распределение хлеба и крупы	+0,625	+0,862	+0,757	+0,104	-0,070
3. Добыча топлива	+0,346	+0,757	+0,180	+0,386	+0,179
4. Выплавка чугуна	+0,276	+0,104	+0,386	+0,343	+0,957
5. Выработка тканей	+0,090	-0,070	+0,176	+0,957	+0,477
6. Железнодорожный грузооборот	+0,257	+0,067	-0,046	+0,613	+0,591
7. Стоимость экспорта	-0,036	-0,658	-0,691	+0,326	+0,459
8. Стоимость импорта	-0,151	-0,331	-0,326	-0,479	-0,413
9. Денежная эмиссия	+0,012	-0,459	-0,634	+0,341	+0,481
10. Уровень цен	+0,083	-0,429	-0,648	+0,288	+0,423

стративная система сохранилась бы и в 1921 г. Конечно, такое обилие «если», к которым присоединяется и открытое недовольство крестьянства и средних городских слоев существующей хозяйственной политикой, обращает в ничто шансы ее сохранения. Однако не следует забывать, что оценка экономической ситуации производится людьми и от них же исходят принимаемые политические решения. Что было бы, если бы необходимость крутой ломки сложившейся хозяйственной системы к 1921 г. не была бы осознана? К сожалению, на чисто качественном уровне невозможно правильно оценить все множество взаимосвязей, складывающихся в народном хозяйстве, определить их эволюцию. Поэтому мы вынуждены обратиться к количественным методам.

В табл. 23 приведены коэффициенты корреляции между важнейшими экономическими показателями за период с января 1920 г. по март 1921 г., т. е. в кульминационный период развития командно-административной системы. При исчислении коэффициентов устранялся линейный тренд. К сожалению, по 15-месячным данным нельзя было погасить сезонные колебания. По главной диагонали матрицы приведены коэффициенты автокорреляции.

Между заготовками продовольствия и его распределением связь не слишком тесная. Это объясняется наличием у государства продовольственных запасов от урожаев 1919 и 1920 гг. Плановое распределение позволяло при всей скудости ресурсов и низких душевых нормах снабжать продуктами до 35 млн человек. Однако в области добычи топлива из-за резких изменений состава работников напряженность продовольственной проблемы сохранялась, о чем свидетельствует высокая корреляция между распределением продуктов и добычей топлива. В этом проявилась одна из особенностей плановой системы, эффективность которой зависит от устойчивости экономической структуры.

Топливоснабжение в целом также не слишком сильно ограни-

Показатель	6	7	8	9	10
1. Заготовка продовольствия	+0,267	-0,036	-0,151	+0,012	+0,083
2. Распределение хлеба и крупы	+0,067	-0,658	-0,331	-0,459	-0,429
3. Добыча топлива	+0,046	-0,691	-0,326	-0,634	+0,648
4. Выплавка чугуна	+0,613	+0,326	-0,479	+0,341	+0,288
5. Выработка тканей	+0,591	+0,459	-0,413	+0,481	+0,423
6. Железнодорожный грузооборот	+0,343	+0,536	-0,552	+0,697	+0,642
7. Стоимость экспорта	+0,536	+0,911	+0,135	+0,938	+0,934
8. Стоимость импорта	-0,552	+0,135	+0,192	+0,034	+0,125
9. Денежная эмиссия	+0,697	+0,938	+0,034	+0,932	+0,991
10. Уровень цен	+0,642	+0,934	+0,125	+0,991	+0,947

Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 1—7, 8—9, 10—11; Бюл. ЦСУ. 1920—1922. № 19—70; Народное хозяйство России за 1921/22 г. М., 1923.

чивало производственные показатели, хотя при более дифференцированном подходе можно выделить достаточно сильные взаимосвязи. Например, коэффициент корреляции между вывозом угля и выплавкой стали, не вошедший в табл. 23, равен $+0,738$. Однако это можно объяснить не только уменьшением добычи угля, но и транспортными затруднениями. Топливный кризис изживался путем минерализации топливоснабжения на фоне необычайно резкого сокращения дровозаготовок. Отсюда и весьма ощутимая дополнительная нагрузка на железнодорожный транспорт. При уменьшении суммарной погрузки возрастала дальность перевозок. Это, в частности, приводило к повышенному расходованию топлива. Коэффициент корреляции между вывозом угля и общим грузооборотом железнодорожного транспорта был равен $+0,685$.

Из производственных показателей обращает на себя внимание большая согласованность между выплавкой чугуна и выработкой тканей. Поскольку не может быть и речи о столь сильной взаимной детерминации, следует, видимо, поискать общий фактор, порождающий тесную корреляцию. Вероятнее всего, таким общим фактором были особенности социального облика рабочих, заметная часть которых явилась на заводы в военное и даже в послевоенное время и не оторвалась еще от земледелия. Любое обострение продовольственной проблемы являлось причиной массового отлива таких рабочих в деревню. Значительные размеры отход рабочих в деревню приобретал к началу полевых работ. Все это самым непосредственным образом отражалось на производственных показателях как в металлургической, так и в текстильной промышленности и приводило к синхронным колебаниям размеров продукции.

Взаимосвязь между экспортом и импортом очень слабая. Дело в том, что ввоз и вывоз товаров не был сбалансированным, ввозилось значительно больше, чем вывозилось. Тем не менее между экспортом и распределением хлеба и крупы, а также добычей топлива есть заметная отрицательная корреляция. Вероятно, это объясняется тем, что при значительной напряженности в области продовольствия и топлива даже небольшие размеры вывоза отражались на потреблении.

Особого внимания заслуживают показатели, связанные с денежным обращением и уровнем цен. Обесценение денег и рост дороговизны привели к тому, что эмиссия и цены оказались теснее связанными между собой, чем с производством и распределением. Наряду с этим для денежной эмиссии и уровня цен характерны очень высокие коэффициенты автокорреляции, свидетельствующие о способности процесса генерировать самого себя.

Денежное обращение и ценообразование были самым слабым элементом экономической системы 1919—начала 1921 г., вносящим огромный дезорганизующий импульс. С обесценением денег теряло смысл само понятие «государственные финансы», так как государство, утрачивая возможность производить накопление в денежной форме, лишалось возможности маневрирования имею-

шимися ресурсами. Рост цен задевал интересы народных масс, лишая их возможности прикупать к скудному пайку недостающие продукты.

Главная же угроза состояла в том, что цены и денежная масса оторвутся от производства и товарной массы, вынуждая население искать деньгам замену для осуществления обмена. Это привело бы к раздроблению ослабленного товарооборота страны, к созданию локальных рынков, не связанных друг с другом единой денежной системой.

Могли ли цены и денежная масса оторваться от товарооборота и зависеть только друг от друга? Для изучения этого вопроса построим простую дифференциальную модель, показывающую один из возможных вариантов замыкания ценообразования и денежного обращения друг на друге. Обозначим через M_0 количество денег в обращении, а через p_0 уровень цен на начальный момент инфляции. Как изменятся величины M и p к моменту t ? В обычных условиях цены и денежная масса лишь опосредованно влияют друг на друга. Уровень цен определяется товарным предложением, платежеспособным спросом, государственным регулированием. Количество денег зависит от кредитной политики, заработной платы, размеров сбережений. В условиях инфляции рост денежной массы определяется прежде всего необходимостью компенсировать обесценивающуюся часть эмиссии.

Для определения покупательной силы денег надо рассчитать величину, обратную к уровню цен: $1/p$. Теперь, зная покупательную силу денежной единицы, путем умножения ее на количество находящихся в обращении денежных знаков можно определить реальную стоимость денежной массы: M/p .

Чтобы определить, насколько обесценилась вся денежная масса в процессе инфляции, достаточно определить разность между номинальной и реальной стоимостью денег:

$$M_t - \frac{M_t}{p_t}.$$

Однако если нас интересует конкретный отрезок процесса, например от p_0 до p_t , необходимо определить величину

$$\frac{M_t}{p_0} - \frac{M_t}{p_t}.$$

Вообще говоря, эмиссия представляет собой только часть всей денежной массы. Однако в условиях инфляции 1914—1924 гг. эта часть была весьма значительна. В конце 1920 г. она составила, например, 57 %. Поэтому обесценение всей денежной массы прежде всего характеризует размеры обесценения эмиссии.

В связи с этим нет нужды усложнять модель, вводя в нее дополнительные переменные. Примем просто, что рост денежной массы в условиях инфляции прежде всего пропорционален размерам обесценения всех денег, находящихся в обращении:

$$\frac{M_t}{p_0} - \frac{M_t}{p_t}.$$

Если это и не совсем так, то модель будет отличаться от действительности только при описании начала процесса. С развитием же инфляции доля эмиссии в составе денежного обращения будет приближаться к 100 %. Поэтому мы сможем увидеть, к чему ведет вполне понятное стремление государства компенсировать обесценение денег. Однако простая компенсация оказывается недостаточной. Она усиливается увеличивающейся по мере роста цен потребностью в деньгах. Таким образом, уравнение для скорости роста денежной массы в условиях инфляции имеет вид

$$\frac{dM_t}{dt} = ap_t \left(\frac{M_t}{p_0} - \frac{M_t}{p_t} \right).$$

В свою очередь, цены реагируют на увеличение количества денег, стремясь восстановить нарушенное равновесие между товарной и денежной массой, т. е. изменяются пропорционально величине

$$p_t \left(\frac{G_t}{M_0} - \frac{G_t}{M_t} \right),$$

где G — количество товаров. Кроме того, стремясь избежать потери на курсе, торговцы вводят накладки на цены, которые растут со скоростью, пропорциональной отношению денежной массы к товарной, т. е. величине M_t/G_t . Таким образом, уравнение для скорости роста цен в условиях инфляции имеет вид

$$\frac{dp_t}{dt} = bM_t \left(\frac{p_t}{M_0} - \frac{p_t}{M_t} \right).$$

Заметим, что при составлении уравнения товарная масса сократилась и, следовательно, ее изменение не оказывает влияния на развитие процесса.

Если принять $a/p_0 = k$, а $b/m_0 = l$, то полученная система дифференциальных уравнений упростится и примет вид

$$\frac{dM_t}{dt} = kp_t M_t - aM_t; \quad (1)$$

$$\frac{dp_t}{dt} = lp_t M_t - bp_t. \quad (2)$$

Эта система имеет две точки равновесия: $(0, 0)$ и $E = (b/l, a/k)$. Скорости роста денежной массы и цен в этих точках равны нулю. Изучим поведение системы вблизи E . Для этого примем

$$x = M_t - \frac{b}{l}, \quad y = p_t - \frac{a}{k}.$$

Тогда

$$\frac{dx}{dt} = \frac{dM_t}{dt} = \left(x + \frac{b}{l} \right) ky; \quad \frac{dy}{dt} = \frac{dp_t}{dt} = lx \left(y + \frac{a}{k} \right).$$

Линейные части этих уравнений есть

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} \approx \frac{bk}{l} y; \\ \frac{dy}{dt} \approx \frac{al}{k} x. \end{cases} \quad (3)$$

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} \approx \frac{al}{k} x. \end{cases} \quad (4)$$

Дифференцируя уравнение (3) и подставляя dy/dt из уравнения (4), получаем

$$\frac{d^2 x}{dt^2} = abx. \quad (5)$$

Наиболее общим решением уравнения (5) является функция

$$x = Ae^{\sqrt{ab}t} + Be^{-\sqrt{ab}t}, \quad (6)$$

где A и B — константы. Дифференцируя выражение (6) и подставляя результат в уравнение (3), получаем

$$y = Ke^{\sqrt{ab}t} - Le^{-\sqrt{ab}t}, \quad (7)$$

где $K = (t\sqrt{ab}) / (bk)A$, а $L = (t\sqrt{ab}) / (bk)B$. Для окрестностей точки равновесия уравнения (6) и (7) можно рассматривать как точные решения уравнений (1) и (2).

Следовательно, моделирование позволило нам представить форму функций изменения цен и денежной массы со временем. Действительно, аппроксимация фактических данных с помощью функций вида

$$y = C_1 e^{s_1 t} + C_2 e^{s_2 t},$$

частным случаем которых являются функции (6) и (7), дает хорошие результаты (см. диагр. 1). Отклонения полученных по модели данных от фактических не превышают возможных погрешностей источников.

Наряду с этим модель оказывается полезной для понимания сути инфляционного процесса и интерпретации фактических данных.

Рассмотрим изменение взаимосвязи между ценами и денежной массой с развитием инфляции. Поскольку нас при этом инте-

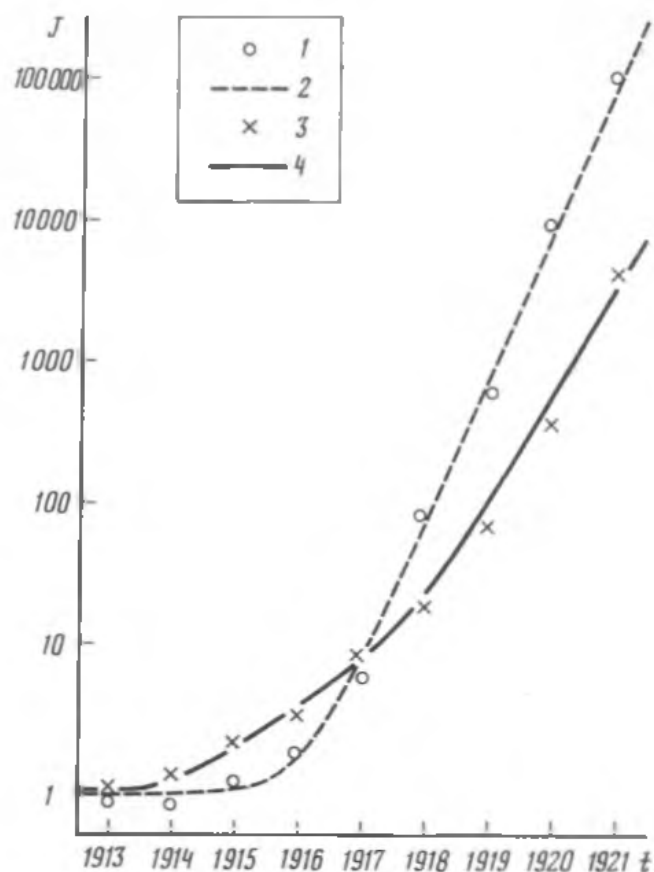

Диаграмма 1. Динамика цен и денежной массы, 1913—1921 гг.

Цены: 1 — фактические данные (1913 г. = 1); 2 — расчетные.
 Денежная масса: 3 — фактические данные (1913 г. = 1); 4 — расчетные.

ресуют взаимообусловленные значения M и p , а не моменты времени, когда M и p принимают эти значения, мы можем исключить время из рассмотрения, разделив уравнение (2) на уравнение (1):

$$\frac{dp}{dM} = \frac{p(lM - b)}{M(kp - a)}. \quad (8)$$

Преобразуем уравнение (8) следующим образом:

$$\frac{kp - a}{p} \frac{dp}{dM} + \frac{b - lM}{M} = 0.$$

Интегрируя по M , получаем

$$kp - a \ln p + b \ln M - lM = \ln C,$$

или $\frac{e^{kp}}{p^a} = C \frac{e^{lM}}{M^b}, \quad (9)$

т. е. денежная масса и цены изменяются таким образом, что отношение $M^b e^{kp}$ к $p^a e^{lM}$ всегда равно константе C .

Рассматривая отдельно

$$f_1(p) = \frac{e^{kp}}{p^a}$$

и

$$f_2(M) = \frac{e^{lM}}{M^b},$$

замечаем, что первая функция имеет минимум при $p = a/k$, а вторая — при $M = b/l$. Следовательно, любые значения, кроме экстремальных, эти функции принимают дважды. Поэтому если мы в выражении (9) зафиксируем возможное значение M , то ему будут

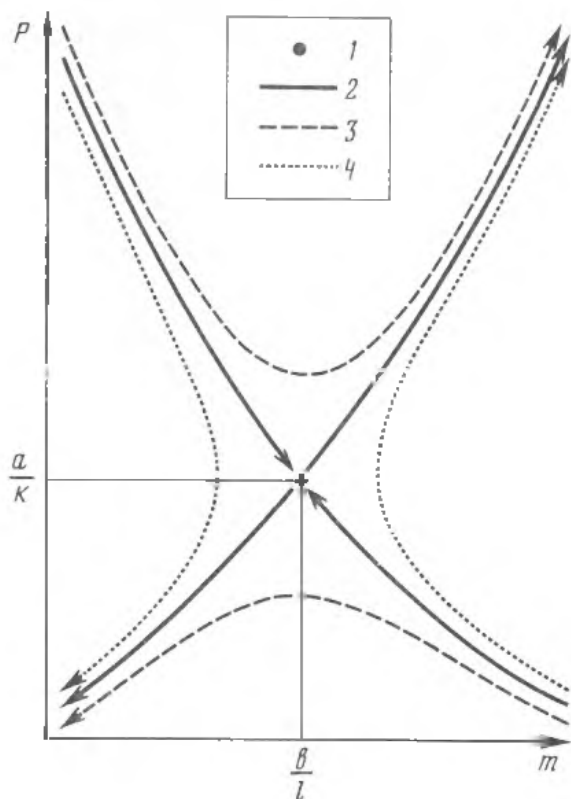

Диаграмма 2. Взаимосвязь между ценами (p) и денежной массой (M).
1 — Е.

$$2 - C = \frac{e^{k \left(\frac{a}{k}\right)} \left(\frac{b}{l}\right)^b}{\left(\frac{a}{k}\right)^a e^{l \left(\frac{b}{l}\right)}};$$

$$3 - C < \frac{e^{k \left(\frac{a}{k}\right)} \left(\frac{b}{l}\right)^b}{\left(\frac{a}{k}\right)^a e^{l \left(\frac{b}{l}\right)}};$$

$$4 - C > \frac{e^{k \left(\frac{a}{k}\right)} \left(\frac{b}{l}\right)^b}{\left(\frac{a}{k}\right)^a e^{l \left(\frac{b}{l}\right)}}.$$

соответствовать два значения p и, наоборот, всякому значению p будут соответствовать два значения M .

Это объясняется наличием различных траекторий, выражающих взаимосвязь между ценами и денежной массой (см. диагр. 2). Здесь следует сказать, что решение дифференциальных уравнений типа (8) имеет такое свойство, что траектории не могут пересекаться и положительные части осей координат также являются траекториями. Поэтому всегда $M > 0$ и $p > 0$.

Точкой-траекторией является $E(M = b/l$ и $p = a/k)$. Если денежная масса и цены находятся в равновесии, то сами по себе они не могут покинуть этой точки. Однако в любой другой точке уровень цен и размеры денежной массы начинают изменяться под влиянием друг друга. При этом характер изменений существенно зависит от константы C .

При

$$C = \frac{e^{k \left(\frac{a}{k}\right)} \left(\frac{b}{l}\right)^b}{\left(\frac{a}{k}\right)^a e^{l \left(\frac{b}{l}\right)}}.$$

траектории упираются или отходят от точки E , однако не могут пересечь ее. Поэтому мы имеем дело с четырьмя отдельными траекториями. Две из них асимптотически приближаются к E , а две другие асимптотически удаляются от равновесия. При любых других значениях C взаимосвязь между ценами и денежной массой выражается двумя траекториями, которые на время приближаются к равновесию, а затем удаляются от него. О направлении движения мы можем судить по уравнениям (1) и (2), которые показывают, что $dM/dt > 0$ в том случае, если $p > a/k$, а $dp/dt > 0$ тогда, когда $M > b/l$. Следовательно, если $M > b/l$, то p растет, а если $M < b/l$, то p уменьшается; если $p > a/k$, то M растет, а если $p < a/k$, то M уменьшается.

Моделирование показывает, что инфляция не может начаться, если цены и денежная масса находятся в равновесии, однако и выведение их из равновесия не всегда ведет к инфляции. Если денежное обращение существенно расширилось, но цены остались на низком уровне, то начавшийся под влиянием этого процесс может привести к восстановлению равновесия. Точно так же значительное увеличение уровня цен при ограниченном денежном обращении способно повлечь за собой движение, направленное к восстановлению равновесного состояния. Для того чтобы инфляционный процесс получил развитие, необходимо, чтобы неблагоприятная обстановка одновременно сложилась как в области товарного обращения, так и в сфере государственных финансов. Это подрывает широко распространенные представления об инфляции, связывающие ее с чрезмерной денежной эмиссией и даже с сознательно проводимым Советской властью курсом, направленным на окончательную ликвидацию денежного хозяйства.

Рассмотрение инфляционных траекторий показывает, что рост цен и денежной массы носит необратимый характер. Если бы государство попыталось остановить инфляцию путем прекращения эмиссии, то рост цен вызвал бы нехватку денег. Наряду с необратимой инфляцией модель показывает также возможность дефляционных траекторий. В действительности мы такой процесс не наблюдаем, так как для установления прямой взаимосвязи между ценами и денежной массой, влекущей дефляцию, необходимо, чтобы цены снижались в условиях растущего изъятия денег из оборота. Видимо, существующие экономические системы не создают условий для реализации такого процесса.

Таким образом, угроза отрыва цен и денежной массы от товарооборота была вполне реальна и создавала значительные трудности для функционирования экономики в 1919 — начале 1921 г. Могло ли уничтожение денег явиться выходом из создавшегося положения? В 1919—1920 гг. на этой мере настаивали Н. И. Бухарин, Ю. Ларин, Ф. Ф. Сыромолотов. Требование отмены денег содержалось в резолюции III съезда ВСНХ, вызвавшей дискуссию в печати⁸⁹. Одновременно натуральное распределение, отмена оплаты коммунальных услуг, почтовых переводов, медицинского обслуживания и обучения создавали благоприятные условия для отмены денег внутри экономической системы.

Как изменились бы взаимосвязи внутри системы при ликвидации денег и цен? Для того чтобы это определить, необходимо осуществить факторизацию матрицы коэффициентов корреляции, приведенной в табл. 23, и попытаться выделить фактор, связанный с денежной системой. Это даст нам возможность исключить роль этого фактора из системы взаимосвязей. В табл. 24 приведены результаты такой работы.

Рассматривая факторные нагрузки, замечаем, что денежная система не оказывала никакого воздействия на заготовку продовольствия и импорт товаров. Это понятно: в условиях эмиссион-

Таблица 24. Фактор «денежное обращение» и матрица остатков корреляции

Переменная	Остатки корреляции				
	1	2	3	4	5
1. Заготовка продовольствия	—	+0,605	+0,314	+0,286	+0,106
2. Распределение хлеба и крупы	+0,605	—	+0,474	+0,195	+0,073
3. Добыча топлива	+0,314	+0,474	—	+0,532	+0,409
4. Выплавка чугуна	+0,286	+0,195	+0,532	—	+0,883
5. Выработка тканей	+0,106	+0,073	+0,409	+0,883	—
6. Железнодорожные перевозки	+0,289	+0,357	+0,420	+0,463	+0,355
7. Стоимость экспорта	+0,008	—0,265	—0,057	—0,530	+0,139
8. Стоимость импорта	—0,153	+0,313	—0,354	—0,470	—0,399
9. Денежная эмиссия	+0,058	—0,048	+0,028	+0,128	+0,146
10. Уровень цен	+0,038	—0,028	+0,003	+0,081	+0,097
Факторные нагрузки	—0,047	—0,419	—0,675	+0,217	+0,341

ного хозяйства ни цены, ни денежные ресурсы государства не могли ограничивать размеры государственных операций. С ростом денежной массы и цен увеличивались железнодорожные перевозки, как следствие оживления товарно-денежных отношений. Особенно сильный импульс товарно-денежным отношениям давало развитие экспорта. Отрицательная связь существовала между размерами денежного обращения и распределением хлеба и крупы, а также добычей топлива. Это объясняется тем, что с углублением продовольственной и топливной проблем возрастала спекуляция хлебом и дровами. На выплавку чугуна и выработку тканей денежная масса и цены оказывали довольно слабое положительное воздействие, видимо, за счет той части продукции металлической и текстильной промышленности, которая распределялась натурой и реализовывалась населением через рынок для покупки продовольствия.

После устранения фактора «денежное обращение» внутри народнохозяйственной системы возникает иная структура взаимосвязей. Прежде всего заметно усиливаются взаимосвязи между производственными показателями: добычей топлива, выплавкой чугуна, выработкой тканей. Экономическое развитие становится более сбалансированным. Одновременно неблагоприятное положение в одной из производственных отраслей гораздо заметнее сказывается на всем производстве.

Увеличивается взаимосвязь между железнодорожными перевозками и всеми основными сторонами народнохозяйственной жизни: заготовками, распределением, производством. Видимо, денежное обращение в том состоянии, в каком оно находилось в 1920 — начале 1921 г., отрицательно сказывалось на территориально-экономических взаимосвязях. Все это говорит о том, что в сложившихся условиях отмена денег не разрушала, а видоизменяла систему внутривозрастных связей.

Тем не менее отмена денег влекла за собой серьезные проблемы,

Переменная	Остатки корреляции				
	6	7	8	9	10
1. Заготовка продовольствия	+0,289	+0,008	-0,153	+0,058	+0,038
2. Распределение хлеба и крупы	+0,357	-0,265	+0,313	-0,048	-0,028
3. Добыча топлива	+0,420	-0,057	-0,354	+0,028	+0,003
4. Выплавка чугуна	+0,463	-0,530	-0,470	+0,128	+0,081
5. Выработка тканей	+0,355	+0,139	-0,399	+0,146	+0,097
6. Железнодорожные перевозки	—	-0,113	-0,523	+0,019	-0,019
7. Стоимость экспорта	-0,113	—	+0,174	+0,017	+0,036
8. Стоимость импорта	-0,523	+0,174	—	+0,075	+0,165
9. Денежная эмиссия	+0,019	+0,017	+0,075	—	+0,053
10. Уровень цен	-0,019	+0,036	+0,165	+0,053	—
Факторные нагрузки	+0,691	+0,939	-0,042	+0,981	+0,956

в большинстве случаев неразрешимые. В рамках безденежной системы производство было лишено иных стимулов развития, кроме выполнения намеченных планом размеров снабжения населения. Любое изменение народнохозяйственных потребностей непосредственно отражалось на производстве. Об этом свидетельствует отрицательная взаимосвязь между импортом и производственными показателями.

Важная роль импорта видна из рассмотрения взаимосвязи между ввозом и распределением: в новой матрице коэффициент корреляции между отмеченными показателями изменил свой знак с отрицательного на положительный. Однако безденежное хозяйство не давало возможностей для расширения внешней торговли. Вполне реальной была перспектива замыкания экономической системы на себя, разрыва всех связей с мировым хозяйством.

Однако главная проблема состояла в невозможности осуществления экономических взаимоотношений с несоциалистическими укладами, и прежде всего с мелкотоварным укладом, к которому принадлежали большинство крестьян. Система должна была либо уничтожить многоукладность насильственным преобразованием экономической жизни деревни и средних городских слоев, либо изолировать себя в море мелкотоварных хозяйств.

Второй путь означал бы гибель Советской власти. Но был ли возможен первый путь? Ответить на этот вопрос означает определить, была ли в начале 20-х годов административно-хозяйственная система реальной альтернативой нэпу. Ответ на этот вопрос важен и в другом отношении. Если в начале 20-х годов массовая коллективизация, как считают многие ученые, была невозможна, то приходится думать, что в рамках нэпа произошли те изменения, которые сделали ее возможной спустя десятилетие. А это, очевидно, не так.

Можно сказать, что для проведения массовой коллективизации в начале 20-х годов не существовало ни материально-технической базы, ни желания крестьян, ни агрономических кадров. Однако те же причины не остановили коллективизацию в 30-х годах. Существенным препятствием было увлечение Наркомзема и местных органов власти строительством коммун. Однако уже к концу 1918 г. стала складываться более гибкая политика. Так, на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун нарком земледелия С. П. Середя высказал ту мысль, что «методы коллективизации должны быть разнообразны, должны быть эластичны, должны охватить особенности сельскохозяйственного развития крестьянской массы»⁹⁰.

Переход от строительства коммун к созданию более простых и доступных крестьянам форм коллективного землепользования произошел уже на протяжении 1919 г. Если в феврале этого года на территории РСФСР насчитывалось 1568 коммун и 587 артелей, то к октябрю — 1961 коммуна и 3503 артели. Образование колхозов шло довольно высокими темпами вплоть до марта 1921 г., когда на территории РСФСР существовало уже 14,6 тыс. коллективных

хозяйств⁹¹. К концу 1921 г. темпы коллективизации заметно снизились, а к началу развертывания новой экономической политики в 1922 г. численность колхозов уменьшается.

Если аппроксимировать фактические данные за период с февраля 1919 г. по март 1921 г., то мы получаем зависимость вида

$$y=637,95 \exp(1,257 \cdot 10^{-1}t),$$

где y — количество колхозов в тысячах, а t — порядковый номер месяца, причем $t=1$ соответствует февралю 1919 г. В таком случае количество колхозов при сохранении начальных темпов коллективизации составило бы к концу 1921 г. 59,0 тыс., т. е. примерно столько, сколько их было на территории РСФСР к середине 1930 г., а к концу 1922 г. оно достигло бы 266,7 тыс., превысив уровень 1934 г. на 90,4 тыс.⁹² Конечно, темпы коллективизации могли замедлиться под влиянием растущего сопротивления крестьян, а также голода в Поволжье. Однако даже половина от предсказываемого моделью количества колхозов на конец 1922 г. составила бы чрезвычайно мощный коллективистский уклад в земледелии, который объединил бы до 35,6 % крестьянского населения.

Даже если предположить, что душевое земельное обеспечение и производительность труда у колхозников и единоличников были бы одинаковыми, урожай хлебов на колхозных землях составил бы в 1922 г. 923 млн пудов, а государство смогло бы получить в свое распоряжение до 346 млн пудов хлеба, т. е. на 130 млн пудов больше минимальных потребностей городского населения. Это позволило бы в отношении остальной части крестьянского населения перейти от продразверстки к продналогу, а по мере выполнения промышленной программы реализовать идею о продуктообмене между городом и деревней. Разумеется, всего этого можно было добиться только путем осуществления чрезвычайно жесткой линии в отношении к крестьянству в целом и колхозникам в особенности.

Были ли в составе РКП(б) люди, способные проводить столь жесткий курс? В таких работниках не было недостатка. И в центре, и на местах распространено было убеждение в том, что «крестьянство... вследствие своей мелкобуржуазной психологии... создает тормоз в развитии мирового социалистического строительства»⁹³. Убеждение в том, что коллективизации не избежать, распространилось и среди самих крестьян. Многие из них уже не думали о том, чтобы сохранить индивидуальное хозяйство, а стремились отстоять более приемлемые для них формы коллективного земледелия.

К каким экономическим последствиям привело бы утверждение натурального обмена продуктами между городом и деревней? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вновь обратиться к методам математического моделирования. Построим модель натурального обмена между городом и деревней.

Обозначим через J объем промышленного производства, а через A размеры сельскохозяйственной продукции. Если нет

никакого обмена с промышленностью, то скорость роста сельскохозяйственного производства определится изменяющейся в соответствии с размерами производства разностью между средней производительностью p и потреблением c . При этом производительность не зависит ни от времени, ни от численности населения, а потребление пропорционально размерам производства:

$$\frac{dA}{dt} = (p - cA)A. \quad (10)$$

Решение уравнения (10) представляет из себя логистическую функцию

$$A = \frac{A_0 p e^{pt}}{p - cA_0 + cA_0 e^{pt}}, \quad (11)$$

где A_0 — размеры сельскохозяйственного производства в начальный момент времени. Уравнение (11) показывает, что в условиях экономической изоляции сельскохозяйственное производство не может увеличиваться до бесконечности, а приближается к равновесному значению, причем

$$\lim_{t \rightarrow \infty} A = \frac{p}{c},$$

т. е. предельный объем сельскохозяйственной продукции равен отношению средней производительности к нормам потребления.

В отличие от сельского хозяйства промышленность не может сколько-нибудь долго сохранять стабильными размеры производства в условиях изоляции. Нехватка сырья, продовольствия и топлива приведет к снижению размеров производства. Скорость этого снижения будет усиливаться потреблением городского населения:

$$\frac{dJ}{dt} = (-r - bJ)J, \quad (12)$$

где r — коэффициент падения производительности, а b — средние размеры потребления. Интегрируя, получаем

$$J = \frac{rJ_0}{(bJ_0 + r)e^{rt} - bJ_0}, \quad (13)$$

где J_0 — размеры промышленного производства в начальный момент времени. При $t=0$ $J=J_0$, а при $t \rightarrow \infty$ $J \rightarrow 0$.

Если промышленность и сельское хозяйство обмениваются долями своей продукции, то картина изменяется. Приток сырья и продовольствия оживляет работу промышленности. Можно было бы предположить также, что поступление сельскохозяйственной техники увеличивает производительность сельского хозяйства. Но для рассматриваемого периода это было бы слишком смелым допущением. Крестьянская производительность находилась прежде всего под влиянием изменения почвенно-климатических условий. Так, за период с 1917 по 1929 г. при средней урожайности 6,91 ц с гектара среднее квадратическое отклонение от этой величины составляло 1,02 ц с гектара, а коэффициент регрессии

урожайности по времени был равен только $+0,22$ ц с гектара за год⁹⁴. Таким образом, стихийные колебания урожайности в 4,7 раза перекрывали ее рост, происходивший под влиянием улучшения качества обработки почвы. Следует, однако, учесть отрицательный эффект обмена с промышленностью, ибо, чтобы приобрести промышленные изделия, крестьянин должен был отдать часть своей продукции.

В связи с этим наиболее реалистичной для рассматриваемого периода будет следующая модель взаимоотношений между промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в условиях натурального обмена:

$$\begin{cases} \frac{dJ}{dt} = (-r + kA - bJ)J; & (14) \\ \frac{dA}{dt} = (p - qJ - cA)A, & (15) \end{cases}$$

где k — коэффициент прироста промышленной продукции за счет переработки части урожая, а q — коэффициент уменьшения сельскохозяйственной продукции в результате обмена с промышленностью.

Первоначально рассмотрим важный частный случай нашей модели, когда $b=c=0$, т. е. непрямое промышленное и крестьянское потребление не оказывают воздействия на скорости роста производства. Это соответствует такой системе экономических отношений, когда все продукты производятся для обмена. В подобном случае уравнения модели примут вид

$$\begin{cases} \frac{dJ}{dt} = (-r + kA)J; & (16) \\ \frac{dA}{dt} = (p - qJ)A. & (17) \end{cases}$$

Такая динамическая система с математической точки зрения детально изучена в литературе⁹⁵. Уравнения имеют две точки равновесия: $(J=0; A=0)$ и $(J=p/q; A=r/k)$.

Если бы взаимоотношения между государственной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами описывались уравнениями (16) и (17), то взаимосвязь между промышленной и сельскохозяйственной продукцией определялась бы соотношением

$$\frac{J^p A^r}{e^{qJ} e^{kA}} = Q,$$

где Q — константа. Траектория взаимосвязи была бы замкнутой кривой (вблизи от центра — эллипс) с центром в $(J=p/q; A=r/k)$. Со временем значения J и A описывали бы циклические колебания с периодом $T=2\pi/\sqrt{rp}$. При этом J отставало бы в колебаниях от A .

Полагая в уравнениях (16) и (17) $k=q=0$, получаем

$$\frac{dJ}{dt} = -rJ; \quad \frac{dA}{dt} = pA,$$

или, интегрируя:

$$J = J_0 e^{-rt}; \quad (18)$$

$$A = A_0 e^{pt}, \quad (19)$$

т. е. в данном варианте модели предполагается, что в условиях изоляции размеры промышленного и сельскохозяйственного производства изменяются экспоненциально. Это дает возможность, исключив из фактических данных о производстве размеры городского потребления промышленных изделий и крестьянского потребления сельскохозяйственных продуктов, оценить величину r и p . Дело в том, что в отличие от функций (11) и (13) функции (18) и (19) позволяют легко провести аппроксимацию. Получаем, что в период наиболее глубокого разрыва экономических отношений между городом и деревней, т. е. с 1916 по 1920 г., $r = 0,413$; $p = 0,974$ ⁹⁶. Зная r и p , а также начальные значения J и A , равные приведенным выше размерам промышленного и сельскохозяйственного производства в 1920 г. (в довоенных рублях), легко установить значения других постоянных. Так, например, выше мы указывали, что в 1920 г. при общем объеме промышленного производства, равном 930 млн довоенных руб., деревня получила 29 % промышленных изделий и при размерах сельскохозяйственной продукции, составившей 2897,1 млн довоенных руб., в город перешло 30 % продовольствия. Из смысла уравнений (14), (15) и (16), (17) ясно, что тогда

$$k = \frac{0,30}{2897,1} = 1,036 \cdot 10^{-4}; \quad \text{и} \quad q = \frac{0,29}{930,0} = 3,118 \cdot 10^{-4}.$$

Если бы исследуемая система взаимоотношений описывалась уравнениями (16) и (17), то тогда размеры промышленного и сельскохозяйственного производства совершали бы равномерные колебания вокруг равновесных значений, равных

$$I = \frac{p}{q} \approx 3123 \text{ млн руб.}; \quad A = \frac{r}{k} \approx 3986 \text{ млн руб.}$$

с периодом

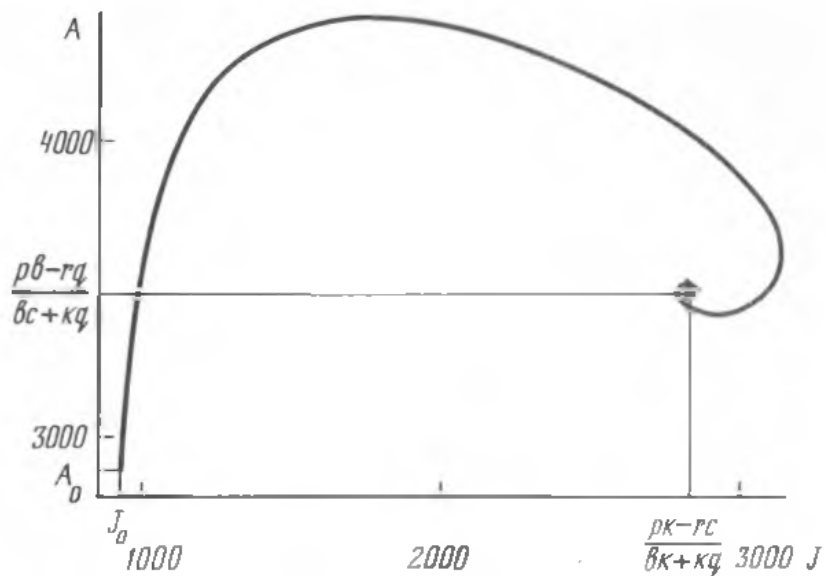
$$T = \frac{2\pi}{\sqrt{rp}} \approx 9,9 \text{ лет.}$$

Иначе говоря, уравнения (16) и (17) описывают циклическое хозяйство.

Как изменяется поведение системы, если потребление промышленных изделий городским населением и сельскохозяйственных продуктов крестьянством оказывается настолько заметной величиной, что ею нельзя пренебречь? Во-первых, равновесные значения J и A перемещаются в точку

$$\left(I = \frac{pk - rc}{bc + kq}; \quad A = \frac{pb - rq}{bc + kq} \right).$$

Диаграмма 3. Взаимосвязь между промышленной и сельскохозяйственной продукцией в условиях натурального обмена в млн довоенных руб.).

Во-вторых, взаимосвязь между размерами промышленного и сельскохозяйственного производства описывается уже не замкнутой кривой, а закручивающейся к центру равновесия спиралью (см. диагр. 3).

Это означает, что если в системе вся продукция за вычетом производственного потребления идет на обмен, то мы имеем дело с циклическим поведением, а для системы, где обменивается только часть продукции, характерны затухающие колебания.

Какой эффект при этом могут иметь стихийные флуктуации урожайности? Ясно, что они приводят к такому изменению констант в уравнениях (14) и (15), когда сохраняются равновесные значения J и A . Если, например, размеры промышленного и сельскохозяйственного производства находятся в точке равновесия, то слишком большой урожай может воскресить циклическое движение. Напротив, если система еще не уравнилась, то низкий урожай может ускорить ее движение к равновесному состоянию.

Следует рассмотреть также вопросы, связанные с народонаселением. Уравнения (14) и (15) описывают систему с заданной численностью населения. Если же численность городского и сельского населения растет, то производство также увеличивается, но растет и потребление. При этом по смыслу уравнений (14) и (15) потребление растет быстрее, чем производство.

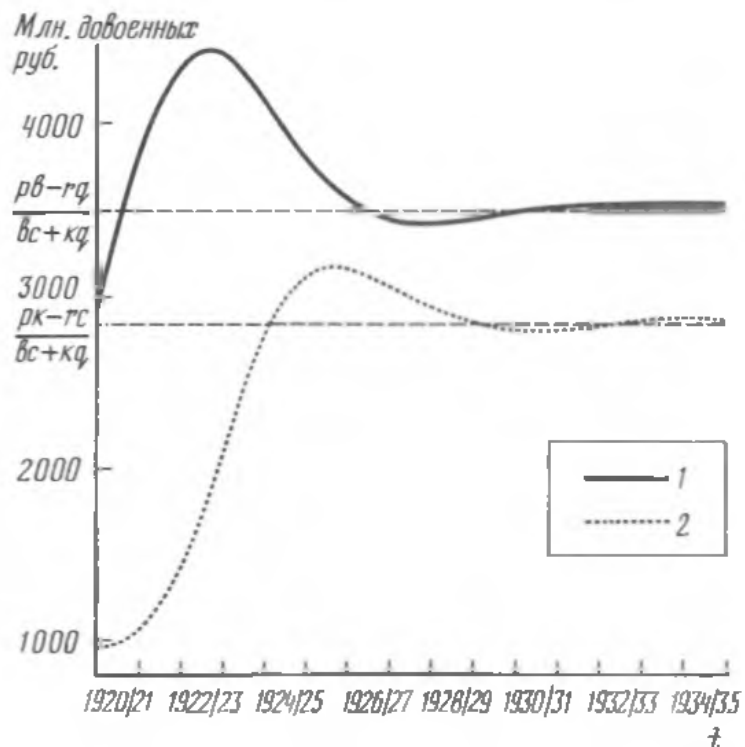

Диаграмма 4. Изменение объема промышленной и сельскохозяйственной продукции в условиях натурального обмена.

1 — сельскохозяйственная продукция; 2 — промышленная продукция.

Очевидно, что в таком случае система, описываемая уравнениями (14) и (15), должна оказывать регулирующее воздействие на рост численности населения. В противном случае имело бы место снижение жизненного уровня.

Таким образом, мы получили все необходимые данные для ответа на вопрос о том, как развивалась бы экономика страны, если бы в конце 1920 г. денежное обращение было бы полностью заменено натуральным обменом (см. диагр. 4).

В первые годы имел бы место рост промышленного и сельскохозяйственного производства. При этом сельскохозяйственная продукция увеличивалась бы существенно, чем промышленная. Однако уже к 1922/23 г. сельскохозяйственное производство достигло бы кульминационной стадии своего развития, а промышленность еще бы только находилась в начале своего подъема. В 1923/24 г. сельскохозяйственная продукция начала бы снижаться, а промышленная продолжала бы расти. Максимум промышленного развития приходится на 1925/26 г. В 1926/27 г. сельскохозяйственная продукция уже оказалась бы ниже равновесного уровня и достигла бы минимума в 1927/28 г. В эти, а также в 1928/29 г. в стране ощущалась бы нехватка продуктов питания. В 1929/30 г. равновесный уровень пересекла бы и промышленная продукция. В последующем промышленная и сельскохозяйственная продукция стабилизировались бы, совершая едва заметные отклонения от уровней равновесия в ту или другую сторону. Фактически это модель застойной экономики.

Разумеется, неточность исходных данных вносит некоторый элемент условности в наши расчеты. Однако общие закономерности модель улавливает достаточно точно. В этом убеждают и прямые аналогии с некоторыми сторонами экономической действительности 20-х годов (отставание развития промышленности от темпов роста сельскохозяйственного производства в первой половине 20-х годов, продовольственные затруднения 1927—1929 гг. и др.). В целом же экономическое развитие страны в 20-е годы происходило иначе, чем описывает наша модель. В этом проявился эффект воздействия товарно-денежных отношений.

Следовательно, если бы сторонники отмены денежных отношений восторжествовали, то страна не добилась бы тех экономических успехов, которые были достигнуты в 20-е годы. Размеры промышленной продукции остались бы на более низком по сравнению с сельским хозяйством уровне. Однако и уровень, который достигло бы крестьянское производство в условиях натурального обмена, не позволил бы полностью решить продовольственную проблему. Разумеется, сохранение денег в условиях многоукладной экономики сохраняло бы социальное неравенство и оставляло возможность для эксплуатации народных масс со стороны обогащающейся мелкобуржуазной верхушки. Однако только деньги позволяли регулировать экономические отношения между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским производством, направлять экономическое развитие страны в нужное для партии русло.

Поэтому прав был В. И. Ленин, который, полемизируя со сторонниками отмены денежного обращения, в мае 1919 г. писал: «Еще до социалистической революции социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах, в конституции, и при том положении, когда каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию. И мы не могли отменить денег сразу. Мы говорили: пока деньги остаются, и довольно долго останутся в течение переходного времени от старого капиталистического общества к новому социалистическому»⁹⁷.

Таким образом, в конце 1920 г. назрела необходимость кардинальной перестройки народного хозяйства, отхода от тех экономических тенденций, которые проявились в эпоху «военного коммунизма».

Хозяйственная перестройка

Переход к новой экономической политике является образцом решительной ломки складывавшейся хозяйственной системы, крутого изменения взятого ранее политического курса. В литературе доминирует представление о том, что нэп был построен в соответствии с разработанным заранее планом. На самом деле он был равнодействующей многих экономических и политических сил, причем конечный результат никому не был известен заранее. Для доказательства этого достаточно указать на то, какой мыслилась роль концессий, государственного капитализма и кооперации при введении новой экономической политики и какое значение они получили в сложившейся системе.

События развивались с головокружительной быстротой. Еще 30 ноября 1920 г. В. И. Ленин пишет «Проект постановления СНК о прямых налогах», в котором указывалось на необходимость «подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог»⁹⁸. Эта мера находилась в связи с системой мероприятий, обеспечивавших ведение безденежного хозяйства. А 8 февраля 1921 г. в «Предварительном, черновом наброске тезисов насчет крестьян» В. И. Ленин формулирует уже иное представление о натуральном сельскохозяйственном налоге. Его размеры должны быть уменьшены по сравнению с разверсткой 1920 г., с тем чтобы расширить свободу использования крестьянами излишков в местном хозяйственном обороте⁹⁹. Осуществление этого мероприятия было уже невозможно без расширения товарно-денежных отношений. 16 февраля Политбюро ЦК РКП(б) открывает дискуссию о замене продразверстки продналогом на страницах партийной печати¹⁰⁰. 28 февраля на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов В. И. Ленин решительно объяв-

ляет о предстоящем изменении экономической политики партии в отношении к крестьянству¹⁰¹.

С 8 по 16 марта в Москве проходит X съезд РКП(б). По докладу В. И. Ленина он принимает решение «О замене разверстки натуральным налогом». Размеры налога исчисляются так, чтобы покрыть минимальные нужды армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Предусматривается постоянное уменьшение налога по мере расширения продуктообмена между промышленностью и сельским хозяйством. Обмен продуктами между сельским хозяйством и промышленностью признается «нормальным путем» получения государством продуктов сельского хозяйства¹⁰². 28 марта В. И. Ленин подписывает проекты постановления СНК о замене разверстки на 1920/21 г. натуральным налогом и декрета СНК о разрешении свободного обмена, продажи и покупки сельскохозяйственных продуктов в губерниях и уездах, выполнивших государственные обязательства¹⁰³. 7 апреля утверждается декрет СНК о потребительской кооперации, призванный облегчить продуктообмен¹⁰⁴.

На первый взгляд кажется, что все необходимые меры приняты. Остается только ждать урожая и результатов его реализации. Но на самом деле работа по перестройке народного хозяйства была еще только начата. Размеры разверстки на 1920/21 г. были определены ранее в 423 млн пудов хлеба. Размеры натурального налога были исчислены в 240 млн пудов¹⁰⁵. Недостаток в 183 млн пудов предполагалось выполнить за счет продуктообмена. С самого начала было ясно, что государственная промышленность не в состоянии дать продуктов в обмен на этот хлеб.

Какое-то время определенные надежды связывались с развертыванием внешней торговли и заключением концессионных договоров¹⁰⁶. Однако тот тип экономических отношений, который, по словам В. И. Ленина, «вверху имеет вид блока с иностранным капитализмом» и дает «возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу»¹⁰⁷, создать не удалось. Необходимость перестройки работы промышленности становилась все очевиднее. Так шаг за шагом мероприятия, начатые с замены продрозверстки продналогом, перерастают в новую экономическую политику, включающую в себя все сферы народнохозяйственной жизни.

26 мая открывается X Всероссийская конференция РКП(б). На ней В. И. Ленин выдвигает задачи, связанные с пересмотром производственных планов крупной промышленности в направлении увеличения производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода, расширением самостоятельности и инициативы крупных промышленных предприятий в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами, допущением сдачи в аренду частным лицам, кооперативам, артелям и товариществам государственных предприятий, поддержкой мелких и средних частных и кооперативных промышленных предприятий. Само выражение «новая экономическая политика»

получает распространение именно на X партийной конференции¹⁰⁸.

Между тем еще весной стали обнаруживаться первые признаки надвигающейся засухи в целом ряде районов страны. 25 апреля В. И. Ленин пишет записку И. А. Теодоровичу с просьбой немедленно созвать совещание для разработки проекта декрета о мерах борьбы с засухой¹⁰⁹. К лету угроза неурожая стала реальностью, хотя размеры недорода еще трудно было оценить. В. И. Ленин, выступая на III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня, ставит задачу переброски сил продовольственного аппарата из неурожайных районов в урожайные¹¹⁰. В июле В. И. Ленин пишет «Заметки о мерах борьбы с голодом и об усилении хозяйственной работы», где он предлагает перевести часть работников нехозяйственных наркоматов на хозяйственную работу и мобилизовать от 500 тыс. до 1 млн человек в голодающих районах в армию¹¹¹.

Сбор хлебов в 1921 г. составил 2042 млн пудов, т. е. на 384 млн пудов меньше, чем в 1920 г., также не относящемуся к урожайным¹¹². По территории урожай распределился очень неравномерно. Сравнительно благополучно обстояли дела на Украине, в черноземных и нечерноземных губерниях центра РСФСР и на большей части территории Сибири. На их долю приходилось 1319 млн пудов, или 64,6 %, собранного хлеба. В урожайные годы их удельный вес составлял 57,7 % общего сбора хлебов. Низкой урожайность была в Вятской, Вотской, Тюменской, Челябинской губерниях, на Северном Кавказе и в Киргизии. Они дали 561 млн пудов, или 27,5 % всего урожая. В урожайные годы на их долю приходилось 26,9 % собранного хлеба. Поволжье и Башкирия были охвачены голодом. Там было собрано только 162 млн пудов, или 7,9 %, хлеба. В урожайные годы они давали 15,4 % общего сбора хлебов¹¹³.

Как мы указывали выше, в 1921 г. натуральный налог должен был дать 240 млн пудов хлеба. Кроме того, по нему предстояло собрать 60 млн пудов картофеля и 12 млн пудов масличных семян. В пересчете на ржаные единицы все это должно было составить около 270 млн пудов¹¹⁴. Вследствие определившегося неурожая эта цифра оказалась завышенной, и, приступая к проведению продовольственной кампании, Наркомпрод определял весь хлебный налог уже только в 189 млн пудов. Вскоре выяснилось, что и эта цифра является недостижимой. Поэтому по постановлению СТО была организована комиссия из представителей Наркомпрода, Наркомзема и ЦСУ, которая понизила сметное исчисление налога до 163 млн пудов. Впоследствии и эта цифра была снижена. В конечном итоге натуральный налог по РСФСР определялся в 138 млн пудов, т. е. в 51,1 % первоначальной суммы. Кроме того, предполагалось заготовить 7 млн пудов мяса, 2 млн пудов масла, 44 млн пудов сена¹¹⁵.

По Украине и Туркестану размер натурального налога определяется отдельно. В целом по трем республикам налог должен

был доставить 195 млн пудов хлеба, 58 млн пудов картофеля, 9 млн пудов мяса, 2 млн пудов масла и 64 млн пудов сена¹¹⁶. Фактически же поступило 186 млн пудов хлеба (95,4 %), 50 млн пудов картофеля (86,5 %), 7 млн пудов мяса (75,6 %), 1 млн пудов масла (56,9 %) и 59 млн пудов сена (92,2 %)¹¹⁷.

Ясно, что даже при полном выполнении сметных исчислений поступления по натуральному налогу не могли удовлетворить самых минимальных нужд страны в продовольствии. Поэтому крестьянство было обложено дополнительно еще 12 различными натуральными налогами. Это обложение производилось в разные сроки и вызвало недовольство крестьян, так как мешало им вести хозяйство согласно собственным расчетам. В свою очередь, недовольство крестьян затруднило работу продовольственных органов¹¹⁸.

Таблица 25. Итоги продовольственной кампании 1921/22 г. (в млн пудов)

Продукт	Натуральный налог		Промысловый сбор	Возврат семенной ссуды	Товарообмен	Прочие поступления	Итого
	государственный	местный					
Хлебофураж	186,2	1,1	10,6	13,5	36,8	3,6	251,8
Масличные семена	13,7	0,4	0,3	0,6	1,1	0,4	16,5
Картофель	50,3	0,9	—	2,3	0,9	0,7	55,1
Мясо	6,8	—	—	—	3,4	—	10,2
Масло	0,7	—	—	—	0,5	—	1,2
Сено	59,3	—	—	—	1,9	—	61,2

Исчислено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 6—30.

Помимо налогов, сельскохозяйственная продукция поступала также в возврат семенной ссуды и в порядке товарообмена (см. табл. 25). Несмотря на довольно скромные размеры налога, товарообмен не привел к значительному увеличению поступления сельскохозяйственной продукции, составив 14,6 % заготовок хлебофуража, 6,7 % масличных семян, 1,3 % картофеля, 33,3 % мяса, 41,7 % масла и 3,1 % сена. Объясняется это рядом причин. На первое место мы поставим недостаточность обменного фонда у заготовителей и неналаженность торгового аппарата. Так, биржевая торговля, которая могла бы быть источником товаров у заготовителей, в рассматриваемый период только создавалась. Первая биржа открылась в июне 1921 г. в Саратове. К февралю 1922 г., когда реализация урожая уже заканчивалась, функционировало всего 6 бирж¹¹⁹. Ярмарочная торговля, которая до революции играла важную роль в товарообмене между городом и деревней, стала воссоздаваться только с 1922 г., причем состоялись всего три ярмарки общероссийского значения: Ирбитская, Нижегородская и Бакинская¹²⁰.

Большое значение имели также недостаточные объем и ассор-

Диаграмма 5. Отношение индексов промышленных и сельскохозяйственных цен к общему индексу цен по бюджетному индексу.

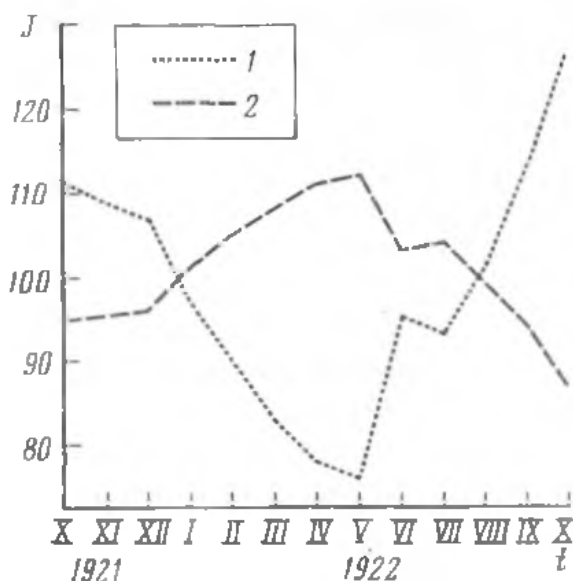
1 — индекс промышленных цен; 2 — индекс сельскохозяйственных цен.

тимент промышленного производства. Если сбор хлебов в 1921 г. составил 40,2 % довоенного, то объем промышленного производства — только 25,4 %. При этом производство плугов — 15,1 %, хлопчатобумажной пряжи — 5,8, сахара — 4,2 %¹²¹. Эти цифры показывают, что для

установления рыночного равновесия довоенное соотношение цен должно измениться в сторону превышения промышленных цен над сельскохозяйственными. В действительности же уже в январе 1922 г. цены на сельскохозяйственные продукты стояли выше промышленных цен. В мае разрыв достиг максимума. Такое положение сохранялось вплоть до августа, когда под влиянием нового урожая уровень промышленных цен вновь превысил уровень сельскохозяйственных цен (см. диагр. 5)*. Сельскохозяйственные товары были жизненно необходимыми. Поэтому на их нехватку рынок реагировал острее. В результате этого промышленные товары, производство которых сократилось в большей мере, чем сельскохозяйственных, реализовывались по более низким ценам. В стране установилась «диктатура» хлеба.

Потребление хлеба в 1921/22 г. сельским населением составило 11,6 пуда на душу¹²². Численность населения деревни в это время была равна 110,1 млн человек¹²³. Если вычтеть размеры хлебных заготовок, то окажется, что в деревне оставалось 513 млн пудов хлеба, пошедшего на корм скоту и семенной фонд. Ясно, что при лучшей организации торговли и работы промышленности часть этих запасов можно было бы изъять путем товарообмена. Недобор хлебных излишков отрицательно сказался на питании городского населения, которое в 1921/22 г. составило только 10,2 пуда хлеба на душу. В результате понизилась работоспособность, увеличилась заболеваемость и смертность в городах.

Еще одна причина неудовлетворительных итогов заготовительной кампании 1921/22 г. выясняется при рассмотрении норм питания по районам (см. табл. 26). Везде, за исключением пострадавших от неурожая районов производящей полосы, Киргизии и Украины, нормы питания городского населения были ниже норм питания сельского населения, что свидетельствует о плохом пере-

* Составлено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г.: Стат.-экон. ежегодник. М., 1923. С. XXXV.

Таблица 26. Нормы хлебного питания в 1921/22 г. (средняя норма принята за 100)

Район	Сельское население	Городское население
Потребляющая полоса	113,8	96,6
Производящая полоса:	77,6	74,1
урожайные районы	101,7	86,2
неурожайные районы	60,4	69,0
Юго-Восток:	110,4	82,8
урожайные районы	130,2	97,4
неурожайные районы	76,7	72,4
Крым	82,8	81,9
Киргизия:	90,5	82,8
урожайные районы	117,2	97,4
неурожайные районы	62,1	72,4
Сибирь	121,6	106,9
Украина:	112,1	88,8
урожайные районы	139,7	94,0
неурожайные районы	65,5	75,9

Исчислено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. XIII.

распределении хлеба между городом и деревней в большинстве районов. Вообще, только хлебное питание городского населения Сибири превышало среднюю норму. Таким образом, последствия неурожая всего ошутимее сказались на городском населении. Хлебное питание превышало среднюю норму в сельских местностях потребляющей полосы, урожайных районов производящей полосы, Юго-Востока, Киргизии, Сибири и Украины. В неурожайных районах производящей полосы, Юго-Востока, Крыма, Киргизии и Украины оно было катастрофически низким. Здесь при общей численности населения 33 млн человек на начало года имела место убыль населения в 5,2 млн человек, причем 62,5 % убыли приходится на смертность, а 37,5 % — на миграцию. Однако и ушедшие из голодного района попадали в такие тяжелые условия, что и среди них смертность была существенно выше средней¹²⁴. Все это свидетельствует о плохой коммуникации между районами, разрушении рыночных связей.

Вот почему помощь государства пострадавшим районам оказалась существенно выше, чем она могла бы быть при налаженных коммуникациях и рыночных связях. Страна была вынуждена пользоваться помощью других государств и затрачивать огромную долю своих небольших ресурсов на закупку хлеба за границей. Ввоз иностранных товаров в 1921/22 г. определялся в 449,4 млн довоенных руб., в то время как вывоз составил только 63,9 млн руб.¹²⁵ В этих условиях государство уже не могло оказывать

материальную помощь промышленности в прежних размерах, что и послужило толчком для проведения промышленной реформы.

В результате от принудительной монополии, планового снабжения и сметного распределения государственная промышленность переходит к принципам хозяйственного расчета и работы на рынок. Централизованное управление государственной промышленностью со стороны главков сменяется децентрализацией. Ответственность переносится непосредственно на промышленные предприятия, а в руках центральных органов остаются только общие регулирующие функции. Из числа национализированных предприятий были отобраны наиболее крупные и жизнеспособные. Их государство сохранило в своих руках, а мелкие и некоторые средние предоставлены частному капиталу на правах аренды или в порядке денационализации. Появились предприятия со смешанным капиталом, а также небольшое число концессионных предприятий.

Грандиозная перестройка промышленности была проведена с большой быстротой. Уже к осени 1922 г. перевод на хозяйственный расчет был закончен. Центральную часть промышленности составила группа крупных государственных промышленных предприятий, работающих по принципу самокупаемости производства. Эта группа состояла в ведении Президиума ВСНХ и его областных и местных органов. Остальные государственные промышленные предприятия подчинялись Наркомпроду, НКПС, Наркомзему, Наркомздраву и Наркомвнуделу. Подавляющее большинство этих предприятий были сведены в различного рода тресты, кусты, комбинаты и объединения. Некоторая же часть государственных предприятий, став автономными от ВСНХ, перешла в непосредственное ведение наркоматов и их местных органов.

Перепись 1920 г. насчитала 37 017 национализированных предприятий. В это число входили не только мелкие, но и мельчайшие предприятия с одним рабочим. На их долю приходилось 13,9 % всего числа предприятий государственной промышленности. Мелкие государственные мастерские с числом рабочих от 2 до 15 составили 53,7 %. На долю средней и крупной промышленности оставалось только 32,4 % всех национализированных предприятий¹²⁶.

По декрету СНК 10 декабря 1921 г. все мелкие промышленные предприятия с числом рабочих до 5 человек при наличии двигателя и 10 человек при отсутствии двигателя считались национализированными только в том случае, если в отношении их до 17 мая 1921 г. фактически была осуществлена национализация. Часто она производилась без документальных подтверждений. Актов о национализации мелких предприятий не составлялось. Дело ограничивалось только протокольным постановлением или просто взятием на учет. Кроме возврата неформально национализированных предприятий мелкой промышленности, декрет 10 декабря устанавливал еще денационализацию предприятий, насчитывавших до 20 рабочих, если об этом ходатайствовал

владелец и имелось постановление Президиума ВСНХ¹²⁷. Однако такая форма денационализации вызвала возражения со стороны ВСНХ, и по его инициативе в марте 1923 г. был издан декрет, устанавливавший трехмесячный срок для подачи ходатайств, после чего их прием прекращался¹²⁸.

Поэтому более широкое распространение получила арендная практика. Общее количество сданных в аренду предприятий достигло на 1 января 1923 г. 4384, что составило 33,0 % всех предприятий, находившихся в ведении ВСНХ. Из них 97,7 % предприятий было сдано в аренду в первый же год новой экономической политики, т. е. до 1 октября 1922 г. Из общего числа арендуемых предприятий 31 % был сдан бывшим владельцам, 21 % — прочим частным лицам, 14 % — трудовым артелям, 23 % — кооперации и 11 % — государственным учреждениям¹²⁹. Среднее количество рабочих на одно арендованное предприятие составляло 16 человек. Для сравнения укажем, что среднее количество рабочих на государственных предприятиях составило 43 человека¹³⁰.

Общее количество предприятий, намеченных к сдаче в аренду, определялось в 7000¹³¹. Следовательно, к 1 января 1923 г. оставались неарендованными 2616, или 37,4 %, из числа намеченных. Это объяснялось тяжелыми условиями аренды. Плата за нее до 1923 г. взималась преимущественно в натуральном виде — в форме отчислений от продукции. При этом в начале арендной кампании отчисления были очень высокие, не сообразованные ни с платежными возможностями предприятий, ни с их экономическим положением. На арендованные предприятия приходилась основная налоговая тяжесть, а профессиональные союзы стремились установить здесь более высокие ставки заработной платы. Поэтому многие из таких предприятий оставались бездоходными. Тем не менее и в этих условиях частные арендаторы стремились к выполнению взятых на себя обязательств для того, чтобы по истечении срока арендного договора возбудить дело о признании их собственниками предприятий. В случае крупной задолженности государству они этого сделать не могли. Так, в Северо-Западном районе с арендными обязательствами справились полностью 19,6 % частных арендаторов, более чем наполовину — 54,9 %, тогда как среди других категорий съемщиков, полностью выполнивших арендные обязательства, оказалось только 6,7 %, а более чем наполовину — 33,4 %¹³². Таким образом, частные арендаторы были более аккуратными плательщиками.

Что же касается концессионной политики, то она не получила широкого распространения. С начала 1921 г. по конец 1922 г. через Концессионный комитет ВСНХ прошло 233 предложения западных фирм. Но заключено было только 13 соглашений¹³³. В остальных случаях условия концессии были неприемлемы для договаривающихся сторон. Наряду с антисоветской кампанией на Западе заключению договоров препятствовал также глубокий экономический кризис, поразивший страны капитала и парализовавший там экономическую инициативу. Из числа обществ со

смешанным капиталом в промышленности к 1923 г. действовало только два: Русс-Англолес и Руссо-Голландлес, образованных английскими и нидерландскими предпринимателями совместно с Северолесом для эксплуатации северных лесов¹³⁴.

Определенное количество промышленных предприятий было передано в собственность или сдано в аренду потребительской кооперации, однако в условиях хозяйственного расчета она смогла удержать в своих руках только часть из них. Так, в середине 1921 г., по подсчету, осуществленному в 42 губерниях, за потребительской кооперацией числилось 1062 предприятия, а в середине 1922 г., по подсчету, проведенному в 56 губерниях, — только 972 предприятия. Лишь благодаря оказанной государством помощи число промышленных предприятий в руках потребительской кооперации в 1923 г. вновь увеличилось и достигло 2500¹³⁵. Промысловая кооперация на 15 мая 1923 г. объединяла 1130 артелей, насчитывавших 81 тыс. кустарей¹³⁶.

Таким образом, в результате хозяйственной перестройки количество государственных промышленных предприятий уменьшилось с 37 тыс. до 13 тыс., из которых 4 тыс. находились в аренде. Из оставшихся 5 тыс. находились в эксплуатации, хотя и использовались не в полную силу, а около 4 тыс. бездействовали. В составе последних часть предприятий была подготовлена к пуску в 1923 г., а часть была намечена к сдаче в аренду, продаже и даже ликвидации¹³⁷. Значительная часть (3,5 тыс.) промышленных предприятий была законсервирована. Это сыграло огромную роль в последующей истории нэпа.

Большинство действовавших промышленных предприятий, находившихся в руках государства, были объединены в тресты. Первые положения о трестах весьма осторожно формулировали их автономию в деле снабжения, финансирования и сбыта. Декретом от 10 апреля 1923 г. права самостоятельного хозяйствования трестов значительно расширились^{137а}. Первый трест «Льноправление» был образован в августе 1921 г. С тех пор трестовое строительство быстро продвигалось вперед, и в 1922 г. их количество составило 484. В первую очередь трестированию подвергалась легкая промышленность, особенно текстильная, и только постепенно тресты стали создаваться в тяжелой индустрии. Их размеры могли быть различны. Существовали тресты с большой мощностью производства. Например, «Сахаротрест», объединивший всю сахарную промышленность, «Резинотрест», являвшийся монополистом в своей области, «Азнефть», включивший всю бакинскую нефтяную промышленность, «Гомза», собравший крупнейшие металлургические заводы, и т. д. На долю таких трестов приходилось всего 5,3 % их общего числа, но они объединяли 14,7 % трестированных предприятий и 44,7 % рабочих. Наряду с этим были и мельчайшие тресты. Например, брянский пеньковый трест с 4 предприятиями и 44 рабочими. На долю таких трестов приходилось 10,5 % их общего числа, 6,0 % трестированных предприятий и 0,3 % рабочих¹³⁸.

Существовали общероссийские, областные и губернские тресты. Первые подчинялись ВСНХ, вторые — Промбюро, последнее — ГСНХ. Исключением были 23 текстильных и 13 лесных трестов. Из-за невозможности иным путем ликвидировать разногласия между ВСНХ и ГСНХ они были подвергнуты режиму двойного подчинения, что создавало неудобства в практической работе¹³⁹.

Большинство трестов выросло из ликвидированных главков. Это отразилось на их составе. В тресты включались предприятия с однородным производством, а сырьевые, топливные, потребительские базы находились в других производственных ячейках. Например, снабжение хлопком оставалось в руках Главного хлопкового комитета, а заинтересованные текстильные тресты не имели на него влияния; южные горнопромышленные предприятия были разобщены с угольными базами и т. д. Внутри трестов также существовала непропорциональность в числе предприятий, осуществлявших разные производственные стадии. Так, в текстильных трестах наблюдалась непропорциональность в производительности приданных им прядильных, ткацких и отделочных предприятий. Такая же несогласованность была между металлургическими и металлообрабатывающими частями металлических трестов и т. д.¹⁴⁰

Наряду с трестами были образованы также комбинаты, построенные по принципу объединения разнородных отраслей, обслуживающих друг друга. Однако по сравнению с трестами число и мощность таких комбинатов были невелики. Если 484 треста объединяли 4482 предприятия с 825,0 тыс. рабочими, то 22 комбината объединяли 227 предприятий с 23,4 тыс. рабочими¹⁴¹.

Основным мотивом трестирования было желание рационализировать промышленное производство и улучшить использование технических ресурсов предприятий. Но эта задача увенчалась успехом только отчасти. Продукция промышленности возросла, увеличилась интенсивность использования предприятий. Предел, однако, не был достигнут. Загруженность трестированных предприятий к 1923 г. составила только 30 % от технической возможности¹⁴².

Главной причиной незагруженности трестов было несоответствие основных капиталов оборотным средствам. Трестам было предоставлено больше предприятий, чем это оказалось возможным по финансовым соображениям. Оборотные средства, отданные в распоряжение трестов, первоначально состояли почти исключительно из сырья, материалов и топлива, запасы которых были к тому же невелики, и их хватило только на несколько месяцев. Источников денежных средств тресты к моменту их создания почти не имели.

Неблагоприятная товарная конъюнктура также осложнила положение трестированной промышленности. Резкое превышение хлебных цен над промышленными привело к разбазариванию не только продукции, но и части основных фондов. Ответной реакцией явилось стремление к поддержанию промышленных цен и регули-

рованию сбыта с помощью синдикатов, которые создавались преимущественно как торговые организации. Наиболее важной была их роль в деле организации сбыта промышленной продукции на отдаленных рынках, куда отдельным трестам трудно было проникнуть. В 1922 г. создается 17 синдикатов, объединивших 53 % трестированных предприятий. Однако недостаток оборотных средств ощущался синдикатами не менее остро, чем трестами. Этим объясняется то обстоятельство, что в начальный период своей деятельности синдикаты смогли реализовать лишь небольшую часть промышленной продукции. Например, текстильный синдикат в 1922 г. смог реализовать только 5 % продукции входивших в него трестов.

Таким образом, проблема нехватки оборотных средств стала основным препятствием на пути дальнейшего развития промышленности. Решить эту проблему было невозможно без мобилизации всех финансовых ресурсов, регулирования их обращения. Поэтому, точно так же как переход от продрозверстки к продналогу повлек за собой перестройку промышленности, промышленная реформа привела к перестройке финансовой системы.

Последняя выразилась в воссоздании кредитного аппарата. Первым шагом к восстановлению кредитных отношений был декрет СНК от 30 июня 1921 г., устанавливавший право хранения неограниченной суммы денег и допускавший открытие текущих счетов в финотделах с правом беспрепятственного получения с них внесенных сумм, причем эти суммы могли быть подвергнуты конфискации лишь в судебном порядке¹⁴³.

После ряда совещаний и обсуждений 12 октября 1921 г. был опубликован декрет СНК и ВЦИК об учреждении Государственного банка^{143а}, а затем ВЦИК утвердил положение о нем. Основными задачами нового кредитного учреждения были способствование развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также концентрирование денежных оборотов и проведение других мер, направленных на установление правильного денежного обращения. 16 ноября началось производство операций Госбанка в Москве, а затем постепенно стали открываться местные его отделения в разных городах страны. На 1 января 1922 г. было открыто только 4 учреждения Госбанка: в Москве, Петрограде, Харькове и Новгороде. Только в марте 1923 г. банковская сеть распространилась на всю страну, составив 41 местное отделение¹⁴⁴.

При организации Госбанка в основной его капитал было ассигновано из средств Государственного казначейства 2 трлн руб., что составило примерно 2,4 млн довоенных руб. Так как обращавшаяся в это время в стране реальная денежная масса была равна 55,3 млн довоенных руб.¹⁴⁵, то следует признать предоставленный Госбанку капитал довольно значительным по тому времени. Однако весьма быстрый темп падения рубля в первые месяцы деятельности Госбанка существенно обесценил этот капитал к тому времени, когда он фактически вошел в оборот.

Падение покупательной силы рубля было основной проблемой, которую пришлось решать Госбанку при выработке своих взаимоотношений с клиентурой. Следовало определить, на кого должен был падать риск, происходящий от обесценения рубля при выдаче Госбанком ссуд, — на заемщика или банк. В пользу первого решения говорило то обстоятельство, что только так можно было наладить безубыточную работу банковского аппарата. Однако было ясно и то, что основная клиентура Госбанка — переведенная на хозяйственный расчет государственная промышленность не выдержит таких условий кредита. Поэтому первоначально дисконтная политика Госбанка была построена на принципе так называемого страхового процента, причем этот процент покрывал только часть риска от падения рубля. В остальной части риск ложился на банк. Высота страхового процента изменялась в зависимости от социального состава клиентуры: государственные предприятия платили 8 %, кооперативные — 10 %, а частные — 12 %. Таким образом, привилегированное положение государственной промышленности заключалось как в преимущественном получении кредита, так и в более льготных его условиях¹⁴⁶. Однако весной 1922 г., когда темпы падения покупательной силы рубля ускорились, страховой процент пришлось сначала увеличить, а затем и вовсе от него отказаться. Новая дисконтная политика Госбанка была построена на его участии в прибылях кредитуемых им предприятий путем взимания в пользу банка от 50 % до 75 % разницы в ценах товаров заемщика с момента выдачи до момента возврата ссуды. К этому же периоду относится и начало развития товарных операций банка, причем эти операции опять-таки были вызваны резким падением курса рубля. С одной стороны, банк обратился к покупке товаров как средству помещения капитала в реальные ценности, с другой стороны, многие предприятия стали закладывать в банке товары, не всегда имея возможность выкупить их¹⁴⁷.

Первоначально в основу финансовой системы предполагалось положить принцип кредитной монополии. Но из-за недостаточного притока средств этот принцип был заменен принципом государственного регулирования кредитного дела с предоставлением права отдельным лицам и группам объединяться для создания новых кредитных учреждений. В феврале 1922 г. был организован Банк потребительской кооперации. Госбанку принадлежало 29 % паев этого нового банка. В апреле начал свою деятельность Юго-Восточный коммерческий банк в Ростове-на-Дону, 50 % акций которого принадлежали Госбанку. В октябре была начата работа по организации Промышленного банка со специальной задачей кредитования государственной промышленности. Инициатива создания такого банка принадлежала ВСНХ¹⁴⁸. Процесс строительства центральных и местных акционерных банков продолжался до середины 20-х годов.

Наряду с крупными банками создавались также общества взаимного кредита, являвшиеся центрами кредитования частного

торгового и промышленного оборота. Первое такое общество открылось в июне в Петрограде. К октябрю 1922 г. таких обществ было уже 4, а к октябрю 1923 г. — 38¹⁴⁹. В 1923 г. создаются сельскохозяйственные банки и общества сельскохозяйственного кредита¹⁵⁰. Так постепенно складывается структура кредитных учреждений страны.

Однако развитию кредитного дела препятствовало продолжающееся падение покупательной силы рубля, в результате чего кредиты быстро обесценивались. К этому времени появляются новые по сравнению с рассмотренными выше факторы усиления денежной эмиссии. Дело в том, что с переходом государственных предприятий и учреждений на хозяйственный расчет сырье, топливо и продовольствие, которые до тех пор предоставлялись государством в порядке планового распределения, стали приобретаться на рынке. Денежную эмиссию пришлось увеличить с тем, чтобы обеспечить нужды предприятий и учреждений. Одновременно и рыночные цены также возросли. В связи с этим денежная инфляция в период перестройки народного хозяйства усилилась даже по сравнению с эпохой «военного коммунизма».

Для осуществления кредитных операций Госбанк получил права эмиссионного учреждения и с декабря 1922 г. приступил к выпуску червонцев, которые были обеспечены не менее чем на 25 % золотом и устойчивой иностранной валютой, и сам выпуск которых строился на основе банковского кредита¹⁵¹. Госбанк заботился об устойчивости червонцев, ежедневно объявляя их курс по отношению к совзнакам. Таким образом, в стране наряду с падающим рублем Государственного казначейства появилась наконец и твердая валюта — червонец Государственного банка. Это привело к оздоровлению кредита и облегчило развитие товарно-денежных отношений.

Урожай 1922 г., реализация которого пришлось на самый разгар перестройки, явился испытанием на прочность складывающейся экономической системы, дал новый толчок ее развитию. Сбор хлебов составил не менее 2853 млн пудов¹⁵². Если учесть увеличившиеся из-за сокращения посевных площадей и проедания семенного фонда потребности деревни, то размеры хлебного потребления сельского населения можно определить в 2265 млн пудов. При этом следует учесть остатки прежнего урожая, составившие не менее 75 млн пудов¹⁵³. Значит, излишки хлеба у крестьян определяются в 663 млн пудов.

Потребности городского населения в хлебе определялись в 272 млн пудов, 54 млн пудов потребляла армия и 175 млн пудов было намечено к экспорту¹⁵⁴. Таким образом, предстояло заготовить не менее 501 млн пудов хлеба.

В 1922/23 г. хлебные излишки поступали по трем каналам: 1) налоговым путем; 2) по хлебному займу; 3) в порядке товарообмена и коммерческих заготовок (см. схему 6).

Налоговая политика подверглась изменению. XI съезд РКП(б) принял решение представить ближайшей сессии ВЦИК декрет

Схема 6. Продвижение сельскохозяйственных продуктов в город в 1922 г.

о едином натуральном налоге¹⁵⁵. В результате взамен 13 отдельных счетов, предъявляемых в разное время, крестьянин должен был оплатить только один счет, предъявляемый государством сразу вслед за снятием урожая. Такая налоговая политика была благожелательно воспринята крестьянством, и, несмотря на задержавшуюся во многих районах уборку урожая, первые два месяца продовольственной кампании — август и сентябрь — дали 122 млн пудов хлеба против 47 млн пудов за те же месяцы предыдущего года¹⁵⁶. С октября по декабрь было получено налоговым путем еще 228 млн пудов хлеба¹⁵⁷.

Таким образом, коммерческие заготовки и товарообмен должны были дать 151 млн пудов хлеба. Между тем отмеченная нами ранее диспропорция между промышленной и сельскохозяйственной продукцией не только сохранилась, но и обострилась в результате высокого урожая. Валовая продукция сельского хозяйства в 1922 г. составила 68 % от довоенной, а валовая продукция промышленности — только 20 %¹⁵⁸. Однако в отличие от 1921 г. сельскохозяйственные товары, уже не являвшиеся дефицитными, не могли диктовать цены рынку. Поэтому осенью 1922 г. «диктатура» хлеба сменяется «диктатурой» фабрикатов.

До сентября 1922 г. цены промышленных товаров еще стояли ниже цен сельскохозяйственных товаров, но в сентябре произошел резкий перелом и покупательная сила промышленных товаров оставила позади покупательную силу сельскохозяйственных товаров. На 1 февраля 1923 г. цены на сельскохозяйственные товары упали на 22 % по сравнению с сентябрем 1922 г., а цены на промышленные товары поднялись за тот же срок на 31 %. Это

положение было общим и в Москве, и в других районах страны, как потребляющих, так и производящих. Особенно сильно обесценились хлебные товары. Напротив, цены на одежду, обувь и ткани поднялись заметнее всего. В августе 1922 г. для покупки одного аршина ситца крестьянин должен был продать 0,15 пуда ржи, а в январе 1923 г. — уже 0,54 пуда; цены на сапоги за тот же период возросли в 2,4 раза¹⁵⁹.

Относительное падение хлебных цен было связано не только с хорошим урожаем, но и с натуральной формой уплаты налога. Административные и хозяйственные органы, испытывая острую потребность в деньгах, но получая вместо них в избытке продналоговый хлеб, стремились реализовать его на рынке по какой угодно цене, довершая кризис хлебного рынка.

Наряду с этим в области цен появилось еще одно новое явление, заключавшееся в изменении соотношения между ценами в крупных и мелких населенных пунктах (см. табл. 27). Если раньше в условиях нехватки продовольствия дороговизна развивалась прежде всего в крупных городах, то с относительным падением хлебных цен она сильнее всего проявилась в сельской местности и уездных центрах. Заметно, что при переходе от мелких к крупным населенным пунктам цены, как правило, уменьшались. Методы математической статистики позволяют проследить динамику этого процесса. Если в октябре 1921 г. коэффициент регрессии индекса цен в зависимости от размера населенных пунктов был равен только 3,91, то в январе 1922 г. он достигает 12,42, в апреле — 81,3, а в июле — 220,4. Следовательно, разрыв в ценах между промышленными центрами и сельскохозяйственными районами, незначительный в конце 1921 г., к лету 1922 г. становится весьма внушительным. В результате одни и те же товары деревня вынуждена была приобретать по более высоким ценам, чем город.

Все это привело к тому, что товарные отношения между городом и деревней не достигли намеченного уровня развития. Коммерческие заготовки и товарооборот за период с августа 1922 г. по май 1923 г. дали только 60,1 млн пудов хлеба¹⁶⁰. Таким образом, возможности развития экономики на основе высокого урожая были реализованы не полностью. Негативные последствия резких коле-

Таблица 27. Изменение индексов цен по группам населенных пунктов (цены 1913 г. приняты за 1000)

Дата регистрации цен	Группа населенных пунктов со средней численностью населения (тыс. человек)					В среднем по РСФСР
	5	18	75	350	1000	
1 октября 1921 г.	87,6	78,8	86,1	71,7	71,6	81,9
1 января 1922 г.	291,8	283,6	314,7	255,0	244,0	288,0
1 апреля 1922 г.	2663	2386	2639	2439	2230	2524
1 июля 1922 г.	6581	5699	5239	4757	4450	5795

Составлено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 320—321.

баний рыночной конъюнктуры делали все более очевидной необходимость регулирующего воздействия государства на рынок.

В целях развития рыночных отношений между городом и деревней государство приняло меры, направленные на укрепление потребительской кооперации и развертывание сельскохозяйственного кредита. Еще в письме ЦК РКП(б) «О кооперации» от 9 мая 1921 г. указывалось на необходимость использования кооперативных обществ для развития деревенского товарооборота. На кооперацию возлагалась задача «вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов, освободить потребителей и производителей от эксплуатации скупщиков, направить главный поток излишков мелкого хозяйства в руки Советской власти»¹⁶¹. Однако в сложившейся в 1921 г. обстановке осуществление этой программы оказалось чрезвычайно сложным делом. Точно так же как и работа государственной промышленности, деятельность потребительской кооперации нуждалась в перестройке.

Накануне хозяйственной перестройки система потребкооперации представляла собой подчиненный органам Наркомпрода распределительный и снабженческий аппарат. Товарное оскудение и иссякание запасов привели к полному застою распределенческой работы кооперации в деревне, превратили ее, по сути дела, в сеть складских и перевалочных пунктов губпотребсоюзов и их районных отделений. В первые месяцы хозяйственной перестройки на кооперацию были возложены задачи участия в государственном товарообмене с деревней и распределения продуктов на комиссионных началах. И хотя товарообменная кампания влила в кооперативы некоторые товарные и денежные фонды, она не допускала возможности свободного маневрирования ресурсами, строгой регламентацией не позволяла кооперации приспособляться к развертывающемуся местному товарному обороту, не создавала условий для проведения в жизнь принципов хозяйственного расчета.

Формально кооперация вступила в нэп с огромной разветвленной низовой сетью, насчитывающей на 1 января 1922 г. 25,2 тыс. потребительских обществ и 52,0 тыс. лавок. Однако проведенное в это время обследование показало, что фактически действовали только 15,1 тыс. потребительских обществ и 19,6 тыс. лавок¹⁶². Навыки распределенческой работы, снизу доверху регламентированной, привели к почти полному исчезновению в работе низовой кооперации хозяйственной инициативы и самостоятельности. Огромное число деревенских потребительских обществ находилось под замком.

Только с 1922 г. в деятельности потребительской кооперации наступает оживление. Перестраиваясь на ходу, при относительном росте вольного рынка и его конкурентной силы, при слабости оказываемого кредита кооперативный аппарат сумел увеличить число жизнеспособных первичных звеньев. На 1 января 1923 г. в стране насчитывалось уже 19,1 тыс. действовавших обществ и 28,7 тыс. лавок. В то же время нежизнеспособные звенья уничтожались. Число формально зарегистрированных обществ за

Схема 7. Продвижение товаров государственной промышленности в деревню в 1922 г.

тот же период уменьшилось до 22,5 тыс., а лавок — до 31,4 тыс.¹⁶³ Это означает, что к началу 1923 г. на каждую волость приходились две работающие лавки (примерно одна лавка на четыре деревни или 4 тыс. человек сельского населения)¹⁶⁴.

Вся эта разветвленная кооперативная розничная сеть объединялась системой губернских союзов, осуществлявших оптово-закупочные операции. В конце 1922 г. в стране насчитывалось 88 губернских союзов и 509 их районных отделений и контор¹⁶⁵. Руководящим органом всей системы был Центросоюз. В конце 1922 г. он располагал центральной конторой в Москве с системой складов, транспортным аппаратом, сетью промышленных и транспортных предприятий.

Таким образом, для осуществления рабоче-крестьянской смычки в стране существовал хорошо организованный и жизнеспособный аппарат, в принципе способный решить проблему товарообмена между городом и деревней. Однако при недостаточном объеме промышленного производства и нехватке оборотных средств сельскую низовую сеть кооперации еще только предстояло наполнить товарами. В конце 1922 г. ее среднемесячный оборот составлял от 258 до 437 золотых руб. на одну сельскую лавку, или от 6 до 11 коп. на душу сельского населения. Всего же за 1922 г. потребкооперация продала крестьянам товаров на сумму 110,1 млн золотых руб.¹⁶⁶ Для сравнения укажем, что частные торговцы доставили крестьянам в 1921/22 г. товаров на сумму 52 коп. на душу¹⁶⁷. Тем не менее с возобновлением торговой деятельности сельской потребительской кооперации стало возможным продвижение промышленных товаров в деревню в обход частной торговли (см. схему 7).

Далеко идущие последствия имели меры, связанные с развертыванием сельскохозяйственного кредита. Декретом ВЦИК от 21 декабря 1922 г. членам сельскохозяйственных кредитных обществ были предоставлены исключительные льготы, вплоть до права отсрочки уплаты продовольственного налога на срок до 6 месяцев на сумму и под обеспечение уплачиваемых ими паев¹⁶⁸. Это поставило на очередь вопрос о замене части натурального налога денежным обложением. В свою очередь, это привело к необходимости пересмотреть все разрозненные налоговые платежи деревни, соединить их в единую и стройную систему.

Декретом ВЦИК от 10 мая 1923 г. на 1923/24 г. устанавливался единый сельскохозяйственный налог взамен налогов, взимаемых в 1922/23 г.: единого натурального, трудгужналога, подворно-денежного и местных налогов. Никакое дополнительное обложение крестьянства, кроме волостных и сельских сборов на строго определенные цели, не допускалось. Налог мог взиматься не только натурой, но и деньгами, причем часть регионов (северные, центрально-промышленные, некоторые северо-западные, сибирские губернии, национальные районы Северного Кавказа и др.) были переведены целиком на денежную форму уплаты налога, а в остальных регионах допускалась смешанная форма уплаты. Для установления размеров налога крестьянство было разделено на 9 групп по количеству пахотно-сенокосной земли, 4 группы по числу голов скота в переводе на крупный и 11 групп по разряду урожайности¹⁶⁹.

Таким образом, крестьянин получил право выбирать, уплачивать ли ему налог натурой или продавать хлеб на рынке, отдавая часть денежной выручки в уплату налога, и каким должно быть соотношение между денежной и натуральной формами уплаты налога. Однако для того чтобы денежная форма стала выгодной и крестьянину, и государству, нужно было привести в порядок денежное обращение.

Несмотря на то что Госбанк приступил к эмиссии червонца еще в конце 1922 г., в первые месяцы 1923 г. червонец играл весьма незначительную роль в общей системе денежного обращения. В товарных расчетах превалировал совзнак, являвшийся основной денежной единицей. В этот период товарные цены в оптовом обороте еще только начинали выражаться в червонцах; что же касается широкого рынка, то там червонные цены были малопонятны и непривычны населению. Однако с лета 1923 г. количество обращающихся червонцев было сильно увеличено, они перестали служить только целям кредита и стали проникать в оборот во всесоюзном масштабе. По мере внедрения червонца первоначально в городской, а затем и в сельский товарооборот совзнак стал утрачивать функции денег. Функция средства сбережения была им потеряна еще в годы «военного коммунизма». На протяжении 1923 г. он перестает служить и масштабом цен. Постепенно ограничиваются его функции как платежного средства. Госбанк, например, по постановлению СНК от 31 июля

1923 г. получил право требовать уплаты червонцами по обязательствам, выписанным в червонцах, а также по всем векселям, выписанным в них¹⁷⁰. Наконец, совзнак вытеснился червонцами и как средство обращения. Банковские билеты заняли почти все сферы более или менее крупного и среднего денежного оборота, оставив совзнакам лишь сферу мелкой торговли¹⁷¹.

Все это уменьшало потребность в совзнаках со стороны товарного оборота. Между тем эмиссия совзнаков продолжала прогрессировать, и таким образом каждый месяц увеличивавшаяся масса казначейской валюты падала на все меньшую сферу их действия. Указанное обстоятельство приводило к чрезвычайно быстрому падению покупательной силы совзнаков, что, в свою очередь, вызывало значительное увеличение скорости их обращения. Каждый старался возможно скорее избавиться от обесценивавшейся валюты, чтобы избежать потерь, связанных с ее держанием. Главнейшая доля этих потерь падала на мелкую торговлю, крестьянские слои населения, которые в силу отдаленности от валютного рынка не могли в той же мере, как и городское население, пользоваться червонцами. Это приводило к выкачиванию средств из деревни, и без того пострадавшей от низкого уровня сельскохозяйственных цен. Но и Наркомфин, в кассах которого ежедневно скапливалось громадное количество совзнаков, поступавших в форме платежей из деревни, также нес убытки¹⁷².

Таким образом, система параллельных валют стала препятствием на пути развития товарно-денежных отношений между городом и деревней. Кроме того, она вызывала растущий разменный кризис. Дело в том, что значительная часть казначейской эмиссии направлялась в деревню для финансирования хлебозаготовительной кампании. Банковские билеты имели слишком большое достоинство, и казначейская валюта, теряя почти все свои функции, сохраняла роль разменных денег. С оттоком совзнаков в деревню в городах стал ощущаться недостаток в них. Для ликвидации разменного кризиса казначейская эмиссия еще более усиливалась. Наряду с этим происходило внедрение в оборот нового вида валюты — транспортных сертификатов, которые, как более мелкая купюра, обладающая устойчивой покупательной силой, охотно принимались населением. Если добавить к этому платежные обязательства Центрокассы, то мы получим некоторое представление о пестроте денежного обращения¹⁷³.

Значение разменного голода поясняет диагр. 6*. С конца 1922 г. червонцы играют все большую роль в денежном обращении и с августа 1923 г. превалируют в денежном обороте. Все выглядит так, что червонцы сами собой вытеснят совзнаки и никакая реформа не нужна. Но в сентябре 1923 г. их росту кладет предел разменный голод, и с этого времени соотношение между червонцами и совзнаками стабилизируется на достигнутом уровне. Реформа денежного обращения становилась реальной перспективой.

¹⁷⁰ Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 480—481.

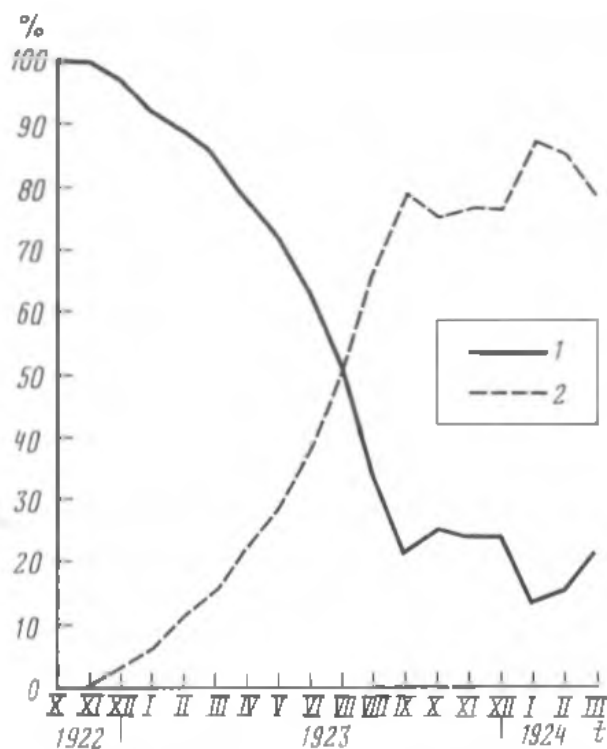

Диаграмма 6. Количество казначейской и банковской валюты в народном обращении в конце 1922—начале 1924 г. (по курсу червонца в %).

1 — казначейские знаки; 2 — банковские знаки.

Так постепенно, шаг за шагом, в стране складывается такая система экономических отношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, при которой крестьянин, уплатив налог, свободно распоряжается остающимися у него излишками сельскохозяйственных продуктов. Он может

реализовать их на рынке, приобретая взамен предлагаемые промышленностью товары, придержать в ожидании лучшей торговой конъюнктуры или использовать внутри хозяйства для производства пользующихся большим спросом сельскохозяйственных продуктов. При этом основным источником сырья для промышленности и продовольствия для городского населения постепенно становятся не налоговые платежи деревни, а коммерческие заготовки, производящиеся государственными, кооперативными и частными заготовителями.

Переход к такой системе был осуществлен за период с весны 1921 г. по осень 1923 г. За это время была проведена гигантская реорганизация промышленности, связанная с переводом ее на хозрасчет и работой на рынок, создан огромный торговый аппарат, способный доставлять товары от городского производителя к сельскому потребителю и наоборот, развернута широкая сеть кредитных учреждений, финансирующих работу промышленности, сельского хозяйства и торговли. В дальнейшем были приняты и другие меры, направленные на совершенствование и укрепление экономических отношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством. В 1924 г. страна перешла к устойчивой единице денежного обращения. Это устранило последнее препятствие на пути развития товарных отношений между городом и деревней и позволило перейти к чисто денежной форме взимания сельскохозяйственного налога. В 1925 г. размеры налоговых платежей деревни были существенно снижены. Это отодвинуло на задний план налоговое стимулирование при обращении крестьянина к рынку, поставив на первое место его прямую заинтересованность в товарном обороте с промышленностью, увеличило емкость сельского рынка на промышленные товары.

Однако рыночная система экономических отношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством в принципе действовала уже осенью 1923 г.

Социальные проблемы новой экономической политики

Успешно решая жизненно важные вопросы экономических взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, новая экономическая политика не привела к созданию общества без противоречий. С ростом промышленного и сельскохозяйственного производства, с развитием товарных отношений между городом и деревней старые хозяйственные проблемы отступали, но на смену им приходили новые, прежде всего в социальной сфере. «Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих; полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства, — писал В. И. Ленин в октябре 1921 г. — Противоречий стало больше. И понятно, что, пока мы переживаем крутую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя»¹⁷⁴.

Голод отступал, хозяйственная разруха успешно преодолевалась. На фоне общего хозяйственного оздоровления такие явления, как низкий жизненный уровень большинства населения, городская безработица, жилищный кризис, социальное расслоение деревни, высвечивались очень отчетливо. В какой мере эти социальные проблемы порождались новой экономической политикой, а в какой они были следствием войны, разрухи, хозяйственной отсталости страны? Ответа на этот вопрос нет в отечественной историографии.

Политика «военного коммунизма» стремилась гарантировать каждому работнику определенный прожиточный минимум. Новая экономическая политика попыталась поставить уровень заработной платы в соответствие с фактическими ресурсами предприятия, отрасли, народного хозяйства в целом. В связи с этим государство отказалось от регулирования конкретных систем и тарифов оплаты труда, предоставив это соглашению профсоюзов с администрацией на основе коллективных договоров. К концу 1922 г. коллективные договоры распространились на 2216 тыс. работников, т. е. на 49 % их общего числа (см. табл. 28). В наибольшей степени коллективные договоры распространились в тех отраслях народного хозяйства, где принципы самокупаемости были реально проведены в жизнь: в крупной промышленности, на железнодорожном транспорте и предприятиях связи. В отраслях, где доминировали мелкие предприятия, а также в сельском хозяйстве широкому распространению коллективных договоров препятствовала значительная неустойчивость производственных показателей. В наименьшей степени коллективные договоры распространились там,

Таблица 28. Охват коллективными договорами членов профсоюзов (на конец 1922 г.)

Отрасль труда и наименование союза	Числен- ность, тыс.	Заключение коллективных договоров			
		генеральных		местных	
		коли- чество	числен- ность, тыс.	коли- чество	числен- ность, тыс.
Промышленность					
Горнорабочие	227,6	1 *	10,4 *	26	5,3
Металлисты	421,6	11	195,9	339	114,5
Деревообделочники	81,8	11	26,4	127	18,7
Химики	123,7	11	48,9	250	32,7
Бумажники	20,6	1	6,7	13	4,1
Пищевики	182,7	5	15,0	548	41,3
Сахарники	38,4	1	35,0	2	3,4
Печатники	61,5	—	—	158	25,7
Текстильщики	399,8	—	—	106	290,7
Швейники	49,3	—	—	70	10,2
Кожевники	77,2	—	—	141	22,7
Сельское хозяйство					
Рабземлес	282,8	3	1,8	162	26,8
Строительство					
Строители	102,1	3	3,6	144	17,1
Транспорт и связь					
Водники	121,7	3	12,3	14	14,4
Железнодорожники	716,4	1	716,4	—	—
Транспортники	101,9	2	3,5	160	18,5
Нарсвязь	119,5	1	95,0	29	24,5
Прочие					
Медиксантруд	297,4	3	35,3	136	46,5
Совработники	472,9	11	26,0	668	45,3
Работпрос	505,5	2	430,0	97	75,5
Рабис	57,8	—	—	106	3,8
Комхоз	125,1	—	—	82	30,3
Нарпит	38,3	—	—	188	4,8

Составлено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 191, 223—224. Автором устранены неточности, выявившиеся при сопоставлении данных о численности членов отдельных союзов.

* Помимо указанного следует добавить еще 17 договоров по союзу горнорабочих, охвативших 216,0 тыс. человек, которые к концу года еще не были утверждены ЦК профсоюза.

где хозяйственный расчет не мог быть осуществлен: среди служащих советских учреждений или работников искусства.

Распространяя новую тарифную политику на всех членов профсоюзов, государство рисковало превратить ее в пустую формальность. Реальность этой угрозы подтверждается фактами. Так, оплата труда работников просвещения производилась по твердым ставкам и практически не зависела от не поддающейся

точному учету окупаемости учебного процесса. Однако благодаря активности профсоюза коллективные договоры распространились на всех работников просвещения. Ясно, что при этом искажался экономический смысл коллективных договоров.

Об имевшем место отношении к коллективным договорам как к политической кампании свидетельствуют данные о распределении работников по формам оплаты труда. Если в годы «военного коммунизма» господствовала повременная форма оплаты, то принципам хозяйственного расчета, введенным новой экономической политикой, в наибольшей мере отвечала сдельная форма оплаты труда. Однако на практике сдельная форма оплаты распространилась только на 45 % рабочих и эти цифры обнаружили большую устойчивость во времени. В ряде же мест сдельная форма оплаты труда рабочих не достигала и 30 %. По отраслям наиболее низкие цифры (от 22 до 37 %) давала химическая промышленность¹⁷⁵. Таким образом, и в условиях новой тарифной политики в большинстве случаев сохранялись старые формы оплаты труда. Причины этого ясны: в условиях низкого жизненного уровня повременная форма оплаты труда в наибольшей степени защищала интересы трудящихся. Однако при этом принципы хозяйственного расчета не могли быть полностью реализованными.

В литературе подробно раскрыто, насколько низким был жизненный уровень рабочих в дореволюционной России. Заработок промышленных рабочих в 1922 г. составлял лишь 34 % от довоенного уровня (см. табл. 29). Однако со временем он непрерывно возрастал, поднявшись с 26 % в первой четверти года до 43 % в последней четверти. Тем не менее к установившемуся в 1913 г. уровню реальной заработной платы удалось приблизиться только во второй половине 20-х годов¹⁷⁶.

Таблица 29. Средний месячный заработок промышленных рабочих, 1922 г. (в довоенных руб.)

Отрасль промышленности	1913 г.	1922 г.	Квартал 1922 г.			
			I	II	III	IV
В среднем по всем отраслям	22,0 * 2,989	7,5 1,016	5,8 0,790	6,5 0,887	8,5 1,129	9,5 1,260
В том числе:						
металлисты	33,0 4,484	8,3 1,130	6,5 0,877	7,2 0,983	9,0 1,219	10,6 1,440
текстильщики	18,0 2,446	5,9 0,804	4,8 0,656	5,2 0,707	6,6 0,897	7,0 0,953
химики	20,0 2,717	8,9 1,205	5,8 0,784	8,0 1,082	10,7 1,445	11,1 1,508

Составлено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 196, 204.

* В знаменателе — отношение к стоимости бюджетного набора 1913 г.

Весьма интересны данные об отношении месячного заработка рабочих к стоимости так называемого бюджетного набора, едва покрывающего физиологические нормы взрослого работника в питании, одежде и обуви. В целом за 1922 г. заработок примерно соответствовал физиологическим потребностям рабочего. Однако всю первую половину года он был ниже стоимости бюджетного набора, что вынуждало рабочих искать дополнительные источники дохода. Только со второй половины 1922 г. рабочие получили возможность жить на заработную плату. К сожалению, такая картина наблюдалась лишь по промышленности в целом. В некоторых отраслях, например в текстильной промышленности, заработанная плата оставалась ниже стоимости бюджетного набора вплоть до конца 1922 г.

Ясно, что все эти явления целиком объясняются разрушением производительных сил страны в годы империалистической и гражданской войн. Однако можно проследить и влияние новой экономической политики на жизненный уровень рабочих. В разных регионах страны промышленность оказывалась в различных экономических условиях. Поэтому связь между ресурсами предприятий и уровнем заработной платы, устанавливаемая хозяйственным расчетом, приводила к разрыву в жизненном уровне между регионами. Так, среднее квадратическое отклонение реальных размеров заработной платы по губерниям с 1 руб. 58 коп. в первом квартале 1922 г. увеличилось до 2 руб. 69 коп. в четвертом квартале, т. е. на 70 %¹⁷⁷. Особенно заметно вырвались вперед по жизненному уровню рабочие Москвы и Петроградской губернии. В 1913 г. заработная плата рабочих Москвы на 14 % превышала среднюю по стране, а рабочих Петроградской губернии — на 45 %. В первом квартале 1922 г. разница составила 55 и 52 %, а в четвертом квартале — 79 и 82 % соответственно¹⁷⁸. Наметившийся контраст в жизненном уровне рабочих по различным регионам сохранялся на всем протяжении 20-х годов. Это определяло центростремительный момент в миграционных процессах, приводило к оттоку рабочих рук из провинции и создавало жилищную проблему в крупных городах.

Влияние тарифной политики на жизненный уровень особенно заметно при сравнении заработной платы рабочих и служащих, значительная часть которых находилась на государственном снабжении. В целом по стране служащие находились в лучшем положении, чем рабочие. Средняя заработная плата служащих по отношению к стоимости бюджетного набора поднялась с 120 % в марте 1922 г. до 249 % в декабре того же года. Таким образом, заработок служащих превышал заработную плату рабочих на 49—62 %¹⁷⁹. Из всех категорий служащих наиболее высоким был жизненный уровень промышленных служащих. В июне 1922 г. их заработок на 25 % превышал оклад служащих советских учреждений, а к декабрю того же года разница составила 37 %¹⁸⁰.

Региональные различия в уровне заработной платы служащих были менее выраженными и со временем даже обнаруживали

тенденцию к снижению. Так, заработная плата промышленных служащих Москвы в марте 1922 г. только на 14 % превышала среднюю по стране, а в декабре того же года — лишь на 8 %. В Петроградской губернии в марте она была даже ниже на 6 % средней, а в декабре превысила ее всего на 3 %¹⁸¹. Все это приводило к тому, что в разных регионах одни и те же социальные группы имели различный экономический статус.

Близость уровня заработной платы к прожиточному минимуму делала весьма чувствительным влияние на жизненный уровень колебаний цен. Например, в октябре 1922 г. при росте розничных цен на 38 % реальный заработок промышленных рабочих уменьшился на 7 %, советских служащих — на 8 %, а работников железнодорожных мастерских — на 32 %¹⁸². Это вынуждало и в условиях развития товарно-денежных отношений сохранять натуральную часть оплаты труда. В марте 1922 г. 71 % заработной платы рабочих и 66 % оклада служащих выплачивались натурой. К концу года эти цифры сократились до 22 % для рабочих и до 18 % для служащих¹⁸³. Однако в ряде регионов и для некоторых производств натуральная оплата оставалась еще значительной.

Можно отметить тесную взаимосвязь между процентом денежности заработной платы и отношением ее к стоимости бюджетного набора. Коэффициент корреляции между этими показателями, рассчитанный по данным 34 губерний за 1922 г., равен +0,96. Линия регрессии показывает, что полностью денежным заработок рабочих мог стать при его отношении к стоимости бюджетного набора, равного 2,196. Если же это отношение не превышало 0,369, то заработок мог выплачиваться только натурой. Такая же картина наблюдается и в отношении заработка служащих¹⁸⁴. Из этого следует, что при неустойчивой рыночной конъюнктуре низкий жизненный уровень являлся препятствием развитию товарно-денежных отношений.

Это обстоятельство объясняет многие особенности развития страны в первой половине 20-х годов. Более высокий жизненный уровень промышленных и учреждений служащих позволил им раньше, чем другим социальным категориям, денатурализовать свой бюджет. Поэтому, раньше других осознав преимущества новой экономической политики, служащие стали ее активными проводниками. Напротив, среди рабочих, низкий жизненный уровень которых сужал возможности их обращения к рынку, было распространено недоверие к новой экономической политике. Это привело к известному противопоставлению между администрацией предприятий и занятыми в них рабочими. Наиболее острые конфликты перерастали в стачки. Известна, например, волна брожения и забастовок в августе 1923 г., вызвавшая партийную дискуссию¹⁸⁵.

Неодинаковый уровень жизни населения в разных регионах приводил к существенным отличиям между ними по уровню развития товарно-денежных отношений. Например, Москва, где уровень благосостояния был заметно выше среднего, значительно

оторвалась от других городов и по степени распространения торговли и кредита. В первой половине 20-х годов здесь было сосредоточено более половины всего товарооборота страны и до двух третей денежной эмиссии¹⁸⁶. Завышенное по сравнению с ее реальным экономическим весом торговое значение Москвы сохранялось и в последующем.

Стремясь повысить свой жизненный уровень, рабочие мобилизовали все свои трудовые ресурсы. По сравнению с 1921 г. количество проработанного времени рабочего увеличилось на 36,2 рабочего дня и составило в 1922 г. 257,7 рабочего дня, превысив тем самым все нормы мирного времени и достигнув рекордного уровня 1916 г., когда трудовое законодательство практически не соблюдалось¹⁸⁷. Можно было ожидать, что принципы хозяйственного расчета, рационализируя производство, ликвидируют простои. Но количество простойных дней, снизившись в 1921/22 г. по сравнению с 1920/21 г. на 65 %, стабилизировалось на уровне 4—5 дней на одного рабочего в год¹⁸⁸. Дело в том, что, уменьшая значение такого фактора, как перебои в снабжении, новая экономическая политика ставила на его место другой, не менее значимый: колебания рыночного спроса и окупаемости производства.

Более зримо принципы хозяйственного расчета и материальной заинтересованности выразились в сокращении числа прогулов. За период с 1920/21 по 1921/22 г. самовольные прогулы уменьшились с 21,6 до 10,2 дня за год на одного работника, т. е. на 112 %. Вместе с разрешенными администрацией прогулами сокращение невыходов на работу удлинит рабочий год на 18,3 дня¹⁸⁹.

Наряду с этим увеличение продолжительности рабочего года достигалось и за счет сокращения отпусков и праздничных дней. Новое законодательство о труде вместо 80—90 праздников установило 63—66 выходных и праздничных дней, дав тем самым наиболее ощутимую прибавку к рабочему году. Фактически же количество выходных и праздничных дней составило в 1921/22 г. 61,8, т. е. меньше законного¹⁹⁰. С 12,3 до 10,8 дня уменьшилась средняя продолжительность отпуска рабочего¹⁹¹.

Надо сказать, что увеличение годового рабочего фонда времени сопровождалось уменьшением времени работы рабочего в профсоюзных и общественных организациях. В 1920/21 г. расход времени рабочего на общественную работу составил 10,2 дня, а в 1921/22 г. — всего 3,7 дня¹⁹². Снижение общественно-политической активности рабочих уменьшало их участие в управлении производством, углубляло их разрыв с администрацией, руководством общественных и политических организаций.

Уровень 1916 г. по продолжительности рабочего года был достигнут при значительно более высоких показателях заболеваемости и травматизма. В 1915 г. на одного рабочего приходилось 8,1 больничного дня, а в 1921/22 г. рабочий болел в среднем 15 дней в году, т. е. на 85 % больше¹⁹³. Это было естественным следствием более низкого уровня жизни.

Увеличение числа рабочих дней не было единственным след-

ствием интенсификации труда в условиях хозяйственного расчета. Другим ее следствием было расширение сверхурочных работ. В отношении к общему числу рабочих работавшие сверхурочно в 1922 г. составили 21,6 %. Сверхурочные работы удлиняли установленный законом 8-часовой рабочий день в среднем на 2,4 часа. Однако из-за сокращения рабочего дня при ночных работах, во вредных производствах и перед праздниками фактическая продолжительность рабочего дня в 1922 г. составила 7,9 часа¹⁹⁴. Если добавить 2 часа на перемещение к месту работы и обратно, обеденный перерыв и прием и сдачу смены, 1 час на работу в личном подсобном хозяйстве, 3 часа на ведение домашнего хозяйства и работы по дому, 1 час на покупку товаров и 9 часов на принятие пищи и сон, то свободного времени не останется. В наиболее тяжелом положении в смысле бюджета времени оказывалась работающая женщина.

Новая экономическая политика положила начало активному привлечению женщин к процессу производства. До революции женщины могли посвятить участию в общественном труде в среднем только 3,9 года своей жизни, тогда как для мужчин соответствующий показатель составлял 17 лет. По отношению к средней продолжительности жизни трудовой период был равен у женщин 12 %, а у мужчин — 54 %. Октябрьская революция дала женщине равные с мужчиной права, но необходимая для их реализации социально-экономическая обстановка сложилась только в 20-е годы. В это время средний трудовой стаж женщин увеличивается до 24,4 года, в то время как у мужчин он становится равным 31,3 года. В отношении к средней продолжительности жизни трудовой стаж женщины составил 52 %, а у мужчины — 75 %¹⁹⁵. Таким образом, хотя по степени участия в общественном производстве женщины еще уступали мужчинам, разрыв уже не был значительным.

К концу 1922 г. женский труд широко использовался во всех отраслях народного хозяйства. В области просвещения, медицины и общественного питания женщины составляли более половины всех работников. В промышленности и на предприятиях связи их удельный вес приближался к трети всех занятых. Даже на транспорте, где женщин было меньше всего, их удельный вес не опускался ниже 10 %¹⁹⁶.

Установление равноправия между мужчиной и женщиной уничтожало заметное противоречие старого общества, связанное с экономической дискриминацией по половому признаку. Однако возникало новое противоречие — между новыми социальными и старыми семейно-бытовыми функциями женщины. Внешними проявлениями этого противоречия явились заметное сокращение числа браков (с 28 до 15 человек на 1000 населения), увеличение количества разводов (с 8 до 17 на 100 браков) и некоторый рост числа детей, рожденных вне брака (с 12 до 15 %) в период с 1920 по 1922 г. в крупных городах¹⁹⁷. Этот процесс сохранился и в последующем.

До новой экономической политики в стране существовала всеобщая трудовая повинность и вся система хозяйства исключала возможность безработицы. Перевод народного хозяйства на принципы самокупаемости имел следствием сокращение числа занятой рабочей силы. Если принять численность занятых в государственной промышленности работников на 1 октября 1920 г. за 100 %, то на 1 октября 1921 г. она уменьшилась до 90,1 %, а на 1 октября 1922 г. — до 91,5 %¹⁹⁸. Больше всего сократились штаты в пищевой, табачной и швейной промышленности. В первых двух к трудностям перестройки присоединились упадок мукомолья и недостаток сырья в неурожайных губерниях, а в третьей — сокращение военных заказов¹⁹⁹.

Существует представление, согласно которому сокращение штатов промышленных предприятий в начальный период новой экономической политики объясняется главным образом увольнением так называемых «мертвых душ», только числящихся по спискам предприятий, но не используемых в работе²⁰⁰. Однако описанный выше процесс массовой консервации и ликвидации промышленных предприятий достаточен для объяснения масштабов сокращения.

В других отраслях народного хозяйства сокращение штатов было не менее значительным, чем в промышленности. Своеобразным отражением этого процесса явилось уменьшение числа членов профсоюзов (см. табл. 30). Надо сказать, что наряду с увольнением работников число членов профсоюзов уменьшалось также в результате чистки рядов от кустарей, ремесленников, работников артелей, колхозов и коммун²⁰¹. Именно поэтому данные табл. 30 несколько расходятся с приведенными выше цифрами о масштабах сокращения работников государственной промышленности. К счастью, нетрудно установить тот круг союзов, где к лицам наемного труда примешались за годы «военного коммунизма» другие элементы. Это швейники, кожевники, деревообделочники, строители, местные транспортники и работники земли и леса. Число членов этих союзов за 1921/22 г. уменьшилось более чем на половину. Уменьшение же состава членов других союзов произошло в первую очередь в результате увольнения работников наемного труда.

Общая динамика профсоюзного движения такова. До середины 1921 г. происходил численный рост состава членов профсоюзов. В июле 1921 г. наступает перелом. С этого момента по октябрь 1922 г. число членов профсоюзов уменьшилось на 3,9 млн человек, или на 46 %. С июля 1921 г. по январь 1922 г. темпы уменьшения числа членов профсоюзов росли, а затем они стали уменьшаться. С 1923 г. наметился новый численный рост профсоюзов. Однако достигнутый к лету 1921 г. уровень профсоюзного движения удалось превзойти только в 1927 г.²⁰²

При изучении динамики числа членов отдельных союзов мы наблюдаем более сложную картину.

В металлопромышленности увольнение работников началось

Таблица 30. Динамика численности членов профсоюзов в 1921—1922 гг.
(в тыс. человек)

Отрасль труда и наименование союза	1921 г.			1922 г.			
	1 апреля	1 июля	1 октября	1 января	1 апреля	1 июля	1 октября
Промышленность							
Горнорабочие	299,3	321,7	284,0	308,9	284,9	250,9	277,6
Металлисты	599,9	587,9	522,0	488,9	518,1	459,7	421,6
Деревообделочники	184,3	247,0	236,0	209,9	149,1	105,7	81,8
Химики	180,4	182,9	158,9	154,3	156,5	139,9	123,7
Бумажники	26,3	26,9	27,0	23,1	20,0	19,5	20,6
Пищевики	333,9	391,5	298,7	239,8	205,3	178,4	182,7
Сахарники	49,7	50,8	51,0	43,9	32,8	31,0	31,1
Печатники	86,0	93,9	86,4	70,6	61,0	55,5	61,5
Текстильщики	391,4	428,1	368,8	364,1	359,6	380,8	399,8
Швейники	179,0	176,4	135,3	90,4	63,3	56,2	49,3
Кожевники	248,9	278,8	182,0	115,8	96,5	83,1	77,2
Итого	2579,1	2785	2350,1	2109,7	1947,1	1760,7	1676,4
Сельское хозяйство							
Рабземлес	395,1	659,0	657,7	566,8	463,7	353,3	282,8
Строительство							
Строители	327,8	355,6	347,1	251,1	171,8	103,4	102,1
Транспорт и связь							
Водники	270,6	286,8	299,4	222,8	189,8	139,7	121,7
Местный транспорт	159,5	203,1	201,2	147,5	122,8	106,0	101,9
Железнодорожники	1089,8	1127,5	1070,5	940,3	836,3	769,7	714,5
Нарсвязь	178,1	197,1	197,7	140,3	124,9	111,8	105,9
Итого	1698,0	1814,5	1768,7	1450,9	1273,8	1127,2	1044,0
Учреждения							
Медиксантруд	526,9	587,9	561,7	488,6	408,5	345,1	297,4
Совработники	920,9	1067,4	1027,7	849,0	733,0	577,0	472,9
Рабпрос	501,4	651,3	756,3	812,1	666,5	542,1	386,0
Рабис	114,8	137,8	122,0	*	*	*	57,8
Итого	2064,0	2444,3	2467,8	2149,6	1808,0	1464,2	1214,2
Прочие							
Нарпит	118,8	135,3	115,6	53,6	46,1	39,9	38,3
Комхоз	194,4	223,9	206,7	158,1	136,4	124,3	125,1
Не распределены по союзам	147,0	35,0	25,0	—	—	60,0	63,0
Всего	7524,4	8453,4	7938,6	6740,0	5846,9	5032,9	4546,1

Источник: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 223—224.

* Учтены в составе Рабпроса.

уже в апреле, а в сахарной промышленности, на водном транспорте и на предприятиях связи — только в октябре 1921 г. Процесс массовых увольнений работников в бумажной, пищевой и сахар-

ной промышленности завершается не осенью, а летом, а в текстильной промышленности и среди печатников — даже весной 1922 г.

Надо иметь в виду, что одновременно с увольнением рабочих и служащих производился и прием их на работу. Так, по отчетам Главного управления металлической промышленности, за период с апреля по июль было уволено более 50 тыс. рабочих²⁰³. Численность же профсоюза металлистов за это время уменьшилась только на 12 тыс. человек, а количество рабочих в металлопромышленности, по тем же отчетам, снизилось только на 7 тыс. человек. Следовательно, на 25 уволенных приходилось 24 принятых.

Таким образом, происходившие в стране процессы в движении рабочей силы нельзя характеризовать только с точки зрения сокращения числа занятых. Наряду с этим шел мощный процесс перераспределения работников между предприятиями. Изменялась структура занятых в промышленности в сторону сокращения конторского и обслуживающего персонала и увеличения удельного веса рабочих.

Основное значение приведенных в табл. 30 данных состоит в том, что они показывают, как хозяйственная перестройка влекла за собой изменение структуры занятости. За период с апреля 1921 г. по октябрь 1922 г. удельный вес занятых в промышленности увеличился с 34 до 37 %. При этом заметнее всего возросла доля занятых в текстильной промышленности (с 5 до 9 %). Напротив, ряд отраслей, сдавая свои позиции кустарному и ремесленному производству, уменьшили свое представительство. В кожевенной промышленности доля занятых сократилась с 4 до 2 %, а в швейной — с 2 до 1 %. Значительно уменьшилась доля служащих советских учреждений (с 12 до 9 %).

Увольнение части рабочих и служащих в целях рационализации народного хозяйства совпало по времени с массовой демобилизацией армии и миграцией населения из мест, охваченных голодом. В результате в стране появились безработные. Первоначально возникновение безработицы не вызвало особой тревоги. Она рассматривалась в ряду неизбежных, но быстро устранимых издержек перестройки. Предполагалось, что с ростом производственных мощностей народное хозяйство легко всосет в себя излишки рабочей силы.

Однако темпы роста безработицы обогнали самые пессимистические прогнозы. Количество безработных в стране с 68 тыс. человек в январе 1922 г. увеличилось до 503 тыс. человек в сентябре того же года, а в сентябре 1923 г. составило уже 1 млн 60 тыс. человек. В промышленности в сентябре 1922 г. на 10 работающих приходился один безработный, а в сентябре 1923 г. — один безработный уже на 5 работающих²⁰⁴. Таким образом, никаких признаков рассасывания безработицы не было. Напротив, ее рост принял лавинообразный характер и рост занятости заметно отставал от роста безработицы.

Серьезность проблемы стала постепенно осознаваться. Правда, какое-то время еще сохранялись иллюзии, что безработица

связана с процессом возвращения рабочих «с полей в города»²⁰⁵. Однако в середине 20-х годов численность городского населения оставила позади дореволюционный уровень, лишив тем самым указанную теорию реальной почвы.

В исторической литературе 50—70-х годов утвердилось представление о том, что безработица была унаследована Советской властью от дореволюционной России, что индустриализация, массовая коллективизация и ликвидация кулачества положили конец безработице²⁰⁶. Со всем этим, конечно, трудно согласиться. Как уже известно, после 1918 г. страна безработицы не знала, хотя и находилась в чрезвычайно сложной экономической обстановке, граничившей с катастрофой. Нехватка рабочих мест возникает в обстановке рыночного хозяйства и исчезает с его разрушением.

Рассмотрим соотношение между спросом на работу и предложением ее по группам профессий (табл. 31). По таким профессиям, как сельское и лесное хозяйство, обработка дерева и работа на транспорте, спрос был примерно равен предложению. Однако в швейной, текстильной, химической и металлопромышленности рабочих мест не хватало. В особенно тяжелом положении оказывались многие представители интеллигенции: совработники, работники искусств, просвещения, аптекарские служащие, врачи и т. д. Следовательно, безработица не была просто следствием глобальной нехватки рабочих мест. Она во многом отражала изменение структуры народного хозяйства в результате его перестройки.

При этом в неравном положении оказывались мужчины и женщины. На 100 предложений женского труда приходилось от 30,6 до 54,3 места, тогда как для мужчин эти цифры достигали от 73,0 до 94,5 места на 100 предложений труда. Надо сказать, что при прочих равных условиях женщины и подростки были и первыми кандидатами на увольнение²⁰⁷.

В региональном отношении нехватка рабочих мест также не была одинаковой. Особенно тяжелое положение складывалось в Петрограде, где за период с 1 января по 1 октября 1922 г. количество безработных увеличилось в 7 раз. На втором месте находилась Москва. В провинции безработица была выражена слабее, чем в центре²⁰⁸.

Среди исследований, посвященных проблемам безработицы, есть и такие, в которых ответственность за острый характер проблемы возлагается на плечи. . . Наркомтруда, организовавшего переобучение безработных, а также выдачу им небольших пособий. По мнению ряда авторов, помощь безработным была. . . средством, поощрявшим отказ и увильвание от работы²⁰⁹. На самом деле положение лица, оказавшегося без работы, было тяжелым и в материальном, и в моральном отношении. Достаточно указать, что рост самоубийств в городах находился в тесной зависимости с количеством безработных (по крупным городам $r = +0,81$). В Петрограде, например, число самоубийств в 1922 г. увеличилось

Таблица 31. Соотношение между спросом на труд и его предложением по группам профессий и полу в октябре 1921—сентябре 1922 г.

Группа по профессии и полу	Количество мест на 100 предложений			
	1921 г.		1922 г.	
Металлисты				
Мужчины	90,5	84,6	63,3	74,6
Женщины	85,5	60,9	47,3	67,5
Всего	92,0	87,6	65,7	77,7
Деревообделочники				
Мужчины	121,4	121,5	82,1	99,7
Женщины	1724,0	74,2	77,4	13,1
Всего	133,7	120,9	81,2	99,0
Текстильщики				
Мужчины	80,3	62,3	55,5	81,1
Женщины	91,7	56,5	39,7	52,2
Всего	90,8	69,3	47,2	63,6
Швейники				
Мужчины	94,9	46,1	27,8	49,5
Женщины	48,5	37,5	18,0	35,9
Всего	63,8	41,1	21,6	40,6
Химики				
Мужчины	78,5	58,5	50,4	59,3
Женщины	27,8	47,4	38,6	92,0
Всего	68,5	54,2	43,7	76,3
Работники земли и леса				
Мужчины	37,0	160,8	92,8	102,1
Женщины	2,1	36,6	126,0	81,3
Всего	26,9	155,3	105,9	101,3
Транспортники				
Мужчины	74,8	103,4	94,8	87,9
Женщины	36,2	43,7	91,7	36,1
Всего	74,6	100,3	94,7	85,2
Интеллигентский труд				
Мужчины	83,2	66,1	55,6	63,5
Женщины	44,7	39,8	25,3	30,6
Всего	74,2	59,6	44,8	54,0
Чернорабочие				
Мужчины	120,6	95,8	92,2	96,6
Женщины	62,4	37,1	26,9	37,5
Всего	106,2	78,5	67,5	78,4
Итого				
Мужчины	94,5	84,4	73,0	81,3
Женщины	54,3	40,1	30,6	39,3
Всего	84,4	71,8	60,0	70,1

Исчислено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 186.

на 24 % по сравнению с 1921 г. Неувереннее всего чувствовали себя в новой экономической обстановке мужчины, среди которых число самоубийств за тот же период возросло на 56 %²¹⁰.

Гораздо более серьезного рассмотрения заслуживает выдвинутое в литературе утверждение, что безработица в городе являлась отражением аграрного перенаселения деревни²¹¹. В пользу этого утверждения приводился тот аргумент, что количество не использованного крестьянами рабочего времени достигало 40 %²¹². Более прямым свидетельством этого является, на наш взгляд, статистика механического движения в городах. К сожалению, она до сих пор не использовалась историками. Дело в том, что учет по достаточно широкому кругу городов был поставлен только в конце 20-х годов. Но для наших целей достаточны данные по Петрограду, где, как мы видели, в начале 20-х годов проблема безработицы была наиболее острой.

В 1923 г. в Петроград прибыло 202 тыс. человек, а выбыло из города 136 тыс. человек. Таким образом, осталось в городе 66 тыс. человек. В числе прибывших записалось крестьянами 6 %. Фактически эта запись означала, что прибывший не владеет какой-либо полезной для города профессией. Из записавшихся крестьянами выбыло из города 3 % от всех выбывших. Таким образом, среди осевших в городе удельный вес крестьян поднимается до 12 %²¹³. Даже без поправок на заведомое занижение крестьянской прослойки в составе миграции мы видим заметное оседание крестьян в городе. На протяжении 20-х годов этот процесс постоянно усиливался.

Избыток свободного времени мог заставить крестьян искать в городе сезонную работу. Но что вынуждало крестьянина, известного своей приверженностью к земле, навсегда переселяться в город? Очевидно, только одно: невозможность прокормить себя и семью за счет своего земельного участка. Советская власть дала крестьянам землю. В результате число безземельных крестьян резко уменьшилось. Возросла взаимосвязь между размерами посевной площади и числом членов крестьянской семьи. Коэффициент корреляции между этими показателями в 1917 г. по разным губерниям был равен $+0,33 \div +0,44$. В 1919 г. он возрастает до $+0,40 \div +0,70$ ²¹⁴. Неравенства в деревне стало меньше, но тем не менее оно сохранялось.

Перепись 1920 г. зафиксировала на территории РСФСР свыше миллиона беспосевных крестьян, т. е. 8 % от их общего числа. В 1922 г. их удельный вес уменьшился до 7 %²¹⁵. Однако это произошло не за счет уменьшения беспосевных хозяйств, а благодаря увеличению общего числа крестьянских хозяйств в деревне. При этом надо учесть, что около 36 % существовавших в 1920 г. беспосевных хозяйств к 1922 г. были вынуждены бросить земледелие и перебраться в город²¹⁶. Это значит, что около 300 тыс. крестьянских хозяйств перешло за то же время из сеющих групп в беспосевную.

Сейчас нередко закрывают глаза на происходившую в годы

новой экономической политики социальную дифференциацию деревни, объявляют ее имущественной дифференциацией²¹⁷. Однако в 20-е годы обезземеливание части крестьян хотя и не шло в сравнение с таким же процессом в дореволюционной России, с трудом могло объясняться преимущественной дифференциацией, ибо влекло за собой изменение социального статуса крестьянина. Мощный толчок социальной дифференциации давала обстановка товарного хозяйства.

Таким образом, в 20-е годы рост безработицы был не просто следствием аграрного перенаселения, а отражал собой определенное неравенство между крестьянами в условиях новой хозяйственной обстановки. Процесс ликвидации малосеющих хозяйств не ослабевал на протяжении 20-х годов. Так, с 1922 по 1923 г. ликвидировалось и выселилось 2,2 % от общего числа крестьянских хозяйств в потребляющих губерниях и 3,6 % в производящих, с 1923 по 1924 г. — 3,0 и 2,8 %, с 1924 по 1925 г. — 2,2 и 3,2 % соответственно²¹⁸. Среди малосеющих крестьян многие имели навыки работы в промышленности, строительстве и на транспорте. Попадая в город, они пополняли ряды индустриальных безработных. Не имеющие навыков нанимались в чернорабочие. Именно поэтому борьба с безработицей была такой затяжной и сложной.

Советское государство оказывало помощь малоимущим крестьянам, освобождая их от уплаты налогов, ограничивая эксплуататорские устремления зажиточных хозяйств. Это в значительной степени сдерживало дифференциацию. Резко уменьшилось по сравнению с дореволюционным временем число хозяйств, нанимавших батраков. Значительно труднее было контролировать поденный найм, существенно возросший в 20-е годы, ростовщичество, многочисленные скрытые формы эксплуатации²¹⁹. Расслоение деревни можно было сдержать, но не остановить.

Социальной проблемой был и определенный духовный разлад, проявившийся среди известной части членов партии и революционно настроенной молодежи. Эпоха «военного коммунизма» сформировала особый социально-психологический склад людей, готовых решительно покончить со всякой собственностью и эксплуатацией, страстно устремленных к немедленному революционному воплощению коммунистических идеалов, привыкших довольствоваться малым и активно не приемлющих всякое проявление благополучия и комфорта. Поэтому переход к новой экономической политике был воспринят ими довольно болезненно.

«Еще год назад, — писала в начале 1922 г. А. М. Коллонтай, — мы, как один, несли работу, часто трудную, неблагодарную, и никто другому „не подставлял ножку“, никто не требовал себе особого „почета“, признания, никто не стремился обеспечить себя хотя бы за счет других. Все мы сливались воедино, все мы были, как один. Теперь те самые товарищи, которые в момент действия казались „героями“, умели работать неумоимо, умели жертвовать собою, рисковать жизнью, в будничной обстановке кропотливого строительства оказываются мелкими, себялюбивыми, мстительными

людишками, готовыми не то что другому помочь, а еще и товарищу сделать гадость»²²⁰. Это довольно типичное для того времени представление о том, что мир высоких, чистых, нравственных идеалов революции рушится, а взамен возрождается затхлая и лицемерная мещанская мораль.

Новая экономическая политика потребовала от людей выработки иного мышления, таких социально-психологических установок, которые отвечали обстановке экономического сотрудничества различных социально-экономических укладов, использования их потенциала в интересах строительства социализма. Революционный максимализм должен был уступить место более гибкой и конструктивной жизненной позиции, умению тонко и глубоко оценивать усложняющуюся жизненную обстановку.

Совершить нравственную победу над собой, усвоить новую систему ценностей удалось не всем. Некоторые усматривали проявление верности коммунистическим идеалам в аскетическом упрощении быта, в отказе от любых проявлений «нэпмановской» культуры. В этой среде выдвигались многочисленные проекты радикального переустройства существующих традиций, введения новой революционной обрядности. Показательна в этом плане поставленная театром Пролеткульта пьеса А. Глебова «Галстук», герой которой увидел в ношении галстука не только «слепое подражание буржуазии», но и подрыв марксистского мировоззрения²²¹.

Надо сказать, что это течение смогло увлечь за собой какую-то часть рабочей и учащейся молодежи. В ряде комсомольских ячеек осуждалось внимательное отношение комсомольцев к своей одежде, принимались резолюции «против танцев, как уродливого, лишнего и даже вредного развлечения»²²². Такая жизненная позиция вела к стремлению директивно регламентировать и оказывать все сферы жизни людей, от экономики до семейного быта.

Таким образом, осуществление экономической смычки между городом и деревней, повлекшее за собой перестройку всей хозяйственной системы, породило и серьезные социальные проблемы. Дело не в том, что в ходе крутой ломки прежнего жизненного уклада рождались и определенные социальные противоречия — они были неизбежны на каком-то этапе, — а в том, что на протяжении 20-х годов не удалось выработать эффективных мер борьбы с указанными противоречиями. В этом и заключается одна из важных причин свертывания нэповских принципов управления обществом в конце 20-х годов. То, что за все время существования нэпа не удалось покончить с пережитками упрощенно революционного подхода к действительности в сознании части членов партии и молодежи, позволило И. В. Сталину получить социальную поддержку его курса.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА

Многоукладная экономика

Характеризуя социально-экономическую структуру советской страны в годы «военного коммунизма», В. И. Ленин отмечал переплетение в ней элементов различных социально-экономических укладов. Перечисляя их, он выделил:

«1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм»¹.

Экономика эпохи «военного коммунизма» представляла из себя, по словам В. И. Ленина, «борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом»². Установление экономических отношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством означало на практике использование потенциала всех существовавших в стране несоциалистических укладов в интересах строительства социализма. «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм... как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»³.

Именно поэтому смычка города и деревни не может рассматриваться только лишь как система взаимодействия двух укладов. Она устанавливала сложную структуру связей между всеми укладами при ведущей роли социалистического уклада.

Проблеме многоукладности экономики переходного периода посвящено немало работ⁴. К сожалению, многие ее аспекты остаются еще дискуссионными⁵. Мы рассмотрим только одну, практически неизученную, сторону этой многогранной темы: каким образом экономический союз между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским производством отразился на сложной системе производственных отношений, существовавших в СССР в 20-е годы.

Из всей совокупности производственных отношений основными являются отношения людей к средствам производства, а следовательно, отношения и формы собственности⁶. В дореволюционной

России из всех отношений собственности господствующими были капиталистические отношения. История обращения капиталистической собственности в собственность социалистического государства подробно изучена⁷. Мы касались этого вопроса в шестой главе, здесь же укажем только два основных направления, по которым осуществлялась национализация. Во-первых, в общенародную собственность были обращены предметы труда, существовавшие в природе в естественном виде (земля, ее недра, а также леса и воды)⁸; во-вторых, собственностью государства становились целые комплексы средств производства отдельных предприятий и отраслей народного хозяйства (крупная фабрично-заводская промышленность, железнодорожный и водный транспорт, средства связи)⁹. В результате этого государство диктатуры пролетариата стало крупнейшим собственником средств производства. Однако наряду с государственной существовала также собственность коллективных организаций трудящихся и частных лиц.

По нашим подсчетам, в середине 20-х годов государство обладало 86,8 % всех средств производства, в том числе 100 % естественных предметов труда и 51,7 % средств труда. На долю коллективных организаций трудящихся приходилось 0,2 % средств производства и 0,8 % средств труда. Частные же лица располагали 13,0 % средств производства или 47,5 % средств труда (см. табл. 32). Как видим, государственная собственность решительно доминировала, что и являлось материальной основой социалистического пути развития народного хозяйства.

Вместе с тем в 20-е годы не все средства производства, находившиеся в собственности государства, им использовались. Это прежде всего относится к земельной собственности. Общая площадь земли в СССР составляла приблизительно 2096 млн га. Из нее 6 млн га было занято под городскими и поселковыми строениями, 920 млн га занимали леса, а 1170 млн га составляли земли сельскохозяйственного пользования. Однако не все сельскохозяйственные земли обрабатывались. Из них было освоено только 384 млн га, а 784 млн га приходилось на целину и непригодные для обработки земли. Последние мы должны исключить из рассмотрения. Из оставшихся 384 млн га сельскохозяйственных земель приблизительно 373 млн га находилось в пользовании мелких крестьянских хозяйств, а около 3 млн га — в пользовании колхозов. На долю государства приходилось около 8 млн га сельскохозяйственных земель.

Из 920 млн га, занятых лесами, освоено было не более 262 млн га. Из них 205 млн га составляли бывшие казенные леса, оставшиеся в пользовании государства, а 57 млн га — бывшие частновладельческие леса, перешедшие в пользование крестьян. Наконец, из 6 млн га, занятых городскими и поселковыми строениями, на долю государственных построек приходилось около 3 млн га. Таким образом, из 2096 млн га земельной площади, принадлежавшей государству, 68,9 % земли не обрабатывалось, 10,3 % находи-

лось в пользовании государства, 0,1 % — в пользовании кооперативов и 20,7 % — в пользовании частных лиц¹⁰.

Точно так же не все национализированные предприятия использовались государством. Как указывалось выше, часть мелких предприятий (с числом рабочих не более 20) государство сдавало в аренду частным лицам — мелким предпринимателям. В аренду частным лицам сдавалось и небольшое число крупных предприятий. Наряду с частниками государственные предприятия арендовали коллективные организации трудящихся. Существовали также смешанные формы пользования предприятиями. На 1 октября 1925 г. стоимость средств производства национализированной промышленности составляла 6105,5 млн червонных руб. Из них стоимость средств производства предприятий, арендуемых коллективными организациями трудящихся, была равна 122,1 млн руб. (2,0 %), а арендуемых частными лицами — 86,2 млн руб. (1,4 %). Значит, стоимость средств производства национализированной промышленности, остававшейся в государственном пользовании, составляла 5896,7 млн руб. (96,6 %)¹¹.

В итоге распределение средств производства по формам пользования существенно отличалось от их распределения по формам собственности (см. табл. 32, 33). Из средств производства, находившихся в собственности государства, в его пользовании было только 45,5 %, в том числе 35,2 % предметов труда и 98,4 % средств труда. Остальные средства производства государство передавало в пользование коллективных организаций трудящихся и частных лиц. В результате в пользовании государства оказывалось 44,6 % всех средств производства, в том числе 41,8 % освоенной земли и 50,9 % средств труда. Наоборот, коллективные организации трудящихся и частные лица имели в собственности только 38,4 и 26,8 % соответственно используемых ими средств производства, в том числе 60,9 и 99,3 % соответственно средств труда.

При этом коллективные организации трудящихся имели в пользовании 0,6 % всех средств производства, в том числе 0,3 % освоенной земли и 1,2 % средств труда. Частные же лица имели в пользовании 54,8 % средств производства, в том числе 57,9 % освоенной земли и 47,9 % средств труда. Таким образом, частнохозяйственная форма пользования средствами производства в целом преобладала над обобществленной. Это было связано с численным преобладанием мелких крестьянских хозяйств. В пользовании крестьян находилось 82,0 % всех средств производства частного сектора, в том числе 81,6 % освоенной земли и 94,0 % средств труда. Государственные промышленные и транспортные предприятия и мелкие крестьянские хозяйства располагали примерно равными размерами средств производства. В пользовании же частнокапиталистического и государственнокапиталистического укладов находилось примерно 9,7 % всех средств производства.

Таблица 32. Распределение средств производства по формам собственности в СССР на 1 октября 1924 г. (в млн червонных руб.)

Средства производства	Форма собственности			
	обобществленная			частная
	государственная	кооперативная	итого	
А. Предметы труда				
Земля:				
освоенная	50 204,2	—	50 204,2	—
неосвоенная	9 426,1	—	9 426,1	—
Итого	59 630,3	—	59 630,3	—
Б. Средства труда				
В сельском хозяйстве:				
рабочий скот	16,4	—	16,4	2 484,4
прочий скот и птица	7,2	—	7,2	2 431,3
инвентарь	—	—	—	1 634,8
постройки	133,0	—	133,0	3 548,4
прочие	—	—	—	23,6
Итого	156,6	—	156,6	10 122,5
В промышленности:				
машины и орудия	2 351,2	76,0	2 427,2	306,6
прочий инвентарь	228,1	3,6	231,7	1,5
постройки	2 858,9	89,8	2 948,7	258,0
Итого	5 438,2	169,4	5 607,6	566,1
На транспорте:				
железные дороги	5 330,3	—	5 330,3	—
речной транспорт	194,5	—	194,5	—
морской »	256,9	—	256,9	—
местный »	268,6	—	268,6	—
Итого	6 050,3	—	6 050,3	—
Все средства труда	11 645,1	169,4	11 814,5	10 688,6
Все средства производства	71 275,4	169,4	71 444,8	10 688,6

Подсчитано по: Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: Ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1930. С. 22—23.

Расхождение между формами собственности и формами пользования средствами производства было одним из основных противоречий переходного периода. Являясь собственником 73,2 % средств производства, используемых частными лицами, государство могло контролировать развитие частного капитала, направлять народное хозяйство по пути к социализму. Вместе с тем, сосредоточивая в своем пользовании 54,8 % всех средств производства, частный сектор мог сопротивляться воле государства, препятствовать социалистическому строительству.

Формы пользования средствами производства определяли положение в производстве массы трудящихся. В случае государст-

Таблица 33. Распределение средств производства по формам пользования в СССР на 1 октября 1924 г. (в млн червонных руб)

Средства производства	Форма пользования			
	обобщественная			частная
	государственная	кооперативная	итого	
А. Предметы труда				
Земля:				
сельскохозяйственная	510,8	162,5	673,3	22 543,3
леса	19 274,7	—	19 274,7	5 359,3
под постройками	1 190,3	—	1 190,3	1 163,3
Итого	20 975,8	162,5	21 138,3	29 065,9
Б. Средства труда				
В сельском хозяйстве	156,6	—	156,6	10 122,5
В промышленности:				
свои	5 253,3	169,4	5 422,7	566,1
арендованные	—	108,8	108,8	76,1
Итого	5 253,3	278,2	5 531,5	642,2
На транспорте	6 050,3	—	6 050,3	—
Все средства труда:				
свои	11 460,2	169,4	11 629,6	10 688,6
арендованные	—	108,8	108,8	76,1
Итого	11 460,2	278,2	11 738,4	10 764,7
Все средства производства:				
свои	32 436,0	169,4	32 605,4	10 688,6
прочие	—	271,3	271,3	29 142,0
Итого	32 436,0	440,7	32 876,7	39 830,6

Подсчитано по: Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 20—174.

венной и кооперативной форм собственности трудящиеся становились в равное отношение к средствам производства и могли претендовать на долю общественного дохода, пропорциональную затраченному ими труду. Сложнее обстояли дела с частной формой собственности и пользования средствами производства. В зависимости от размеров средств производства, сосредоточенных в руках индивида, он мог вести производство самостоятельно либо с помощью так называемых «семейных» работников либо нанимать рабочих. Полного равенства в отношении к средствам производства не было уже в случае «семейного» труда. Исключительное право распоряжаться средствами производства принадлежало дворохозяину. Его слово было решающим и при распределении дохода. «Семейные» же работники только выполняли его распоряжения. Однако своей высшей формы неравенство в отношении к средствам производства достигло в хозяйствах, основанных на использовании наемного труда, где предпринима-

Таблица 34. Социальное положение самодеятельного населения в СССР на декабрь 1926 г. (в тыс. человек)

Социальное положение	Численность		
	по главному занятию	по побочному занятию	по сумме главного и побочного занятий
Рабочие	5 602,5	1 112,7	6 715,2
В том числе в частном хозяйстве	1 309,5	232,6	1 542,1
Служащие	3 980,7	337,3	4 318,0
Семейные работники	48 462,8	841,7	49 304,5
Владельцы предприятий	24 529,5	3 073,4	27 602,9
В том числе одиночки:	3 302,6	1 924,0	5 226,6
с семейными работниками	20 382,1	1 058,6	21 440,7
с наемными рабочими	844,8	90,8	935,6
Прочие	767,8	46,9	814,7
Безработные	1 014,4	—	1 014,4
Не указавшие положения	1 862,6	13,4	1 876,0
Всего	86 220,3	5 425,4	91 645,7
В том числе:			
в государственном хозяйстве	7 357,0	842,6	8 199,6
в кооперативном хозяйстве	767,0	284,0	1 051,0
итого	8 124,0	1 126,6	9 250,6
в частном неэксплуататорском хозяйстве	72 030,5	3 824,3	75 971,8
в капиталистическом хозяйстве	2 421,0	414,2	2 835,2
итого	74 451,5	4 238,5	78 690,0

Исчислено по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930. Т. 34. С. 2—3, 118—119, 120—173; Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926—27—1930—31 гг.; Материалы центр. комиссии по пятилет. плану / Под ред. С. Г. Струмилина. М., 1927. Таблицы. С. 6, 15, 21.

тели и эксплуатируемые ими рабочие составляли два антагонистических класса.

В середине 20-х годов рабочие представляли 6,5 % самодеятельного населения (см. табл. 34.). Из них 76,6 % трудились в государственных и кооперативных предприятиях, а 23,4 % — в частных хозяйствах. Вместе со служащими удельный вес работников, трудившихся по найму, достигал 11,1 %. Самую же многочисленную группу трудящихся составляли члены семей, помогавшие главам хозяйств в их занятиях, — 56,2 %.

Владельцы предприятий, включая и мелкие крестьянские хозяйства, составляли 28,5 % самодеятельного населения. Из них 13,5 % работали в одиночку, 83,1 % — с семейными работниками, а 3,4 % нанимали рабочих. В своей массе эксплуататорские хозяйства были мелкими. На каждое из них приходилось в среднем 1,6 рабочего.

Проблема конкретно-исторического изучения социального положения населения осложняется тем, что индивид мог иметь

не одно, а несколько занятий. В середине 20-х годов число лиц, получавших доход одновременно от нескольких занятий, составляло 5,4 млн человек (6,3 % самодеятельного населения). Оставляя в стороне вопрос о реальном социальном статусе лиц этой категории, следует сказать, что учет всей совокупности занятий населения существенно углубляет наши представления о социальной структуре общества, его рабочей силе.

С учетом всех занятий населения численность рабочих увеличивается на 19,9 %, служащих — на 8,5 %, семейных работников — на 1,7 %, владельцев предприятий — на 12,5 %. Наиболее существенно увеличивалась численность лиц, осуществлявших производство в одиночку, — на 58,3 %. Все это следует принять во внимание при изучении распределения населения по социально-экономическим формам хозяйства.

Если учитывать только главное занятие самодеятельного населения, т. е. такое, которое являлось для индивида основным источником средств существования, то окажется, что в хозяйстве, основанном на государственной собственности на средства производства, трудилось 8,5 % самодеятельных, в кооперативном хозяйстве — 0,9 %, в частном неэксплуататорском хозяйстве — 83,5 % и в капиталистическом хозяйстве — 2,8 %. Однако характерной чертой переходного периода являлось то, что часть самодеятельных была занята одновременно в нескольких социально-экономических формах хозяйства. По сумме главных и побочных занятий самодеятельных доля государственного хозяйства увеличивается до 9,0 %, кооперативного — до 1,2 %, капиталистического — до 3,1 %, а частного неэксплуататорского хозяйства падает до 82,9 %. Отсюда ясно, что частное неэксплуататорское хозяйство, несмотря на его громадное преобладание, было неустойчивым. Через систему побочных занятий его представители пополняли рабочую силу обобществленной и капиталистической форм хозяйства.

В формах распределения мы наблюдаем в 20-е годы замечательное разнообразие. В одних случаях вся производившаяся хозяйством продукция внутри него и потреблялась, в других — часть ее хозяйство обменивало на продукцию своих соседей, причем этот локальный обмен совершался нередко в натуральной форме, в третьих — через систему торгово-посреднического аппарата и денежных отношений продукция поступала на широкий рынок, в четвертых — существовало и централизованное распределение продукции, осуществлявшееся государством и коллективными организациями трудящихся.

В целом по народному хозяйству СССР в середине 20-х годов товарная форма распределения доминировала. Товарная продукция составляла 54,5 % объема валовой продукции. При этом через широкий рынок распределялось 27,3 % продукции народного хозяйства (см. табл. 35). Однако в хозяйствах, основанных на разных формах собственности, эти цифры существенно варьировались. В государственных предприятиях 77,7 % продукции рас-

Таблица 35. Распределение продукции в хозяйствах с различной формой собственности в СССР в 1925/26 г. (в млн довоенных руб.)

Форма собственности	Валовая продукция	Потребление производителей	Товарная продукция	
			всего	в том числе для широкого рынка
Государственная	5358	1196	4162	1928
Кооперативная	450	129	321	314
Вся обобщественная	5808	1325	4483	2242
Капиталистическая	632	298	334	322
Частная неэксплуататорская	10239	5963	4276	1990
Вся частная	10871	6261	4610	2312
Итого	16679	7586	9093	4554

Исчислено по: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926—27—1930—31 гг. Таблицы. С. 17, 19, 21, 72, 97—99, 174—177.

пределялось через рынок, причем на широкий рынок поступало 36,0 % продукции. В кооперативных предприятиях товарная масса составляла 71,3 %, в том числе на широкий рынок шло 69,8 % продукции. Товарная часть продукции капиталистических хозяйств была равна 52,9 %, а для широкого рынка предназначалось 51,0 % продукции. Наименее товарными были частные предприятия, не эксплуатировавшие чужого труда. Здесь доля товарной продукции составляла только 41,8 %, причем на широкий рынок шло всего лишь 19,4 % продукции.

Несмотря на низкую товарность, мелкие крестьянские хозяйства, не эксплуатировавшие чужого труда, занимали первое место по доле товарной продукции как в общем товарообороте страны (47,0 %), так и в товарной массе широкого рынка (43,7 %). За ними следовали государственные предприятия (45,8 и 42,3 % соответственно). Товарная продукция капиталистических предприятий в общем товарообороте не имела существенного веса (3,7 %), но почти вся она шла на широкий рынок, где ее доля заметно повышалась (7,1 %). Такой же была картина и для кооперативных предприятий, только их удельный вес был немного меньше (3,5 и 6,9 % соответственно). В целом благодаря преобладающей роли мелкотоварного производства частный сектор поставлял на рынок несколько больший объем продукции, чем обобщественный.

Одним из следствий многоукладности экономики было наличие различных рынков, через которые осуществлялось распределение товарной продукции (см. табл. 36). По общим размерам торговых оборотов на первом месте находились предприятия государственной торговли (48,5 %). Это было связано с их доминировавшей ролью в сфере оптовой торговли (72,7 %). Однако в сфере розничной торговли государственные предприятия свое господство утрачивали (16,2 %). На втором месте по общим торговым оборотам (31,9 %) и оборотам оптовой торговли (23,0 %) находи-

Таблица 36. Обороты торговли в СССР в 1925/26 г. (в млн червонных руб.)

Форма собственности	Оптовая торговля	Розничная торговля	Всего
Государственная	12 989	2 170	15 159
Кооперативная	4 106	5 865	9 971
Вся обобществленная	17 095	8 035	25 130
Капиталистическая	780	3 730	4 510
Частная неэксплуататорская	0	1 616	1 616
Вся частная	780	5 346	6 126
Итого	17 875	13 381	31 256

Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 37, 40; Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. М.; Л., 1932. С. 315; Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 274.

лись кооперативные торговые предприятия. В сфере же розничной торговли они выходили на первое место (43,8 %). Капиталистические торговые предприятия по общим размерам оборотов находились на третьем месте (14,4 %). Их доля в сфере оптовой торговли была незначительной (4,3 %), но в области розничной торговли они выходили на второе место (27,9 %). На последнем месте как по общим размерам оборотов (5,2 %), так и по оборотам розничной торговли (12,1 %) находились частные неэксплуататорские торговые предприятия. Их участие в оптовой торговле было ничтожным.

Отметим, что обороты оптовой торговли на 4494 млн червонных руб. превышали обороты розничной торговли. В основном это было связано с тем, что одна и та же товарная масса совершала несколько оборотов, переходя от одних предприятий к другим. Важно проследить направление этих переходов (см. табл. 37).

На Московской и 70 провинциальных товарных биржах государственные предприятия и организации продавали товаров на 48,4 % больше, чем покупали. Положительный баланс оборотов государственной оптовой торговли распределялся между другими

Таблица 37. Рыночный оборот товарных бирж в СССР в 1924/25 г. (в млн червонных руб.)

Контрагент	Продажа	Покупка	Баланс
Государственные органы	2750	1853	+897
Кооперация	233	1003	-770
Смешанные акционерные общества	70	80	-10
Частные лица	144	261	-117

Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 37; Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г.; Сб. обзоров по важнейшим отраслям нар. хоз-ва РСФСР в 1924—25 г. М., 1926. С. 73.

Таблица 38. Деятельность банков и кредитных учреждений СССР на 1 октября 1925 г. (в млн червонных руб.)

Клиент	Вклад и текущий счет	Учет и ссуда
Государственные органы	616,0	1248,2
Кооперация	43,8	314,7
Частные лица и фирмы	28,4	42,2
Члены обществ сельскохозяйственного кредита *	16,7	178,1
Итого	704,9	1783,2

Составлено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 53; Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. С. 112.

* По РСФСР.

контрагентами товарных бирж, причем на долю кооперативных предприятий приходилось 85,8 %, на долю частных лиц — 13,1 %, на долю акционерных обществ со смешанным капиталом — 1,1 % товарной продукции, проходившей через государственный торговый аппарат.

Приведенные выше цифры почти не отражают движение товарной массы мелкотоварного уклада, проходившей через государственный, кооперативный и частный торговый аппарат. В 1924/25 г. на хлебном рынке доля плановых заготовителей составляла примерно 65 %, а в 1925/26 г. — 75 %¹². Доля грузов, отправленных государственными заготовителями, занимала в 1925 г. 63,2 %, а в 1926 г. — 81,2 %. На долю частных заготовителей приходилось в 1925 г. 20,6 %, а в 1926 г. — 6,5 % грузов. Остальные неплановые заготовительные организации отправили в 1925 г. 16,2 %, а в 1926 г. 12,3 % грузов¹³.

Таким образом, общая картина оборота товарной продукции оказывается довольно сложной. Товары, произведенные в рамках одного социально-экономического уклада, реализовывались через торговый аппарат других социально-экономических укладов, и в этом смысле все уклады оказывались тесно связанными друг с другом.

Не менее четко эта взаимосвязь прослеживается в сфере денежного обращения и кредита (см. табл. 38). На первом месте по размерам остатков вкладов (87,3 %) находились государственные предприятия. Они же получали и большую часть кредитов (70,0 %). Вслед за ними шли кооперативные организации (6,2 и 17,7 %). Частные лица и фирмы находились на третьем месте по размерам вкладов (4,0 %), но на последнем по доле кредитов (2,4 %). Наоборот, члены мелких крестьянских хозяйств, будучи на последнем месте по размерам вкладов (2,4 %), имели большую долю кредитов (10,0 %). Это свидетельствует о перераспределении денежных средств и части народного дохода между укладами.

Таблица 39. Личное потребление населения СССР по социальным группам в 1923/24 г. (в червонных руб.)

Социальная группа	Промышленные товары		Сельскохозяйственные продукты		Продукты всех отраслей народного хозяйства	
	всего, млн	на душу	всего, млн	на душу	всего, млн	на душу
Рабочие	823,5	95,9	323,6	37,7	1 150,8	134,0
Служащие	609,7	100,0	350,7	57,5	965,2	158,3
Крестьяне	2 983,6	27,0	3 035,2	27,5	6 308,2	57,1
В том числе с посевом:						
до 2 дес.	1 294,3	28,6	1 163,7	25,6	2 459,8	54,3
от 2,01 до 4 дес.	834,8	24,8	921,8	27,4	1 757,5	52,2
от 4,01 до 6 дес.	404,6	25,4	439,9	27,7	845,3	53,2
от 6,01 до 8 дес.	196,4	28,4	204,4	29,6	401,1	58,1
свыше 8 дес.	253,5	29,5	287,8	33,5	541,8	63,1
Частные владельцы	810,8	177,0	314,5	68,7	1 128,9	264,5
Прочие	257,6	57,8	117,0	26,2	375,9	84,3
Итого	5499,3	41,0	4333,4	32,3	10321,9	77,0

Составлено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. М., 1926. Ч. 2. Таблицы. С. 215—223.

Взаимосвязь между социально-экономическими укладами четко прослеживается и в области личного потребления населения (см. табл. 39). На долю крестьянства, как наиболее многочисленного класса, приходилось 61,1 % всех потребленных населением продуктов. Однако из них продукты, произведенные в рамках личного хозяйства, составляли не более 48,1 %. В то же время удельный вес промышленных товаров в крестьянском потреблении был равен 47,3 %. Ясно, что такая структура крестьянского потребления могла быть достигнута только на основе экономической смычки между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. При переходе от одной посевной группы к другой картина существенно не изменяется. Только в наименее товарной группе с посевом от 2 до 4 дес. доля собственной продукции в личном потреблении повышается до 52,4 %.

На втором месте по размерам потребления были рабочие. На их долю приходилось 11,1 % всех потребленных населением продуктов. Однако доля промышленных товаров в структуре потребления рабочих достигала 71,6 %. Это было связано с тем, что сельскохозяйственные продукты поступали к ним преимущественно уже в переработанном в рамках промышленного производства виде.

Владельцы частных предприятий, являясь одним из посредствующих звеньев в системе экономических отношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, удерживали в своих руках 10,9 % общего объема

продуктов личного потребления, занимая, таким образом, третье место после крестьян и рабочих. В структуре их потребления также доминировали промышленные товары.

Находясь на первом месте по общим размерам личного потребления, крестьяне занимали последнее место по нормам душевого потребления. Это было связано с низкой производительностью крестьянского труда, экономической отсталостью распыленной деревни. Жизненный уровень рабочих в 2,3 раза превышал жизненный уровень крестьян. Такой контраст вызывал у части крестьянского населения стремление переселиться в город, что приводило к переполнению городов, росту безработицы. Несомненно, это было одним из противоречий многоукладной экономики.

Обогащавшийся преимущественно на посреднической торговле между городом и деревней слой частных предпринимателей смог существенно улучшить свое материальное положение, заняв первое место по размерам душевого потребления. Рост экономического потенциала этого слоя находился под контролем Советского государства. Тем не менее известный контраст в жизненном уровне частных предпринимателей и трудящихся существовал, в чем заключалось еще одно противоречие многоукладной экономики.

Отмеченные противоречия не затеяют главного в рассмотренной выше социально-экономической структуре. В многоукладной экономике 20-х годов решающую роль играли закономерности социалистической формации. Наличие собственности на основные средства производства в руках государства, быстрое расширение социалистического уклада, усиление его воздействия на другие уклады задавали определенный тип экономического развития, связанный с утверждением социалистических производственных отношений. Многоукладная экономика была не только реальностью 20-х годов, с которой партия и правительство были вынуждены считаться. Она активно использовалась государством диктатуры пролетариата в целях перехода к социализму на основе экономического союза с мелкотоварной деревней, изменявшей под воздействием социалистического уклада свое социальное лицо, посредством взаимовыгодных межклассовых компромиссов, соглашения с мелкобуржуазными массами деревни, на базе экономического соревнования как формы классовой борьбы с капиталистическими элементами, сохранявшимися и отчасти возрождавшимися в условиях многоукладности.

Система хозяйственной смычки

«В . . . экономической политике Советского государства должны быть увязаны и на каждом новом этапе хозяйственного развития соответственно правильно согласованы основные интересы промышленности с важнейшими интересами развития сельского хозяйства, — указывал апрельский (1925 г.) Пленум ЦК РКП(б). — Это должно прежде всего выражаться в правиль-

ной экономической смычке промышленности с сельским хозяйством. . .»¹⁴

Во многом смычка города и деревни была результатом плановой хозяйственной политики. Однако нельзя недооценивать и роль стихийных, нерегулируемых факторов. Сочетание планомерности и стихийности является характерной чертой многоукладной экономики¹⁵.

Мы начнем рассмотрение механизма смычки с момента получения крестьянами сельскохозяйственной продукции и предложения ее излишков рынку. Часть своей продукции крестьянин расходовал на хозяйственные нужды и личное потребление. То, что оставалось, и было излишками.

В табл. 40 приведены натуральные балансы различных сельскохозяйственных продуктов. Как видим, хотя крестьянское потребление разных продуктов составляет неодинаковую долю их производства (от 85,7 % по хлебофуражу до 7,0 % по кожам крупного скота), общий объем продукции всегда превышает суммарную потребность крестьян.

Основной причиной образования излишков и их предложения рынку был спрос крестьян на деньги в связи с необходимостью уплаты налогов, погашения задолженностей и приобретения товаров, прежде всего промышленных. Коэффициент корреляции между денежным доходом крестьян и их налоговыми платежами равен +0,692. Еще теснее взаимосвязь между денежным доходом и расходом на покупку промышленных товаров ($r = +0,840$)¹⁶. При этом уплата налогов и приобретение товаров по-разному воздействовали на спрос денег, а следовательно, и на предложение излишков рынку.

Примерно 75 % налоговых платежей приходилось на осень, когда взаимосвязь между денежным доходом и уплатой налогов усиливалась ($r = +0,741$), а между денежным доходом и приобретением промышленных товаров ослабевала ($r = +0,672$). В этот

Таблица 40. Натуральные балансы сельскохозяйственных продуктов в 1923/24 г.

Продукт	Единица измерения	Производство	Потребление крестьян		Излишки
			хозяйственное	личное	
Хлебофураж	млн пуд.	3 204,2	1 150,8	1 596,4	457,0
Картофель	»	2 120,3	349,4	1 311,6	459,3
Лен	тыс. пуд.	34 726	6 624	7 919	20 183
Маслосемена	»	126 294	14 597	18 808	92 889
Мясо	»	148 524	—	89 724	58 800
Молоко	»	1 466 059	755 820	346 495	363 744
Масло	»	20 001	—	14 131	5 870
Яйца	тыс. шт.	5 032 259	277 972	3 190 287	1 564 000
Кожи крупные	»	16 024	—	1 118	14 906
Шерсть	тыс. пуд.	4 563	—	2 503	2 060

Исчислено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. Ч. 2. С. 53—143.

период интенсивной реализации сельскохозяйственной продукции цены на нее были довольно низкими, и крестьяне, реализуя примерно 62 % всех излишков, получали только 49 % денежного дохода¹⁷.

Зимой и весной налоги уже не давили всей тяжестью на деревню, и взаимосвязь между денежным доходом и налоговыми платежами резко ослабевала ($r = +0,240$). Получая большую свободу распоряжения излишками, крестьяне принимали в расчет рыночную конъюнктуру. Поэтому, реализуя оставшиеся 38 % излишков, они получали за них 51 % денежного дохода¹⁸.

Таким образом, в торговле крестьян четко выделились два периода. В первый из них крестьяне минимизировали сроки получения необходимой для уплаты налогов суммы. Во второй период они стремились максимизировать денежный доход от реализации остатка излишков.

Наряду с общими закономерностями, связанными с образованием и реализацией излишков, существовали и особенности, присущие той или другой группе сельскохозяйственных продуктов. Отчасти эти особенности вызывались спецификой производства и крестьянского потребления этих продуктов, но в еще большей степени — различиями в условиях их реализации.

Мы рассмотрим подробно производство и реализацию излишков хлебных и мясных продуктов. В составе крестьянского производства они занимали особое место. Если условно оценить крестьянскую продукцию по заготовительным ценам, то на долю зерновой продукции в середине 20-х годов придется 26,3 %, а на долю животноводческой продукции — 25,7 %¹⁹.

В случае зерновых хлебов размеры крестьянских излишков определяются особенно точно. Это объясняется относительной стабильностью как душевого потребления крестьянами хлеба, так и расходов семян на единицу посевной площади и кормов на голову скота и птицы. В табл. 41 приведены коэффициенты корреляции между статьями хлебофуражного баланса крестьян.

Таблица 41. Коэффициенты корреляции между статьями хлебофуражного баланса среднего крестьянского хозяйства

Статья хлебофуражного баланса *	1	2	3	4	5
1. Валовые сборы зерновых	1	+0,300	+0,478	+0,410	+0,933
2. Продовольствие семьи	+0,300	1	-0,546	+0,331	+0,150
3. Корм скота и птицы	+0,478	-0,546	1	-0,035	+0,411
4. Обсеменение посевов	+0,410	+0,331	-0,035	1	+0,213
5. Излишки	+0,933	+0,150	+0,411	+0,213	1

Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор Бюро Конъюнктур. Совета Госплана СССР. М., 1926. С. 17.

* В пудах на одно хозяйство. Сведения о численности крестьянских хозяйств см.: Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы СССР в 1924/25—1927/28 гг.: По данным налоговых сводок Наркомфина СССР/Сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. М., 1977. Вып. 1—3.

Основные статьи расхода крестьянами зерна были сравнительно слабо связаны с размерами урожая. Они детерминировались другими переменными. Продовольствие семьи было тесно связано с числом ее членов ($r=+0,980$), корм скота и птицы — с их поголовьем ($r=+0,884$), расход на семена — с площадью посева ($r=+0,708$)²⁰. Такая детерминация была возможна благодаря наличию излишков. В неурожайные годы их размеры сокращались, а в урожайные увеличивались, что позволяло среднему крестьянину расходовать хлеб, сообразуясь больше с потребностями двора, чем с размерами сбора.

Зато та часть урожая, которую крестьянин мог предложить рынку, находилась в наибольшей зависимости от размеров валового сбора. Надо сказать, что среднее индивидуальное хозяйство, располагавшее весьма ограниченным земельным наделом, не могло оказать существенного регулирующего воздействия на валовые сборы хлеба путем изменения посевных площадей. На это указывает сравнительно низкое значение коэффициента корреляции между валовыми сборами и посевной площадью ($r=+0,250$). Только

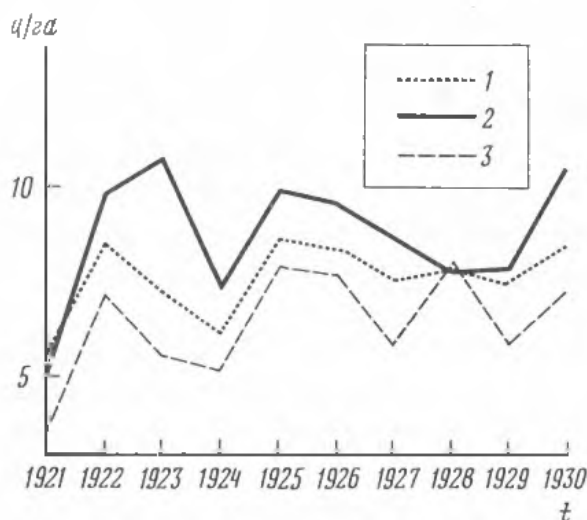

Диаграмма 7. Колебания урожайности зерновых в СССР в 20-е годы (в ц с 1 га).

1 — все зерновые;
2 — пшеница озимая;
3 — пшеница яровая.

в высших по размерам посевной площади или имущественной состоятельности группах крестьянских хозяйств его значение повышается ($r=+0,597$)²¹. На первом же плане в ряду факторов, определявших размеры валовых сборов, были метеорологические условия, приводившие к весьма существенной вариации средней урожайности. Коэффициент корреляции между урожайностью и валовыми сборами был довольно высоким ($r=+0,671$)²².

На диагр. 7 изображены колебания урожайности зерновых в СССР в 20-е годы*. Разрыв между размерами двух соседних урожаев мог достигать 94,6%. В чередовании урожайных и неурожайных лет трудно подметить какие-либо закономерности. В динамике урожаев различных культур не было полной синхронности. Не совпадали и колебания урожайности в разных регионах.

* Источник: Народное хозяйство СССР: Стат. справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. XXXVIII—XXXIX.

Природа сделала все возможное для того, чтобы размеры валовых сборов хлеба с крестьянских полей были труднопредсказуемыми.

Вот этому природному, нерегулируемому фактору и были подчинены колебания размеров крестьянского предложения хлеба. Рынок то задыхался от нехватки хлебных продуктов, то тонул в их изобилии. На схеме 8 изображена цепь причинно-следственных связей, определявших крестьянское предложение хлеба. Цифры над стрелками, обозначающими направление причинно-следственных связей, являются коэффициентами регрессии, показывающими, на сколько единиц изменялась зависимая переменная при увеличении независимой переменной на единицу.

Схема 8. Крестьянское предложение хлеба по данным региональных народнохозяйственных балансов ЦСУ, 1924/25 г.

Если предложение хлеба было весьма изменчивой, подверженной случайным колебаниям величиной, то спрос на хлеб, следуя за ростом численности несельскохозяйственного населения, изменялся довольно плавно. Коэффициент корреляции между крестьянскими излишками и потребностью городского населения был равен только $+0,186$ ²³. Это свидетельствует о существенном дисбалансе между спросом и предложением. В связи с этим большой интерес представляет работа аппарата заготовок хлебной продукции.

Ежегодно государство оценивало размеры урожая, внутреннее потребление крестьян, величину хлебных излишков и потребности в хлебе неземледельческого населения. В соответствии с этим составлялся план хлебных заготовок и осуществлялось кредитование заготовителей. Последние скупали хлеб у крестьян по так называемым заготовительным ценам и организовывали его транспортировку. Заготовленный хлеб перераспределялся между районами с тем, чтобы уменьшить избытки в одних и недостатки в других регионах. В табл. 42 приведены коэффициенты корреляции между переменными, характеризующими заготовку хлеба и его последующее перераспределение.

Видно, что план заготовок лишь отчасти ориентировался на излишки крестьян. Это было связано с неизбежно неточными оценками урожая и, следовательно, реальных размеров крестьянских излишков. Однако эти оценки лежали в основе развертывания заготовительной сети и финансирования заготовок. Поэтому реальный ход плановых заготовок лишь смягчал, но не устранял просчеты планирования.

В связи с этим часть крестьянских излишков поступала на

Таблица 42. Коэффициенты корреляции между переменными, связанными с заготовкой и перераспределением хлеба

Переменная *	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Излишки крестьян	1	+0,186	+0,578	+0,674	+0,655	+0,635	+0,808	+0,619	+0,643	-0,278	-0,020	-0,211
2. Потребность города	+0,186	1	+0,197	+0,183	-0,221	-0,243	+0,021	-0,297	+0,226	+0,966	+0,895	+0,838
3. План заготовок	+0,578	+0,197	1	+0,950	+0,508	+0,439	+0,894	-0,207	+0,629	+0,133	+0,359	+0,361
4. Плановые заготовки	+0,674	+0,183	+0,950	1	+0,631	+0,386	+0,950	-0,121	+0,629	+0,076	+0,405	+0,332
5. Внеплановые заготовки	+0,655	-0,221	+0,508	+0,631	1	+0,210	+0,655	-0,247	+0,428	-0,330	-0,053	-0,189
6. Базарная торговля	+0,635	-0,243	+0,439	+0,386	+0,210	1	+0,626	+0,250	+0,679	-0,214	-0,164	-0,267
7. Все заготовки	+0,808	+0,021	+0,894	+0,950	+0,655	+0,626	1	+0,071	+0,716	-0,065	+0,238	+0,138
8. Остаток излишков	+0,619	-0,297	-0,207	-0,121	-0,247	+0,250	+0,071	1	+0,128	-0,409	-0,361	-0,540
9. Отправление хлеба	+0,643	+0,226	+0,629	+0,629	+0,428	+0,679	+0,716	+0,128	1	+0,233	+0,145	-0,007
10. Прибытие хлеба	-0,278	+0,966	+0,133	+0,076	-0,330	-0,214	-0,065	-0,409	+0,233	1	+0,820	+0,814
11. Товарные запасы	-0,020	+0,895	+0,359	+0,405	-0,053	-0,164	+0,238	-0,361	+0,145	+0,820	1	+0,942
12. Закупки крестьян	-0,211	+0,838	+0,361	+0,332	-0,189	-0,267	+0,138	-0,540	-0,007	+0,814	+0,942	1

Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 18, 20, 22.

* В пудах на душу населения.

рынок через систему внеплановых заготовок. Последние нарушали монополию хлебной торговли государства, с ними боролись, но нельзя не признать, что в условиях 20-х годов внеплановые заготовки имели прочную объективную основу для своего существования. Однако, ведя заготовки лишь в местах нестроного контроля, частный скупщик не мог охватить всех не запланированных государством крестьянских излишков. Поэтому оставшаяся часть излишков реализовывалась крестьянином на местных рынках.

Только в сумме все виды заготовок давали высокую корреляцию с крестьянскими излишками. Но и в этом случае между заготовками и излишками нет функциональной связи. Она была бы, если бы план ошибался только в сторону преуменьшения крестьянских излишков. Но план, преуменьшая размеры излишков для одних регионов, преувеличивал их для других регионов. Если в первом случае заготовители из-за плохого развертывания заготовительной сети и недостаточного финансирования не могли изъять всех излишков, то во втором — вследствие обилия приемных пунктов и избыточных денежных средств скупали и часть необходимого крестьянам хлеба, вынуждая их производить обратные закупки.

Если определить товарные запасы как сумму производившихся в районе заготовок и поступившего из других районов хлеба за вычетом хлеба, отправленного из района, то окажется, что эта переменная теснее даже связана с крестьянскими закупками, чем с потребностью городского населения. Крестьяне прежде всего скупали хлеб, поступающий на местные рынки. Именно поэтому взаимосвязь между потребностью городов и размерами привоза хлеба из других районов почти функциональная.

В зависимости от размеров конечных излишков хлеба строился план дальнейшей хозяйственной деятельности крестьян. Если соединить оставшиеся после заготовок излишки (или недостатки) с обратными закупками хлеба, то окажется, что эта переменная довольно сильно коррелирует с кормлением скота и птицы ($r = +0,630$). Таким образом, чем больше излишков оставляли заготовки крестьянину, тем больший импульс давался развитию животноводства и птицеводства, и наоборот. В меньшей степени конечные излишки влияли на расход семян ($r = +0,462$) и, следовательно, на расширение зернового хозяйства. Еще меньшим было их воздействие на рост личного потребления хлеба крестьянами ($r = +0,335$)²⁴.

Таким образом, в хлебных заготовках рыночные принципы сочетались с плановыми. Что же было главным: рынок или план? Если мы проведем факторизацию рассматриваемой матрицы коэффициентов корреляции, то окажется, что наиболее существенные нагрузки по первому фактору имеют плановые заготовки (+0,878), план заготовок (+0,866) и все заготовки (+0,810). Это связано с господством плановых заготовителей в хлебной кампании.

На схеме 9 изображено взаимодействие рассмотренных выше переменных, характеризующих заготовку и перераспределение

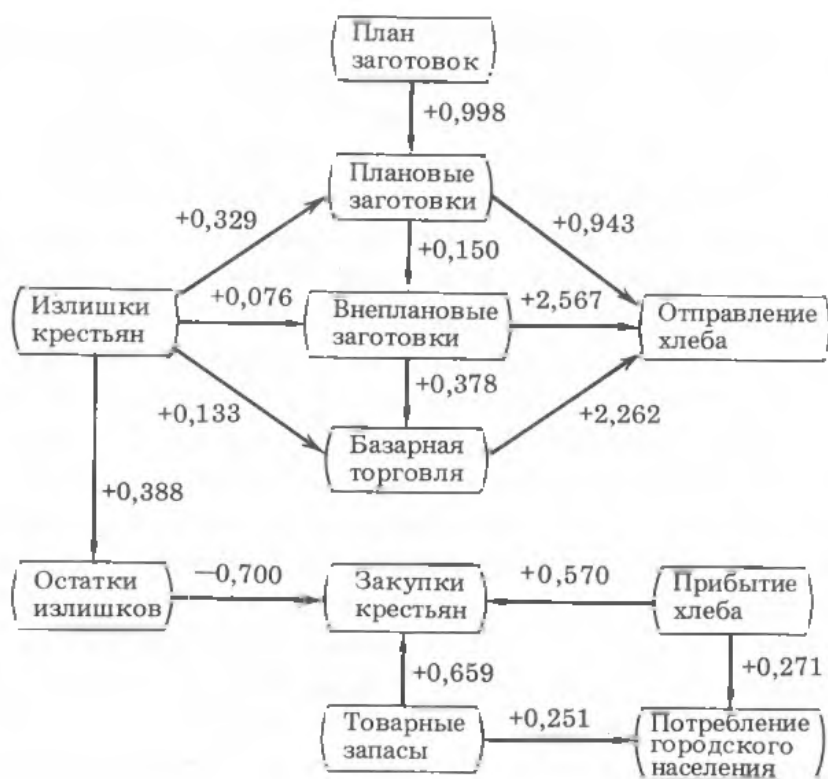

Схема 9. Взаимодействие переменных, связанных с заготовкой и перераспределением хлебной продукции, 1924/25 г.

хлебной продукции. Заметно, что переменные, связанные с собственно заготовкой, и переменные, описывающие распределение хлебной продукции, образуют две вполне самостоятельные группы.

До сих пор, говоря о предложении, заготовке и распределении хлеба, мы не затрагивали хлебных цен. Дело в том, что этот вопрос в силу своей сложности заслуживает специального рассмотрения. По проблеме ценообразования на хлебном рынке существует огромная литература. Однако ясной картины нет и по сей день. Результаты одних исследований перечеркиваются итогами других работ, а те в свой черед не выдерживают проверки временем.

Многие исследователи считают, что уровень хлебных цен определяется в первую очередь высотой урожая. Наиболее подробно эта точка зрения обосновывалась Н. С. Четвериковым. В специальной статье он подверг статистику хлебных цен и урожаев математико-статистическому исследованию²⁵. Однако обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, рассчитанные Н. С. Четвериковым коэффициенты корреляции не превышают $-0,65$, что недостаточно для доказательства прямой взаимосвязи. А во-вторых, по полученным им данным, урожай воздействовал на цены не только текущего года, но и двух последующих лет, что само по себе ставит под сомнение определяющую роль урожая данного года в ценообразовании.

Совершенно очевидно, что вся масса урожая, около 80 % которого шло на внутренние нужды крестьянского двора, не могла непосредственно влиять на цены. Но если мы примем во внимание только хлебные излишки крестьян, то объясним не более 60 %

Таблица 43. Коэффициенты корреляции между хлебными ценами и статьями хлебофуражного баланса

Хлебофуражный баланс *	Категория цен			Индексы розничных цен 40 городов
	Местные базарные	Заготовительные	Розничные уездные	
Валовые сборы	-0,440	-0,076	0,340	-0,324
Личное потребление крестьян	+0,232	+0,530	+0,251	+0,242
Корм скота и птицы	-0,677	-0,416	-0,852	-0,673
Расход на семена	-0,121	-0,417	-0,234	-0,186
Излишки крестьян	-0,759	-0,573	-0,622	-0,656
План заготовок	-0,761	-0,568	-0,690	-0,632
Плановые заготовки	-0,858	-0,584	-0,773	-0,555
Внеплановые заготовки	-0,413	-0,552	-0,558	-0,685
Базарная продажа	-0,171	-0,007	+0,298	+0,346
Все заготовки	-0,721	-0,416	-0,569	-0,497
Остаток излишков	+0,144	-0,236	+0,204	+0,118
Отправление хлеба	-0,325	-0,392	-0,085	+0,106
Прибытие хлеба	-0,100	-0,541	-0,085	+0,007
Товарные запасы	-0,443	-0,626	-0,463	-0,802
Потребление городского населения	-0,239	-0,303	-0,250	-0,460
Обратные закупки крестьян	-0,414	-0,562	-0,466	-0,217

Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 18, 20, 22, 24.

* На душу населения.

дисперсии хлебных цен. Дело в том, что мы не учли реализацию крестьянами запасов, оставшихся от урожая предыдущего года. Здесь следует отметить три момента. Во-первых, реализация запасов происходила тогда, когда заготовители уже в основном выполнили план заготовок и исчерпали отпущенные им средства. Поэтому запасы поступали преимущественно на местные рынки. Во-вторых, довольно ограниченное предложение остатков урожая встречало усиленный спрос в связи с предурожайной нехваткой хлеба. Поэтому перед урожаем цены на хлеб росли. В-третьих, состояние местных рыночных цен было единственной объективной основой для плановых органов при определении размеров финансирования заготовок. Поэтому воздействие местных цен на последующее ценообразование хлебного рынка было существенным.

Остатки от предыдущего урожая и излишки урожая текущего года были главными, но, конечно, не единственными факторами, влиявшими на хлебные цены. Определенное значение имела товарная масса и цены ряда других сельскохозяйственных продуктов. Предложение сена и кормовых трав, а также цены на них влияли на соотношение между спросом и предложением на хлеб, а значит, и на цены. Такое же воздействие на хлебные цены оказывали излишки овощеводства и цены на овощи.

Наконец, следует особо отметить мероприятия, связанные с регулированием хлебного рынка. Одни из них влияли на спрос

(например, планирование размеров заготовок), другие — на предложение (например, хлебная «интервенция» 1924 г.), третьи — непосредственно на цены (например, предельные заготовительные цены) ²⁶. Мы подробно разберем эти мероприятия ниже.

В табл. 43 приведены коэффициенты корреляции между различными категориями хлебных цен и рассмотренными выше статьями хлебофуражного баланса. Заметно, что хлебные излишки крестьян влияли прежде всего на местные базарные цены. В меньшем соответствии с излишками находились заготовительные и розничные цены. Дело в том, что на эти цены заметно влияли накладные расходы, доля которых колебалась от 10 до 40 % ²⁷. Можно сказать, что заготовительные цены были меньше местных базарных на величину накладных расходов, а розничные — больше на ту же величину.

Выше мы указывали, что план заготовок составлялся в расчете на крестьянские излишки. Теперь ясно, что плановые органы учитывали также и высоту местных базарных цен. В еще большем соответствии с местными ценами осуществлялся реальный ход заготовок. Из районов со сравнительно высокими хлебными ценами плановые заготовки постепенно смещались в районы низких хлебных цен. В гораздо меньшей степени это явление было харак-

Таблица 44. Коэффициенты корреляции между показателями, характеризующими производство, заготовку и перераспределение мясной продукции

Переменная *	1	2	3	4	5	6
1. поголовье скота	1	+0,581	+0,480	+0,742	+0,677	+0,637
2. Расход кормов	+0,581	1	+0,773	+0,577	+0,699	+0,271
3. В том числе зерновых	+0,480	+0,773	1	+0,468	+0,616	+0,150
4. Убой	+0,742	+0,577	+0,468	1	+0,711	+0,673
5. Мясная продукция	+0,677	+0,699	+0,616	+0,711	1	+0,720
6. Крестьянское потребление	+0,637	+0,271	+0,150	+0,673	+0,720	1
7. Излишки крестьян	+0,639	+0,448	+0,338	+0,689	+0,761	+0,576
8. Заготовки	+0,223	+0,590	+0,608	+0,234	+0,588	-0,176
9. Остаток излишков	+0,383	+0,516	+0,496	+0,373	+0,406	+0,500
10. Транспортный баланс	+0,539	+0,774	+0,736	+0,556	+0,788	+0,185
11. Городское потребление	-0,493	-0,164	-0,071	-0,470	-0,411	-0,478
12. Закупки крестьян	+0,023	+0,489	+0,557	-0,016	+0,209	-0,317
13. Заготовительные цены	-0,487	+0,028	+0,168	-0,558	-0,396	-0,609
14. Розничные цены	-0,513	+0,012	+0,155	-0,582	-0,391	-0,640

Исчислено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. Ч. 2. С. 53—169.

* На душу населения.

терно для внеплановых заготовок. Но здесь обращает на себя внимание более тесная связь внеплановых заготовок с заготовительными, а не местными ценами. Чем выше была заготовительная цена, тем меньше хлеба доставалось частному скупщику.

Довольно тесной оказывается взаимосвязь между хлебными ценами и кормом крестьянского скота и птицы. Теперь ясно, что на развитие животноводства влияли не только оставленные государством крестьянину излишки, но и низкие хлебные цены, когда крестьянин предпочитал кормить хлебом скот, а не продавать хлеб.

Переходя к животноводству, следует сказать, что здесь размеры крестьянских излишков не могут быть исчислены так же точно, как в случае зернового хозяйства. Во-первых, нельзя строго разграничить средства производства и продукцию животноводства. Крестьяне могли выбирать: откармливать им скот для получения молочных продуктов и шерсти или для убоя и продажи в живом виде. Во-вторых, средние нормы потребления ряда продуктов животноводства крестьянским населением при определенных обстоятельствах могли растягиваться или сжиматься. В-третьих, иногда определению излишков некоторых видов животноводческой продукции препятствует отсутствие данных об их переработке в другие виды продукции.

Однако основные компоненты крестьянских излишков определяются достаточно хорошо. Это прежде всего касается мясной продукции. Из-за ограниченности производственной базы крестьян-

	7	8	9	10	11	12	13	14
	+0,639	+0,223	+0,383	+0,539	-0,493	+0,023	-0,487	-0,513
	+0,448	+0,590	+0,516	+0,774	-0,164	+0,489	+0,028	+0,012
	+0,338	+0,608	+0,496	+0,736	-0,071	+0,557	+0,168	+0,155
	+0,689	+0,234	+0,373	+0,556	-0,470	-0,016	-0,558	-0,582
	+0,761	+0,588	+0,406	+0,788	-0,411	+0,209	-0,396	-0,391
	+0,576	-0,176	+0,500	+0,185	-0,478	-0,317	-0,609	-0,640
1	+0,317	+0,249	+0,545	-0,236	-0,103	-0,691	-0,716	
+0,317	1	+0,288	+0,797	+0,185	+0,543	+0,107	+0,119	
+0,249	+0,288	1	+0,441	-0,079	+0,310	+0,046	+0,227	
+0,545	+0,797	+0,441	1	-0,239	+0,463	-0,115	-0,146	
-0,236	+0,185	-0,079	-0,239	1	-0,069	+0,615	+0,629	
-0,103	+0,543	+0,310	+0,463	-0,069	1	+0,577	+0,555	
-0,691	+0,107	+0,046	-0,115	+0,615	+0,577	1	+0,971	
-0,716	+0,119	+0,227	-0,146	+0,629	+0,555	+0,971	1	

янское хозяйство не могло содержать слишком много скота. Поэтому приплод и молодняк, за исключением потребности в ремонте и расширении, а также личного потребления, входил в состав излишков. Кроме того, излишки образовывались в результате систематической браковки взрослого скота или убоя скота после откормки.

В табл. 44 приведены коэффициенты корреляции между статьями баланса мясной продукции. Размеры производства определялись наличным поголовьем скота и состоянием кормовой базы. При этом расход зерновых на корм скоту играл довольно заметную роль в выходе мясной продукции.

В отличие от зернового хозяйства крестьянское потребление мясных продуктов зависело в большей степени от размеров производства, чем от численности крестьянских семей. Тем не менее размеры излишков были теснее связаны с производством, а не с потреблением. Дело в том, что для каждого отдельного крестьянского хозяйства убой был сравнительно редким явлением. В моменты убоя крестьянин имел избыток мяса, а в остальные дни — его недостаток.

Заготовки мясных продуктов не были слишком тесно связаны с крестьянскими излишками. В отличие от хлебных заготовок мясные заготовки менее тщательно планировались и были слабее организованы. Если план хлебных заготовок выполнялся на 85—90 %, а то и с превышением, то мясные заготовки составляли 50—75 % от плановых цифр²⁸. Расходуя огромные средства на строительство и содержание хлебозаготовительного аппарата, государство не могло направить такие же средства в аппарат мясозаготовок.

В связи с этим в области мясозаготовок большую роль играл частный капитал. В середине 20-х годов доля плановых заготовок в реализации хлебных излишков равнялась 75,0 %, а в реализации мясных излишков — только 13,6 %²⁹.

Поэтому если хлебная торговля в значительной мере подавалась регулирующему воздействию государства, то торговля мясными товарами во многом подчинялась рыночной конъюнктуре. С одной стороны, рост городского потребления и закупок крестьян влекли за собой подъем цен. С другой стороны, рост цен заставлял крестьян больше продавать и меньше потреблять. Схема 10 дает представление о структуре взаимосвязей между рассмотренными переменными.

Картина, нарисованная нами для мясных продуктов, была типична также и для молочных продуктов, яиц, картофеля, продуктов огородничества, садоводства и бахчеводства, где доля плановых заготовок в середине 20-х годов составляла только от 27,6 до 38,5 %³⁰. Сложнее обстояли дела с сырьевыми заготовками. В целом здесь доля частного в середине 20-х годов колебалась от 14,5 до 19,7 %, и поэтому общая картина была такая же, как и в деле хлебных заготовок. Однако по ряду продуктов (пенька,

Схема 10. Взаимодействие между переменными, характеризующими производство, заготовку и перераспределение мясной продукции, 1923/24 г.

кожи мелкого скота) частник заготовлял от 40 до 50% товарной продукции, и здесь влияние рыночной конъюнктуры было существенным³¹.

В результате проведения заготовительных кампаний излишки сельскохозяйственной продукции уходили из деревни, а взамен в нее направлялся поток денег. Его размеры зависели от многих причин. Можно было бы ожидать, что денежный доход крестьян тем больше, чем больше они продают и чем выше сельскохозяйственные цены. Однако коэффициент корреляции между денежным приходом деревни и объемом сельскохозяйственных заготовок равен только +0,374, а между денежным доходом крестьян и заготовительными ценами — только +0,293. Основная причина этого — отрицательная взаимосвязь между крестьянскими излишками и сельскохозяйственными ценами ($r = -0,729$)³². Увеличение заготовок приводило к снижению цен, и в результате денежный доход рос с увеличивающимся замедлением. Случалось и так, что темп снижения цен по ряду продуктов обгонял темп роста заготовок и за большой объем продукции крестьяне получали меньший денежный доход и наоборот. Например, в 1923/24 г. крестьяне реализовали в порядке товарного обмена и уплаты налога 553 млн пудов хлеба, получив за это 336 млн руб., а в 1924/25 г. — 439 млн пудов хлеба на сумму 460 млн руб. Физический объем хлебной торговли сократился на 114 млн пудов, а денежный доход увеличился на 124 млн руб.³³

Являясь одним из элементов денежного обращения, доход крестьян от реализации излишков обнаруживает наиболее тесную связь с переменными, характеризующими выпуск и циркуляцию денежных знаков (см. табл. 45). Денежный доход крестьян увеличивался как с ростом эмиссии, так и с увеличением денежного обращения. Это было связано со своеобразной динамикой денежной массы, расширявшейся к моменту реализации урожая и сжимавшейся вслед за свертыванием сельскохозяйственных заготовок.

Дело в том, что Государственный банк, являвшийся центральным эмиссионным органом, был одновременно главным кредитным учреждением, финансировавшим, в частности, заготовительные кампании. Поэтому на его деятельности заметно отражались

Таблица 45. Коэффициенты корреляции между показателями, характеризующими денежное обращение

Переменная	1	2	3	4	5	6
1. Эмиссия денег	1	-0,426	-0,441	+0,413	+0,435	-0,047
2. Количество денег в обращении	-0,426	1	+0,707	+0,881	+0,557	+0,632
3. Вклады и текущие счета	-0,441	+0,707	1	+0,745	+0,513	+0,624
4. Учетно-ссудные операции	-0,413	+0,881	+0,745	1	+0,488	+0,665
5. Денежный доход крестьян	+0,435	+0,557	+0,513	+0,488	1	+0,607
6. Заработная плата рабочих	-0,047	+0,632	+0,624	+0,665	+0,607	1

Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1924. № 1—12; 1925. № 1—12; 1926. № 1—12; 1927. № 1—12.

сезонные условия динамики сельскохозяйственного рынка. В период реализации урожая в учетно-ссудных операциях Государственного банка наблюдались две противоположные тенденции. С одной стороны, имело место значительное расширение кредитования промышленности, сельского хозяйства и торговли в связи с их оживлением. С другой стороны, резко возрастала задолженность по кредитам и ссудам, приводившая к уменьшению наличных средств. Поэтому Государственному банку приходилось увеличивать денежную эмиссию, чтобы удовлетворить усиливавшуюся потребность в деньгах со стороны расширявшегося товарного оборота. Значительная часть этой эмиссии попадала через заготовительный аппарат в деревню. К моменту завершения заготовительной кампании в связи с уменьшением торговых оборотов возникал избыток денег в обращении. Для ликвидации этого избытка Государственный банк сокращал эмиссию и даже прибегал к изъятию части денег из обращения³⁴.

Однако денежный доход крестьян определялся не только направленной в деревню частью банковской эмиссии. Заметное воздействие на него оказывали также средства, накопленные учреждениями и частными лицами и расходуемые на приобретение сельскохозяйственных товаров. Об этом свидетельствует положительная взаимосвязь между денежным доходом крестьян и текущими счетами и вкладами банков, а также заработной платой рабочих.

Продажа крестьянами продуктов сельского хозяйства и предъявляемый ими спрос на промышленные товары существенно воздействовали на рыночный оборот (см. табл. 46). Особенно заметным было влияние крестьянских продаж на обороты розничной торговли, куда сельскохозяйственные товары поступали как через оптовую биржевую торговлю, так и минуя ее. В оборотах товарных бирж доминировали промышленные товары, но воздействие сель-

Таблица 46. Коэффициенты корреляции между показателями, характеризующими внутренний товарный оборот

Переменная	Коэффициенты корреляции								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отпуск промышленных товаров	1	+0,616	+0,939	+0,945	+0,783	+0,890	+0,670	+0,627	+0,680
2. Продажа сельскохозяйственных продуктов	+0,616	1	+0,548	+0,487	+0,752	+0,419	+0,742	+0,779	+0,733
3. Обороты товарных бирж	+0,939	+0,548	1	+0,995	+0,884	+0,982	+0,585	+0,525	+0,615
В том числе:									
4. промышленные товары	+0,945	+0,487	+0,995	1	+0,832	+0,984	+0,532	+0,490	+0,541
5. сельскохозяйственные товары	+0,783	+0,752	+0,884	+0,832	1	+0,835	+0,607	+0,585	+0,641
6. Отпуск трестов и синдикатов ВСНХ	+0,890	+0,419	+0,982	+0,984	+0,835	1	+0,718	+0,679	+0,729
7. Розничный товарный оборот	+0,670	+0,742	+0,585	+0,532	+0,607	+0,718	1	+0,964	+0,947
В том числе:									
8. городской	+0,627	+0,779	+0,525	+0,490	+0,585	+0,679	+0,964	1	+0,824
9. сельский	+0,680	+0,733	+0,615	+0,541	+0,641	+0,729	+0,947	+0,824	1

Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 18—24, 30—35, 40, 49, 72—97. Приложение. Табл. № 5.

Таблица 47. Балансы промышленной продукции в 1923/24 г. (в млн руб. по отпускным ценам)

Отрасль производства	Поступление продукции			Производственное потребление			Непроизводственное потребление				Остаток для крестьянского потребления и запасов	
	Запасы	Валовая продукция	Импорт	Итого	Промышленность, торговля, транспорт	Строительство, торговля, транспорт	Итого	Учреждения	Городское население	Экспорт		Итого
Минеральное топливо	210,7	567,7	7,8	786,2	329,0	106,8	435,8	20,9	36,5	38,1	95,5	254,9
Обработка минералов	14,3	101,1	0,8	116,2	6,0	72,2	78,2	3,7	8,9	0,9	13,5	24,5
Обработка металлов	294,3	736,6	57,9	1088,8	320,7	220,3	541,0	100,6	33,6	4,8	139,0	408,8
Обработка дерева	48,2	274,1	2,9	325,2	57,9	94,8	152,6	8,8	28,6	36,4	73,8	98,8
Химическая промышленность	94,8	217,0	38,1	349,9	66,0	24,0	90,0	21,4	69,5	3,4	94,3	165,6
Пищевая промышленность	66,7	3049,4	32,8	3148,9	226,7	7,3	234,0	22,1	969,1	53,5	1044,7	1870,2
Текстильная промышленность	273,3	1614,8	150,2	2038,3	645,0	41,8	686,8	40,2	558,3	4,8	603,3	748,2
Обработка бумаги	19,3	69,9	13,8	103,0	40,7	8,9	49,6	5,1	23,9	0,1	29,1	24,3

Исчислено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. Ч. 2. С. 178—183.

ского хозяйства проявлялось и здесь, причем двояким образом. Во-первых, сельскохозяйственные товары были частью биржевого оборота. Во-вторых, рост платежеспособного спроса деревни влек за собой увеличение оптового оборота с промышленными товарами. О том, что рост деревенского спроса заметно влиял на увеличение товарооборота, свидетельствует наличие положительной взаимосвязи между отпуском промышленных и сельскохозяйственных товаров, а также между размерами крестьянских продаж и оборотами производственных объединений ВСНХ.

Об этом же говорят и результаты факторного анализа, проведенного при устранении дублирующих друг друга переменных и некоторой детализации отпуска промышленных товаров и продажи сельскохозяйственных продуктов. В первый (главный) фактор вошли: продажа трестов и синдикатов (+0,919), обороты товарных бирж с сельскохозяйственными товарами (+0,876) и сельский розничный товарный оборот (+0,877). Значит, обмен между крупной социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами имел решающее значение для развития рынка.

Если деревня предлагала городу сельскохозяйственные излишки, то точно так же и город мог предложить деревне не всю промышленную продукцию, а только ту ее часть, которая оставалась после производственного потребления промышленности, строительства, торговли и транспорта, коллективного потребления учреждений, личного потребления городского населения, а также экспорта. В табл. 47 приведены балансы промышленной продукции по отраслям производства. Производственное потребление в большинстве случаев составляло от 33,7 до 67,3 % поступления промышленной продукции, и только в химической и пищевой промышленности оно снижалось до 25,7 и 7,4 % соответственно. Непроизводственное потребление неземледельческого сектора было равно 11,6 — 33,2 %. На долю крестьянского потребления и производства запасов оставалось в большинстве случаев от 21,1 до 36,7 % поступления промышленной продукции, и только в химической и пищевой промышленности эта доля увеличивалась до 47,3 и 59,4 % соответственно. Но при этом следует учесть, что производство запасов, доля которых никогда не опускалась ниже 12 %, было совершенно необходимо для бесперебойной работы промышленности, а это, в свою очередь, уменьшало долю потребления промышленной продукции крестьянским населением. Так, в 1923/24 г. крестьянское потребление составило 31,3 % всего поступления промышленной продукции³⁵. Для сравнения укажем, что и крестьяне в 1923/24 г. реализовывали через рынок 30,0 % продукции сельского хозяйства³⁶.

Накопившиеся в народном хозяйстве запасы продуктов промышленности практически не влияли на личное потребление сельского и городского населения, но сильно коррелировали с потреблением промышленных товаров со стороны промышленности, строительства, транспорта, торговли и учреждений (см. табл. 48). Это можно объяснить составом запасов. Остродефицитные товары

личного потребления в составе запасов почти не присутствовали, а основная их масса состояла из полуфабрикатов, топлива, орудий производства и строительных материалов. Точно так же ввозимые из-за рубежа промышленные товары служили прежде всего нуждам промышленности и учреждений. Поэтому личное потребление как сельского, так и городского населения имело основным своим источником валовую продукцию промышленности, а не все поступавшие в народное хозяйство промышленные товары. Размеры валовой продукции определяли также и величину экспорта промышленных товаров. При этом положительная взаимосвязь между личным потреблением городского и сельского населения свидетельствует о том, что государство стремилось к равномерному распределению промышленных товаров между городом и деревней. Весьма примечателен тот факт, что потребление крестьянами промышленных товаров было связано в первую очередь с запросами членов крестьянской семьи. Хозяйственные нужды крестьянского двора имели второстепенное значение. На схеме 11 изображена структура взаимосвязей между рассмотренными переменными.

Таблица 48. Коэффициенты корреляции между статьями баланса промышленной продукции (по отпускным ценам)

Статья баланса	1	2	3	4	5	6
1. Запасы на начало года	1	+0,283	+0,719	+0,408	+0,830	+0,562
2. Валовая продукция	+0,283	1	+0,461	+0,991	+0,569	-0,156
3. Импорт	+0,719	+0,461	1	+0,556	+0,842	+0,059
4. Итого поступления	+0,408	+0,991	+0,556	1	+0,663	-0,083
5. Потреблено промышленностью	+0,830	+0,569	+0,842	+0,663	1	+0,195
6. Потреблено строительством, торговлей и транспортом	+0,562	-0,156	+0,059	-0,083	+0,195	1
7. Потреблено городским населением	+0,126	+0,969	+0,455	+0,944	+0,501	-0,372
8. Потреблено учреждениями	+0,837	+0,240	+0,525	+0,340	+0,527	+0,642
9. Экспорт	+0,059	+0,587	-0,149	+0,551	+0,145	-0,020
10. Хозяйственное потребление сельского населения	+0,360	+0,627	+0,152	+0,635	+0,259	+0,451
11. Личное потребление сельского населения	-0,027	+0,935	+0,200	+0,884	+0,255	-0,340
12. Всего потреблено сельским населением	+0,011	+0,943	+0,203	+0,896	+0,266	-0,275
13. Остаток в промышленности	+0,980	+0,293	+0,824	+0,419	+0,887	+0,464
14. Остаток в торговле	+0,625	+0,195	+0,578	+0,278	+0,787	+0,058

Исчислено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. Ч. 2. С. 178—183.

Зависимость между валовой продукцией промышленности и крестьянским потреблением промышленных товаров делает необходимым рассмотрение переменных, влиявших на объем промышленной продукции. Основными производственными факторами обычно считаются число рабочих и производственное оборудование — труд и капитал. Однако в 20-е годы наряду с ними большое значение имели и другие факторы. Важным было, в какой мере предприятие обеспечено сырьем, топливом, оборотными средствами. Кроме того, особую проблему представляли изношенность оборудования, реальная мощность двигательных установок. В табл. 49 приведены коэффициенты корреляции между отмеченными выше переменными.

В ряду факторов, определявших объем промышленного производства в 20-е годы, наиболее важное значение имели состояние основных фондов, обеспеченность сырьем и банковские кредиты. Это было связано с рядом обстоятельств. Первой трудностью, с которой столкнулась промышленность, была нехватка топлива³⁷. Однако решение топливной проблемы осуществлялось настолько быстрыми темпами, что к 1924/25 г. образовался избыток, а запасам угля, увеличивавшимся из месяца в месяц, грозило даже самовозгорание³⁸. По мере улучшения снабжения промышленности топливом на передний план все более выдвигались сырьевые

7	8	9	10	11	12	13	14
+0,126	+0,837	+0,059	+0,360	-0,027	+0,011	+0,980	+0,625
+0,969	+0,240	+0,587	+0,627	+0,935	+0,943	+0,293	+0,195
+0,455	+0,525	-0,149	+0,152	+0,200	+0,203	+0,824	+0,578
+0,944	+0,340	+0,551	+0,635	+0,884	+0,896	+0,419	+0,278
+0,501	+0,527	+0,145	+0,259	+0,255	+0,266	+0,887	+0,787
-0,372	+0,642	-0,020	+0,451	-0,340	-0,275	+0,464	+0,058
1	+0,069	+0,495	+0,473	+0,941	+0,932	+0,172	+0,166
+0,069	1	-0,060	+0,647	+0,016	+0,080	+0,774	+0,109
+0,495	-0,060	1	+0,462	+0,625	+0,634	-0,026	+0,113
+0,473	+0,647	+0,462	1	+0,555	+0,623	+0,264	-0,282
+0,941	+0,016	+0,625	+0,555	1	+0,997	-0,146	-0,053
+0,932	+0,080	+0,634	+0,623	+0,997	1	-0,046	-0,078
+0,172	+0,774	-0,026	+0,264	-0,146	-0,046	1	+0,673
+0,166	+0,109	+0,113	-0,282	-0,053	-0,078	+0,673	1

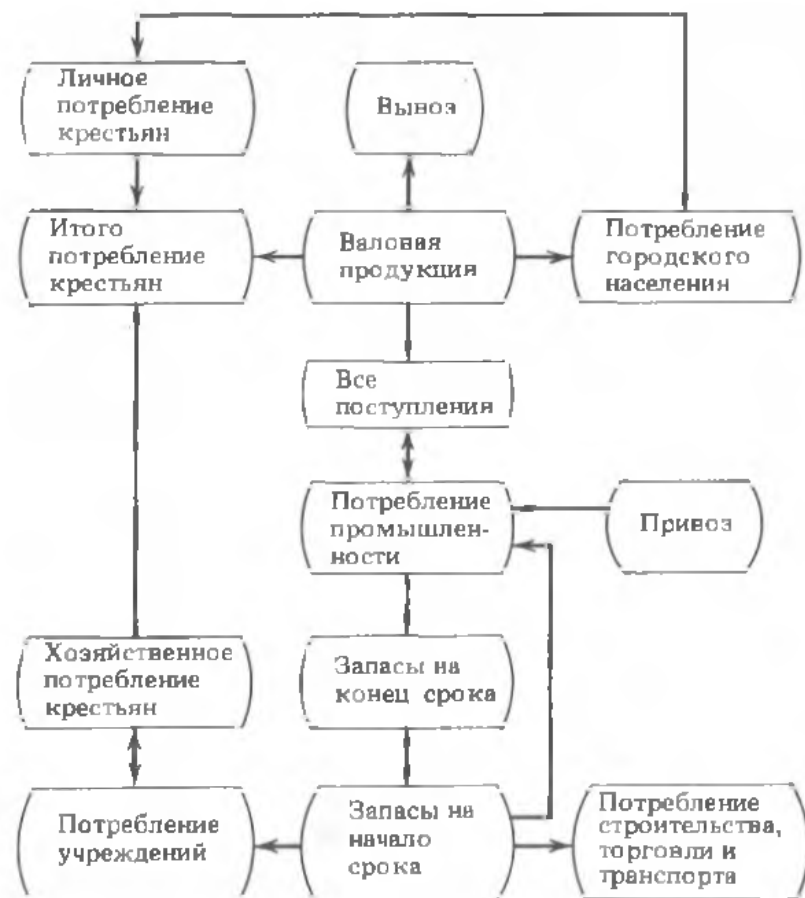

Схема 11. Взаимодействие между статьями баланса промышленной продукции, 1923/24 г.

затруднения, связанные как с нехваткой сырья, так и с его вздорожанием. Последнее обстоятельство придавало особое значение наличию у промышленности оборотных средств. С 1923/24 г., не говоря уже о предшествующих годах, все амортизационные фонды промышленности и прибыли, оставленные в ее распоряже-

Таблица 49. Коэффициенты корреляции между показателями, характеризующими работу промышленности

Переменная	1	2	3	4
1. Валовая продукция	1	+0,885	+0,448	+0,659
2. Основные фонды	+0,885	1	+0,484	+0,466
3. Мощность двигательных установок	+0,448	+0,484	1	+0,356
4. Число рабочих	+0,659	+0,466	+0,356	1
5. Оборотные средства	+0,939	+0,378	+0,448	+0,863
6. Потребление сырья	+0,809	+0,662	+0,323	+0,584
7. В том числе сельскохозяйственного	+0,782	+0,628	+0,175	+0,412
8. Потребление топлива	+0,549	+0,788	+0,868	+0,399

ние, вкладывались в оборотные средства, составлявшие основу развертывания производства в условиях восстановительного процесса. При этом размеры капитальных затрат не покрывали стоимости износа оборудования, что приводило к проеданию капитала, превращению части основных фондов в оборотные средства. Однако в начале 20-х годов это не вызывало беспокойства, так как часть промышленных предприятий с имевшимися у них основными фондами бездействовали по причине нехватки оборотных средств³⁹.

По мере развертывания промышленного производства и вовлечения в промышленную деятельность ранее бездействовавших предприятий проблема нехватки основных фондов становится острой. В 1924—1925 гг. промышленность уже вплотную подошла к пределу возможной активизации старого оборудования и стоимость капитальных затрат впервые превысила размеры текущего годового износа. В 1925/26 г. под влиянием нехватки оборудования темпы прироста промышленной продукции сократились и на первый план вышла уже проблема технической реконструкции⁴⁰. При этом проблема оборотных средств не потеряла своей остроты из-за вздорожания сельскохозяйственного сырья и строительных материалов, роста издержек на рабочую силу. Вместе с тем новые источники оборотных средств не создавались, практически закрылся и старый их источник, связанный с «проеданием» основных фондов.

Все это ставило промышленность в зависимость от финансирования, которое осуществлялось по двум каналам: через ссуды Народного комиссариата финансов, производившиеся из государственного бюджета, и через банковское кредитование, имевшее своими источниками вклады, текущие счета и эмиссию банкнот. В течение 20-х годов роль бюджетного финансирования все более отодвигалась на второй план, а значение банковского кредита постоянно увеличивалось. Коэффициент корреляции между валово-

Таблица 49 (окончание)

Переменная	5	6	7	8
1. Валовая продукция	+0,939	+0,809	+0,782	+0,549
2. Основные фонды	+0,378	+0,662	+0,628	+0,788
3. Мощность двигательных установок	+0,448	+0,323	+0,175	+0,868
4. Число рабочих	+0,863	+0,584	+0,412	+0,399
5. Оборотные средства	1	+0,898	+0,771	+0,552
6. Потребление сырья	+0,898	1	+0,516	+0,442
7. В том числе сельскохозяйственного	+0,771	+0,516	1	+0,276
8. Потребление топлива	+0,552	+0,442	+0,276	1

Исчислено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. Ч. 2. С. 77—183; Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. С. 2—67.

вой продукцией промышленности и задолженностью ее банкам в середине 20-х годов был равен $+0,792$ ⁴¹. Возвращаясь к табл. 45, замечаем, что учетно-ссудные операции теснее были связаны с денежным обращением, чем с остатками вкладов и текущих счетов. Дело в том, что промышленность из-за недостатка оборотных средств и население из-за близости доходов к прожиточному минимуму не благоприятствовали развитию вкладных операций. Взаимосвязь между кредитованием и денежным обращением ставила и промышленную продукцию в зависимость от денежной массы ($r = +0,877$)⁴².

Таким образом, и денежный доход крестьян, и валовая продукция промышленности зависели в конечном счете от количества обращавшихся в стране денежных знаков. С увеличением денежного обращения росла промышленная продукция, повышался денежный доход крестьян. Однако рост количества денег у крестьян и валовой продукции промышленности происходил разными темпами. Коэффициенты регрессии показывают, что при увеличении денежной массы на один рубль денежный доход крестьян

Таблица 50. Коэффициенты корреляции между показателями, характеризующими себестоимость промышленной продукции

Переменная	1	2	3	4
1. Коммерческая себестоимость	1	+0,968	+0,918	+0,640
2. Издержки производства	+0,968	1	+0,932	+0,732
3. Затраты на сырье и вспомогательные материалы	+0,918	+0,932	1	+0,921
В том числе:				
4. промышленного происхождения	+0,640	+0,732	+0,921	1
5. сельскохозяйственного происхождения	+0,570	+0,575	+0,642	-0,005
6. Затраты на топливо и электроэнергию	+0,643	+0,688	+0,540	+0,276
7. Затраты на амортизацию	+0,672	+0,585	+0,459	+0,234
8. Затраты на рабочую силу	+0,928	+0,977	+0,883	+0,742
9. Общеадминистративные расходы	+0,898	+0,895	+0,764	+0,597
10. Торговые расходы	+0,506	+0,381	+0,509	+0,067
11. Транспортные расходы	+0,158	-0,008	-0,105	-0,097
12. Уплата процентов по кредитам	+0,863	+0,821	+0,752	+0,504

Исчислено по: Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. С. 53—63.

возрастал на 21 коп, а промышленная продукция — на 25 коп.⁴³ Для правильных взаимоотношений между городом и деревней важно было, чтобы та часть денежного дохода крестьян, которая расходовалась ими на приобретение промышленных товаров, примерно соответствовала рыночной стоимости поступавших в деревню изделий промышленности. Решить эту проблему можно было на основе рыночного равновесия промышленных цен.

В отличие от сельскохозяйственных цен, зависевших прежде всего от размеров товарной сельскохозяйственной массы, цены промышленных изделий зависели от их себестоимости. Последняя складывалась из издержек производства (расходов на сырье, вспомогательные материалы, топливо, электроэнергию, амортизацию и рабочую силу), общеадминистративных, торговых и транспортных расходов, а также издержек, связанных с уплатой процентов по кредитам. В табл.50 приведены коэффициенты корреляции между этими переменными.

Наиболее заметное воздействие на коммерческую себестоимость промышленных товаров оказывали издержки производства. Среди них первостепенное значение имели затраты на рабочую силу, сырье и вспомогательные материалы. Наряду с издержками производства существенное влияние на себестоимость оказывали

5	6	7	8	9	10	11	12
+0,570	+0,643	+0,672	+0,928	+0,898	+0,506	+0,158	+0,863
+0,575	+0,688	+0,585	+0,977	+0,895	+0,381	-0,008	+0,821
+0,642	+0,540	+0,459	+0,883	+0,764	+0,509	-0,105	+0,752
-0,005	+0,276	+0,234	+0,742	+0,597	+0,067	-0,097	+0,504
1	+0,509	+0,433	+0,486	+0,475	+0,709	-0,047	+0,567
+0,509	1	+0,320	+0,633	+0,487	+0,087	-0,109	+0,804
+0,433	+0,320	1	+0,493	+0,789	+0,683	+0,766	+0,602
+0,486	+0,633	+0,493	1	+0,888	+0,246	-0,103	+0,731
+0,475	+0,487	+0,789	+0,888	1	+0,431	+0,284	+0,647
+0,709	+0,087	+0,683	+0,246	+0,431	1	+0,484	+0,459
-0,047	-0,109	+0,766	-0,103	+0,284	+0,484	1	+0,216
+0,567	+0,804	+0,602	+0,731	+0,647	+0,459	+0,216	1

уплата процентов по кредитам и общеадминистративные расходы.

Проблеме снижения себестоимости уделялось в 20-е годы большое внимание. «Прямой обязанностью органов промышленности перед партией, рабочим классом и страной является задача понижения себестоимости», — указывалось в решениях партии⁴⁴. Предполагалось, что это дало бы возможность снизить отпускные, а вслед за ними и розничные цены на промышленные изделия при сохранении прежних размеров внутрипромышленного накопления, необходимого для технической реконструкции промышленности, ее индустриализации. Снижение промышленных цен позволило бы преодолеть их заметное превышение над сельскохозяйственными по сравнению с существовавшим до войны уровнем. Однако проблема рыночного равновесия промышленных цен, их соответствия спросу не принималась в расчет. Из-за этого мероприятия по снижению цен на промышленные изделия, деформируя всю структуру рыночных цен, объективно способствовали повышению себестоимости промышленных товаров.

Надо сказать, что решить проблему снижения себестоимости промышленной продукции означало переломить те тенденции в развитии народного хозяйства, которые вызывались рассмотренным выше механизмом экономических взаимоотношений. Рост денежного обращения, связанный как с необходимостью наиболее полного изъятия излишков сельскохозяйственной продукции, так и с восполнением нужд промышленности в оборотных средствах, приводил к увеличению направленного в деревню денежного потока. Объективно это означало повышение рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов, значительная часть которых использовалась промышленностью в качестве сырья. Наряду с удорожанием затрат на сырье повышение сельскохозяйственных цен влекло за собой снижение жизненного уровня городского населения, большинство которого было занято в промышленности. Это приводило к росту заработной платы и увеличению расходов на рабочую силу. В конечном счете промышленность ощущала усиление недостатка оборотных средств, что приводило к новым кредитам, и виток взаимосвязей, начатый с роста денежного обращения, получал дополнительный импульс. Следовательно, повышение цен на сельскохозяйственное сырье многократно отражалось на себестоимости промышленной продукции. Коэффициент регрессии показывает, что при удорожании сельскохозяйственного сырья на один рубль себестоимость промышленной продукции увеличивалась на 2 руб. 36 коп. В этих условиях существование ножниц цен на промышленные и сельскохозяйственные товары было неизбежностью. С увеличением раствора ножниц цен возникала угроза расхождения между количеством промышленных товаров и покупательной способностью деревни. Следствием такого расхождения явился бы кризис сбыта и снижение темпов промышленного развития.

Смычка города и деревни явилась решающим фактором в деле

установления и последующего укрепления экономического союза между рабочим классом и трудящимся крестьянством. Предоставляя крестьянству право свободно распоряжаться сельскохозяйственными излишками, допуская рыночные отношения и ориентируя промышленность на выпуск необходимых крестьянину товаров по доступным ему ценам, государство диктатуры пролетариата смогло в короткий срок восстановить разрушенное в годы империалистической и гражданской войн народное хозяйство, перейти к его реконструкции.

Вместе с тем союз рабочего класса и трудящегося крестьянства осуществлялся в противоречивых экономических формах. Крупным социалистическим предприятиям в промышленности противостояла мелкотоварная распыленность деревни. Это придавало смычке неустойчивый характер. На гребне восстановительной волны противоречия между социалистическим городом и мелкотоварной деревней не были заметны. Однако они со всей отчетливостью обнаружались в реконструктивный период.

Эволюция экономических взаимоотношений

Рассмотренные выше закономерности позволяют перейти к освещению экономических взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами как развивавшегося во времени процесса, оказывавшего заметное воздействие на все народнохозяйственные изменения в 20-е годы. Мы начнем наше рассмотрение с того времени, когда в стране был возрожден сельскохозяйственный рынок и основная масса хлеба стала поступать не в форме натурального налога, а через торговлю. Предшествующий этап вплоть до конца 1922 г. освещен нами в шестой главе. С 1923 г. экономический механизм смычки получил полное воплощение в реальной жизни.

«Оздоровляющее влияние новой экономической политики на хозяйственную жизнь страны бесспорно», — указывал XII съезд РКП(б)⁴⁵. Благодаря воссозданию банковской системы произошел резкий перелом в финансировании государственной промышленности. На 1 декабря 1922 г. остаток задолженности промышленных предприятий банкам составил всего лишь 4,0 млн червонных руб. На протяжении 1923 г. он неуклонно увеличивался, достигнув к 1 декабря 1923 г. 196,7 млн червонных руб. Таким образом, банковские кредиты возросли почти в 50 раз. Наряду с банками большую помощь государственной промышленности оказывал Наркомфин. Ее финансирование из средств государственного бюджета в 1923 г. составило 201,1 млн червонных руб. Если присоединить к этому авансы по государственным заказам на сумму около 300 млн червонных руб., то влитые в государственную промышленность в 1923 г. денежные средства окажутся весьма внушительными. В то же время за счет уплаты налогов промышленность вернула государству за тот же срок только 99,1 млн червонных руб.⁴⁶

В результате оборотные средства промышленности составили в 1923 г. 1373 млн червонных руб. Это позволило полнее использовать имевшееся оборудование, ввести в строй ряд законсервированных предприятий. Общее число действовавших государственных фабрик и заводов достигло 1380⁴⁷. Увеличилась и численность фабрично-заводских рабочих. Их среднее списочное число возросло с 1047 тыс. в декабре 1922 г. до 1196 тыс. в декабре 1923 г., т. е. на 14,2 %⁴⁸.

Таким образом, целый ряд производственных факторов благоприятствовал развитию государственной промышленности, благодаря чему ее продукция в довоенных ценах возросла с 280 млн руб. в последнем квартале 1922 г. до 352 млн руб. в последнем квартале 1923 г., т. е. на 25,7 %⁴⁹. При этом, судя по индексам физического объема промышленного производства, наибольший рост обнаружила продукция добывающей промышленности (35,5 %), вслед за ней шла легкая промышленность (25,3 %), а на последнем месте находилась тяжелая индустрия (22,2 %)⁵⁰.

Однако загрузка предприятий и размер их производства были еще низкими. Например, средняя месячная продукция на одного рабочего составляла в декабре 1923 г. всего 95,4 довоенных руб., в то время как в 1913 г. она была равна 145,0 руб.⁵¹ Это определило относительно высокие расходы на оплату труда, топлива и транспортные перевозки. Если в декабре 1922 г. доля выплаченной зарплаты в стоимости продукции составляла 11,2 %, то в декабре 1923 г. она увеличилась до 14,4 %⁵². Неблагоприятным было соотношение между производственными рабочими и обслуживающим персоналом. Кроме того, промышленность несла высокие расходы по содержанию законсервированных предприятий.

Все это приводило к тому, что по целому ряду отраслей производство было убыточным. Например, в угольной промышленности средняя себестоимость составляла 21,0 коп. за пуд, а плановая цена была равна 17,2 коп. за пуд⁵³. Такое же положение сложилось в металлической промышленности и в ряде отраслей легкой индустрии.

«Таким образом, еще не достигнутая — вследствие всей совокупности условий хозяйства — здоровая регулировка цен легкой промышленности (крайняя высота их при недостижении ими зачастую восстановительного уровня) и отставание тяжелой промышленности от легкой представляют собой главный пассив первого периода нэпа, вызванный как общим состоянием хозяйства до нэпа, так и неизбежной ломкой хозяйственных отношений при переходе к нэпу», — констатировал XII съезд РКП(б)⁵⁴.

1923 г. был первым годом, когда сельское хозяйство обнаружило признаки подъема почти во всех регионах СССР. Общая посевная площадь с 58,7 млн дес. в 1922 г. увеличилась до 69,9 млн дес. в 1923 г. и достигла 80,8 % от довоенной площади. При этом западные и центральные районы восстанавливались быстрее, чем южные и восточные. В Центрально-Промышленной области посе-

ная площадь даже превысила довоенный уровень, а в Северо-Западном районе вплотную приблизилась к нему⁵⁵.

Проявившаяся здесь тенденция была прямо противоположна довоенной, когда площади посевов уменьшались на северо-западе и увеличивались на юго-востоке. Прежде всего это было связано с разрывом между промышленными и сельскохозяйственными регионами со времени первой мировой войны, стимулировавшим рост сельскохозяйственного производства в потребляющей полосе. Другой причиной отмеченного явления было то, что результаты новой экономической политики полнее и быстрее проявились в индустриально развитых центрах, чем на сельскохозяйственных окраинах.

Влияние экономической смычки четче всего обнаруживается при рассмотрении изменения посевных площадей под отдельными культурами. По сравнению с 1922 г. в 1923 г. наибольший прирост дали посевы под рыночными культурами, такими, как яровая пшеница (38,2 %), ячмень (58,0 %), конопля (50,1 %), сахарная свекла (40,1 %), табак (133,3 %) и хлопок (218,8 %). Посевы же продовольственных культур дали умеренный прирост (рожь — на 14,0 %, гречиха — на 13,4 %) или уменьшились (просо — на 18,3 %)⁵⁶. Таким образом, в динамике посевных площадей ясно обозначилась тяга крестьянина к рынку.

По сравнению с изменением посевов динамика поголовья скота представляется незначительной. Максимальный прирост дал мелкий скот (свиньи — на 6,6 %, овцы и козы — на 5,3 %). Поголовье коров увеличилось всего на 3,3 %, а количество рабочих лошадей даже уменьшилось на 1,8 %⁵⁷. В литературе это обычно связывают с последствиями голода 1921 г.⁵⁸ Тогда непонятно, почему в не пострадавших от голода губерниях проявилась та же тенденция. Нам представляется, что основной причиной был не голод, а измельчание размеров крестьянских дворов, препятствовавшее воссозданию животноводства. Изменение соотношения между полеводством и скотоводством обнаружилось еще в начале XX в., причем начало этого процесса в точности совпало с волной крестьянских разделов. В начале 20-х годов наблюдалась новая волна разделов крестьянских хозяйств⁵⁹.

Для оценки воздействия экономической смычки на крестьянское скотоводство следует обратить внимание на состояние молодняка. Если в 1922 г. поголовье молодняка крупного рогатого скота составляло 13,2 млн (67,5 % от численности коров), то в 1923 г. оно увеличилось до 15,8 млн (78,5 % от численности коров), т. е. на 20,6 %⁶⁰. Ясно, что основная масса этого молодняка предназначалась на убой и в росте его численности также проявилось стремление крестьян торговать.

«... Торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом хозяйственный подъем», — говорил В. И. Ленин⁶¹. В 1923 г. рынок заметно укрепился. Общее число

торговых заведений достигло 478,6 тыс. Из них 17,5 тыс. (3,7 %) принадлежало государству, 35,7 тыс. (7,5 %) — кооперации и 425,4 тыс. (88,8 %) — частникам. Следовательно, численно частник преобладал, однако государственные и кооперативные заведения были крупнее. При общих торговых оборотах в 10 608 млн червонных руб. на долю государственной торговли приходилось 3025 млн (28,5 %), на долю кооперативной — 2750 млн (25,9 %) и на долю частной — 4833 млн червонных руб. (45,6 %) ⁶².

Своеобразная ситуация сложилась в области ценообразования. Цены на промышленную продукцию определялись в основном позицией трестов и синдикатов, бывших, в свою очередь, под давлением высоких производственных издержек. Требования рынка, находившегося в зависимости от платежеспособного спроса населения, мало принимались в расчет. Напротив, в погоне за растущими издержками синдикатам удалось добиться значительного подъема промышленных цен. Индекс оптовых цен на промышленные товары с 1,276 в декабре 1922 г. возрос до 2,731 в сентябре 1923 г., т. е. на 114,0 % ⁶³. О том, насколько были при этом превышены возможности рынка, свидетельствует соотношение оптовых цен с розничными. Если в декабре 1922 г. индекс розничных промышленных цен был выше оптового на 10,1 %, то в сентябре 1923 г. — ниже на 13,3 % ⁶⁴.

В отличие от промышленных сельскохозяйственные цены определялись в первую очередь рыночной ситуацией. Высокий урожай 1922 г. и успешный исход заготовительной кампании определили падение сельскохозяйственных цен, в особенности хлебных. Оно продолжалось до июня 1923 г., когда индекс цен хлебофуражной группы составил только 56 % от общего индекса ⁶⁵.

В июне действовал новый ценообразующий фактор — виды на урожай 1923 г. По данным ЦСУ, состояние посевов в 1923 г. было хуже, чем в 1922 г., на 0,5 балла. Такое понижение оценки следует признать довольно значительным, ибо оно составляло до 25 % от ожидаемого сбора. Поэтому оно должно было отразиться и на рыночных ценах, что можно установить, рассматривая районы, в которых колебания видов на урожай было особенно заметным. Ухудшение состояния посевов наблюдалось в потребляющей полосе, что привело к повышению хлебных цен на 14 % за первую декаду июня и на 17 % за вторую. Наиболее сильным снижением видов на урожай было в Приозерном районе и в Белоруссии, с чем было связано повышение цен на рожь в этих регионах на 22—45 %, а на пшеницу на 85—90 % ⁶⁶.

Заметное ухудшение состояния посевов не превратилось в недостаток. Как мы уже указывали, в 1923 г. значительно увеличилась посевная площадь, что и компенсировало понижение урожайности. В 1923 г. валовой сбор всех зерновых хлебов составил не меньше 2950 млн пудов, что было всего лишь на 4,7 % ниже сбора 1922 г. Поэтому 1923 г. дал значительные товарные излишки хлеба. Их общие размеры составили 494 млн пудов, что было лишь на 11,1 % ниже хлебных излишков 1922 г. ⁶⁷ В действитель-

ности же деревня, стремясь уплатить сельскохозяйственный налог и обеспечить себе необходимый минимум денег, реализовала 553 млн пудов хлеба урожая 1923 г.⁶⁸ Это привело к остановке роста хлебных цен, а затем и к их снижению, проявившемуся уже в августе 1923 г.

Изменения в соотношении цен в полной мере отразились на рыночной конъюнктуре. С мая 1923 г. имело место значительное расширение оборота товарных бирж, причем оборот совершался преимущественно с промышленными товарами, направлявшимися к городскому потребителю. В сентябре, когда в составе оборота значительно возрастал удельный вес сельскохозяйственных товаров и поэтому наблюдалось обычно оживление опта, произошло снижение размеров покупок и продаж, достигшее минимума в октябре (см. табл. 51).

Таблица 51. Торговый оборот во второй половине 1923 г.
(в млн червонных руб.)

Месяц	Московская товарная биржа	54 провинциаль- ные товарные биржи	89 производствен- ных объединений и синдикатов
Июль	155,6	73,4	79,0
Август	113,3	77,4	72,6
Сентябрь	98,1	73,7	84,0
Октябрь	80,8	69,7	53,3
Ноябрь	96,2	67,6	55,3
Декабрь	127,8	83,0	75,4

Источник: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета. Госплана. М., 1925. С. 466—471.

Цифры об оптовом товарообороте мало что говорят о состоянии розничного рынка. В этом плане более показательны сообщения добровольных корреспондентов сети отдела торговой конъюнктуры и цен Госплана. А они свидетельствовали о том, что летнее оживление в опте не сопровождалось таким же расширением розничного товарооборота. Все летнее время низовой рынок был депрессивен, а в сентябре депрессия переросла в кризис сбыта, охвативший всю страну.

Правда, частичное оживление низовых рынков наблюдалось в сентябре в Самаре, Одессе и Минске. Но оно носило неустойчивый характер, ограничивалось лишь отдельными товарами (хлебофуражом, сезонной мануфактурой и строительными материалами) и обуславливалось временными факторами (периодом заготовок и временным расширением кредитов).

Подавляющее большинство корреспондентов сообщали о полном затишье на рынке, причем отовсюду указывалась одна и та же причина отсутствия сбыта: низкая покупательная способность крестьян из-за обесценивания хлеба в отношении промышленных товаров (за один аршин ситца следовало заплатить стоимость

полутора-двух пудов хлеба), а также вследствие сдачи продналога (большей частью деньгами).

К этой общей причине прибавлялись еще и частные: неурожай в ряде потребляющих губерний (по сведениям Пскова, Твери, Череповца), плохие виды на урожай озимых культур на юге (Кременчуг, Полтава), отсутствие спроса на мануфактуру и обувь со стороны крестьян вследствие развивавшегося домашнего ткачества и сапожного промысла (Пенза, Симбирск, Кострома, Смоленск, Полтава) ⁶⁹.

Такое ненормальное состояние народного хозяйства в сфере товарооборота не могло не вызвать ответной реакции, отчасти стихийной, отчасти в виде регулирующего вмешательства государства. Стихийная реакция выразилась в том, что при затруднениях в сбыте промышленных изделий их производителям и продавцам пришлось идти на некоторые скидки с установленных ими цен в надежде на расширение сбыта. Частные и кооперативные магазины в течение октября и половины ноября объявляли льготные недели со сверхскидками с цен на промышленные товары. Однако крестьяне даже путем самого ограниченного предложения не могли добиться подъема сельскохозяйственных цен. Более того, потребность в деньгах вынуждала их выбрасывать на рынок дополнительное количество хлеба. При этом цены падали вслед за ростом предложения и увеличение продажи не сопровождалось заметным повышением дохода. В результате в деревне проявилось стремление отделиться от города путем развития домашней кожевенной промышленности и ткачества. К концу 1923 г. сведения об этом поступили практически со всей территории страны.

Решающую роль в преодолении кризиса сбыта сыграло регулирование цен государством. По всему промышленному производству начался пересмотр калькуляций и прейскурантов, в результате чего оптовый индекс промышленных цен с 2,028 в сентябре 1923 г. уменьшился до 1,306. в январе 1924 г., т. е. на 55,3 %. Одновременно по всему сельскому хозяйству усилились заготовки хлеба на экспорт, что привело к перелому в движении сельскохозяйственных цен в сторону их увеличения. Оптовый индекс сельскохозяйственных цен с 0,877 в октябре 1923 г. возрос до 1,642 в феврале 1924 г., т. е. на 87,2 % ⁷⁰.

Улучшение торговой конъюнктуры проявилось прежде всего в западных и южных губерниях, причем количество корреспонденций отдела торговой конъюнктуры и цен Госплана о некотором оживлении рынка убывало по направлению от юго-запада к северо-востоку. В конце ноября страна как бы разделилась на две половины: северо-восточную, где продолжался застой, и юго-западную, охваченную оживлением. С декабря сфера оживления расширилась, охватив черноземные и промышленные губернии. С конца января оживление приобрело повсеместный характер.

Интересно также рассмотреть динамику оживления рынка по отдельным группам товаров. Корреспондентские сообщения и данные бирж одинаково отмечали, что первоначально увели-

чился спрос на текстиль и продовольственные товары (соль, сахар, чай). Затем он распространился на керосин и махорку, а в конце декабря — на металлические товары (посуда, кровельное железо)⁷¹. Совершенно ясно, что это были товары преимущественно крестьянского потребления, шедшие в порядке их важности для сельского населения. Поэтому источником возрождавшегося спроса на рынке была деревня. В этом отличие декабрьского оживления рынка от летнего, затронувшего только оптовую торговлю и связанного с перемещением товаров из центра в периферию в ожидании розничной торговли в связи с реализацией урожая⁷². Это оживление и сменилось кризисом сбыта, связанного с тем, что поступившие в провинцию промышленные товары не нашли спроса со стороны крестьян из-за слабой покупательной способности деревни.

Партия сделала глубокие выводы из хозяйственных затруднений, связанных с кризисом сбыта. «Далеко не в достаточной мере было усвоено, что необходимость установления возможно более широкого обмена между городом и деревней была основной причиной перехода к новой экономической политике и что при нэпе дело снабжения крестьянства продуктами государственной промышленности является основной экономической задачей, — указывала XIII конференция РКП(б). — Переживаемые нами хозяйственные затруднения (кризис сбыта) в значительной степени объясняются недостаточным учетом этих указаний партии на роль и значение крестьянского хозяйства и на особенности, вытекающие из задачи осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Задача партии в дальнейшем должна заключаться в том, чтобы систематически и внимательно проводить указанную выше политику в области отношений между городом и деревней, не допуская экономически и политически вредных отклонений в сторону недооценки значения крестьянского хозяйства в общей экономической структуре страны».

Вместе с тем XIII партийная конференция отмечала, что «нынешний кризис отнюдь не может быть уподоблен тем кризисам бестоварья и бесхлебья, которые страна переживала в 1919—1920—1921 годах. Основные элементы народного хозяйства в целом (количество производимого угля, нефти, металла, хлопка, остающегося в руках крестьянства хлеба и пр.), несомненно, возросли. Кризис явился результатом несоответствия между этими отдельными отраслями народного хозяйства и в первую очередь неумения нашей госпромышленности и торговли проложить себе дорогу к крестьянскому массовому рынку»⁷³. К сожалению, не была принята во внимание одна из важнейших причин кризиса сбыта: чрезмерная централизация промышленности, позволившая ей диктовать цены рынку, не давшая возможности использовать рыночный механизм для ликвидации хозяйственных затруднений.

Так закончился первый период второго этапа развития эконо-

мической смычки между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. Протекал он отнюдь не гладко, но из него Коммунистическая партия и хозяйственные органы вышли обогащенные реальным опытом руководства рыночным хозяйством. Основным выводом, который сделала для себя партия, состоял в необходимости усиления планового начала. Именно в связи с этим перед Государственной плановой комиссией была поставлена новая задача: «Ближайшей обязанностью Госплана должно стать систематическое изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения»⁷⁴.

Однако научное планирование многоукладной экономики было едва ли разрешимой задачей. И если в 20-е годы существовали на этот счет иллюзии, то они во многом опирались на видимый успех административного вмешательства в ценообразование в конце 1923—начале 1924 г. Но за видимостью успеха скрывались весьма тяжелые для страны последствия. Не все из них раскрылись сразу, хотя одно из отрицательных явлений обнаружилось в первые месяцы 1924 г.

Осенний кризис сбыта был не просто быстро ликвидирован. Начавшееся торговое оживление достигло таких размеров, что уже в начале 1924 г. стали явно обнаруживаться признаки товарного голода на ситец, сахар и махорку. Рост низового спроса привел к увеличению оборотов товарных бирж. По сравнению с октябрём 1923 г. в феврале 1924 г. обороты Московской товарной биржи увеличились на 119,8 %, а обороты 70 провинциальных бирж — на 49,7 %⁷⁵. В марте, однако, наблюдалось снижение торговых оборотов, охватившее как опт, так и розницу. Оно было связано с теми условиями, которые формировались в момент проведения денежной реформы.

В шестой главе мы указывали, насколько настоятельной была потребность в создании твердой и устойчивой валюты для правильных взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством. Однако для успеха денежной реформы нужны были определенные экономические предпосылки. Во-первых, необходимо было добиться бездефицитности государственного бюджета. Во-вторых, следовало денатурализовать платежно-меновые отношения, особенно в сфере государственных финансов. В-третьих, необходимо было значительное развитие народного хозяйства и расширение товарного оборота. Все эти предпосылки сложились лишь к началу 1924 г. Очень важно было переломить укоренившуюся привычку хозяйственных органов при всех затруднениях рассчитывать на помощь со стороны банковской эмиссии.

Одной из важных мер, предпринятых в связи с подготовкой к реформе, было уменьшение размеров кредитования. Эта мера была суровым испытанием для промышленных и торговых организаций, проверкой их прочности. Именно сжатие кредита и повлияло наиболее заметно на размеры оптового товарооборота.

Другой причиной явилось проведение мероприятий по даль-

нейшему снижению промышленных цен, преследовавшее задачи достижения стационарности цен, а с другой — выравнивание соотношения между промышленными и сельскохозяйственными товарами.

Эта мера, затрагивая рентабельность, отразилась на промышленном производстве, общие размеры которого сократились в марте по сравнению с февралем на 6,3 %⁷⁶.

Надо сказать, что период, в который проводилась денежная реформа, был не совсем благоприятным для этой цели. Весенние месяцы в силу условий сельскохозяйственного производства характеризовались обычно понижающейся народнохозяйственной конъюнктурой. Товарооборот в это время несколько уменьшился, суживались размеры денежной массы. В то же время товарные цены испытывали некоторый подъем, обусловленный ростом цен на сельскохозяйственные продукты. В силу этого достижение стабильности покупательной силы денег становилось более трудной задачей.

Состояние государственных финансов весной было обычно также более напряженным, ибо поступление доходов падало из-за сокращения размеров сельскохозяйственного налога, а расходы росли вследствие увеличения кредитования сельского хозяйства и строительно-ремонтных работ. Поэтому сбалансировать расходы с доходами и тем более понизить дефицитность бюджета было в этот период сложнее, чем в какой-либо другой.

Проведение денежной реформы сопровождалось рядом затруднений, из которых одни были следствием прежде действовавшей денежной системы, а другие — техническими недочетами проведения реформы. К числу затруднений первого порядка следует отнести некоторые заминки в кредите, не связанные с сознательно проводимой кредитной регистрацией. Дело в том, что естественным следствием упразднения старой валюты были отлив вкладов и уменьшение текущих счетов как в кредитных учреждениях, так и в сберегательных кассах. В свое время стремление освободиться от потерь при держании падающей валюты вызвало искусственное увеличение вкладов и текущих счетов. Поскольку с проведением денежной реформы смысл в таких взносах исчез, то уменьшились и их размеры. В Государственном банке, например, уменьшение размеров вкладов и текущих счетов с января по апрель 1924 г. составило 5,2 %⁷⁷.

Другим затруднением было обострение разменного голода, проявившегося еще в предшествующий период и вызвавшего тогда усиление эмиссии совзнаков. С их ликвидацией разменный голод проявился вновь. В этот период в провинции появилось множество суррогатов разменных денег, таких, как банковские чеки, записки кооперативов и даже мелкие купюры иностранной валюты. Только в конце апреля в связи с увеличением в обороте мелких денег и снабжения ими провинции разменный голод стал ослабевать. Но за это время он затруднил товарный оборот, в особенности розничный.

Таблица 52. Количество денег в народном обращении в период проведения реформы (в млн червонных руб.)

Дата	Вид денег					Размен- ные бонны	Всего
	Соя- знаки	Банк- ноты	Транспорт- ные сертифи- каты	Государст- венные каз- начейские билеты	Сереб- ряная монета		
1923 г.							
1 октября	56,8	207,4	0,3	—	—	—	264,4
1 ноября	76,6	224,8	4,2	—	—	—	305,5
1 декабря	72,1	226,0	5,0	—	—	—	303,2
1924 г.							
1 января	59,5	237,2	9,6	—	—	—	306,3
1 февраля	40,6	259,2	12,4	—	—	—	312,2
1 марта	27,1	286,9	19,2	19,6	3,8	0,2	356,8
1 апреля	15,3	289,7	20,7	54,6	10,0	3,1	393,4
1 мая	14,8	295,1	21,1	85,2	12,7	10,6	439,5
1 июня	—	283,1	20,5	124,1	16,7	15,7	460,0

Источник: Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 320, 334.

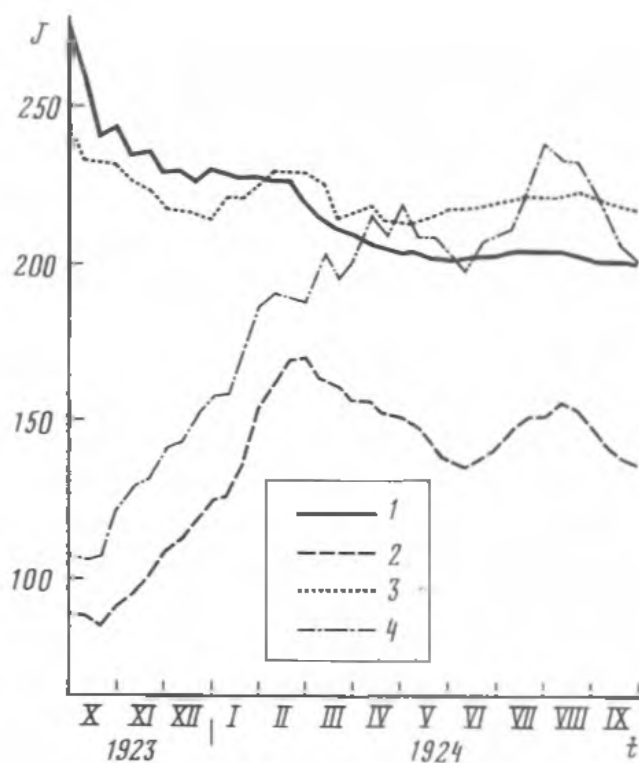
В табл. 52 приведены данные о том, как менялись размеры денежного обращения в период проведения реформы. До 1924 г. в составе денежной массы находилось 17—26 % мелких денег, роль которых выполняли совзнаки. После закрепления курса обнаружилась недостаточность этой нормы и количество мелких денег пришлось увеличить до 38,4 %. Дело в том, что со стабилизацией валюты произошло резкое снижение скорости денежного обращения. Этот факт не был вовремя принят во внимание и вызвал разменный голод.

В целом проведение денежной реформы явилось крупным шагом на пути развития товарно-денежных отношений. Однако чтобы сделать этот шаг, народное хозяйство было вынуждено понести определенные жертвы. Эти жертвы были необходимы для преодоления отрицательных тенденций, созданных инфляционной валютой, и они окупались обратным потоком благоприятных последствий, которые вызвала твердая валюта.

Уже с мая началось новое оживление рынка, прерванное в июне сельскохозяйственными полевыми работами, а с июля вновь развивавшееся вплоть до реализации нового урожая. В июле—сентябре большинство провинциальных корреспондентов сообщали о недостатке основных предметов крестьянского потребления: ситца, керосина, соли, сахара, табака и махорки⁷⁸. Показательны в этом плане были итоги работы Нижегородской ярмарки в 1924 г., где товары широкого потребления пришлось не продавать, а распределять между покупателями. Распределительные тенденции, в противовес рыночным, при реализации дефицитных товаров сохранились и в дальнейшем.

Диаграмма 8. Индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, октябрь 1923—сентябрь 1924 гг.

Оптовые цены: 1 — промышленные; 2 — сельскохозяйственные. Розничные цены: 3 — промышленные; 4 — сельскохозяйственные.

Диагр. 8 показывает нам основную причину оживления. Если раньше цены на промышленные товары были значительно выше сельскохозяйственных, то с конца 1923 г. началось их сближение, и в мае 1924 г. отношение оптовых промышленных цен к сельскохозяйственным оказалось равным 1,35 (против 3,10 в октябре 1923 г.).

Еще больше сблизились розничные цены. В октябре 1923 г. «ножницы» цен по розничному индексу раздвинулись до 2,28, а в мае 1924 г. они сомкнулись до 0,98. Соотношение оптовых и розничных цен являлось своеобразным индикатором оживления. Если в области сельскохозяйственных цен розничный индекс всегда был выше оптового, то иная картина наблюдалась в сфере промышленных цен. Здесь до февраля 1924 г. оптовый индекс был выше розничного, а затем розничные цены обогнали оптовые, сблизившись с ними в марте, а потом вновь разошлись. Периоды превышения оптового индекса над розничным, как и моменты их сближения, указывали на депрессивные состояния рынка, в то время как превышение розничного индекса над оптовым из-за надбавок к ценам со стороны частных торговцев совпадало с рыночным оживлением. Обращает на себя внимание также значительное увеличение сельскохозяйственных цен в июле—августе. Оно было связано с ростом хлебных цен в связи с ухудшающимися видами на урожай.

Параллельно рыночному оживлению шло, подталкивая его и форсируемое им, развитие промышленности, выразившееся как в росте продукции, так и в рационализации производства и улучшении его организационных форм. Валовая продукция крупной государственной промышленности увеличилась с октября 1923 г. по сентябрь 1924 г. на 28,1%⁷⁹. Продукция всей цензовой промышленности достигла 42% от довоенной⁸⁰. Рост валовой продукции шел непрерывно из месяца в месяц. При этом легкая промышленность росла по-прежнему быстрее, чем тяжелая. В составе легкой промышленности наибольший рост дали пищевая (76%), бумажная (54%), химическая (52%) и текстильная (32%), а в тяжелой — силикатная (42%), горнодобывающая

(35 %), электротехническая (35 %) и металлическая (25 %). При этом продукция металлической промышленности не превысила 20 % от довоенной⁸¹. В связи с этим наметились диспропорции в развитии отдельных отраслей промышленности. Эта диспропорциональность была вызвана большим или меньшим разрушением отраслей в период гражданской войны, направлениями развития потребительского спроса, а также условиями сырьевого снабжения.

В 1921—1923 гг. развитие промышленности шло экстенсивно: вовлекалось в работу все большее количество предприятий, машин и станков, непрерывно увеличивалось количество рабочих. В 1924 г. к количественному росту вовлекаемого в производство оборудования и рабочей силы присоединилось и качественно лучшее их использование. Ранее рост продукции от квартала к кварталу отставал от увеличения занятой рабочей силы. В 1924 г. не только темпы увеличения продукции превзошли рост рабочей силы, но и в целом ряде отраслей продукция росла при сокращении числа рабочих⁸².

Одновременно с этими количественными и качественными достижениями промышленность после осеннего сбыта 1923 г. стала все больше ориентироваться на рынок, причем если в 1923 г. на рынок ориентировалась только легкая промышленность, то в 1924 г. и тяжелая индустрия. Это получило выражение в развитии кредитных отношений в тяжелой промышленности, в заметном освобождении ее от бюджетного финансирования. Рост задолженности промышленности банкам на 1 октября 1924 г. увеличился на 157,6 %⁸³. В условиях низких промышленных цен в государственной торговле промышленные тресты стали устанавливать прямые контакты с частными торговыми фирмами. Некоторые тресты до 40 % своей продукции реализовывали через частные оптово-розничные магазины.

В результате этого государственной промышленности удалось в значительной мере вытеснить кустарные изделия с сельскохозяйственного рынка. Если в начале 1924 г. корреспондентская сеть отдела конъюнктуры и цен Госплана сообщала о росте спроса крестьян на прялки, что свидетельствовало о развитии домашнего ткачества, то в конце года корреспонденты указывали на вытеснение самотканок с крестьянского рынка промышленным текстилем⁸⁴.

Так закончилась еще одна полоса в развитии товарных отношений между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством, характеризовавшаяся все прогрессирующим проникновением промышленных изделий в деревню.

Однако в конце 1924 г. этот процесс натолкнулся на факт пониженного урожая. В 1924 г. валовой сбор хлебов составил 2569 млн пудов, т. е. ниже урожая 1923 г. на 14,8 %. Соответственно понизились и хлебные излишки деревни до 439 млн пудов, что составляло 88,9 % от излишков 1923 г. и 79,4 % от фактической реализации хлеба в 1923 г.⁸⁵

Надо сказать, что уменьшение валовых сборов не было следствием сокращения посевных площадей. Напротив, в 1924 г. по сравнению с 1923 г. посевы ржи увеличились на 4,6 % (превысив, таким образом, уровень 1916 г. на 8,1 %), пшеницы — на 23,9 %, а всех зерновых культур — на 7,1 %. Заметно возросли также посевы технических культур: льна — на 22,7 %, конопли — на 22,2 %, подсолнуха — на 16,6 %, хлопка — на 29,4 %, сахарной свеклы — на 45,5 %⁸⁶. Заметно, что, как и в 1923 г., сильнее увеличивались посевы товарных культур, что свидетельствовало о рыночной ориентации крестьянского производства. Главную роль в частичном недороде сыграли почвенно-климатические факторы.

И хотя частичный неурожай зерновых компенсировался обильным сбором технических культур, он все-таки заметно сказался на росте сельскохозяйственных цен. Высокий уровень хлебных цен создавал угрозу устойчивости валюты и снижения жизненного уровня городского населения.

Для борьбы с ростом хлебных цен государство предприняло хлебную «интервенцию». На рынки неурожайных районов был направлен хлеб из государственных запасов. В августе были введены лимиты — предельные цены, по которым заготовители могли скупать хлеб. Для того чтобы не вызвать резкого снижения хлебозаготовок, лимиты регулярно пересматривались, но всегда они устанавливались ниже рыночных цен⁸⁷.

На политику лимитов крестьянство ответило сдержанным предложением хлеба. Размеры хлебозаготовок уменьшились, и покупательная способность деревни ослабла.

Наряду с воздействием на хлебный рынок государство предприняло и ряд других мер. Были уменьшены кредиты кооперации, производились перемещения свободных денежных средств из периферии в центр и из торговли в промышленность⁸⁸.

В связи с этим с ноября началось снижение торговых оборотов, продолжавшееся (если не учитывать январского 1925 г. предпраздничного оживления на Московской товарной бирже) до конца февраля. В последних числах февраля наблюдалось некоторое новое оживление розничной торговли на Северо-Западе, Западе, Северном Кавказе и отчасти в Сибири. Оживление касалось преимущественно тех районов, где улучшались виды на урожай озимых. В марте оживление розничной торговли наблюдалось уже почти повсеместно. Рос спрос на мануфактуру, кожаные изделия, галоши, сельскохозяйственные материалы⁸⁹.

В мае оживление было прервано началом полевых работ, а с июня оно развивалось вновь со все нарастающим темпом. При этом большинство провинциальных центров, а также Московская товарная биржа испытывали все увеличивающийся недостаток товаров, причем наиболее острую форму это явление приняло в потребляющих районах и на Урале в связи с усиленным отправлением товаров в производящие районы и в места ранних хлебных заготовок⁹⁰.

В связи с недостатком мануфактуры в июне—июле в ряде местностей обнаружили попытки преодоления товарного голода путем организации мелких кустарей и снабжения их пряжей. Из-за недостатка хлопчатобумажной пряжи в некоторых местах приступили к организации кустарного льнопрядения и льноткачества. Примечательно, что такая инициатива исходила от торговых предприятий со смешанным капиталом, например от акционерного общества «Ростовар»⁹¹.

Рост спроса при все увеличивавшемся недостатке товаров не мог в конце концов не отразиться на ценах. Так, в области динамики промышленных цен наблюдавшееся с момента денежной реформы снижение сменилось с июня 1925 г. тенденцией повышения. При этом следует учесть, что около 70 % оптового оборота представляло из себя плановое распределение имевшихся в недостатке товаров по твердым плановым ценам. Поэтому первоначально повышение цен охватило те 30 % товаров, которые находились в относительном избытке. Ясно, что это уменьшило и без того недостаточный спрос на них. Лишь в августе был произведен пересмотр прейскуранта недостаточных товаров. Так, цены различных сортов тканей были увеличены от 3 до 16 %⁹². Это не уравнивало спрос и предложение, но повышало рентабельность производства тканей.

Повышавшаяся конъюнктура в условиях существования твердых цен отражалась на них главным образом обходным путем: изменением условий расчета, ухудшением качества товаров, сужением ассортимента, наконец, с помощью наценок на «повышенное» качество товара. Так, в июле на рынке в изобилии появились «ситец лучший», «стекло лучшее», «цемент повышенного качества», причем эксперты энергично оспаривали улучшение качества этих товаров⁹³.

В августе и сентябре все эти явления резко усилились. По сообщениям корреспондентской сети Госплана, накидки на цены хлопчатобумажных тканей на местах колебались в размере от 50 до 120 %. На первый взгляд август дал некоторое снижение товарных оборотов Московской товарной биржи. На самом деле большинство биржевых сделок в этот месяц было совершено на Нижегородской ярмарке⁹⁴.

Причины столь бурного рыночного оживления, имевшего следствием товарный голод, заключались в следующем. Во-первых, улучшение видов на урожай при высоких хлебных ценах позволило крестьянину выгодно реализовать накопившиеся запасы. Так, за февраль—май одни только хлебные заготовки дали деревне 125 млн руб., в то время как уплата сельскохозяйственного налога за те же месяцы составила только 43 млн руб. Выгодная для крестьянства рыночная конъюнктура сохранялась вплоть до сентября вопреки всем попыткам государства снизить хлебные цены⁹⁵. В результате в деревне скопились значительные денежные средства и увеличился спрос крестьян на промышленные товары.

Во-вторых, вследствие развертывания промышленности, суще-

ственного роста месячной заработной платы, массовой выдачи рабочим и служащим авансов в размере месячного жалования в связи с летними отпусками у городского населения также скапливались значительные денежные средства.

В-третьих, в целях проведения заготовительной кампании, выдачи заработной платы и кредитования промышленности в июле—сентябре была существенно увеличена денежная эмиссия. Количество денег в обращении в июле—сентябре по сравнению с апрелем—июнем увеличилось на 36 %⁹⁶. Это привело к превышению денежного спроса над товарным предложением.

Для уменьшения избытка денег государство в ноябре резко снизило размеры денежной эмиссии, а в декабре произвело изъятие из оборота 17,4 млн руб. Это отразилось на размерах кредитования. Если за сентябрь и октябрь учет и ссуды банков увеличились на 171 млн руб., то за ноябрь и декабрь — только на 79 млн руб.⁹⁷

Сжатие кредита в условиях роста цен сказалось на биржевом товарообороте, размеры которого в ноябре и декабре заметно упали. Это было связано с недостатком оборотных средств для закупок товаров у оптовой торговли. Кроме того, уменьшение товарного оборота оптовой торговли объяснялось еще и нехваткой товаров. Резкое увеличение спроса на промышленные товары привело в сентябре—октябре к развитию запродаж будущей продукции, иногда на год вперед. В этих условиях биржевой оборот мог развиваться только на основе незапроданных товаров. Таким образом, впервые товарный голод имел следствием не рост, а уменьшение торговых оборотов.

Резкое увеличение рыночного обращения не могло не оказать заметного влияния на промышленное производство (см. диагр. 9). Продукция росла вслед за увеличивавшимся спросом на нее.

Как и в торговле, начало подъема совпало с моментом реализации урожая, а его окончание — с исчерпанием крестьянских хлебных излишков. Физический объем промышленной продукции в 1924/25 г. увеличился по сравнению с 1923/24 г. на 59,5 %⁹⁸. Таких темпов развития государственная промышленность еще не знала.

Диаграмма 9. Индексы физического объема промышленного производства и обороты Московской товарной биржи, 1923—1925 гг.

1 — промышленное производство; 2 — Московская товарная биржа.

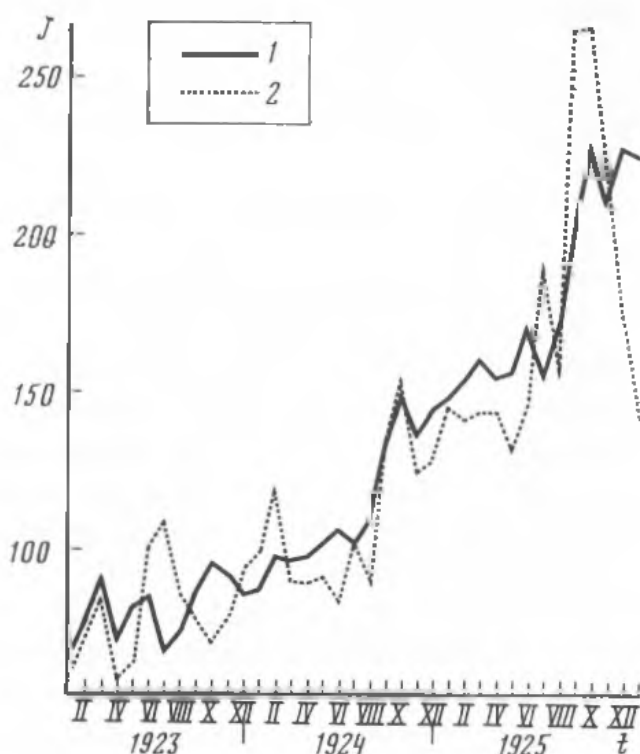

Таблица 53. Производство и сбыт продукции государственной промышленности в 1923/24 и 1924/25 гг. (в млн руб.)

Период	Производство		Сбыт		Производство		Сбыт		
	Объем	Прирост	Объем	Прирост	Объем	Прирост	Объем	Прирост	
	в довоенных руб.				в червонных руб.				
Кварталы									
1923/24	I	353,8	—	212,0	—	844,5	—	505,2	—
	II	358,8	32,0	274,7	62,7	854,8	10,3	609,2	104,0
	III	388,6	2,8	354,9	80,2	789,3	—65,5	721,2	112,0
	IV	425,1	36,5	402,4	47,5	856,7	67,4	811,2	90,0
1924/25	I	543,9	118,8	491,5	89,1	1068,4	211,7	965,4	154,2
	II	611,8	67,9	518,5	27,0	1172,2	103,8	993,5	28,1
	III	645,0	33,2	581,8	63,3	1226,1	53,9	1106,0	112,5
	IV	677,5	32,5	679,4	97,6	1299,0	72,9	1301,0	195,0
Полугодия									
1923/24	I	739,6	—	486,7	—	1699,3	—	114,4	—
	II	813,7	74,1	757,3	270,6	1646,0	—53,3	1532,4	418,0
1924/25	I	1155,7	342,0	1010,0	252,7	2240,6	594,6	1958,9	426,5
	II	1322,5	166,8	1261,2	251,2	2525,1	284,5	2407,0	448,1
Годы									
1923/24		1553,5	—	1244,0	—	3345,3	—	2646,8	—
1924/25		2478,2	924,7	2271,2	1027,2	4763,7	1418,4	4365,9	1719,1

Источник: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 49. Данные о приросте исчислены.

При этом рост сбыта промышленной продукции опередил увеличение размеров производства, захватив почти все накопленные ранее товарные запасы (см. табл. 53). Так, в довоенных ценах продукция возросла на 924,7 млн руб., а сбыт — на 1027,2 млн руб. Если в 1923/24 г. сбыт составлял 80,1 % объема продукции, то в 1924/25 г. он увеличился до 91,6 %. В последнем квартале 1924/25 г. по своим размерам сбыт превзошел объем производства⁹⁹.

Наряду с общим ростом промышленного производства изменилось соотношение между отдельными отраслями. Если раньше развивалась преимущественно легкая промышленность, то в 1924/25 г. по темпам роста на первый план выдвинулась тяжелая индустрия. Прирост производства средств производства превысил почти в 2 раза темпы роста производства предметов потребления. Дело в том, что в 1924/25 г. промышленная продукция увеличилась так значительно, что ее объем достиг 80 % от довоенного уровня и, таким образом, был практически достигнут предел активации старого оборудования. Проблема основного капитала вышла на первый план, и поэтому отрасли, производящие средства производства, выдвинулись на авансцену.

Отмеченные выше достижения в деле развертывания промышленности были основаны на росте благосостояния широких

народных масс. В 1924/25 г. произошло увеличение занятой рабочей силы на 15 % при одновременном росте номинальной заработной платы на 24 %, что привело к расширению спроса на предметы личного потребления¹⁰⁰. Но еще большее значение имел рост благосостояния крестьянского населения. Его денежные доходы возросли примерно на 66,1 %¹⁰¹, а относительное уменьшение налоговых платежей привело к увеличению покупательной способности. При этом возрос не только потребительский, но и производственный спрос деревни. Корреспондентские материалы с мест сообщали не только о росте спроса на мануфактуру, кожаные товары и галоши, но и об особенно интенсивном спросе крестьян на сельскохозяйственные орудия, лесоматериалы, сортовое и шинное железо¹⁰².

Разумеется, никакой спрос не мог бы оказать воздействия на рост промышленной продукции, если бы он не сопровождался соответствующими изменениями производственных условий. Значительным фактором в этом отношении была проведенная в 1924/25 г. кампания по укреплению производственной дисциплины и поднятию производительности труда, давшая очень благоприятные результаты. Индекс производительности труда за рассматриваемый год увеличился на 28,0 %¹⁰³. Большое значение имела расконсервация промышленных предприятий. Если в октябре 1924 г. в хлопчатобумажной промышленности РСФСР бездействовали 14 фабрик, то к сентябрю 1925 г. бездействовавших предприятий уже не было. Число действовавших доменных печей увеличилось на 23,8 %, мартеновских печей — на 67,4 %, прядильных веретен — на 60,8 %, ткацких станков — на 56,2 %¹⁰⁴. Подъем технического уровня предприятий выразился также в росте производительности занятых агрегатов. Выплавка чугуна на одну доменную печь увеличилась на 36,0 %, производство мартеновской стали на одну печь — на 3,1 %, выработка хлопчатобумажной пряжи на одно веретено — на 7,4 %¹⁰⁵. Помимо роста производительности труда, увеличения действовавшего оборудования и повышения его загрузки, имела место также рационализация производства. Так, расход топлива по отношению к валовой продукции снизился с 13,0 % в 1923/24 г. до 6,3 % в 1924/25 г., нефти — с 12,8 до 9,7 %¹⁰⁶.

Значительные успехи были достигнуты промышленностью в деле потребления сельскохозяйственного сырья (см. табл. 54). Благодаря укреплению экономических связей между государственной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами по всем отраслям увеличилось снабжение промышленности сельскохозяйственным сырьем. Наиболее заметно возросла сырьевая база хлопчатобумажной промышленности (на 90 %), табачной (на 78 %), маслосточной (на 48 %) и шерстяной (на 27 %). Одновременно по большинству отраслей коэффициент роста промышленной продукции оказался выше коэффициента потребления сельскохозяйственного сырья. Исключением были только хлопчатобумажное и шерстяное производства. Однако здесь важно от-

Таблица 54. Потребление промышленностью сельскохозяйственного сырья в 1923/24 и 1924/25 гг.

Отрасль производства	Единица измерения	Потребление сырья		Отношение % прироста потребленного сырья к % прироста продукции	
		1923/24 г.	1924/25 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Сахарная	тыс. т	2837	3254	91	89
Табачная	»	8,39	14,92	99	97
Крахмалопаточная	»	100	101	90	85
Маслобойная	млн руб.	32,9	48,7	98	94
Хлопчатобумажная	»	101,75	192,81	93	103
В том числе импорт		63,07	94,16	—	—
Шерстяная	»	27,17	34,45	77	84
В том числе импорт		15,93	19,01	—	—
Льняная	»	19,68	22,56	130	96

Источник: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 42.

метить повышение доли советского сырья в составе потребления. Таким образом, в 1924/25 г. наряду с ростом сельскохозяйственного сырья наблюдалось более полное и экономное его использование, а также частичное освобождение промышленности от импорта.

Рост промышленного производства поставил в тупик плановые органы, которые привыкли связывать экономическое развитие с величиной кредитов. Никто не смог предвидеть, что промышленность обойдет кредитные затруднения на основе ускорения капиталов- и товарооборота, а также привлечения средств из торговли на основе запродаж будущей продукции. Поэтому производственная программа промышленности первоначально ориентировалась на значительно заниженные оценки возможного прироста производства. Жизнь заставила трижды, «на ходу» менять производственную программу. Еще не поздно было извлечь из этого урок, сделать вывод об условности плановых цифр в обстановке рыночного хозяйства, об опасности директивы. Однако опыт 1924/25 г. лишь убедил Госплан в поправимости возможных плановых просчетов.

Так закончился третий период, а вместе с ним и второй этап развития взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами. С 1923 по 1925 г. государственная промышленность, ликвидировав кризис сбыта, смогла найти дорогу к крестьянскому потребителю. Успех экономической смычки между городом и деревней выразился в необычайно быстром росте промышленной продукции, укреплении ее сырьевой базы. Однако на основе повышения благосостояния народных масс, и прежде всего трудящегося крестьянства, произошло резкое увеличение спроса на промышленную продукцию, вызывавшее необходимость ее дальнейшего роста.

Чрезвычайно мощный подъем промышленного производства в 1924/25 г. увеличил относительную долю промышленности в системе народного хозяйства, укрепил ее связи с крестьянским производством. Однако произошедшая в связи с индустриальным подъемом расконсервация промышленного оборудования выдвинула на первый план задачу обновления основного капитала. XIV съезд партии поставил перед страной задачу: «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний»¹⁰⁷. Принятый партией курс на индустриализацию знаменовал собой начало нового этапа в истории взаимоотношений между государственной промышленностью и мелким крестьянским хозяйством.

При действительно острой потребности в росте производства средств производства задача индустриализации, как она формулировалась XIV съездом, едва ли учитывала реальные возможности новой экономической политики и создавала угрозу рабоче-крестьянской смычке.

Если раньше промышленность была как бы повернута «лицом к деревне», то теперь приходилось считаться с угрозой разрыва между структурой промышленного производства и особенностями крестьянского спроса. Судьба рабоче-крестьянской смычки зависела от того, удастся ли тяжелой промышленности найти себе достаточно широкий рынок, или процесс индустриализации будет осуществляться путем трансформации сложившейся системы экономических взаимосвязей, подчиняя себе все части хозяйственного механизма, включая и мелкое крестьянское хозяйство. В последнем случае рыночное хозяйство было уже невозможно и на смену ему должна была прийти административно-хозяйственная система.

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СМЫЧКИ К ХОЗЯЙСТВЕННОМУ АДМИНИСТРИРОВАНИЮ

Выступая перед активом Ленинградской партийной организации 13 апреля 1926 г., И. В. Сталин провозгласил: «Теперь мы вступили во второй период нэпа. Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился теперь в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь для того, чтобы продолжать строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперед хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии. Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперед, ежели вовремя не подашь сельскохозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д. Поэтому ежели тогда, в первый период новой экономической политики, дело развития народного хозяйства в целом упиралось в сельское хозяйство, то теперь оно упирается и уже уперлось в прямое развертывание индустрии»¹. К написанным В. И. Лениным главам советской истории И. В. Сталин спешил приписать и свою главу.

Видимо, И. В. Сталин не сомневался, что, провозглашая «второй период нэпа», он следует учению В. И. Ленина, называвшего крупную машинную промышленность, способную реорганизовать и земледелие, единственной материальной основой социализма². Правильно был определен момент для перемещения центра усилий от крестьянского хозяйства к тяжелой промышленности, ибо унаследованные от дореволюционной России промышленные фонды были исчерпаны. Тем не менее приведенная выше цитата обнаруживает существенный отход от ленинских принципов новой экономической политики.

Для В. И. Ленина построение фундамента социалистического общества было немыслимо без экономического союза с крестьянством. «Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции забежит так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется, — писал он. — Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции. На это мы должны смотреть особенно трезво, ибо отсюда вытекает в первую голову и больше всего то, что называется у нас новой экономической политикой»³. Вопрос о смычке между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством как раз и опускает

И. В. Сталин, характеризуя не только второй, но и первый период нэпа.

Вообще, значение рабоче-крестьянской смычки И. В. Сталин оценивал иначе, чем В. И. Ленин. Для В. И. Ленина проблема смычки была тесно связана с такими вопросами, как подлинно народный характер революции, экономическое и политическое единство советского общества. Для И. В. Сталина смычка — это не более чем возможность получения помощи от крестьян в деле социалистического строительства. В мае 1925 г. он писал: «Задача включения крестьянского хозяйства в общую систему хозяйственного строительства дает нам возможность запрячь крестьянство в общую упряжку с пролетариатом по пути построения социализма. . .»⁴

Видимо, И. В. Сталин вообще не верил в возможность прочного союза между пролетариатом и крестьянством. Перечисляя основных союзников рабочего класса в речи на XII губернской конференции Московской партийной организации, он поставил крестьянство на последнее место и сказал о нем следующее: «Остается четвертый союзник — крестьянство. Оно у нас под боком, мы с ним живем, вместе с ним строим новую жизнь, плохо ли, хорошо ли, но вместе с ним. Союзник этот, вы сами знаете, не очень крепкий, крестьянство не такой надежный союзник, как пролетариат капиталистически развитых стран. Но он все же союзник, и из всех союзников он — единственный, который нам оказывает и может оказать прямую помощь теперь же, получая в обмен за это нашу помощь»⁵.

Здесь истоки первоначально завуалированного, а затем и открытого давления на крестьянство в целях извлечения из него средств на индустриализацию, попыток воздействия на крестьянский рынок для обеспечения сбыта ненужных крестьянам товаров, осуществлявшихся во второй половине 20-х годов. Здесь истоки ускорения процесса коллективизации.

Как получилось, что порочная экономическая практика второй половины 20-х годов не встретила достаточно мощного противодействия? Разумеется, попытки противодействия были. Укажем, что многие экономически не обоснованные директивы постоянно оспаривались Наркомфином СССР⁶. Однако в это время принципам демократизма в обсуждении вопросов народнохозяйственной политики был нанесен серьезный удар. Разгоревшаяся во второй половине 1926 г. борьба внутри ЦК ВКП(б) привела к тому, что все высказывания по поводу хозяйственной политики стали восприниматься не с точки зрения их отношения к реальному положению вещей, а с позиций их близости к политическим платформам той или иной партийной группировки. Именно поэтому прозвучавший в 1928—1929 гг. призыв Н. И. Бухарина вернуться к экономическим методам управления народным хозяйством не был воспринят.

Серьезной политической конфронтации нельзя было избежать уже в первой половине 20-х годов. Прав был В. И. Ленин, преду-

преждавший против опасности партийного раскола⁷. Но тогда еще никто не мог предвидеть, что сигналы «об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима» не будут восприняты именно потому, что они займут прочное место в системе аргументации партийной оппозиции.

Основные элементы хозяйственной системы, созданной новой экономической политикой, еще функционировали. Но к ним стали примешиваться все более заметно новые элементы, связанные с усиливавшимся административным вмешательством в экономику. Изменялся прежний смысл многих экономических показателей. Например, с 1926 г. движение индексов цен уже не показывало изменение покупательной силы рубля. Вмешательство регулирующих органов в ценообразование не только государственной, но и кооперативной и частной торговли привело к ослаблению взаимосвязи между ценой и соотношением спроса и предложения.

Казалось бы, вопрос о судьбе нэпа ясен. На самом же деле одних надстроечных явлений недостаточно, чтобы объяснить трансформацию хозяйственной системы. Вспомним, что курс на установление экономических взаимоотношений между городом и деревней был взят еще в 1917 г. Однако осуществить экономическую смычку между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством удалось лишь в первой половине 20-х годов.

Вскрыть действительные причины отхода от ленинских принципов новой экономической политики можно только путем тщательного изучения экономической истории второй половины 20-х годов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Два удара по рыночной экономике

Большую часть 1926 г. народное хозяйство находилось под влиянием высокого урожая 1925 г. По оценке Экспертного совета ЦСУ валовой сбор зерновых в этот год составил 4368 млн пудов, т. е. на 42 % выше урожая предыдущего года. Валовой сбор технических культур превысил продукцию 1924 г. на 55 %¹. Менее значительным был рост продукции животноводства — всего на 8 %. В целом же валовая продукция сельского хозяйства по довоенным ценам возросла на 25 %².

В этом проявилось благоприятное воздействие первого периода новой экономической политики на крестьянское хозяйство. Четыре года последовательного осуществления экономической смычки приблизили крестьянское хозяйство по многим важнейшим показателям к уровню 1913 г. Посевные площади достигли 94 %, поголовье скота 91 %, а валовые сборы зерновых культур 80 %

от довоенного уровня³. В литературе встречаются и другие цифры. Но приведенные нами, пожалуй, точнее отражают реальное положение вещей.

Такие благоприятные показатели позволяли рассчитывать на наличие в стране чрезвычайно больших ресурсов промышленного сырья и продовольственных продуктов. Все это давало основания надеяться на успешное начало реконструкции промышленности.

Составленная Госпланом СССР программа развития промышленного производства предусматривала полное техническое использование имеющегося основного капитала. Для этого, а также для возможности обеспечения роста промышленной продукции в последующие годы требовались значительные затраты на капитальный ремонт существующих предприятий и новое промышленное строительство. Развитие промышленности и капитального строительства было во многом связано с возможностями увеличения производства средств производства в стране, более интенсивным ростом тяжелой промышленности по сравнению с легкой, а также с ростом импорта необходимого оборудования и сырья.

В связи с этим экспортный план был первоначально исчислен Госпланом на сумму 1060 млн червонных руб., в то время как в 1925 г. было вывезено товаров на сумму 575 млн червонных руб. При этом предполагалось, что экспорт хлеба составит 380 млн пудов, тогда как в 1925 г. он составил 22 млн пудов⁴. Соответственно этому был утвержден и первоначальный импортный план на сумму 1010 млн червонных руб., что должно было обеспечить активное сальдо в 50 млн червонных руб. вместо пассивного сальдо 1925 г., вызванного неурожаем⁵. Предполагавшиеся размеры импорта давали благоприятные возможности развертывания индустриализации, технического перевооружения промышленности.

Этим целям должен был служить и государственный бюджет, который был спланирован вначале на сумму 3780 млн червонных руб., а затем увеличен до 4039 млн против 2935 млн червонных руб. в 1924/25 г. Предполагалось, что такое увеличение государственного бюджета будет обеспечено главным образом за счет расширения товарооборота между городом и деревней. На развитие тяжелой промышленности и техническое перевооружение предполагалось отпустить из средств государственного бюджета 545 млн червонных руб. В 1924/25 г. финансирование промышленности через госбюджет составило только 116 млн червонных руб.⁶

Коренному изменению была подвергнута кредитно-денежная политика. Предыдущий период был временем сдержанного и даже напряженного кредита, что вызывалось необходимостью стабилизации покупательной силы рубля, сокращения эмиссии. В 1926 г. Госплан резко меняет курс: «Руководствуясь тем, что кредиту принадлежит направляющая роль в планировании хозяйства, увеличивать кредитные операции, и не только краткосрочные, но и долгосрочные, развивая последние в соответствии с размерами накопления в стране материальных ценностей. Денежное обраще-

ние должно быть подчинено этой задаче развития кредита»⁷. В соответствии с этим был запланирован рост денежной массы на 76 % при предполагаемом расширении товарного оборота на 25 % по довоенным ценам⁸. Госплан наивно считал, что усиленные денежные инъекции в промышленность приведут к уничтожению товарного голода.

Эта позиция была немедленно оспорена Наркомфином СССР: «Товарный голод является неизбежным спутником повышающейся торгово-промышленной конъюнктуры, развивающейся на почве использования эмиссии и текущих счетов для промышленного строительства. Последнее приводит к инфляции, одним из проявлений которой является товарный голод»⁹. Наркомфин призвал к сохранению завоеваний денежной реформы, сокращению эмиссии, производству капитальных работ в строгом соответствии с объективными финансовыми возможностями¹⁰.

Принятый Госпланом курс вызвал также обеспокоенность Ф. Э. Дзержинского, о чем свидетельствует его записка председателю бюро цен ВСНХ, сохранившаяся в личном архиве бывшего работника аппарата ВСНХ И. И. Резникова. Тем не менее Госплан настоял на своих решениях и оставалось только ждать результатов. Они не замедлили сказаться.

В целях выполнения плана хлебных заготовок была расширена сеть сыпных пунктов и допущено чрезвычайно льготное финансирование заготовителей. Однако пролившиеся осенью 1925 г. дожди задержали уборку хлебов и вызвали у крестьян опасения за судьбу урожая. Одновременно выяснилось недостаточное обеспечение хлебом потребляющих районов, вызвавшее разрыв цен между недостаточными и избыточными регионами и стимулировавшее деятельность частных скупщиков зерна. Оказавшись в обстановке сдержанного предложения хлеба со стороны крестьян и острой конкуренции как с частными скупщиками зерна, так и между собой, заготовители были вынуждены форсировать закупки с тем, чтобы не сорвать плановые задания. Таким образом, ближайшим следствием завышения планом размеров крестьянского предложения хлеба явилось то, что при высоком урожае и значительных хлебных излишках создавались уникальные для рыночной экономики условия, благоприятствовавшие росту хлебных цен.

Обычная рыночная динамика хлебных цен состоит в их снижении к моменту реализации урожая. В хлебную же кампанию 1925/26 г., начиная с сентября, цены на хлеб непрерывно росли, достигнув к марту по ржи 138 %, по пшенице 106 % и по овсу 140 % от исходного уровня¹¹. Относительно небольшое увеличение средних по СССР местных рыночных цен на пшеницу объясняется тем, что уже в сентябре они находились на достаточно высоком уровне, составив 139 % по отношению к ценам на рожь¹².

Рост местных рыночных цен на хлеб приводил к увеличению стоимости заготавливаемого государством зерна. Несмотря на то что государственные и кооперативные заготовители использовали обычную практику перемещения центра тяжести заготовок в

районы наиболее низких цен, главным образом в Сибирь и на Северо-Восток, необходимость выполнения плана из месяца в месяц приводила к повышению стоимости каждого пуда заготавливаемого хлеба. Широкий же размах заготовительной кампании, необходимость максимального охвата всех хлебных излишков способствовали значительному притоку денег в деревню. Только в первые шесть месяцев хлебной кампании выручка крестьян от продажи хлеба государству составила 476 млн червонных руб., т. е. на 249 млн больше, чем за тот же период прошлой хлебной кампании¹³.

Надо сказать, что налоговые платежи деревни составили в это время 118 млн червонных руб. Следовательно, после уплаты налогов в деревне оставалось 358 млн руб., тогда как в прошлом году крестьяне находились под более мощным налоговым прессом¹⁴.

Если присоединить к этому выручку от продажи хлеба частным скупщикам, других продуктов сельского хозяйства, сторонние заработки, то можно себе представить, какой огромный избыток денег оказался у крестьян к началу 1926 г. В результате ценность хлеба в глазах крестьян оказалась выше ценности денег, что и определило вялый ход дальнейших заготовок.

Стремясь создать благоприятные условия для плановых заготовителей, государство предприняло решительные меры против частных скупщиков. Их железнодорожные грузы были отнесены в последнюю категорию, что фактически лишило частников какой-либо возможности вывезти заготовленный ими хлеб¹⁵. Это, однако, не спасало положения. «Повышение цен на хлеб объясняется желанием крестьян удержать его в своих руках, не имея нужды в деньгах. Это весьма заметно было на одном базаре, когда хлеба было привезено в десять раз больше, чем продано, тем не менее цены на него не снизились, а, наоборот, поднялись», — сообщалось в одной корреспонденции с мест¹⁶.

Всего было заготовлено 496 млн пудов хлеба, т. е. хотя и ниже запланированного, но тем не менее на 81 % выше, чем в прошлом, неурожайном хозяйственном году¹⁷. Если присоединить к этой цифре количество хлеба, заготовленного частными скупщиками, то ее следует увеличить примерно на 25 %¹⁸. Но, несмотря на внушительные запасы товарного хлеба, план экспорта зерна оказался сорванным. Вывезти удалось только 125 млн пудов, т. е. 33 % от намеченных планом размеров хлебного экспорта. К тому же из-за роста внутренних и понижения внешних хлебных цен рентабельность экспорта ржи оказалась отрицательной, а остальных хлебов — очень низкой¹⁹.

Всего было вывезено товаров на сумму 667,7 млн червонных руб., т. е. 63 % от запланированного размера экспорта. Доля хлебных товаров в экспорте составила только 26 %. Для увеличения экспорта государство было вынуждено пересматривать номенклатуру и объем вывозимых продуктов. Так, важных для индустриализации нефти и марганцевой руды было вывезено на

сумму 90,8 млн червонных руб., что составило 113 % от вывоза прошлого, неурожайного года²⁰.

Ввезено было товаров на сумму 755,6 млн червонных руб., т. е. 75 % от запланированных размеров импорта. По сравнению с 1924/25 г. импорт хлеба был сокращен в 46 раз, а сахара — в 7 раз. Однако так же резко сократить ввоз других потребительских товаров не удалось. Напротив, ввоз некоторых из них пришлось даже увеличить. Так, мануфактуры было ввезено в 3,5 раза больше, чем в прошлом году, а чая — в 1,6 раза больше. Это обуславливалось обострением товарного голода и необходимостью товарной «интервенции» для смягчения инфляционных процессов. Тем не менее долю необходимых для производства материалов удалось увеличить до 81 % против 68 % в прошлом году²¹.

Импорт оборудования и орудий производства для промышленности возрос с 47,9 млн червонных руб. в 1924/25 г. до 80,6 млн червонных руб. в 1925/26 г.; ввоз промышленного сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов — с 327,5 млн червонных руб. до 380,7 млн; импорт сельскохозяйственных машин и тракторов — с 26,9 млн червонных руб. до 40,4 млн. Однако все эти цифры не достигли плановых показателей, хотя конъюнктура мирового рынка из-за снижения цен была весьма благоприятной²².

Взамен положительного сальдо в 50 млн червонных руб., запланированного Госпланом, получился отрицательный баланс внешней торговли в размере 87,9 млн червонных руб. Это привело к напряжению валютно-металлических резервов государства в тех условиях, когда они оказались чрезвычайно необходимыми для решения внутренних проблем.

За четыре года новой экономической политики были созданы благоприятные условия для развития государственного бюджета. Благодаря росту доходов был ликвидирован бюджетный дефицит, государство смогло полнее удовлетворить свои потребности. Тем не менее с момента опубликования Госпланом контрольных цифр стало ясно, что исполнение бюджета в намеченных размерах если и возможно, то с большим напряжением всех средств.

Если исключить из бюджета поступления от транспорта и связи, идущие преимущественно на покрытие их собственных расходов, то основным источником средств, которые государство могло удержать в своих руках, были налоговые доходы. При этом основной источник налоговых поступлений — единый сельскохозяйственный налог был значительно сокращен с целью облегчения платежей бедняцких слоев деревни. В результате по сельскохозяйственному налогу поступило 266 млн червонных руб., т. е. на 17 % меньше, чем в 1924/25 г.²³

Однако по другим прямым налогам — промысловому и подоходному — поступления увеличились на 49 %, составив 374 млн червонных руб. В 1926 г. в числе прямых налогов появляется также новый налог на сверхприбыль, направленный на обложение

высоких доходов частных предприятий. Поступления по нему составили всего 1 млн червонных руб.²⁴

Основываясь только на данных об исполнении государственного бюджета, можно заключить, что с 1924/25 по 1925/26 г. душевая тяжесть налогового обложения, приходящаяся на крестьян, уменьшилась с 3 руб. до 2 руб. 30 коп., а прочих групп населения — увеличилась с 1 руб. 95 коп. до 2 руб. 70 коп. При этом число плательщиков подоходного налога возросло с 2,8 млн до 3,4 млн, в том числе по прогрессивному обложению — с 462 тыс. до 543 тыс. человек²⁵. Таким образом, основная тяжесть налоговых платежей приходилась уже не столько на крестьянина, сколько на мелкого предпринимателя и торговца, что стало возможным благодаря росту их доходов.

Тем не менее без существенного увеличения платежей населения исполнить государственный бюджет в намеченных размерах было невозможно. Поэтому в 1925/26 г. резко увеличивается косвенное налогообложение. Главным образом это увеличение произошло за счет питейного дохода. Значительный рост дали также табачный и сахарный доходы. Одновременно выяснилось, что с ростом акцизов падает потребление спиртных напитков и табака. Это проявилось в увеличении недоимочности по акцизам, составившей в сентябре 1926 г. 43 млн руб. В целом прямые и косвенные налоги дали в бюджет 1776 млн червонных руб., или на 34 % больше, чем в 1924/25 г.²⁶ Но ожидалось, что они дадут больше.

Для того чтобы приблизиться к намеченным размерам бюджета, государство было вынуждено обратиться к такому источнику доходов, как внутренние займы. Были выпущены займ хозяйственного восстановления на сумму 250 млн руб., второй крестьянский займ на сумму 80 млн руб., 8 % внутренний гарантийный займ на сумму свыше 30 млн руб.²⁷ В результате государственный долг с учетом задолженности по ранее выпущенным займам и платежным обязательствам к октябрю 1926 г. достиг 663 млн руб., т. е. возрос почти в два раза по сравнению с октябрём 1925 г.²⁸

В итоге общая сумма государственных доходов составила в 1925/26 г. 3873 млн червонных руб., т. е. 96 % от предусмотренной сметой суммы. Из них только 288 млн руб., т. е. 53 % от запланированной суммы, из средств бюджета и 148 млн руб. из доходов от реализации займов удалось вложить в развитие промышленности²⁹. Дело в том, что, несмотря на принятые меры по сжатию обыкновенных расходов, сократить затраты на содержание административного аппарата не удалось.

Крупная неудача ожидала Госплан в деле проведения им денежно-эмиссионной политики. Уже в конце 1925 г. расширение эмиссии натолкнулось на падение покупательной силы рубля и обострение товарного голода. Однако взаимосвязь между эмиссией и обострением товарного голода была не сразу осознана. С июля по сентябрь 1925 г., когда в народное хозяйство было

влито около 300 млн червонных руб., что увеличило денежную массу на 50 %, Госплан попытался объяснить обострение товарного голода так называемой диспропорцией в развитии промышленной и сельскохозяйственной продукции. Под влиянием этой теории в октябре—декабре взамен прекращения денежной эмиссии в народное хозяйство было влито еще 126,4 млн червонных руб. В результате резко нарушилось равновесие между народным потреблением и национальным доходом³⁰.

Только в конце декабря была признана бесперспективность лечения товарного голода путем усиления эмиссии. Однако к этому времени уже недостаточно было только остановить эмиссию. Пришлось прибегнуть к изъятию денег из народного обращения. С января по март 1926 г. из оборота было изъято 65,1 млн червонных руб. Этого, однако, оказалось недостаточно, и последствия чрезмерной эмиссии продолжали ощущаться вплоть до реализации урожая 1926 г.³¹

В результате с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. взамен запланированного Госпланом роста денежной массы на 816 млн червонных руб. она увеличилась только на 200 млн червонных руб., т. е. на 18 % вместо предполагавшихся 71 %³². Это поставило под вопрос выполнение всех намеченных финансовых программ.

Положение обострялось неблагоприятным состоянием банковских вкладов и текущих счетов. При избытке денег в народном обращении значительная часть из них обычно оседает на текущих счетах и вкладах. Однако в 1926 г. наблюдалась скорее противоположная тенденция. С октября 1925 г. по октябрь 1926 г. банковские депозиты уменьшились с 833,4 млн руб. до 806,1 млн руб., т. е. на 3 %³³. Два ряда причин обусловили это необычное явление. Во-первых, для мобилизации средств на развитие тяжелой промышленности остальным отраслям народного хозяйства кредиты были сжаты, а у частных производителей даже изъятие ранее выданных кредитов. В результате для продолжения деятельности они должны были снимать средства с текущих счетов. Во-вторых, рост цен на строительные материалы вынуждал и тяжелую промышленность торопиться с закупками, не дожидаясь получения кредитов, т. е. обращаться опять-таки к вкладам и текущим счетам.

Все это создавало довольно сложную обстановку для развертывания учетно-ссудных операций. Если за 1924/25 г. ресурсы Государственного банка увеличились на 996,4 млн руб., то за 1925/26 г. они возросли только на 369,5 млн руб. Отчасти такое положение объясняется неудачным исходом хлебной кампании, давшей 160 млн руб. непогашенных хлебных кредитов. Другая причина заключалась в незначительном приросте средств Наркомфина, что было связано с напряженностью государственного бюджета. Отлив вкладов из банка также сыграл свою роль. Тем не менее учетно-ссудные операции Государственного банка увеличились на 527,5 млн руб., т. е. на 43 % превысили рост ресурсов банка.

В результате валютно-металлический резерв снизился на 39,2 млн руб., а кассовый резерв — на 30 млн руб. Это вело к подрыву банковской системы³⁴.

Но даже такой ценой добиться существенного увеличения кредитования промышленности не удалось. Остаток учета и ссуд по 5 банкам увеличился по горной и топливной промышленности на 46,2 млн руб., по металлической промышленности — на 161 млн руб.; по текстильной промышленности он уменьшился на 107,7 млн руб., а по пищевой — на 34,1 млн руб.³⁵. Таким образом, расширение кредитов тяжелой промышленности могло быть осуществлено только ценой изъятия части кредитных средств из легкой промышленности. И это происходило в обстановке жестокого голода на изделия легкой промышленности. Принципам рыночной экономики был нанесен первый серьезный удар.

Нарушение равновесия между товарной и денежной массой в условиях рыночной экономики должно было привести к существенному росту цен. Существующие математические модели говорят об этом достаточно определенно. Так, например, количественная теория денег утверждает, что при данном объеме продукции Y рост денежной массы M требует увеличения цен для обеспечения рыночного равновесия. Это следует из соотношения, определяющего условия равенства между предложением денег и спросом на них:

$$M = lpY,$$

где p — уровень цен, а l — постоянная, выражающая то обстоятельство, что спрос на деньги составляет какую-то часть суммы всех операций pY . Дж. Кейнс дополнил эту модель, введя в нее спекулятивный спрос на деньги, который он поставил в связь с нормой банковского процента:

$$M = lpY + L(i).$$

М. Алле попытался примирить классическую теорию с теорией Дж. Кейнса, превратив постоянную l в изменяющуюся в зависимости от нормы банковского процента переменную³⁶.

На наш взгляд, эти модели недостаточно точны, так как не учитывают изменения скорости денежного обращения, связанного с изменением покупательной силы денег, а также выталкивания денег из сбережений в случае роста цен. Кроме того, модели Дж. Кейнса и М. Алле не отражают специфику денежного обращения в СССР, где норма банковского процента изменялась слабо, а в 1925—1926 гг. оставалась на уровне 8 %³⁷.

Мы поступим следующим образом. В классической модели примем величину $1/l$ за скорость денежного обращения. В 1922/23 г. в связи с продолжавшейся инфляцией она была равна 7,186 оборотов за месяц. В 1923/24 г. скорость денежного обращения снижается под влиянием денежной реформы до 4,848. А в 1924/25 г. она становится равной 3,288³⁸. Какой была скорость оборота

денег в 1925/26 г.? Бурный рост оборотов расчетного отдела правления Госбанка свидетельствует о том, что скорость денежного обращения заметно возросла по сравнению с 1924/25 г. Об этом же свидетельствует интенсивность использования вкладчиками их текущих счетов. Самая осторожная оценка дает коэффициент роста скорости циркуляции денег по банковским данным, равный 1,6 в отношении предыдущего года. Но если не предполагать роста скорости денежного обращения в отношении внебанковских расчетов, то тогда скорость циркуляции денег снизится до уровня 1923/24 г. В таком случае количественная теория денег дает оценку уровня розничных цен (в отношении к уровню 1913 г.), равную 3,97. В действительности же индекс розничных цен в 1925/26 г. оказался равным 2,32³⁹. Как можно интерпретировать такое резкое несоответствие между уровнем цен, обеспечивающим равновесие между спросом на деньги и предложением их, и фактическим уровнем цен?

Отмеченное явление нельзя объяснить без учета мощного административного вмешательства в вопросы ценообразования. Еще в сентябре 1925 г. СНК СССР принял постановление «О надзоре за соблюдением этикетных цен на товары», в котором предусматривалось привлечение нарушителей обозначенных государством товарных цен к судебной и административной ответственности⁴⁰. С расширением номенклатуры товаров, цена которых обозначалась на самом изделии, надзор за соблюдением этикетных цен стал принимать характер кампаний. Так, в конце 1925 г. Наркомвнуторг УССР издал приказ № 13 окружным внуторгам об обследовании цен как в государственной и кооперативной розничной торговле, так и на частном рынке, с тем чтобы вести борьбу с повышением цен на дефицитные товары⁴¹. В начале 1926 г. к борьбе за соблюдение этикетных цен была привлечена милиция⁴².

В апреле 1926 г. были образованы центральная, республиканские и местные междуведомственные комиссии по снижению розничных цен, наделенные широкими полномочиями, а осенью были расширены права Наркомторга СССР в области регулирования цен⁴³. Так постепенно формировалась сеть учреждений, лишивших цены их экономического смысла, заключавшегося в балансировании спроса и предложения. Принципам рыночной экономики был нанесен еще один удар.

В литературе еще нередко рассматривают снижение розничных цен в конце 1923—начале 1924 г. и во второй половине 1925—1926 г. как продолжение одной и той же стратегической линии⁴⁴. Но и по экономическому смыслу, и по народнохозяйственным последствиям борьба за снижение цен на разных этапах отличалась радикальным образом. В обстановке кризиса сбыта, связанного с низкой платежной способностью населения, политика снижения цен имела целью восстановление нарушенного синдикатами равновесия между товарной и денежной массой и вела к нормализации рыночных отношений. В условиях же товарного

голода она только углубляла существующие диспропорции, усиливала дефицит и дезорганизовывала рынок.

Типичным для тех условий является постановление СТО «О снижении розничных цен на недостаточные товары государственной промышленности» от 2 июля 1926 г. В нем детально устанавливаются сроки и размеры снижения розничных цен, тщательно регламентируются меры по уменьшению торгово-накладных расходов, намечается план борьбы со спекуляцией, предусматриваются даже «перевыборы» руководства кооперативов в случае нарушения ими установленных предельных накидок, но полностью игнорируется вопрос о неизбежном усилении дефицитности в результате предстоящего 10 % снижения розничных цен на недостаточные товары⁴⁵.

Может быть, необходимость снижения цен вызывалась тем, что гигантская денежная масса, циркулируя по народному хозяйству, не доходила до населения и у народа не было средств, чтобы купить необходимое? Статистические данные дают отрицательный ответ на этот вопрос. Выше мы уже говорили о насыщенности деревни деньгами. Но и среднемесячная зарплата промышленных рабочих с конца 1925 г. заметно возросла. Если в 1924/25 г. она составляла 43,5 червонных руб. на одного рабочего, то в 1925/26 г. — 53,5 червонных руб., т. е. увеличилась на 23 %⁴⁶. Налоговая статистика дает основания утверждать, что и доходы других социальных групп населения также возросли. Если при этом учесть удельный вес всех социальных групп, то окажется, что платежеспособный спрос населения в 1925/26 г. вырос по сравнению с 1924/25 г. на 53 %⁴⁷.

Между тем установленный хозяйственно-административными органами контроль за ценами оказался достаточно эффективным. На протяжении 1925/26 г. индекс оптовых цен увеличился только на 3 %, индекс розничных цен — на 7, а бюджетный индекс — на 15 %⁴⁸. Так как в 1924/25 г. товарная масса составила 7560 млн довоенных руб., то для удовлетворения платежеспособного спроса населения в 1925/26 г. она должна быть не менее 10 570 млн довоенных руб., т. е. увеличиться на 40 %⁴⁹.

В действительности объем народнохозяйственной продукции в 1925/26 г., по исчислениям Госплана, составил 18 150 млн довоенных руб., т. е. всего на 24 % больше, чем в 1924/25 г. В том числе промышленное производство составило 6 845 млн довоенных руб., а сельскохозяйственная продукция — 11 305 млн довоенных руб.⁵⁰ Из всей массы произведенной им продукции крестьянин мог предложить рынку только около 30 %. В 1925/26 г. несколько уменьшилась и рыночная часть промышленной продукции. Благодаря усиленному кредитованию, увеличению числа рабочих и повышению производительности труда тяжелая промышленность по темпам роста заметно обогнала легкую и удельный вес продукции тяжелой промышленности в составе производства цензовой промышленности в 1925/26 г. оказался равным 35 %⁵¹. В результате увеличилась доля производственного потребления продукции.

Поэтому рынку было предложено товаров на сумму 9 480 млн довоенных руб., или 18 048 млн червонных руб. Таким образом, избыточный спрос на рынке составил 1 612 млн червонных руб.⁵² Можно было бы сказать, что в среднем каждый человек не смог израсходовать 11 руб. из своего бюджета. К сожалению, это как раз тот случай, когда средние цифры искажают действительность. Главный недостаток, вызванный удержанием цен на низком уровне в условиях дефицитности, и заключается в неизбежной неравномерности распределения товаров. Вторым недостатком дефицитной экономики является ухудшение потребительского набора, когда покупатель вынужден покупать не то, что ему нужно, а то, что есть в продаже. Наконец, последний недостаток заключается в искажении размеров спроса из-за склонности населения образовывать запасы тех продуктов, недостаток в которых ощущался в недавнем прошлом.

Рассмотрим все это подробнее. В 1926 г. устойчивый дефицит сложился на ситец, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, обувь и кровельное железо. Напротив, хозяйственный инвентарь, топливо и галантерея постоянно имелись в достатке. Остальные товары занимали промежуточное положение, переходя в отдельные моменты из достаточной группы в дефицитную и наоборот. Отсюда становится ясно, что сравнение сумм товарной массы и ее реализации еще не показатель неудовлетворенности спроса. Действительно, при остатке больших денежных средств у населения, по данным торговой статистики, оказывается, что к октябрю 1926 г. было нереализовано промышленных товаров на сумму 2 943 млн червонных руб., т. е. 17 % всей товарной продукции промышленности⁵³. В таком случае действительные размеры избыточного спроса оказываются уже равными 4 555 млн червонных руб., но при этом указанный спрос распространяется не на все товары, а лишь на те, которые потребитель желал бы купить. И это несмотря на то, что в условиях дефицита покупатель становится не слишком разборчив в выборе товара. Показательна в этом плане динамика спроса на ткани. При недостатке наиболее популярных среди населения хлопчатобумажных и суконных тканей в 1925/26 г. продажа более дешевых льно-пенько-джутовых увеличилась на 81 %, а более дорогих шелковых — на 116 %⁵⁴.

В конце концов, мешковина была хоть каким-то заменителем ткани, но металл нельзя было использовать вместо одежды. В плане выбора необходимых промышленных товаров город и деревня оказывались в неравноправном положении. Плановые завозы товаров по районам заметно смягчали дефицит в городе. Но до деревни если эти завозы и доходили, то с весьма неполным учетом реальных потребностей крестьян. Не находя на рынке нужных для себя товаров, крестьяне были вынуждены делать денежные сбережения или обратные закупки сельскохозяйственных продуктов. «Крестьяне нередко выступали на рынке не столько в качестве продавцов, сколько покупателей зерна», — сообщали корреспонденты отдела конъюнктуры и цен Госплана СССР⁵⁵.

Таблица 55. Состав крестьянских покупок в СССР в 1925/26 г. (в руб. на душу населения)

Статья расхода	Группа по посеvu			Всего *
	Без посева	0,01—16,0 дес.	Свыше 16,0 дес.	
Куплено промышленных товаров	40,2	28,5	59,0	30,3
В том числе:				
хозяйственного назначения	4,0	6,0	12,0	6,2
личного потребления	36,2	22,5	47,0	24,1
Куплено и получено в обмен сельскохозяйственных продуктов	47,0	19,6	27,8	22,9
Итого куплено и получено в обмен	87,2	48,1	86,8	53,2

Источник: Крестьянские бюджеты 1925/26 г. М., 1929. Данные по средней посевной группе исчислены автором.

* Если учесть заниженное представительство в бюджетных обследованиях крайних групп деревни, то средние оценки расходных статей несколько возрастут, но соотношения между ними изменятся несущественно.

В табл. 55 приведены данные о структуре крестьянского приобретения в 1925/26 г. В составе покупок крестьян на долю промышленных товаров приходилось 57 %. Из них 12 % — на долю товаров хозяйственного назначения и 45 % — на долю товаров личного потребления. Таким образом, товары хозяйственного назначения занимали только 20 % в составе потребления крестьянами промышленных товаров. Между тем, по данным торговой статистики, плановые завозы в деревню промышленных товаров предусматривали значительно бóльшую долю товаров хозяйственного назначения, достигавшую 46 %⁵⁶. Часть этих товаров не находила спроса и оставалась на складах и прилавках магазинов. О недостатке нужных крестьянину товаров свидетельствует высокая доля обратных закупок сельскохозяйственных продуктов — 43 % всего приобретения.

Целый ряд причин послужил тому, что существование на сельском рынке остатка промышленных товаров было интерпретировано современниками не в смысле отсутствия спроса на конкретные товары, а в смысле недостаточной покупательной способности крестьян. Во-первых, широкое распространение получила теория, согласно которой с конца апреля 1926 г. денежная масса приходит в соответствие с товарной, а спрос покрывается предложением⁵⁷. Эта теория основывалась исключительно на данных о ценах, обнаруживших с мая устойчивую тенденцию к понижению. Во-вторых, с 1926 г. Госплан стал вести балансовые исчисления покупательного фонда населения на промтовары, которыми из-за занижения денежных доходов крестьян уже с января 1926 г. показывалось стабильное превышение предложения над платежеспособным спросом⁵⁸. Наконец, в-третьих, экономисты 20-х годов всецело разделяли представления неоклассической школы о том, что все товары желаемы и спрос есть функция цены.

Отсюда становится понятной кампания за снижение цен в конце 1925—1926 гг. С одной стороны, стремились расширить емкость рынка, повысить на нем долю изделий тяжелой промышленности, снизить размеры товарных запасов. С другой стороны, пытались избежать роста себестоимости, что потребовало бы увеличения кредитов, и без того предельно высоких. Однако в действительности политика снижения цен в условиях неизжитого товарного голода на целый ряд промышленных товаров имела более глубокие народнохозяйственные последствия.

Право каждого покупать товары по низким ценам было только номинальным. В полной же мере воспользоваться этим правом могло только государственное хозяйство. Находясь ближе к товарным запасам, государственная промышленность выигрывала от низких цен на сырье и строительные материалы. А получивший деньги за эти товары крестьянин у пустого прилавка кооперативной лавки оказывался в проигрыше. Не находя лучшего применения своим деньгам, помимо обратной покупки своей же продукции, крестьянин терял и на этом из-за разницы между заготовительными и базарными ценами.

Таким образом, экономическая ситуация, сложившаяся в 1926 г., привела к перераспределению национального богатства в пользу государственного хозяйства, преимущественно за счет крестьянских масс. Так, удары по рыночной экономике не могли не обернуться в конечном счете ударом по экономической смычке между рабочим классом и крестьянством.

Взятый в целом 1926 г. характеризуется новым крупным ростом народного хозяйства, происходившим за счет мобилизации накопленного в предшествующий период экономического потенциала. Вместе с тем это был год быстро растущих диспропорций, отступления от фундаментальных принципов рыночного хозяйства, проявления первых признаков хозяйственного администрирования.

Что произошло бы, если бы в основу хозяйственных планов были положены не контрольные цифры Госплана, а здравые предложения Наркомфина? Ответить на этот вопрос можно с помощью математического моделирования. Ранее, характеризуя систему хозяйственной смычки между городом и деревней, мы уже приводили некоторые итоги проделанного нами математико-статистического анализа народного хозяйства СССР в середине 20-х годов. Настало время использовать полученные результаты для создания имитационной модели народнохозяйственных процессов.

Казалось бы, для реализации программы Наркомфина достаточно лишь не осуществлять эмиссию свыше установленного предела. На деле же государство не было совершенно свободным в выборе эмиссионной политики. Построенное с помощью пошаговой регрессии уравнение для выпуска денег в обращение (ВДО), объясняющее 81 % дисперсии зависимой переменной, показывает обусловленность размеров эмиссии величиной государственных

доходов (ГД), номинальной заработной платы рабочих и служащих (НЗП), учетно-ссудных операций банков (УСО) и оборота товарных бирж (ОТБ):

$$\text{ВДО} = 559,916 - 110,027 \ln \text{ГД}_{t-1} + 202,638 \ln \text{НЗП}_{t-1} - 115,903 \ln \text{УСО}_{t-1} + 0,270 \text{ОТБ}. \quad (1)$$

Из уравнения (1) следует, что рост эмиссии был связан с недостаточностью государственных доходов и учетно-ссудных операций, а также установившемся уровнем заработной платы в предшествующем месяце ($t-1$). Кроме того, эмиссия была связана с обслуживанием потребностей рыночного оборота.

Таким образом, экономически необоснованное сокращение эмиссии могло нанести не меньший вред народному хозяйству, чем и ее раздувание. Уравнение (1) позволяет рассчитать оптимальные для заданного уровня народнохозяйственных показателей размеры эмиссии. Рассматривая динамику народного хозяйства в 1925/26 г., нетрудно рассчитать, что при осуществлении учетно-ссудных операций в точном соответствии с темпами роста товарооборота, как того добивался Наркомфин, годовые размеры эмиссии составили бы 89,3 млн червонных руб., т. е. на 111,0 млн руб. меньше фактических.

Какие экономические последствия имело бы такое резкое сокращение эмиссии? Ответить на этот вопрос можно с помощью следующих уравнений, определяющих зависимость между важнейшими народнохозяйственными показателями:

$$\Delta \text{КДО} = -240,258 - 3,291 \cdot 10^{-2} \text{ТСВ}_{t-1} + 9,540 \cdot 10^{-1} \text{ВДО} + 40,507 \ln \text{КДО}_{t-1}, \quad (2)$$

$$\text{УСО} = 8,341 + 8,840 \cdot 10^{-1} \text{КДО} + 8,314 \cdot 10^{-1} \text{ТСВ}_{t-1} - 5,048 \cdot 10^{-1} \text{ГД}_{t-1}, \quad (3)$$

$$\text{СЧР} = -53,889 + 36,516 \text{НЗП}_{t-1} + 1,969 \Delta \text{УСО}, \quad (4)$$

$$\text{НЗП} = (4,481 + 7,460 \cdot 10^{-4} \text{УСО} + 1,960 \cdot 10^{-3} \text{ВДО} + 5,058 \cdot 10^{-3} \text{ИРЦ}_{t-1})^2, \quad (5)$$

$$\text{ИРЦ} = \exp (5,187 + 1,650 \cdot 10^{-4} \text{КДО}_{t-1} - 6,895 \cdot 10^{-2} \ln \text{ОТБ}_{t-1} + 2,229 \cdot 10^{-3} \text{ИРЦ}_{t-1} - 3,140 \cdot 10^{-4} \Delta \text{СЧР}), \quad (6)$$

$$\text{ГД} = 67,430 + 2,568 \cdot 10^{-1} \text{СЧР} + 5,113 \cdot 10^{-2} \text{ЗОХ}_{t-1} - 1,152 \cdot 10^{-1} \text{ОТБ}_{t-1} - 1,123 \text{ИРЦ} + 2,405 \cdot 10^{-1} \text{ППП}_{t-1} \quad (7)$$

$$\text{ПСП} = -84,210 + 9,750 \cdot 10^{-2} \text{УСО} + 9,666 \cdot 10^{-2} \text{ГД}_{t-1} + 9,549 \cdot 10^{-2} \text{СЧР}_{t-1}, \quad (8)$$

$$\text{ППП} = 172,804 + 3,540 \cdot 10^{-2} \text{ЗОХ}_{t-1} + 5,148 \cdot 10^{-1} \text{ПСП} - 6,408 \cdot 10^{-1} \text{ИРЦ}, \quad (9)$$

$$\text{ЗОХ} = 6545,171 + 248,968 \cos \frac{2\pi}{12}t + 112,705 \sin \frac{2\pi}{12}t +$$

$$\begin{aligned}
& + 101,146 \cos \frac{2\pi}{12} 2t - 143,908 \sin \frac{2\pi}{12} 2t - 33,801 \cos \frac{2\pi}{12} 3t - \\
& - 92,529 \sin \frac{2\pi}{12} 3t - 643,941 \ln \text{ТСВ}_{t-1} + 1,319 \text{ТСВ} - \\
& - 543,140 \ln \Gamma Д,
\end{aligned} \tag{10}$$

$$\begin{aligned}
\text{ОТБ} = \exp (2,850 + 1,101 \ln \text{ППП} + 1,388 \cdot 10^{-2} \text{ЗОХ} - \\
- 5,087 \cdot 10^{-1} \ln \text{ЗОХ}),
\end{aligned} \tag{11}$$

$$\begin{aligned}
\text{ТСВ} = -4567,115 + 767,912 \ln \text{ИРЦ} + 8,920 \cdot 10^{-1} \text{КДО}_{t-1} + \\
+ 11,819 \text{НЗП} + 1,730 \cdot 10^{-1} \text{ЗОХ}.
\end{aligned} \tag{12}$$

Здесь КДО — количество денег в обращении, ТСВ — текущие счета и вклады, СЧР — среднее списочное число рабочих, ИРЦ — индекс розничных цен, ЗОХ — заготовки основных хлебов, ПСП — производство средств производства, ППП — производство предметов потребления. Знак Δ означает, что используются не абсолютные значения, а первые разности переменной. Уравнения модели объясняют свыше 70 % дисперсии независимых переменных. В большинстве же случаев доля объясненной дисперсии превышает 80 %. Это позволяет надеяться на успех имитации.

Результаты имитации показывают, что при сокращении эмиссии на 55,4 % количество денег в обращении уменьшается только на 6,4 %. Это объясняется как большими абсолютными размерами обращавшейся в стране к началу 1925/26 г. денежной массы, так и уменьшением текущих счетов и вкладов под влиянием сжатия эмиссии. Однако, при сокращении абсолютных размеров денежной массы, покупательная сила денег возрастает. Это связано с тем, что умеренная эмиссия привела бы к снижению индекса розничных цен за год в среднем на 15 пунктов. Такое снижение цен не было бы связано с административным вмешательством в ценообразование, а являлось бы следствием установления нового равновесия между товарной и денежной массой. Таким образом, уменьшение размеров эмиссии привело бы к оздоровлению денежного обращения.

Однако, наряду с положительными последствиями, сжатие эмиссии вызвало бы и целый ряд новых проблем для народного хозяйства. Лишившись прежней свободы в распоряжении денежными средствами, государство было бы вынуждено сократить кредитные операции на 6,1 %. Это отразилось бы на развертывании тяжелой промышленности и сельскохозяйственных заготовках. По отношению к уровню 1923/24 г. производство средств производства на конец 1925/26 г. составило бы не 410,2 %, а только 379,9 %. Это отрицательно сказалось бы на легкой индустрии, развертывание которой уже вплотную упиралось в обновление основного капитала. Заготовки основных хлебов сократились бы на 11,6 %. Под влиянием снижения темпов роста промышленного производства и уменьшения размеров сельскохозяйственных заготовок оптовый товарооборот в стране сократился бы на 22,4 %. Это привело бы к уменьшению государственных доходов на 4,3 %.

Следовательно, под влиянием сжатия эмиссии по целому ряду важных народнохозяйственных показателей экономика не достигла бы реального уровня 1925/26 г.

Можно ли было успешно бороться с отрицательными последствиями уменьшения денежной эмиссии? Выше мы уже отмечали, что при абсолютном сокращении денежной массы ее покупательная сила возрастает. Еще ярче это явление обнаруживает себя в области денежных доходов населения. Результаты имитации показывают, что уменьшение эмиссии ведет к снижению номинальной заработной платы населения на 3,2 %, но в реальном исчислении она возрастает на 3,4 %. Может показаться парадоксальным, но реальная экономика изобилует такими парадоксами, что при уменьшении эмиссии возрастает наличие свободных денежных средств у населения. На самом деле этот эффект вполне объясняется более существенным снижением цен и товарной массы, по сравнению со снижением уровня заработной платы. Этот излишек денежных средств государство не только могло изъять у населения для компенсации негативных последствий сжатия эмиссии, но и должно было его изъять, чтобы избежать дисбаланса между спросом и предложением на товарном рынке.

Таким образом, мероприятия, начатые с уменьшения денежной эмиссии, не могли не перерасти в систему хозяйственных мер, объективно направленных на укрепление рыночного хозяйства. Возможны были три способа изъятия излишка денег у населения: увеличение налоговых ставок, развитие внутренней заемной операции и привлечение денежных средств на вклады и текущие счета. Рост налогового обложения стимулировал бы сельскохозяйственные заготовки, но из-за уменьшения денежных поступлений в деревню под влиянием недостатка кредитных средств отрицательно сказался бы на сельскохозяйственном производстве. Привлечение денег на вклады и текущие счета потребовало бы увеличения учетного процента и вызвало бы удорожание кредита. Более перспективным выглядит путь, связанный с выпуском облигаций существующих и новых хозяйственных займов, доверие к которым у населения тогда не было подорвано. Однако в этом случае пришлось бы считаться с ростом государственной задолженности. Выход мог заключаться в оптимальном сочетании указанных трех направлений финансовой политики.

По нашим подсчетам, при сокращении эмиссии на указанные выше 55,4 %, размеры налогообложения должны были возрасти на 1 руб. 10 коп. на душу населения для того, чтобы полностью компенсировать потери госбюджета. При этом у населения оставалось бы еще 8 руб. 38 коп. на душу необеспеченных товарами денег, изъятие которых путем привлечения на вклады и распространения облигаций госзаймов позволило бы сохранить размеры кредитования на фактически достигнутом в 1925/26 г. уровне. Но это означало бы, что рассчитанное выше снижение темпов роста промышленного производства не имело бы места. Более того, имитация, проведенная с учетом изменения финансовой политики,

показывает увеличение производства средств производства на 1,2 %, по сравнению с достигнутым в 1925/26 г. уровнем в основном благодаря увеличению среднего списочного числа рабочих и служащих на основе роста фонда заработной платы. При этом легкая промышленность, уже не скованная нехваткой основного капитала, смогла бы довести объем производства к концу года до 277,4 % по отношению к уровню 1923/24 г., против 256,0 %, фактически достигнутых в 1925/26 г. При этом на первый план в ряду ограничений развития легкой промышленности выдвинулись бы сельскохозяйственные заготовки, размеры которых не превысили бы достигнутый в 1925/26 г. уровень, что связано с исчерпанием сельскохозяйственных излишков.

Таким образом, укрепление рыночной экономики заставило бы государство вновь обратить внимание на положение дел в сельском хозяйстве, и провозглашенный И. В. Сталиным перенос всех усилий на промышленность оказался бы в противоречии с очевидными задачами хозяйственной политики. Более того, в условиях 1925/26 г., когда восстановительные тенденции в развитии народного хозяйства уже исчерпывались и страна оказалась перед выбором двух возможных путей дальнейшего экономического развития: директивно-административного или рыночного — задача повышения производительности сельского хозяйства объективно способствовала бы укреплению ведущей роли за рыночными методами руководства экономикой.

Подробный анализ предложенного Наркомфином проекта эмиссионной политики позволяет разглядеть за кажущимся благополучием хозяйственного развития серьезную борьбу между двумя основными тенденциями в жизни нашего общества. Первая из них была связана с провозглашенной В. И. Лениным демократизацией общественной жизни. Ее экономическим преломлением была установка строить социализм вместе с крестьянством, что было возможно только на рельсах рыночной экономики. Эта тенденция допускала известные противоречия между различными социально-экономическими укладами, используя эти противоречия в целях дальнейшего общественного развития. Другая тенденция, восходящая к политике «военного коммунизма», делала упор на ускоренное социалистическое строительство путем навязывания народным массам новых общественных и экономических форм. Допуская разрыв между экономическими реформами и общественным сознанием, эта тенденция делала ставку на директивное планирование. Важно было не допустить противодействия реформам и в этих целях народ все больше отстранялся от управления обществом, а любые общественные конфликты подавлялись путем насаждения административно-бюрократического аппарата.

В первые годы нэпа широкое вовлечение народных масс в активную экономическую деятельность захлестнуло административно-бюрократическую тенденцию, но не уничтожило ее. В последующем, благодаря успешному административному решению ряда народнохозяйственных проблем (вспомним, хотя бы,

ликвидацию кризиса сбыта путем директивного снижения цен), бюрократическая тенденция начинает укрепляться. Со временем административное вмешательство в рыночные отношения в целях создания благоприятных условий для развития государственного хозяйства становится обычным делом. К середине 20-х годов ситуация оказывается кульминационной. При дальнейшем вмешательстве плановых органов в эмиссионную политику и ценообразование создавалась угроза необратимого выведения цен из равновесия с рынком, утраты ими всех регулирующих функций. В этих условиях регулирование производства и потребления могло уже осуществляться только с помощью административно-хозяйственных методов.

Поэтому план Наркомфина, в случае его реализации, явился бы серьезным препятствием дальнейшему распространению административных методов. Выступая с позиций сохранения завоеваний денежной реформы, сторонники этого плана по сути дела отстаивали наиболее важные принципы рыночной экономики, а вместе с ними и реальную возможность развития нашего общества по демократическому пути. Если бы все это было вовремя осознано, то история нашего общества и судьбы мирового социализма могли бы быть иными. К сожалению, современникам спор между Госпланом и Наркомфином представлялся только частными разногласиями. Вообще для существовавших в те годы экономических концепций недооценка роли денежного обращения в развитии народного хозяйства была наиболее распространенной ошибкой. Считалось, что все перегибы в области эмиссионной политики могут быть легко исправлены. И никто не замечал явного противоречия между подобными взглядами и реальным историческим опытом страны, только недавно пережившей денежную инфляцию.

Все это и привело к тому, что позиция Наркомфина не вылилась в серьезные политические решения. Напротив, концепция Госплана оказалась по душе многим работникам хозяйственного аппарата и ее реализация могла развиваться беспрепятственно. Единственным серьезным препятствием для Госплана была сама рыночная экономика, но ее силы к сопротивлению не были беспредельными.

Сталинская модель построения социализма, во многих своих чертах сформировавшаяся в середине 20-х годов, не была просто его личным изобретением. С одной стороны, она упиралась в реальную экономическую и общественно-политическую ситуацию, связанную с укреплением административно-бюрократических методов руководства обществом, с другой стороны, активно содействовала победе этих методов над рыночной экономикой. Принятие плана Наркомфина нанесло бы серьезный удар по сталинской модели, выбило бы из-под ее оснований реальную почву. Поэтому, отнесись общество серьезнее к происходившим в середине 20-х годов экономическим процессам, и под вопросом могло оказаться само формирование культа личности с его трагическими для страны последствиями.

Из изложенного выше нельзя сделать того вывода, что с принятием предложений Наркомфина рыночная экономика развивалась бы в дальнейшем беспрепятственно, а административно-бюрократическая тенденция была бы окончательно сломлена. Напротив, главные трудности были еще впереди. Среди них наиболее важной проблемой была неэквивалентность обмена между городом и деревней, с одной стороны, облегчавшая индустриализацию, а с другой стороны, удерживавшая свободу рыночных отношений в известных рамках. Если бы рыночные отношения между городом и деревней развивались в 20-е годы без директивного вмешательства, то неэквивалентность обмена привела бы к существенной трансформации крестьянского предложения в пользу высокодоходных культур. Это вызвало бы, если не продовольственный кризис, то значительное снижение жизненного уровня городского населения. Другой важной проблемой явились бы циклические колебания рыночной экономики, неустойчивость хозяйственной конъюнктуры.

Суть, однако, в том, что с отклонением предложений Наркомфина общество теряло последний шанс на победу экономических принципов руководства хозяйственным строительством. Получив серьезную трещину в 1925/26 г., рыночная экономика распадалась столь стремительно, что никто уже был не в силах остановить этот процесс. Одновременно значительные изменения происходили и в идеологии, нацеливавшей общество на решительное вытеснение частного сектора из всех сфер хозяйственной жизни, на жесткую централизацию руководства экономикой.

Перевес командно-административных методов над экономическими был связан еще и с тем обстоятельством, что с завершением восстановительных процессов общество вступило в полосу хозяйственных затруднений. Если раньше успех экономического строительства был во многом связан с развертыванием имеющегося хозяйственного потенциала, то к середине 20-х годов общество оказалось перед проблемой его исчерпания. Среди сторонников рыночной экономики распространилось представление о том, что в последующем темпы экономического роста не превысят дореволюционные или даже окажутся ниже их. В этих условиях многие поверили в то, что усиление командных методов позволит мобилизовать все внутренние ресурсы страны, откроет новые возможности для последующего увеличения темпов экономического развития. Однако при этом не принималось в расчет, что научные принципы планового руководства обществом находились еще в стадии становления, что планирование многоукладной экономики представляет собой чрезвычайно сложную проблему.

События 1925/26 г. достаточно ярко показывают нам, что в реальной действительности директивно-командные методы очень часто оказываются в противоречии с принципами научного планирования, что командная система не принимает в расчет тех научных рекомендаций, которые оказываются в противоречии с принятыми ею установками. В этих условиях распространение командных методов принимает характер раковой опухоли: волюнтаристи-

ческие решения порождают новые проблемы для общества, а попытки выйти из этих проблем ведут к дальнейшему распространению командных методов. В итоге общество оказывается в тисках административно-хозяйственного механизма.

«Смычка по текстилю» и «смычка по металлу»

Осенью 1926 г. страну ожидал повторный высокий урожай. Валовой сбор зерна составил 4 658 млн пудов, превысив, таким образом, сбор предыдущего года на 7 %⁵⁹. В такой же примерно пропорции возросли посевные площади под зерновыми культурами. Следовательно рост зерновой продукции был достигнут на фоне неизменившейся, а по многим данным несколько снизившейся урожайности⁶⁰. Между тем в литературе встречаются и прямо противоположные оценки, согласно которым «значительная доля прироста валовой продукции зерновых хлебов должна быть отнесена за счет повышения урожайности»⁶¹. Такая разноречивость мнений объясняется просто: по ряду важных зерновых культур темпы прироста посевных площадей настолько снизились, что оказались за пределом «разрешимости» для ряда статистических учреждений. Так, например, посевы ржи увеличились всего на 1,3 % против 2,9 % в 1925 г.⁶²

Дело в том, что с 1926 г. восстановительные процессы в крестьянском хозяйстве уже утратили свою силу. Дальнейшее развитие крестьянского производства всецело находилось под влиянием рыночных факторов. В этих условиях движение цен, конкурентоспособность отдельных культур, состояние рынков сбыта оказывали решающее воздействие на состояние посевов и размеры крестьянского производства.

Это отразилось на производстве технических культур. В 1926 г. в связи с ростом хлебных цен соотношение между ценами на продовольственные и технические культуры изменилось в неблагоприятную для последних сторону, а по некоторым культурам цены снизились. В ряде случаев размеры заготовок в 1925/26 г. оказались значительно ниже крестьянского предложения. Например, по маслосеменам при росте продукции на 90 % заготовки увеличились только на 9 %⁶³.

В результате в 1926 г. рост посевных площадей под сырьевыми культурами приостановился, а во многих случаях посевы уменьшились. Одновременно ухудшилось качество ухода за посевами, что снизило урожайность. Все это привело к заметному снижению валовых сборов (см. табл. 56). Положение с посевными площадями и производством льна может показаться на первый взгляд удовлетворительным. На самом деле здесь встретились две тенденции: сокращение посевов льна в товарных районах и их расширение в Сибири, где товарность льна была заметно ниже. Поэтому товарный выход льна тоже сократился⁶⁴.

Хлебозаготовительная кампания развивалась в 1926/27 г. достаточно удовлетворительно. Начиная с сентября 1926 г. раз-

Таблица 56. Посевные площади и валовые сборы технических культур в 1926 г.

Культура	Площадь посевов		Валовой сбор	
	тыс. дес.	% к 1925 г.	тыс. пудов	% к 1925 г.
Лен	1449,6	100,3		
В том числе:				
семя			40 175,8	109,1
волокно			17 734,5	107,2
Конопля	820,6	98,1		
В том числе:				
семя			34 437,3	99,7
волокно			27 532,7	100,8
Подсолнух	2278,2	82,7	108 598,7	66,2
Хлопок	628,8	105,2	9 065,7	93,8
Сахарная свекла	452,2	103,3	403 461,5	86,8

Источники: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 14; ЦГАНХ СССР. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 65. Л. 53—65.

меры хлебных заготовок из месяца в месяц превышали уровень соответствующего периода прошлого года. Только с марта 1927 г. они стали отставать от размеров заготовок тех же месяцев 1925/26 г. В итоге хлебозаготовки 1926/27 г. на 27 % превысили размеры хлебозаготовок 1925/26 г.⁶⁵

Это позволило государству перенести основное внимание на создание условий, благоприятных для производства технических культур. В целях обеспечения экономической заинтересованности крестьян в развитии сырьевых отраслей сельского хозяйства заготовительные цены на технические культуры стали строиться так, чтобы их индексы на несколько пунктов превышали индексы главных продовольственных хлебов, конкурирующих в конкретном районе с сырьем. При этом во многих случаях регулирующие органы из-за хорошего предложения хлеба крестьянами и в целях экономии денежных средств делали это не с помощью повышения заготовительных цен на технические культуры, а путем снижения хлебных заготовительных цен⁶⁶.

Понятно, что такая политика создавала угрозу конкурентоспособности зерновых культур. Действительно, в 1926/27 г. цены на технические культуры заметно возросли, а цены на хлеб значительно снизились (см. табл. 57). Дело в том, что регулирующие мероприятия наложились на стихийный рыночный процесс, связанный со снижением цен на товар в случае его избыточного предложения. Никто не предостерегал заготовителей от заготовки хлеба по низким ценам; напротив, это поощрялось при условии выполнения плановых заданий, так как повышало рентабельность экспорта, экономило денежные средства, увеличивало спрос.

Существовали и другие факторы, создававшие неблагоприятную рыночную конъюнктуру для сбыта крестьянами хлебных продуктов. Не находя достаточного спроса со стороны плановых

Таблица 57. Заготовительные цены на важнейшие сельскохозяйственные продукты в 1926/27 г.

Продукт	Единица измерения	Цена руб.	% к 1925/26 г.
Рожь	пуд	0,71	76,3
Пшеница	»	1,02	81,6
Овес	»	0,60	68,2
Ячмень	»	0,54	77,1
Хлопок	»	4,70	102,2
Сахарная свекла	берк.	2,11	—

Источники: ЦГАНХ СССР. Ф. 4372. Оп. 26. Д. 1155. Л. 16—41; Ф. 5240. Оп. 5. Д. 18. Л. 14—20.

заготовителей, в отдельных районах крестьяне были вынуждены идти на продажу хлеба государственным и кооперативным организациям «на цену», т. е. с условием окончательного расчета за проданный хлеб по ценам какого-либо последующего месяца хлебной кампании с получением при фактической сдаче зерна лишь определенных авансов. Таким образом, крестьяне шли на продажу хлеба в кредит с весьма неопределенными условиями, допускавшими значительные размеры потерь в результате последующих снижений хлебных цен. В октябре 1926 г. был издан циркуляр, предписывавший развивать такую форму хлебных заготовок⁶⁷.

Большое значение имело также продолжение начатой в 1925/26 г. политики, направленной на вытеснение частных заготовителей с хлебного рынка. В сентябре 1926 г. отправка хлебных грузов частными заготовителями составила 20 %, в то время как в тот же месяц предыдущего года она была равна 40 %⁶⁸. Следствием было сжатие спроса в период максимального предложения хлеба.

В чем причина такого заметного контраста в размерах крестьянского предложения хлеба в 1925/26 и 1926/27 гг.? Определенное значение, конечно, имело то обстоятельство, что первая из отмеченных здесь хлебных кампаний шла за неурожайным годом, а вторая — за урожайным, в результате чего различными были внутренние потребности крестьянского двора в пополнении запасов. Но не это имело решающее значение. В случае плохого спроса крестьянин имел возможность использовать хлеб для развития других отраслей хозяйства. Главная же причина заключалась в существенном увеличении налоговых платежей деревни, вынуждавших крестьянина искать на рынке средств для уплаты налога.

Прежде всего изменились принципы налогообложения. Если раньше налог взимался по размерам пахотно-сенокосной или посевной земли на едока, а также по количеству крупного рогатого скота, то в 1926/27 г. налог стал исчисляться по доходу хозяйства, определяемому по натуральным показателям. Существует мнение, что «доход, выражающий совокупность показателей хозяйства в ценностном выражении, правильнее и ярче отображал

мощность двора»⁶⁹. Мы уже имели случай показать, что исчисленный по натуральным показателям доход не соответствовал реальному ни по размерам, ни по структуре, причем в наименее выгодных условиях оказывались хозяйства зернового направления⁷⁰. При этом размеры налоговых платежей увеличились на 31 % по общим размерам и составили 3 руб. 13 коп. в среднем на душу⁷¹. Это означало, что государство вновь перешло к налоговому «стимулированию» рыночных отношений крестьян.

Большое значение имело также и то обстоятельство, что снижение хлебных цен отразилось на общем уровне сельскохозяйственных цен и привело к новому расхождению между промышленными и сельскохозяйственными ценами. По индексу розничных цен Конъюнктурного института «ножницы» цен поднялись с 1,15 в марте 1926 г. до 1,32 в сентябре и удерживались на этом уровне до начала 1927 г.⁷² В результате для покупки одного и того же набора промышленных товаров крестьянин должен был продавать больше сельскохозяйственных продуктов. Поэтому, не удовлетворяясь емкостью и платежной способностью государственных и кооперативных скупщиков, крестьянин вынужден был искать других покупателей на свой товар. Это особенно заметно проявилось в первом полугодии 1927 г., когда, по данным денежных приходо-расходных записей добровольных корреспондентов, крестьяне смогли продать государству и кооперации только 27 % всех своих товарных излишков. При этом удельный вес частных торговцев на крестьянском рынке составил 26 %. Остальные 47 % своих излишков крестьянин продал, вступая в непосредственный контакт с городскими и сельскими потребителями⁷³.

Надо сказать, что, вытесняемые из хлебных заготовок, частные торговцы удерживали довольно прочные позиции в скупке других крестьянских продуктов (см. табл. 58). Значителен был их удельный вес в покупке крестьянской муки и крупы, живого скота,

Таблица 58. Контрагенты рыночного оборота крестьян в январе—марте 1927 г. (в %)

Продукт	Продано				Итого
	государственным торговым органам	кооперации	частным торговцам	крестьянам и городским потребителям	
Зерновые хлеба	21,1	37,2	16,1	25,6	100
Мука и крупа	6,5	11,6	31,3	50,6	100
Прядильные	33,4	44,6	13,1	8,9	100
Масличные	20,7	30,4	34,5	14,4	100
Сено	2,3	0,2	18,9	69,6	100
Живой скот	3,2	6,1	35,5	55,2	100
Молочные продукты	2,6	35,3	17,1	45,0	100
Прочие продукты	8,3	21,2	26,4	44,1	100

Источник: Стат. обозрение. 1928. № 7. С. 20.

масличных семян. Торговая статистика свидетельствует о том, что частный торговец скупал до 40 % товарного выхода пеньки, от 40 до 50 % мелкого кожсырья⁷⁴. Это усугубляло сырьевые трудности государства.

Хорошее предложение хлеба крестьянами позволило не только решить все внутренние проблемы, связанные со снабжением населения, но и существенно увеличить хлебный экспорт. В 1926/27 г. вывоз хлеба по европейской границе составил 144 млн пудов, что на 15 % превышало достигнутый в прошлом году уровень и только на 10 % уступало рекордному уровню 1923/24 г. Тем не менее за ростом экспорта вывоз хлеба не поспевал и его доля в составе вывозимых продуктов несколько снизилась (см. табл. 59). Вообще доля сельскохозяйственных продуктов в составе экспорта снизилась с 52 % в 1925/26 г. до 46 % в 1926/27 г. Зато значительно увеличился экспорт природных ресурсов: лесоматериалов, железной и марганцевой руды, нефтепродуктов. Потребности намечаемых планов хозяйственного строительства вступили в противоречие с экспортными возможностями страны. Тем не менее благодаря более сбалансированному импорту сальдо внешней торговли оказалось активным.

1926/27 г. дал существенное замедление роста промышленной продукции. Валовая продукция крупной промышленности увеличилась на 21 % против 41 % в прошлом году. В целом же все промышленное производство возросло только на 18 % против

Таблица 59. Экспорт главнейших товаров из СССР по европейской границе в 1926/27 г. (в тыс. довоенных руб.)

Товар	Всего	% к 1925/26 г.
Весь экспорт	497 531	119,7
Продукты сельского хозяйства	230 230	107,2
Продукты земледелия:	152 476	100,3
хлеб	129 991	115,1
маслосемена	2 784	21,9
прядильные	14 404	62,7
Продукты животноводства:	77 154	122,9
кожа	2 465	122,6
яйца	24 174	149,3
масло коровье	27 741	111,2
Продукты лесоводства	52 720	136,7
Продукты звероловства	29 541	109,4
Продукты пищевой промышленности	35 513	122,9
Продукты горной промышленности:	136 925	142,0
руда железная	2 732	272,4
руда марганцевая	9 809	119,5
нефтепродукты	117 533	142,7
Прочие промышленные продукты	12 602	128,6

Источник: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1927. № 11/12. С. 82.

35 % в 1925/26 г. Это произошло несмотря на 24 % увеличение ассигнований, составивших в 1926/27 г. 1077 млн червонных руб.⁷⁵ Решающую роль здесь сыграл слабый прирост основных фондов, увеличившихся всего на 8 %⁷⁶. Тяжелая промышленность, хотя и продолжала развиваться более быстрыми темпами по сравнению с легкой, дав в составе крупной промышленности 26 % годового прироста против 12 % роста легкой промышленности⁷⁷, все же не могла привести к быстрому перевооружению и значительному расширению основных фондов промышленности. Свою роль сыграли и сырьевые затруднения, связанные с сокращением товарного выхода ряда технических сельскохозяйственных культур, сузившие сырьевую базу легкой промышленности⁷⁸.

Вместе с тем в работе промышленности все более заметными становятся нарушения принципов хозяйственного расчета. Начало этому было положено еще в середине 1926 г., когда для поощрения крестьянского спроса цены на сельскохозяйственные машины были установлены на уровне довоенных, а рост себестоимости привел к убыточности производства и государственным дотациям⁷⁹. К октябрю убытки сельскохозяйственного машиностроения составили 5919 тыс. червонных руб.⁸⁰

В феврале 1927 г. была начата новая кампания по снижению промышленных цен, ставящая целью понизить розничные цены к 1 июля 1927 г. не менее чем на 10 %. Целый ряд отраслей попадали при этом в тяжелые условия из-за наблюдавшегося удорожания некоторых видов сельскохозяйственного сырья и накладных расходов, увеличения себестоимости продукции. Положение осложнялось тем, что планы развертывания промышленности на 1926/27 г. в большинстве случаев не предусматривали такого же резкого снижения себестоимости и поэтому для сохранения уровня рентабельности производства нуждались в пересмотре. Промышленность была поставлена в такие условия, при которых своевременное получение ею при реализации продукции восстановительной стоимости производства оказывалось в связи с директивно установленным уровнем промышленных цен. Это привело к большой пестроте процента прибыли, получаемого отдельными отраслями промышленности (см. табл. 60). Так, например, металлическая промышленность оказалась целиком убыточной, а самым высоким процент прибыли был в бумажной промышленности. Еще большая пестрота наблюдалась внутри отраслей по отдельным трестам. Так, по металлическим трестам диапазон колебаний составлял от 16,7 % убытка до 65,4 % прибыли; в льняных трестах — от 0,6 % убытка до 19,2 % прибыли и т. д.

В условиях рыночной экономики, где движение цен отражает соотношение между спросом и предложением, норма прибыли имеет тенденцию к выравниванию, так как прибыльные предприятия увеличивают производство, а убыточные его сокращают, что отражается на ценах, а через них на прибыли. Однако, как мы говорили, с 1926 г. цены уже не отражали соотношения между

Таблица 60. Процент прибыли в различных отраслях государственной промышленности

Отрасль промышленности	В отношении к уставному капиталу	В отношении к себестоимости
Металлическая	—0,6	—1,2
Текстильная	+11,6	+16,6
Топливная	+5,2	—
Химическая	+12,9	+15,1
Пищевая	+25,2	—
Бумажная	+34,5	+18,7
Электротехническая	+9,2	+16,5
Электростанции	+2,1	—

Источник: ЦГАОР СССР, Ф. 5674. Оп. 7. Д. 332. Л. 7—9.

спросом и предложением, а являлись результатом сложной политики регулирования. Поэтому высокий процент прибыли вовсе не означал, что народное хозяйство нуждается в преимущественном развитии данной отрасли или предприятия, и наоборот, а являлся просто непредвиденным результатом регулирования промышленных цен. Однако предприятия с разной нормой прибыли оказывались в неодинаковых экономических условиях, что отражалось самым прямым образом на их производственных показателях в условиях хозрасчета. Вопрос нуждался в срочном разрешении.

Все это привело в июле 1927 г. к принятию решения, имеющего значение экономической реформы. По представлению Госплана СССР в СТО была сконструирована новая плановая величина — средний процент прибыли, определяемый для всей промышленности, ее отдельных отраслей и предприятий. При этом, что имело особо важное значение, средняя норма прибыли стала включаться в калькуляции отпускных цен.⁸¹ Все это заметно сузило границы хозрасчетной деятельности предприятий, расширило сферу административно-хозяйственной деятельности, связанную с перераспределением прибыли между высокодоходными и убыточными предприятиями. По окончательным директивам СТО в распоряжении предприятия могла оказаться только та часть сверхплановой прибыли, которая была получена за счет снижения себестоимости ниже установленного промфинпланом предела⁸². Таким образом, во второй половине 20-х годов в экономике складывалась весьма своеобразная ситуация. В то время как крестьянское хозяйство стало в большей мере реагировать на рынок, промышленность начала в определенной степени отходить от рыночных принципов. Это противоречие сыграло важную роль в деле осуществления взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством.

Первые признаки серьезного разлада взаимоотношений между городом и деревней обнаружили уже осенью 1927 г. К этому времени низкая конкурентоспособность зерновых культур по сравнению с другими продуктами сельского хозяйства уже успела

оказать заметное воздействие на динамику посевных площадей. Если подсчитать коэффициент корреляции между данными крестьянских индексов о конкурентоспособности продуктов полеводства и изменением посевных площадей в 1927 г. по отношению к 1926 г., то он окажется равным $+0,86$. Таким образом, между соотношением цен на отдельные сельскохозяйственные продукты и структурой крестьянского производства установилась тесная взаимосвязь. В результате удельный вес зерновых хлебов в составе крестьянских посевов снизился с $85,1\%$ в 1926 г. до $84,4\%$ в 1927 г. Надо сказать, что в 1913 г. он был равен $93,6\%$ ⁸³. По отдельным зерновым культурам динамика посевных площадей оказалась неравномерной. Так, на территории РСФСР посевы ржи увеличились лишь на $0,1\%$, пшеницы возросли на $6,2\%$, ячменя сократились на $1,0\%$, кукурузы уменьшились на $8,4\%$, а овса увеличились на $14,7\%$ ⁸⁴, что было связано с подъемом животноводства, оказавшегося в благоприятных рыночных условиях.

Если бы урожайность зерновых сохранилась на уровне 1926 г., то с учетом уменьшения посевных площадей в наиболее товарных районах и увеличения посева в местах с менее развитой заготовительной сетью размеры заготовок снизились бы примерно на 23 млн пудов. Однако в целом по стране урожайность зерновых снизилась на $10,5\%$, что привело к уменьшению заготовок на $12,7\%$ по сравнению с 1926/27 г.⁸⁵ К началу 1928 г. хлебный дефицит составил 128 млн пудов.

Вместо экономических мер, направленных на выравнивание отношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, к крестьянству были применены административно-репрессивные меры. К тем, кто, по мнению администрации, не сдал всех хлебных излишков, была применена 107-я статья Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая ответственность за . . . спекуляцию. «Излишки» хлеба, а точнее, обычные хлебные запасы крестьян на случай неурожая безвозмездно конфисковывались. И. В. Сталин лично оказывал нажим на хозяйственников и судебные органы в целях более широкого использования 107-й статьи УК РСФСР⁸⁶.

В результате внеэкономического давления на крестьянство удалось дополнительно заготовить 106 млн пудов хлеба (разница между заготовками в январе—марте в 1928 и 1927 гг.), что значительно смягчило хлебную проблему в городах. Однако размеры хлебного потребления крестьянского населения, по нашим подсчетам, включая личное потребление, корм скота и семенной фонд, уменьшились с 4119,7 млн пудов в 1926/27 г. до 3856,9 млн пудов в 1927/28 г.⁸⁷ По РСФСР сальдо села (разница между валовым сбором и необходимыми расходами крестьян) было охвачено в 1927/28 г. на $111,6\%$, тогда как в предшествующем году — на $100,1\%$ ⁸⁸. Таким образом, представляемые как антикулацкие чрезвычайные меры 1928 г. обернулись существенным снижением хлебного потребления всего крестьянского населения.

Конечно, это был не голод, но, конфискуя у крестьян часть

необходимого хлеба, административные органы подрывали и без того не слишком прочную производственную базу крестьянского хозяйства. Гораздо серьезнее были политические последствия чрезвычайных мер. Крестьянство, едва только вписавшись в рыночную систему СССР, получило ясный урок в том, что на него не смотрят как на равноправного партнера по рынку, а используют все средства для того, чтобы выкачивать больше хлеба.

Однако не только крестьяне потеряли доверие к администрации, но и администрация перестала возлагать надежды на крестьянство. На происходившем в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б) в докладе В. М. Молотова «О работе в деревне» была поставлена задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы как основная задача партии в деревне. Докладчик представил эту задачу как часть ленинского кооперативного плана. В прениях выступили 26 человек. Защитников подлинного ленинского кооперативного плана оказалось немного. Следует отметить выступление К. Я. Баумана, высказавшегося за постепенный переход к общественному хозяйству, не допускающего насилия над крестьянством, поощряющего те явления, которые исходят от самих крестьян, например приобретение всем обществом сложной сельскохозяйственной техники. В защиту ленинского плана выступали также В. П. Милютин и А. Г. Шлихтер.

Однако не они задавали тон на съезде. Наиболее непримиримой к мелкому крестьянскому хозяйству была позиция Я. А. Яковлева, важность выступления которого подчеркивалась приведенными в тексте стенографического отчета диаграммами автора. Яковлев с видом первооткрывателя говорил азбучные для любого коммуниста истины: «Мы, на основании наших исследований (! — Ю. Б.), категорически утверждаем, что совершенной фантазмагорией является идея добиться какого бы то ни было успеха в крестьянском хозяйстве... вне поднятия производительности труда крестьянского хозяйства, вне массовой механизации сельского хозяйства...» и т. п. Кто даст цену такому «исследованию», которое доказывает преимущество машинного труда над ручным? Весь вопрос заключался в том, как убедить в этом крестьянина, не прибегая к насилию. Далее Яковлев говорил о низкой урожайности в крестьянских хозяйствах, ставил задачу поднять урожайность вдвое к концу пятилетки. По мнению докладчика, именно такой эффект должна дать коллективизация.

В заключительном слове В. М. Молотов обвинил своих оппонентов в том, что они хотят найти формы обобществления крестьянских хозяйств вне кооперации. Таким образом, вне колхозов не было кооперации, а вне кооперации не было колхозов. Резолюция съезда «О работе в деревне» сделала задачу перехода к производственному кооперированию крестьян обязательной для всех членов партии⁸⁹.

О кооперации написаны сотни работ. Это, пожалуй, единственная социально-экономическая форма, в оценке которой современные публисты не разошлись с историографией периода застоя.

Присмотримся к кооперации в тот период, когда ей пришлось сыграть решающую роль в судьбе крестьянского хозяйства.

Мы любим приводить цифры о том, что к концу 1927 г. в СССР насчитывалось 27 173 сельских потребительских общества, в которых состояло 9,8 млн пайщиков, представляющих около 33 % крестьянских хозяйств, и 64 573 различных сельскохозяйственных товариществ, объединявших около 8 млн крестьянских хозяйств⁹⁰. Как будто во времена всеобщих массовых охватов валовые показатели способны что-нибудь объяснить! А вот когда на трибуну XV съезда поднимается представитель Центросоюза и заявляет, что для работы кооперации на один рубль собственных вложений ей необходимо два с половиной рубля государственного кредита⁹¹, то эти цифры говорят о многом.

Прежде всего эти цифры заставляют предположить полную зависимость (если не подчиненность) кооперации от государства. Затем, зная общие размеры государственных кредитов, мы вынуждены допустить несоответствие между реальными размерами деятельности кооперации и количеством объединяемого ею населения. Из двух предположений складывается третье: возможно, что кооперация в рассматриваемый период не была в состоянии оказать решающего воздействия на крестьянское хозяйство, тем более вести его к социализму. Так ли это? Ответить на этот вопрос можно только с помощью специального исследования.

В табл. 61 приведены данные об удельном весе крестьянских

Таблица 61. Удельный вес крестьянских хозяйств с членами кооперации во всей массе крестьянских хозяйств (в %)

Республика и район	Все виды кооперации	Потребительская	Сельскохозяйственная		Промысловая
			кредитная	без кредитных функций	
СССР	49,7	32,9	22,9	8,9	1,6
РСФСР	48,2	33,0	21,1	9,3	2,2
Центрально-Черноземная область	39,2	21,3	21,6	6,6	0,2
Средне-Волжская область	41,5	27,8	18,3	2,1	2,1
Северо-Кавказский край	48,1	37,6	18,6	2,7	0,7
Уральская область	56,4	39,0	29,0	10,4	1,1
Сибирский край	74,6	59,2	30,2	38,8	1,0
УССР	52,7	37,2	27,0	6,8	0,2
БССР	54,8	36,4	26,9	4,2	0,3
ЗСФСР	46,7	34,1	16,3	9,2	0,1
Узбекская ССР	47,1	5,3	30,7	17,6	0,4
Туркменская ССР	53,7	20,2	44,3	15,0	0,9

Источники: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 212; Сельское хозяйство СССР 1925—1928 гг.: Сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 126—131.

хозяйств кооператоров в составе всех крестьянских хозяйств по регионам в 1927 г. В литературе эти данные уже анализировались В. П. Даниловым, который пришел к выводам о том, что всеми видами кооперации в 1927 г. была охвачена почти половина крестьянских хозяйств, а наиболее массовой кооперативной организацией деревни являлась потребительская кооперация⁹². Однако данные таблицы несут гораздо больше информации, чем извлек из нее В. П. Данилов. Наверное, нельзя не отметить, что на окраинах страны (Сибирь, Урал, Туркменская ССР) кооперативное движение заметно опережало средние по СССР цифры, а в Центрально-Черноземной и Средне-Волжской областях оно заметно отставало от них.

Интерпретировать это можно по-разному. Для правильной интерпретации мы сопоставили данные табл. 61 с показателями социально-экономического развития регионов и рассчитали по ним коэффициенты корреляции⁹³. Результаты приведены в табл. 62.

Важнейшей частью ленинского кооперативного плана был последовательный охват крестьянского населения всеми видами кооперации, начиная с низших форм и кончая высшими. Многие исследователи считают, что так на практике и происходило, и «сельскохозяйственная кооперация в процессе своего развития создавала переходные ступени от кооперирования торгового оборота к кооперированию производства»⁹⁴. Если бы это было так, то наблюдалась бы согласованность в региональных колебаниях различных форм кооперации. Скажем, в каком-то регионе широкое распространение получила потребительская кооперация. Это должно создавать условия для более широкого проникновения сельскохозяйственной кредитной кооперации, а последняя должна способствовать распространению сельскохозяйственной производственной и т. д. Но на деле коэффициенты корреляции показывают, что развитие различных форм кооперирования в регионах не было взаимосвязанным. Различные формы кооперации оказались связанными с суммарными итогами кооперированности крестьян, но не между собой.

По замыслу теоретиков кооперативного плана кооперация должна была объединить бедных и средних крестьян, которые пойдут в нее, спасаясь от кулацкой эксплуатации. Однако в литературе приведено немало примеров о повышенной кооперированности именно кулацкого слоя деревни. Полученные нами данные подтверждают самые пессимистические выводы об удельном весе кулацких хозяйств в кооперативах. Связь между долей кооперированных хозяйств по всем видам кооперации, кроме промысловой, и процентом хозяйств, сдающих в аренду сельскохозяйственную технику, самая тесная. В случае потребительской и сельскохозяйственной некредитной она превышает +0,8. Поскольку в центральных районах страны стремились не допускать зажиточно-кулацкие хозяйства в кооперацию, в отдаленных от центра районах это явление должно было проявиться отчетливее.

Значительно слабее, но тем не менее достаточно высокой была

связь между процентом всех видов кооперации и долей хозяйств, нанимающих средства производства. В отличие от предшествующей группы здесь заметна взаимосвязь и с сельскохозяйственной кредитной кооперацией. Таким образом, бедняк также тянулся к кооперации. Однако довольно сильная отрицательная взаимосвязь между кооперированностью и долей хозяйств без рабочего скота показывает, что наиболее бедные хозяйства оказывались за порогом кооперации.

Следует также отметить тесную взаимосвязь между охватом крестьянских хозяйств потребительской кооперацией и средними размерами крестьянской семьи. Дело в том, что состоятельность и средние размеры семьи были для мелких крестьянских хозяйств тесно связанными. А по имеющимся статистическим данным, кооперация торгового оборота охватывала более состоятельные слои деревни. Следует отметить тот факт, что средние размеры крестьянской семьи увеличивались от центра к окраинам.

Таблица 62. Коэффициенты корреляции между долей кооперированных крестьянских хозяйств и некоторыми показателями социально-экономического развития деревни в 1927 г.

Переменная	Доля хозяйств				
	во всех видах кооперации	в том числе			
		в потребительской	в сельскохозяйственной кредитной	в сельскохозяйственной некредитной	в промышленной
Доля хозяйств:					
во всех видах кооперации	1	+0,711	+0,472	+0,798	-0,024
в потребительской кооперации	+0,711	1	-0,171	+0,359	+0,122
в сельскохозяйственной кредитной кооперации	+0,472	-0,171	1	+0,469	-0,130
в сельскохозяйственной без кредитных функций	+0,798	+0,359	+0,469	1	-0,023
в промышленной кооперации	-0,024	+0,122	-0,130	-0,023	1
Число крестьянских хозяйств	-0,100	+0,064	-0,226	-0,109	+0,544
Процент сельского населения	+0,016	+0,111	+0,146	+0,095	+0,264
Душ на одно хозяйство	+0,213	+0,628	-0,408	+0,099	+0,083
Доля хозяйств:					
без рабочего скота	-0,783	-0,694	-0,662	-0,618	-0,022
с обработкой пашни наемным скотом	-0,748	-0,668	-0,649	-0,520	-0,016
с обработкой пашни супругой	+0,142	+0,315	-0,094	-0,004	-0,207

Таблица 62 (окончание)

Переменная	Доля хозяйств				
	во всех видах кооперации	в том числе			
		в потребительской	в сельскохозяйственной кредитной	в сельскохозяйственной некредитной	в промышленной
На одно хозяйство:					
итого денежного прихода	-0,178	+0,020	-0,489	-0,165	+0,102
продажа продуктов сельского хозяйства	-0,138	+0,068	-0,449	-0,214	-0,117
итого денежного расхода	-0,149	+0,050	-0,466	-0,150	+0,108
расход на покупку промтоваров	-0,051	+0,147	-0,439	+0,002	+0,130
Процент хозяйств:					
нанимающих средства производства	+0,449	+0,477	+0,436	+0,567	-0,062
нанимающих сельскохозяйственные машины	+0,556	+0,583	+0,563	+0,566	-0,188
сдающих средства производства	+0,245	+0,291	+0,156	+0,529	+0,182
сдающих сельскохозяйственные машины	+0,773	+0,815	+0,519	+0,848	+0,076

Источники: Сельское хозяйство СССР 1925—1928 гг.: Сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929; Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. М.: Л., 1932; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927. М., 1927; Денежный оборот в крестьянских хозяйствах за 1927 г. М., 1929.

Однако собственно результаты хозяйственной деятельности крестьян, выразившиеся в средних размерах денежного дохода, со степенью кооперированности были связаны еще слабо. Здесь обращает на себя внимание только отрицательная взаимосвязь между всем денежным приходом и охватом крестьян кредитной сельскохозяйственной кооперацией. Видимо, в нее вступали наиболее нуждавшиеся в денежных средствах крестьяне. Однако обратная связь, которая должна была проявиться под влиянием укрепления крестьянских хозяйств в рамках кооперации, не отмечается. Вообще полученные результаты не свидетельствуют о сколь-либо заметном воздействии кооперации на хозяйственный строй крестьян.

Таким образом, полученные нами данные говорят о том, что в 1927 г. кооперация была еще слишком слаба, чтобы вести крестьян за собой, и переход к ее высшим формам был неосуществим без определенного насилия над крестьянством. Вероятно, большинство членов партии, знакомых с кооперативным движением только по «валовым» цифрам охвата крестьянских хозяйств и торгового оборота деревни, не отдавали себе в этом отчета.

Однако накопившиеся за предыдущие годы противоречия между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами были уже очень сильны. Они проявлялись по самым различным направлениям. Различались темпы прироста промышленной и сельскохозяйственной продукции. Если продукция ценовой промышленности от 1926/27 к 1927/28 г. в неизменных ценах возросла на 2454 млн руб. (на 21,6 %), то продукция сельского хозяйства уменьшилась на 101 млн руб. (на 0,6 %). В следующем году прирост промышленной продукции составил 17,0 %, а сельского хозяйства — только 4,9 %⁹⁵. Помимо проблемы нехватки продовольствия для быстро растущего в результате индустриализации городского населения, это создавало необходимость изменения структуры цен в пользу сельского хозяйства, что привело бы к перемещению центра накопления из города в деревню. Несмотря на все сопротивление государственной и кооперативной торговли, перестройка цен все-таки осуществилась в 1929 г.: лезвия «ножниц» цен развернулись в обратную сторону (см. диагр. 10) *.

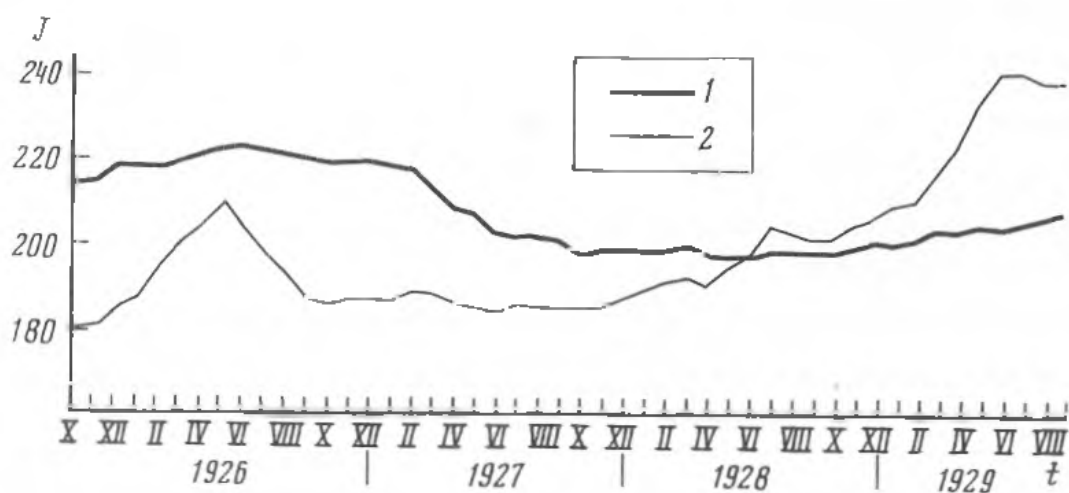

Диаграмма 10. Всесоюзные общеторговые индексы розничных цен на промышленные и сельскохозяйственные товары во второй половине 20-х годов.

1 — промышленные товары; 2 — сельскохозяйственные товары.

Противоречия проявились в сфере товарообмена между городом и деревней. Несмотря на чрезвычайные меры на хлебозаготовительном рынке, предусматривавшие судебное преследование за продажу хлеба частным скупщикам, показания добровольных корреспондентов говорят о том, что в 1928 г. от 20,6 до 49,5 % товарного хлеба крестьяне предпочитали продавать не государству, а частным потребителям. Статистики 20-х годов считали эти цифры преуменьшенными⁹⁶. Из общей же массы сельскохозяйственной продукции крестьяне продали государству и кооперации только от 33,3 до 44,8 %⁹⁷. И это несмотря

* Источник: Бюл. Конъюнктур. ин-та. 1929. № 5/6. С. 28; № 7. С. 32; № 8. С. 27; № 9. С. 30.

на все меры, которые были приняты для вытеснения частника из деревенского товарооборота и замены его кооперацией.

Еще хуже обстояли дела в области реализации крестьянам промышленной продукции. Из-за напряженности государственного бюджета налоговые и прочие платежи деревни были увеличены примерно в три раза⁹⁸. В результате промышленная продукция превысила покупательный фонд населения на 504 млн руб. Однако фактический остаток нереализованной промышленной продукции к концу 1927/28 г. составил 3635 млн руб., превысив остаток прошлого года на 16%. В 1928/29 г. нереализованная промышленная продукция составила уже 3996 млн руб.⁹⁹ Этот нереализованный остаток достиг ни много ни мало 39,7% объема всей предложенной широкому рынку продукции. Если считать справедливой математическую теорию рыночного равновесия, то розничные цены на промышленную продукцию для полной реализации товаров нужно было снизить в 1927/28 г. с 1,98 (в отношении к 1913 г.) до 1,40, т. е. на 41,4%, а в 1928/29 г. — с 2,03 до 1,41, т. е. на 44,0%¹⁰⁰. Такое резкое снижение обернулось бы крахом всей государственной промышленности! Другой вариант, связанный со структурной перестройкой промышленности и неизбежным снижением объема валовой продукции, также был неприемлем, так как приводил к существенному росту себестоимости, а значит, и цен.

Оставалось одно: «перестроить» спрос на промышленную продукцию. 9 июля 1928 г. И. В. Сталин, выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «Об индустриализации и хлебной проблеме», призвал дополнить «смычку» с крестьянством «по текстилю» «смычкой по металлу». «Чем отличается смычка по текстилю от смычки по металлу? — спрашивал он. — Тем прежде всего, что смычка по текстилю касается главным образом личных потребностей крестьянства, не задевая или сравнительно мало задевая производственную сторону крестьянского хозяйства, тогда как смычка по металлу касается главным образом производственной стороны крестьянского хозяйства, улучшает это хозяйство, механизмирует его, подымает его рентабельность и подготавливает почву для объединения разрозненных и мелких крестьянских хозяйств в крупные общественные хозяйства»¹⁰¹.

Еще были какие-то иллюзии, что смычка не разрушена, что крестьянское хозяйство будет покупать средства производства. Вот цифры: в 1925/26 г. производство средств производства в цензовой промышленности составило 3458 млн руб., в 1926/27 г. — 4126 млн, в 1927/28 г. — 4907 млн и в 1928/29 г. — 5863 млн руб. Приобретено же было широким рынком, главным образом крестьянами, средств производства в 1925/26 г. на сумму 2500 млн руб., в 1926/27 г. — 2472 млн, в 1927/28 г. — 2255 млн и в 1928/29 г. — 2324 млн руб. (здесь действовал уже колхозный спрос). Таким образом, рост производства средств производства сопровождался *сокращением* их приобретения рынком. Еще показательнее данные об отношении приобретения к производству:

в 1925/26 г. — 72,3 %, в 1926/27 г. — 59,9, в 1927/28 г. — 46,0 и в 1928/29 г. — 39,6 %¹⁰². Если учесть, что удельный вес тяжелой промышленности в составе цензовой промышленности увеличился с 1925/26 к 1928/29 г. с 34,8 до 36,2 %¹⁰³, то получается, что к концу 20-х годов 21,9 % промышленной продукции расходовалось в ее собственных пределах. Из этого, однако, не следует, что 78,1 % этой продукции доходило до потребителя. Если учесть нереализованную продукцию, а также промышленное потребление тканей, кож и т. д., то окажется, что население приобретало только 39,5 % всей промышленной продукции¹⁰⁴. Это означало, что осуществилось то, чего так боялся В. И. Ленин: промышленность в своем развитии оторвалась от крестьянского хозяйства, а вместе с ним и от остальной части населения.

«Смычка по металлу» все-таки осуществилась. Для этого потребовалась коллективизация. Проведенное поспешно, без необходимой материально-технической базы, в обстановке массовых репрессий против крестьян производственное кооперирование не привело к «подъему урожайности вдвое» к концу первой пятилетки. Напротив, урожайность зерновых в 1933 г. снизилась против уровня 1928 г. с 7,9 до 6,7 ц с га, т. е. на 17,9 %. Да и в последующем, вплоть до конца 30-х годов, урожайность колебалась вокруг 7,2 ц с га, т. е. уступала средней урожайности в годы нэпа (7,3 ц с га)¹⁰⁵. Следовательно, оценивать колхозный строй 30-х годов как более производительный, по сравнению с мелким крестьянским хозяйством, довольно трудно.

Однако, поддержанная массой неимущих крестьян коллективизация позволила, сократив потребление деревни, вдвое увеличить размеры государственных хлебных заготовок, возложить на деревню основные расходы по индустриализации, поставить труд и жизнь крестьян в полную зависимость от администрации. Тем самым было завершено формирование административно-хозяйственной системы. Эта система не решала острых социальных противоречий. Она загоняла их вглубь с поверхности общественной жизни в сердца и души людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовательно демократический социализм или соединение социалистического базиса с господством командно-административного аппарата — таковы две исторические альтернативы, две социально-политические тенденции развития, существующие для нашего общества с момента социалистической революции. Для того, кто знаком только с внешней канвой событий, развитие нашей общественно-политической системы предстает лишь как история борьбы этих двух тенденций и оценка социализма в его глазах зависит от того, какая из двух альтернатив на время одержала верх.

Почему социалистически-демократическая альтернатива не стала единственно возможной для социалистического общества? Почему социалистически-бюрократическая альтернатива не может праздновать окончательного торжества? Ответ на эти вопросы ищут сейчас многие исследователи. Большинство склоняется к высказанной впервые Я. А. Кронродом мысли о том, что за отмеченными двумя тенденциями развития стоит «объективное непримиримое, глубочайшее противоречие интересов социалистического блока рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции, с одной стороны, и сложившейся бюрократически-милитаристской верхушки власти, с другой стороны»¹. Прделанное нами исследование дает основания не согласиться с этим выводом. В условиях прочного рабоче-крестьянского союза бюрократия не может стать противостоящей ему политической силой. И только при разобщении интересов рабочих и крестьян бюрократия получает известную самостоятельность, пользуясь взаимным ослаблением двух основных классов социалистического общества.

Идеологическую основу господства бюрократии обеспечивал миф о нерушимости рабоче-крестьянского союза, который раз и навсегда утверждён Октябрьской революцией и за который не следует бороться. Но ещё В. И. Ленин предупреждал в, казалось бы, не внушавшей тревог обстановке новой экономической политики: «Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения»². Поэтому в конечном счете не противоположность интересов блока рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, с одной стороны, и бюрократии, с другой стороны, определяет

наличие демократической и бюрократической тенденций, а реальное историческое состояние этого блока, внутри которого возможны и соглашения и конфликты.

История первых лет Советской власти дает для такого вывода достаточно богатый материал. Молодое Советское государство, решавшее задачу возобновления разорванных империалистической войной экономических отношений между городом и деревней, даже при наличии множества внутренних и внешних врагов обеспечивало перевес демократической тенденции развития. Но как только оно оказалось перед необходимостью проведения таких социальных преобразований, которыми прямо нарушались интересы крестьянства, так сразу демократические институты были заменены бюрократическим аппаратом «военного коммунизма». После окончания гражданской войны демократическая и бюрократическая тенденции находились известное время в состоянии равновесия и «военно-коммунистическая» система могла явиться реальной альтернативой новой экономической политике.

В тех условиях, когда объективные возможности развития уравнивались, роль субъективного фактора возросла и благодаря настойчивости В. И. Ленина государство перешло от насильственного насаждения коллективных форм земледелия к строительству рыночной смычки между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством. Осуществленная в то время радикальная экономическая реформа является для нас примером решительного перехода от командно-административных к экономико-демократическим методам руководства народным хозяйством. Однако этот переход не оказался необратимым. Современникам коллективизации и тем, кто знакомился с событиями 30-х годов, не вникая в суть данных массовых источников, она представляется ничем не мотивированным и внезапным отходом от ленинских принципов назад, к администрированию. На самом деле такой переход был закономерным следствием осуществившегося во второй половине 20-х годов разрыва смычки между социалистической промышленностью и крестьянской экономикой. Был ли этот разрыв неизбежным?

В принципе смычка между социалистическим и мелкотоварным укладами противоречива в своей основе. Однако при осуществлении правильного политического курса эти противоречия являлись не препятствием, а мощным стимулом социально-экономического развития страны, ускорившим в первой половине 20-х годов процесс восстановления народного хозяйства. И только с переходом к реконструктивному периоду противоречия между социалистическим городом и мелкотоварной деревней становятся тормозом осуществления принятых партией хозяйственных планов. Тем не менее эти противоречия не сами по себе привели к крушению смычки.

Надо сказать, что в 20-е годы командные методы хозяйствования еще себя не дискредитировали. Напротив, рынок, подчиняя народное хозяйство воздействию причудливой стихии конъюнк-

туры, казался чуждым и временным явлением для общества сознательных творцов социализма. Недовольство вызывали и некоторые порождаемые нэпом социальные проблемы: безработица, колебания жизненного уровня, социальная дифференциация. Плановое же хозяйство, вселяя надежду на гармоничное, бескризисное развитие, вызывало симпатии у многих. И только в лучшем случае единицы способны были понять, что возможности планирования многоукладной экономикой были проблематичными.

Поэтому при первоначальном господстве экономических методов командные методы ведения хозяйства при нэпе все-таки были допущены, а с возникновением экономических трудностей их роль возросла. Еще в период формирования нэповской хозяйственной системы экономическая действительность вынудила Советское государство сохранить и даже укрепить чрезвычайно централизованное руководство государственной промышленностью, что позволило ей установить и удерживать монопольные цены на промышленные товары. Вызванный этим кризис сбыта ни у кого не вызвал мысли о необходимости децентрализации, а, напротив, усилил командный нажим, создав прецедент административного вмешательства в ценообразование. Эксперименты с ценами привели к возникновению товарного голода, но этим не закончились. Их конечным итогом было выведение цены из равновесия с товарной и денежной массой — ситуация, которую вызвать легко, а обратить назад можно, только подвергнув население угрозе голода.

В условиях, когда цена не обеспечивает равновесие на рынке, государство не может не принять на себя регулирование всего общественного производства. Поэтому нэп оказался такой хозяйственной системой, в которой роль внеэкономических методов постоянно росла. В связи с этим в середине 20-х годов рыночные и командные тенденции в руководстве народным хозяйством настолько уравнились, что можно было сделать субъективный выбор. Этой ситуацией и воспользовался И. В. Сталин. Сформулировав в 1926 г. концепцию «второго этапа нэпа», он отдал предпочтение командным методам. В результате нэп исчерпал себя уже к концу 20-х годов, т. е. гораздо раньше, чем кто-либо рассчитывал.

С этим выводом не согласятся многие исследователи и публицисты, считающие, что нэп был искусственно прерван в начале 30-х годов, что его экономический потенциал не был исчерпан³. Основой для таких представлений являются широко распространенные в литературе идеализированные схемы нэпа. Реальный же нэп был гораздо сложнее, чем тот, который утвердился в наших учебниках.

Надо сказать, что отодвинуть экономические методы руководства на задний план И. В. Сталину помогли также допущенные в первой половине 20-х годов ошибки в централизованном руководстве промышленностью. Если бы в те годы промышленность не «проедала» основных фондов, а сохраняла часть своей высокой

прибыли на амортизацию и производство средств производства, то необходимость в форсированной индустриализации не возникла бы с той остротой, с какой она была поставлена ходом событий даже без учета военной угрозы. К несчастью для нашей страны, проблема обновления основного капитала встала в тот самый момент, когда ее уже нельзя было решить в рамках смычки с крестьянским хозяйством. Завершив к середине 20-х годов восстановление своего хозяйства, крестьянин уже не видел для себя нужды переплачивать за то, что не нужные ему в таком количестве сельскохозяйственные орудия будут производиться. Находясь же под влиянием конъюнктурных условий, крестьянское производство могло развиваться только при наличии благоприятных рыночных цен, а экономическая обстановка второй половины 20-х годов этому не способствовала. В результате быстро растущий под влиянием индустриализации город в конце 20-х годов оказался вновь перед продовольственной проблемой. В этом основные причины коллективизации.

Многие исследователи и публицисты считают, что уменьшение темпов индустриализации позволило бы отодвинуть коллективизацию на какой-то срок и страна не пережила бы трагедии начала 30-х годов⁴. Но что изменилось бы, если бы начало коллективизации было просто передвинуто на середину или конец 30-х годов? Дело не в сроках коллективизации, а в степени подготовленности к ней среднего крестьянина. У нас есть все основания считать, что простая затяжка сроков не решила бы проблемы. Это связано с тем, что из-за постоянного нарушения ленинских принципов кооперация за весь период 20-х годов не смогла убедить среднего крестьянина в «выгодах» коллективного ведения хозяйства. Высокие цифры охвата кооперацией крестьян на 1927 г. при проверке их математикой свидетельствуют более о стремлении административного аппарата насадить своими методами кооперативы, чем о тяге крестьян к кооперации.

Теперь мы можем ответить на поставленный нами во введении вопрос о причинах обратной зависимости между свободой и устойчивостью экономического положения мелкого крестьянского хозяйства. Оказывается, что, чем свободнее мелкий крестьянин, тем труднее крупной промышленности установить с ним прочные экономические отношения. На любое изменение рыночного спроса, уровня цен, структуры промышленного производства, налоговой системы крестьянин реагировал резким изменением предложения сельскохозяйственной продукции, что нередко было источником многочисленных кризисных ситуаций. В этих условиях административный нажим казался многим единственным выходом из сложившегося положения вещей. Однако это лишь одна из альтернатив. Другая содержалась в ленинском плане построения социализма в СССР на основе экономических методов регулирования народного хозяйства. Осуществить этот план в 20-е годы мешал большой комплекс политических, экономических и культурных причин, с одной стороны, и вмешательство субъективного фактора,

с другой стороны. Тем больше внимания мы должны уделить тщательной разработке последовательного плана перевода руководства народным хозяйством с директивных на экономические методы.

Богатый материал для сегодняшних раздумий о судьбах социализма предоставляет история взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в 20-е годы. Сумеет ли мы извлечь необходимый для нас урок? Или по-прежнему будем «воевать» с бюрократией, не замечая, что истоки ее могущества не в командно-административной системе, а в серьезном конфликте общественных сил, для преодоления которого и создается бюрократическая тенденция в нашем общественном развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986; *Он же.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу, 1921—1924. М., 1971.
- ² *Лельчук В. С.* Статистические источники по истории индустриализации СССР и их использование в литературе 20—30-х годов // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 120—144; *Черноморский М. Н.* Промышленные переписи 1920 и 1923 гг. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 21—43; *Он же.* Материалы ежемесячных и годовых обследований промышленных предприятий, 1925—1929 // Источниковедение истории советского общества. М., 1973. Вып. 3. С. 19—52; и др.
- ³ *Бокарев Ю. П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981; *Данилов В. П., Славко Т. И.* О путях исследования данных налоговых сводок по сельскому хозяйству СССР за 1924/25—1927/28 гг. // История СССР. 1972. № 5. С. 82—106; *Халимова Э. С.* Организация динамических переписей крестьянских хозяйств в 1920—1929 гг. и методика разработки их материалов // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1977. № 3. С. 13—24.
- ⁴ *Барсов А. А.* Нэп и выравнивание экономических отношений между городом и деревней // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 93—105.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 75.
- ⁶ См.: Ленинское учение о нэпе и его международное значение. М., 1973. С. 33—35.
- ⁷ *Поляков Ю. А.* Нэп — путь к социализму // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. С. 11.
- ⁸ *Кузьмин В. И.* Нэп и социалистическая реконструкция народного хозяйства // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. С. 20.
- ⁹ *Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁰ *Сталин И. В.* Соч. М., 1953. Т. 7. С. 364.
- ¹¹ См.: Ленинское учение о нэпе и его международное значение. С. 35.
- ¹² См.: XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1928.
- ¹³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 24.
- ¹⁴ *Капустин М. П.* От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 5. С. 175.
- ¹⁵ Там же.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 172.
- ² Там же. Т. 35. С. 199—200.
- ³ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. М., 1926. С. VI.
- ⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 301.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 275.
- ² Бюл. Центр. Стат. Управления. 1919. № 18. С. 1.
- ³ Там же. 1920. № 19/20. С. 1—7.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. 1919. № 18. С. 1.
- ⁶ Там же. 1920. № 19/20. С. 1—7.
- ⁷ Там же. С. 2.
- ⁸ Там же. С. 2—3.
- ⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 275.

- ¹⁰ Там же. С. 276.
- ¹¹ Там же. Т. 43. С. 260.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ Народное хозяйство России за 1921/22 г.: Стат.-экон. ежегодник. М., 1923. С. VIII—X, VII—XV.
- ¹⁴ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 10.
- ¹⁵ Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 21.
- ¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 9.
- ¹⁷ Там же. С. 1.
- ¹⁸ Там же. С. 1, 2.
- ¹⁹ *Бокарев Ю. П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 137—138.
- ²⁰ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 3.
- ²¹ Там же. С. 2, II.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ Там же. С. 9.
- ²⁴ *Лосицкий А.* Обследования питания населения // Вестн. статистики. 1925. № 10/12. С. 107.
- ²⁵ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 28.
- ²⁶ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 41.
- ²⁷ Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 5, 6.
- ²⁸ Там же. С. 6.
- ²⁹ *Дубенецкий Н.* Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг. // Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 20—28; *Он же.* Продукция зерновых культур СССР в 1927 г. // Там же. 1928. № 2. С. 16—25.
- ³⁰ *Лосицкий А.* Крестьянские хлебные запасы // Стат. обозрение. 1927. № 2. С. 29—35; *Он же.* Распределение крестьянских хлебных запасов // Там же. № 4. С. 12—20.
- ³¹ Вестн. статистики. 1925. № 4/6. С. 170; № 7/9. С. 189.
- ³² *Бокарев Ю. П.* Указ. соч. С. 49—51.
- ³³ *Богоявленский П.* Индивидуальные хлебофуражные балансы по текущим бюджетным записям 1925/26 г. // Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 38—46; *Дубенецкий Н.* Хлебофуражный баланс СССР 1925/26 и 1926/27 с. х. гг. // Там же. № 4. С. 23—38; *Михайловский А.* Баланс рыночного хлеба за 1926/27 и 1927/28 гг. // Там же. 1930. № 5. С. 142—144.
- ³⁴ Промышленность СССР в 1926/27 г.: Ежегодник ВСНХ. М., 1928; Промышленность СССР в 1927/28 г.: Ежегодник ВСНХ. М., 1930.
- ³⁵ *Нифонтов В.* Баланс шерсти в 1925/26 и 1926/27 гг. // Стат. обозрение. 1927. № 9. С. 30—38; *Он же.* Баланс крупного кожсырья в 1925/26 и 1926/27 гг. // Там же. № 12. С. 25—38; *Милявский И. О.* Предварительные балансы овощей в 1924/25 и 1925/26 гг. // Там же. 1928. № 4. С. 26—41.
- ³⁶ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. М., 1926. Ч. 2. С. 202—203.
- ³⁷ Там же. С. V.
- ³⁸ Там же. Ч. 1. С. 15.
- ³⁹ Там же. С. 1—35.
- ⁴⁰ Там же. С. 175, 190.
- ⁴¹ Там же. С. 175, 176.
- ⁴² Там же. С. 190—192.
- ⁴³ Там же. С. 195—196.
- ⁴⁴ Там же. С. 226—238.
- ⁴⁵ Там же. С. 238—240.
- ⁴⁶ Там же. С. 215—216.
- ⁴⁷ Там же. С. 116—118.
- ⁴⁸ Там же. С. 119—121.
- ⁴⁹ Там же. С. 142—156.
- ⁵⁰ Там же. С. 85.
- ⁵¹ Там же. С. 159—161.
- ⁵² Там же. С. 161—162.
- ⁵³ Там же. С. 162.
- ⁵⁴ Там же. С. 130.
- ⁵⁵ Там же. С. 133—134.
- ⁵⁶ Там же. С. 134—135.
- ⁵⁷ Там же. С. 58.
- ⁵⁸ Там же. С. 59.
- ⁵⁹ Там же. Ч. 2. С. 182—183.
- ⁶⁰ Там же. Ч. 1. С. 61—63.
- ⁶¹ Там же. С. 62.
- ⁶² Там же. С. 226.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- ¹ *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура: Введение в изуч. динамики рус. нар. хоз-ва за полвека. М., 1925. С. 5.
- ² БСЭ. М., 1937. Т. 34. С. 188—189.
- ³ *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 224—225.
- ⁴ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 8/9. С. 1; № 12/13. С. 1, 2; 1923. № 1/2. С. 1—3; № 7/8. С. 1—4.
- ⁵ Там же. 1926. № 2. С. 4—7.
- ⁶ Там же. С. 9.
- ⁷ Исчислены нами по материалам Конъюнктурного института за 1924—1927 гг.
- ⁸ То же.
- ⁹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 9.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.

- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 170. (Далее — КПСС в резолюциях).
- ¹³ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 10.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226.
- ¹⁵ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 10; № 3. С. 11.
- ¹⁶ Там же. № 9. С. 10.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Вопросы конъюнктуры. М., 1926. Т. 2, вып. 1. С. 79—106.
- ²⁰ Там же; Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 12—20.
- ²¹ Там же. № 8. С. 9.
- ²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 190—191.
- ²³ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 10.
- ²⁴ КПСС в резолюциях. М., 1984. Т. 4. С. 87.
- ²⁵ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1928. № 1—12.
- ²⁶ Подтягин М. Е. Народное хозяйство СССР: Его достижения и состояние в 1924 г. М., б. г. С. 1.
- ²⁷ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 449—506.
- ²⁸ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор Бюро Конъюнктур. Совета Госплана СССР. М., 1926. С. 202—205.
- ²⁹ Там же. С. 201.
- ³⁰ Там же. С. 202—203.
- ³¹ Подтягин М. Е. Указ. соч. С. 4—7.
- ³² Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 48—50, 206.
- ³³ Там же. С. 201.
- ³⁴ Там же. С. 207.
- ³⁵ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 503.
- ³⁶ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Приложение (без указ. стр.).
- ³⁷ Бюл. Центр. Стат. Управления. 1924. № 84. С. 19—20.
- ³⁸ Там же. 1925. № 1. С. 16.
- ³⁹ Бюл. Конъюнктур. ком-та Украины, Киев; Конъюнктура народного хозяйства Белорусской ССР, Минск; Народное хозяйство Закавказья, Тбилиси; Труд и хозяйство: Обзор народного хозяйства Татарской республики, Казань; Северо-Западный край, Новгород; Башкирский край, Уфа; Северо-Кавказский край, Нальчик; Народное хозяйство Центрально-Черноземной области, Воронеж;
- Нижнее Поволжье, Саратов; Центрально-Промышленная область, Иваново; Бюл. Дальневосточ. областного Конъюнктур. Совета, Владивосток; и др.
- ⁴⁰ Бюл. Центр. Стат. Управления Украины. 1923. № 24 (56). С. 4—5.
- ⁴¹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 14.
- ⁴² Четвериков Н. С., Лунеева Е. В. Связь хлебных цен с урожаями // Вопросы конъюнктуры. М., 1925. Т. 1, вып. 1. С. 105—111.
- ⁴³ Игнатъев М. В. Некоторые основные вопросы методологии изучения конъюнктуры // Там же. М., 1925. Т. 2, вып. 1. С. 115—124.
- ⁴⁴ Слуцкий Е. Е. Сложение случайных величин как источник циклических процессов // Там же. М., 1927. Т. 3, вып. 1. С. 110—118.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 138.
- ² Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 10/11. С. 2.
- ³ Ланге О., Банасиньский А. Теория статистики: Пер. с пол. М., 1971. С. 211—213.
- ⁴ Кохн М. П. Русские индексы цен. М., 1926. С. 135—137.
- ⁵ Игнатъев М. Главнейшие вопросы статистики цен и метод Index-Numbers // Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922/23. № 14/15. С. 4—6.
- ⁶ Кохн М. П. Указ. соч. С. 24—25.
- ⁷ Рязов Н. Н. Общая теория статистики. М., 1971. С. 304.
- ⁸ Игнатъев М. Указ. соч. С. 5, 6; Казлинец Л. С. Теория индексов. М., 1963. С. 59.
- ⁹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 10/11. С. 1—2.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. 1924. № 8. С. 15—16.
- ¹² Бобров С. П. Индексы Госплана. М., 1925. С. 69.
- ¹³ Кохн М. П. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Прокопович С. Н. Опыт приближительного исчисления народного дохода. М., 1918.
- ¹⁶ Кохн М. П. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же. С. 14—15.
- ¹⁹ Материалы по статистике труда Северной области. Пг., 1918. Вып. 1. С. 61—62.

- ²⁰ Кохн М. П. Указ. соч. С. 25.
²¹ Там же. С. 25—28.
²² Там же. С. 28.
²³ Там же. С. 28—29.
²⁴ Там же. С. 30.
²⁵ Там же.
²⁶ Сосенский И. Бюджетные индексы // БСЭ. М., 1927. Т. 8. С. 437.
²⁷ Там же. С. 433—434.
²⁸ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 10/11. С. 1.
²⁹ Там же. С. 2.
³⁰ Там же. С. 1, 2.
³¹ Там же. № 10/11. С. 2; 1923. № 9/10. С. 10.
³² Кохн М. П. Указ. соч. С. 87.
³³ Статистический ежегодник ЦСУ за 1922 и 23 гг. М., 1924. С. 262—275.
³⁴ Там же. С. 15.
³⁵ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1925. № 2. С. 11.
³⁶ Там же. 1927. № 3. С. 8.
³⁷ Там же. С. 9.
³⁸ Кохн М. П. Указ. соч. С. 100.
³⁹ Там же. С. 101.
⁴⁰ Там же. С. 106—108.
⁴¹ Бобров С. П. Указ. соч. С. 60—77.
⁴² Кохн М. П. Указ. соч. С. 135—137.
⁴³ Там же. С. 144.
⁴⁴ См.: Никитина В. К методологии построения крестьянских индексов // Экон. строительство. 1924. № 11/12; Летавин В. Опыт построения сельскохозяйственного индекса по социально-экономическим группам // План. хоз-во. 1925. № 8; Чижиков О. Крестьянский индекс // Экон. обозрение. 1925. № 8; Лебединский О. Основы построения крестьянского индекса на Украине // Экон. бюл. Конъюнктур. бюро Госплана УССР. Киев, 1925. № 9.
⁴⁵ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 5. С. 13.
⁴⁶ Там же. № 6. С. 14; № 7. С. 14; № 8. С. 14.
⁴⁷ Там же. № 5. С. 13.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ Теория изучения скрытой информации подробно разработана И. Д. Ковальченко. См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
² Подробное изложение см.: Венецкий И. Г., Венецкая В. И. Основные математико-статистические понятия и формулы в экономическом анализе: Справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. С. 283—291.
³ Идельсон Н. И. Способ наименьших квадратов и теория математической обработки наблюдений. М., 1947; Королев Ю. Г. Метод наименьших квадратов в социально-экономических исследованиях. М., 1980; Линник Ю. В. Метод наименьших квадратов и основы математико-статистической теории обработки наблюдений. М., 1962; Перегудов В. И. Метод наименьших квадратов и его применение в исследованиях. М., 1965; и др.
⁴ См., напр.: Шаттелес Т. Современные экономические методы. М., 1975. С. 106.
⁵ Там же. С. 107, 121—124; Тинтнер Г. Введение в эконометрию. М., 1965. С. 53—57.
⁶ Венецкий И. Г., Венецкая В. И. Указ. соч. С. 103—104; Кендэл М. Указ. соч. С. 105.
⁷ Бриллинджер Д. Временные ряды: Обработка данных и теория. М., 1980. С. 128—195; Отнес К., Энноксон Л. Прикладной анализ временных рядов: Основ. методы. М., 1982. С. 44, 53—56, 293—311.
⁸ Бриллинджер Д. Указ. соч. С. 15—17; Кендэл М. Указ. соч. С. 105.
⁹ Более подробно о методе фиктивных переменных см.: Шаттелес Т. Указ. соч. С. 133—136.
¹⁰ Кендэл М. Указ. соч. С. 105; Отнес К., Энноксон Л. Указ. соч. С. 56.
¹¹ Проблеме фликкер-шума было посвящено большинство докладов III Всесоюзной конференции «Флуктуационные явления в физических системах», состоявшейся в Вильнюсе в сентябре 1982 г.
¹² Кендэл М. Указ. соч. С. 77—84, 89—91.
¹³ Отнес Р., Энноксон Л. Указ. соч. С. 110.
¹⁴ Кендэл М. Указ. соч. С. 109—115. Теоретическое обоснование см.: Там же. С. 83—85.
¹⁶ Общий обзор см.: Там же. С. 123—136.
¹⁷ Какх Ю., Роммель М. Опыт изучения циклов аграрного развития методами распознавания образов // Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы сов.-амер. симпоз. в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. М., 1983. С. 163—176.
¹⁸ Обоснование см.: Бриллинджер Д. Указ. соч. С. 13—15.

- ¹⁹ Венецкий И. Г., Венецкая В. И. Указ. соч. С. 83—87.
- ²⁰ Основные итоги см.: Кендэл М. Указ. соч. С. 36—61.
- ²¹ Там же. С. 38.
- ²² Там же. С. 54—61.
- ²³ Там же. С. 41, 172—199.
- ^{23a} В исторической науке наиболее подробное освещение возможностей факторного анализа дал Л. И. Бородкин. См.: Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
- ²⁴ В этом можно убедиться, рассматривая, напр., такие работы: Руусман А. Из опыта применения факторного анализа в историческом исследовании // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1966. № 6. С. 78—91; Таршилова Т. Н., Промахина И. М. Опыт применения факторного анализа в изучении интенсификации колхозного производства Литовской ССР в годы девятой пятилетки // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1978. Вып. 1. С. 46—48; и др.
- ²⁵ Браверман Э. М., Мучник И. Б. Структурные методы обработки эмпирических данных. М., 1983. С. 81, 84.
- ²⁶ Там же. С. 86—87.
- ²⁷ Там же. С. 109—118.
- ²⁸ Это доказано: Браверман Э. М., Мучник И. Б. Указ. соч. С. 102.
- ²⁹ Там же. С. 132—133.
- ³⁰ Описание алгоритма см.: Выханду Л. К. Об исследовании многопризнаковых биологических систем // Приложение математических методов в биологии. Л., 1964. Т. 3. С. 19—22.
- ³¹ См., напр.: Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. 4-е изд. М., 1972. С. 179—280.
- ³² Браверман Э. М., Мучник И. Б. Указ. соч. С. 139—151.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- ¹ Еругин Н. Е. Книга для чтения по общему курсу дифференциальных уравнений. Минск, 1972; Карташев А. П., Рождественский Б. Л. Обыкновенные дифференциальные уравнения и основы вариационного исчисления. 2-е изд. М., 1980; Лизоркин П. И. Курс дифференциальных и интегральных уравнений с дополнительными главами анализа. М., 1981; Петровский И. Г. Лекции по теории обыкновенных диф-

ференциальных уравнений. 7-е изд. М., 1984; Понтрягин Л. С. Обыкновенные дифференциальные уравнения. 5-е изд. М., 1983; Степанов В. В. Курс дифференциальных уравнений. 8-е изд. М., 1959; Тихонов А. Н., Васильева А. Б., Свешников А. Г. Дифференциальные уравнения. 2-е изд. М., 1985; Хартман Ф. Обыкновенные дифференциальные уравнения. М., 1970; Эльсгольц Л. Е. Дифференциальные уравнения и вариационное исчисление. 2-е изд. М., 1969; и др.

- ² Карасев А. И., Аксютин З. М., Савельева Т. И. Курс высшей математики для экономических вузов. М., 1982. Ч. 1. Крынский Х. Э. Математика для экономистов. М., 1970; Ланкастер К. Математическая экономика. М., 1972; и др.
- ³ Гельфонд А. Исчисление конечных разностей. М., 1967; Goldberg S. Introduction to Difference Equations. Wiley, 1961.
- ⁴ Экланд И. И. Элементы математической экономики: Пер. с фр. М., 1983.
- ⁵ Браверман Э. М., Левин М. И. Неравновесные модели экономических систем. М., 1981.
- ⁶ Ланкастер К. Математическая экономика. М., 1972. С. 156.
- ⁷ Браверман Э. М., Левин М. И. Указ. соч.

ЧАСТЬ II

- ¹ Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. Б. м., 1923. С. 166.
- ² Там же. С. 166—167.
- ³ Там же. С. 167.
- ⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 288.
- ⁵ Там же. С. 305.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 96, 97.
- ⁷ Там же. С. 97.
- ⁸ Там же. Т. 34. С. 111.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 115.
- ¹¹ Там же. Т. 38. С. 192.
- ¹² Там же. С. 194.
- ¹³ Там же. Т. 36. С. 171.
- ¹⁴ Там же. Т. 37. С. 357.
- ¹⁵ Там же. Т. 38. С. 198.
- ¹⁶ Там же. Т. 45. С. 376.
- ¹⁷ См.: Бахтин М. И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства. 1921—1925. М.,

1961; Борьба КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства: Сб. ст. М., 1963; *Гаврилов Б. А.* Борьба Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса с крестьянством в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925 гг. М., 1958; *Ким М. П.* Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР. Таллин, 1954; *Костин А.* Великая сила союза рабочих и крестьян. М., 1954; *Лившиц А.* КПСС в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян в годы нэпа, 1921—1925 гг. Куйбышев, 1961; *Милосердов В. И.* Торжество ленинского учения о нерушимом союзе рабочих и крестьян. Пенза, 1957; Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР: Сб. ст. М., 1958; и др.

¹⁸ См.: *Аникин В. И.* Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинского кооперативного плана в 1922—1929 гг. // Учен. зап. Мичурин. пед. ин-та. 1958. Вып. 4. С. 109—158; *Булатов И. Г.* Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР, 1921—1925. Пенза, 1961; *Голиков В. А.* Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по развитию и укреплению сельскохозяйственной кооперации, 1921—1929. Алма-Ата, 1956; *Немаков Н. И.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза за осуществление ленинского кооперативного плана в восстановительный период. М., 1958; и др.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 148.
- ² *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура: Введение в изуч. динамики рус. нар. хоз-ва за полвека. М., 1925. С. 215.
- ³ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г.: Контрол. цифры. М., 1929. С. III. (В границах СССР 20-х годов.)
- ⁴ *Подтягин М. Е.* Народное хозяйство СССР: Его достижения и состояние в 1924 г. 2-е изд., испр. и доп. М., б. г. С. 7; Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 14. (В границах СССР 20-х годов.)
- ⁵ *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 216—217. Миллиард рублей составляли доходы государства от продажи алкогольных напитков.

- ⁶ *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 20.
- ⁷ *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 216.
- ⁸ Внешняя торговля и народное хозяйство России: Сб. ст. М., 1923. С. 38.
- ⁹ *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 54.
- ¹⁰ *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Ист. зап. М., 1948. Т. 26. С. 55.
- ¹¹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 10. С. 10.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 221. Проценты исчислены автором.
- ¹⁴ Бюл. Центр. Стат. Управления РСФСР. 1923. № 71. С. 25.
- ¹⁵ *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967. С. 210—211.
- ¹⁶ *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2 т. Т. 1: Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. 2-е изд., доп. М., 1974. С. 272; *Анфимов Л. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 309.
- ¹⁷ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1924. № 9/10. С. 34. (В границах СССР 20-х годов. Проценты исчислены.)
- ¹⁸ Там же. 1927. № 10. С. 2.
- ¹⁹ Бюл. Центр. Стат. Управления СССР. 1924. № 84. С. 29.
- ²⁰ *Миц И. И.* История Великого Октября: В 3 т. Т. 1: Свержение самодержавия. М., 1967. С. 146, 332.
- ²¹ Экономическая история СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1967. С. 289.
- ²² Советское крестьянство: Крат. очерк истории, 1917—1970. 2-е изд., доп. М., 1973. С. 31.
- ²³ Экономическая история СССР. С. 290.
- ²⁴ *Миц И. И.* Указ. соч. С. 144.
- ²⁵ Экономическая история СССР. С. 280, 289—290.
- ²⁶ *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 211.
- ²⁷ Исчислено по: *Миронов Б. И.* Хлебные цены в России за два столетия, XVIII—XIX вв. Л., 1985. С. 244—254, 264—269, 274—279. О среднем квадратическом отклонении см.: *Венецкий И. Г., Венецкая В. И.* Указ. соч.
- ²⁸ Декреты Советской власти. М., 1987. Т. 1. С. 8. (Далее — ДСВ).
- ²⁹ См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империализма.

- стической войны. М., 1959; *Мстиславский С. Д.* Брестские переговоры. Пг., 1918; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. М., 1966; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. М., 1964; и др.
- ³⁰ *Анкудинова Л. Е.* Национализация промышленности в СССР, 1917—1920 гг. Л., 1963; *Венедиктов А. В.* Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1: 1917—1920. Л., 1957; *Виноградов В. А.* Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР, 1917—1918. М., 1965; *Гладков И. А.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М., 1950; *Рахмилевич Р. Я.* Рабочий контроль и национализация в 1917 и в первой половине 1918 г. М., 1945; и др.
- ³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 123—124, 463—464. Здесь и далее все даты даются по новому стилю.
- ³² ДСВ. Т. 1. С. 130—131.
- ³³ Там же. С. 196—198.
- ³⁴ Там же. С. 214.
- ³⁵ Там же. С. 553—554.
- ³⁶ Там же. С. 345.
- ³⁷ Там же. С. 555.
- ³⁸ Там же. С. 22.
- ³⁹ Там же. С. 23—24.
- ⁴⁰ Там же. С. 638.
- ⁴¹ Там же. С. 48—50.
- ⁴² ГАОР ЛО. Ф. 3299. Оп. 2. Д. 40.
- ⁴³ Исчислено по: *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 221.
- ⁴⁴ ДСВ. Т. 1. С. 264—266.
- ⁴⁵ *Журавлев В. В.* Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник: Законодат. акты в сфере обобществления капиталист. собственности. М., 1979. С. 32.
- ⁴⁶ Бюл. Центр. Стат. Управления РСФСР. 1920. № 19/20. С. 1.
- ⁴⁷ Там же. С. 1, 2.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Исчислено по: Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г.: Сб. обзоров по важнейшим отраслям нар. хоз-ва РСФСР в 1924—25 г. М., 1926. С. 56; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, земледельческое хозяйство. М., 1977. С. 284.
- ⁵⁰ Исчислено по: Бюл. Центр. Стат. Управления РСФСР. 1920. № 19/20. С. 2.
- ⁵¹ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. М., 1926. Ч. 1. С. 125.
- ⁵² Исчислено по: Бюл. Центр. Стат. Управления РСФСР. 1920. № 19/20. С. 2.
- ⁵³ Там же. Данные исчислены автором.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 7. Данные пересчитаны автором.
- ⁵⁶ Там же. Данные исчислены автором.
- ⁵⁷ Там же. Данные пересчитаны автором.
- ⁵⁸ Там же. Данные исчислены автором.
- ⁵⁹ Там же. С. 4. Данные исчислены автором.
- ⁶⁰ Там же. С. 3.
- ⁶¹ Там же. С. 4.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. С. 5, 6. Данные исчислены автором.
- ⁶⁴ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 3. С. 10.
- ⁶⁵ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1: Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. М., 1929. С. 11.
- ⁶⁶ Там же. С. 11, 12.
- ⁶⁷ Бюл. Ленингр. губстатотдела. 1924. № 7. С. 36.
- ⁶⁸ Там же.
- ^{69a} Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. М.; Л., 1932. С. 405.
- ⁶⁹ ДСВ. М., 1968. Т. 4. С. 111.
- ⁷⁰ Там же. М., 1971. Т. 5. С. 136.
- ⁷¹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 14.
- ⁷² ДСВ. М., 1964. Т. 3. С. 174—178.
- ⁷³ Там же. С. 470—472.
- ⁷⁴ Там же. Т. 4. С. 247—248.
- ⁷⁵ См., напр.: *Биллик В. И.* В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики 1917—1921 гг. и о повороте к нэпу // Ист. зап. М., 1967. Т. 80. С. 140.
- ⁷⁶ Экономическая история СССР. С. 331—332.
- ⁷⁷ Исчислено по: *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 221.
- ⁷⁸ ДСВ. Т. 4. С. 41—46; М., 1974. Т. 7. С. 264—266, 399—402; и др.
- ⁷⁹ *Струмилин С. Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг. М., 1923. С. 28.
- ⁸⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 34. Ст. 165.
- ⁸¹ Там же. № 93. Ст. 505; № 99. Ст. 539; 1921. № 2. Ст. 20; № 6. Ст. 47.
- ⁸² *Гимпельсон Е. Г.* Заработная плата и материальное обеспечение рабочих в 1918—1920 гг. // Ист. зап. М., 1971. Т. 87. С. 70—84.
- ⁸³ Исчислено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 8—60.

- ⁸⁴ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 2-е изд. М., 1974. Т. 1. С. 419.
- ⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.
- ⁸⁶ ДСВ. Т. 4. С. 362—389; 491—507.
- ⁸⁷ Трапезников С. П. Указ. соч. С. 424.
- ⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 303.
- ⁸⁹ См.: Правда. 1920. 17 окт.; Экон. жизнь. 1920. 4 февр. 7 нояб.
- ⁹⁰ Цит. по: Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения: Крат. очерк истории. М., 1982. С. 47.
- ⁹¹ Там же. С. 81.
- ⁹² Исчислено по: Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР: Стат. справочник. М., 1935. С. 113.
- ⁹³ Цит. по: Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 51.
- ⁹⁴ Исчислено по: Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 203.
- ⁹⁵ Lotka A. T. Elements of Mathematical Biology. N. Y., 1956; Вольтерра В. Математическая теория борьбы за существование. М., 1976; Марри Дж. Нелинейные дифференциальные уравнения в биологии: Лекции о моделях. М., 1983; и др.
- ⁹⁶ Исчислено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 44. Д. 64—105; Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 14.
- ⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 353.
- ⁹⁸ Там же. Т. 42. С. 51.
- ⁹⁹ Там же. С. 333.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 491.
- ¹⁰¹ Там же. С. 363.
- ¹⁰² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 370—371 (Далее — КПСС в резолюциях).
- ¹⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 513.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 454.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 513.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 66—68.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 68.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 295—341.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 526.
- ¹¹⁰ Там же. С. 356—357.
- ¹¹¹ Там же. Т. 44. С. 67—68.
- ¹¹² Народное хозяйство России за 1921/22 г.: Стат.-экон. ежегодник. М., 1923. С. VIII. Кажущееся расхождение с цифрами о стоимости продукции сельского хозяйства по довоенным ценам в 1920 г., приведенными нами выше, объясняется территориальными различиями при подсчете.
- ¹¹³ Там же. С. VIII—IX, XV, 2. Данные исчислены автором.
- ¹¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹¹⁶ Там же. С. 6, 21, 23, 26.
- ¹¹⁶ Там же. С. 6—30. Данные исчислены автором.
- ¹¹⁷ Там же. Данные исчислены автором.
- ¹¹⁸ Там же. С. 3.
- ¹¹⁹ Там же. С. 282.
- ¹²⁰ Там же. С. 283.
- ¹²¹ Исчислено по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1925. № 5. С. 22—23; № 6. С. 6—9; Первушин С. А. Указ. соч. С. 222.
- ¹²² Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. XIII.
- ¹²³ Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. С. XXII.
- ¹²⁴ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. XIII.
- ¹²⁵ Там же. С. 260—265.
- ¹²⁶ Там же. С. 325.
- ¹²⁷ Там же. С. 325—326.
- ¹²⁸ Там же. С. 326.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 327.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. Данные исчислены автором.
- ¹³³ Там же. С. 328.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. С. 329.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же. С. 329—330.
- ^{137a} СУ. 1923. Ч. 1. № 29. Ст. 336.
- ¹³⁸ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 330—332.
- ¹³⁹ Там же. С. 332.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 333.
- ¹⁴¹ Там же. С. 331, 333.
- ¹⁴² Там же. С. 333.
- ¹⁴³ Там же. С. 237.
- ^{143a} СУ. 1921. № 72. Ст. 594.
- ¹⁴⁴ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 237—240.
- ¹⁴⁵ Там же. С. LIII.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 238.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 239—240.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 241, 243, 257.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 243, 256; Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. С. 95.
- ¹⁵⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. С. 96.
- ¹⁵¹ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 257.
- ¹⁵² Народное хозяйство СССР в 1923—

- 24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 10.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 499.
- ¹⁵⁶ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 12.
- ¹⁵⁷ Народное и государственное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик к середине 1922—1923 г. М., 1923. С. 558.
- ¹⁵⁸ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1923. № 5/6. С. 11.
- ¹⁵⁹ *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 241—243.
- ¹⁶⁰ Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 24—25.
- ¹⁶¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. М., 1957. Т. 1. С. 234—235.
- ¹⁶² Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 293.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 296.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 308—309, 311.
- ¹⁶⁷ Исчислено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 44. Д. 64—66, 79—81, 88—90, 97, 97а-б, 98, 98а, 102, 104, 105.
- ¹⁶⁸ Народное и государственное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик к середине 1922—1923 г. С. 659.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 311.
- ¹⁷¹ Там же. С. 308—311.
- ¹⁷² Там же. С. 314.
- ¹⁷³ Там же. С. 320—321.
- ¹⁷⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 212.
- ¹⁷⁵ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 213.
- ¹⁷⁶ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 14.
- ¹⁷⁷ Исчислено по: Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 196.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 204, 205.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 207, 211.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 211.
- ¹⁸¹ Там же. С. 207.
- ¹⁸² Там же. С. 211.
- ¹⁸³ Там же. С. 202, 209.
- ¹⁸⁴ Линия регрессии для рабочих: $y = 54,7x - 20,2$; для служащих: $y = 38,5x - 8,3$.
- ¹⁸⁵ См.: *Сталин И. В.* Соч. М., 1953. Т. 5. С. 356.
- ¹⁸⁶ *Подтягин М. Е.* Народное хозяйство СССР: Его достижения и состояние в 1924 г. М., б. г. С. 17; Месячные обзоры народного хозяйства, Май—июнь 1922 г. М., 1922. С. 10.
- ¹⁸⁷ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 215.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 182.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 215—217.
- ¹⁹⁵ *Миловидов А.* Изменения в структуре экономической жизни мужчин и женщин в России и СССР // Вести статистики. 1987. № 11. С. 43.
- ¹⁹⁶ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 226—227.
- ¹⁹⁷ Бюл. Ленингр. губстатотдела. 1925. № 12. С. 147; Бюл. Ленингр. обл. отдела статистики. 1929. № 22. С. 146; № 23. С. 225; *Дмитровский В.* Разводы на Украине // Стат. обозрение. 1929. № 3. С. 104—105.
- ¹⁹⁸ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 176. Процентное отношение за 1922 г. исчислено.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 177.
- ²⁰⁰ Такая концепция восходит к работам 20-х годов. См., напр.: *Поляк Г.* Движение и использование занятой рабочей силы // Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 179.
- ²⁰¹ Там же. С. 218.
- ²⁰² Народное хозяйство СССР; Стат. справочник, 1932. С. XXII—XXIII.
- ²⁰³ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 369.
- ²⁰⁴ *Подтягин М. Е.* Народное хозяйство СССР. С. 13. Диагр. 7, 9. Соотношения исчислены автором.
- ²⁰⁵ Там же. С. 15.
- ²⁰⁶ *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975. С. 286—288.
- ²⁰⁷ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 186.
- ²⁰⁸ Там же. С. 187—188.
- ²⁰⁹ См., напр.: *Маркус Б.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939. С. 142.
- ²¹⁰ Бюл. Ленингр. губстатотдела. 1926. № 13. С. 198; 1926. № 14. С. 120.
- ²¹¹ См., напр.: *Миц Л. Е.* Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. М.; Л., 1929. С. 7.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ Бюл. Ленингр. губстатотдела. 1924. № 7. С. 37; 1926. № 15. С. 224.

Процентные отношения исчислены автором.

- ²¹⁴ *Ястремский Б.* Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 1919 гг. // Вестн. статистики. 1920. № 9/12. С. 51—53.
- ²¹⁵ Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. М., б. г. Вып. 1. С. 173.
- ²¹⁶ *Кубанин М.* Социально-экономическая сущность проблемы дробности // На аграрном фронте. 1929. № 1. С. 4—16. Средняя взвешенная по стране из погубернских данных исчислена автором.
- ²¹⁷ Особенно категоричен в этом плане академик ВАСХНИЛ А. Тихонов. См.: Аргументы и факты. 1988. № 14. С. 4—5.
- ²¹⁸ *Кубанин М.* Указ. соч. С. 4.
- ²¹⁹ Подробнее см.: *Бокарев Ю. П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 166—302.
- ²²⁰ *Коллонтай А.* Письма к трудящейся молодежи // Молодая гвардия. 1922. № 1/2. С. 137.
- ²²¹ *Роговин В. З.* Дискуссии по проблемам быта и культуры в Советской России 20-х годов // Социальные исследования. М., 1971. Вып. 7. С. 61.
- ²²² *Стратоницкий А.* Вопросы быта в комсомоле. Л., 1926. С. 24—25.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296.
- ² Там же. Т. 39. С. 272.
- ³ Там же. Т. 43. С. 229.
- ⁴ *Левин В. Я.* Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. М., 1967; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972; *Данилов В. П.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 58—79; *Брик И. Д.* Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Иркутск, 1959; *Васюнин М. К.* О сущности государственного капитализма в переходный период от капитализма к социализму // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1960. № 1; *Захарова М. В., Тюльпа-*

нов С. И. Эпоха перехода от капитализма к социализму и переходные экономические формы // Вестн. ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1967. Вып. 4. № 23; *Островитянов К. В.* За исторический подход к теории товарного производства при социализме // Вопр. экономики. 1969. № 1; и др.

- ⁵ *Данилов В. П.* О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: Материалы науч. сес., состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве. М., 1963. С. 67—80; *Селунская В. М.* Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии // История СССР. 1971. № 6. С. 17—19; *Данилов В. П.* Социальная структура и социально-экономические отношения в советской доколхозной деревне // Материалы XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории. Вологда, 1977. Вып. 3. С. 158, 163.
- ⁶ Марксистско-ленинская философия: Ист. материализм. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 83.
- ⁷ *Журавлев В. В.* Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник: Законодат. акты в сфере обобществления капиталист. собственности. М., 1979.
- ⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17—20, 406—420.
- ⁹ Там же. М., 1959. Т. 2. С. 498—504.
- ¹⁰ *Струмилин С. Г.* Очерки советской экономики: Ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1930. С. 24—64.
- ¹¹ Там же. С. 170—174.
- ¹² Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 17.
- ¹³ Там же. № 10. С. 7.
- ¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 343. (Далее — КПСС в резолюциях).
- ¹⁵ *Бокарев Ю. П.* Хозяйственная конъюнктура и ее воздействие на экономическое развитие СССР в 20-е годы // Экономическая политика переходного периода в СССР: Пробл. методологии и истории: Весенняя сес. М., 1981. Вып. 1. С. 60—63.
- ¹⁶ Исчислено по: Крестьянские бюджеты 1924—25 г. М., 1928. С. 38—79.

- ¹⁷ Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор Бюро Конъюнктур. Совета Госплана СССР. М., 1926. С. 7—38.
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1928/29 г.: Контрол. цифры. М., 1929. С. 15.
- ²⁰ Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 7—38; Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы СССР в 1924/25—1927/28 гг.: По данным налоговых сводок Наркомфина СССР. М., 1977. С. 122—173.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Четвериков Н. С., Лунеева Е. В. Связь хлебных цен с урожаями // Вопросы конъюнктуры: Приложение к журналу «Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та». М., 1925. Т. 1, вып. 1. С. 110—111.
- ²⁶ Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 9.
- ²⁷ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г.: Обзор Конъюнктур. Совета Госплана. М., 1925. С. 277—279.
- ²⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. М., 1926. С. 17, 53.
- ²⁹ Торговля РСФСР, 1925—28. Л., 1929. С. 26, 107.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 32—35.
- ³³ Там же. С. 32.
- ³⁴ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1925. № 1. С. 11—14; 1926. № 11/12. С. 51—52.
- ³⁵ Исчислено по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 г. М., 1926. Ч. 1. С. 182—183.
- ³⁶ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 207.
- ³⁷ См.: Народное хозяйство России за 1921/22 г.: Стат.-экон. ежегодник. М., 1923. С. 122.
- ³⁸ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 43—44.
- ³⁹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 34.
- ⁴⁰ Там же. С. 34—35.
- ⁴¹ Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 153.
- ⁴² Там же. С. 152—153.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ КПСС в резолюциях. М., 1984. Т. 4. С. 141.
- ⁴⁵ Там же. Т. 3. С. 59.
- ⁴⁶ Подтягин М. Е. Народное хозяйство СССР: Его достижения и состояние в 1924 г. 2-е изд. М., б. г. С. 27—29.
- ⁴⁷ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 41.
- ⁴⁸ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 457. Процентное отношение исчислено автором.
- ⁴⁹ Подтягин М. Е. Указ. соч. С. 10.
- ⁵⁰ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 2. С. 15. Процентные отношения исчислены автором.
- ⁵¹ Подтягин М. Е. Указ. соч. С. 13.
- ⁵² Там же. Данные исчислены автором.
- ⁵³ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1923. № 5/6. С. 13.
- ⁵⁴ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 59.
- ⁵⁵ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 2, 5—6.
- ⁵⁶ Там же. С. 7.
- ⁵⁷ Там же. С. 15.
- ⁵⁸ См., напр.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 297.
- ⁵⁹ Подробнее см.: Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 219—226; 246—265.
- ⁶⁰ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 15.
- ⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 322.
- ⁶² Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 260—268.
- ⁶³ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 475. Процентное отношение исчислено автором.
- ⁶⁴ Там же. С. 475, 477. Процентные отношения исчислены.
- ⁶⁵ Хлебные цены и хлебный рынок. С. 26.
- ⁶⁶ Там же. С. 26—27.
- ⁶⁷ Там же. С. 27.
- ⁶⁸ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 32.
- ⁶⁹ Там же. С. 33—34. Данные исчислены автором.
- ⁷⁰ Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура: Введение в изуч. динамики рус. нар. хоз-ва за полвека. М., 1925. С. 246—247.
- ⁷¹ Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 474—475. Процентные отношения исчислены автором.
- ⁷² Первушин С. А. Указ. соч. С. 257.
- ⁷³ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 161—162.
- ⁷⁴ Там же. С. 172.

- 75 Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 178.
- 76 Там же. С. 452. Процентное отношение исчислено автором.
- 77 Там же. С. 493. Процентное отношение исчислено автором.
- 78 *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 262.
- 79 Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 452. Процентное отношение исчислено автором.
- 80 Там же. С. 48.
- 81 Там же. С. 48—49.
- 82 Там же. С. 44—47.
- 83 Там же. С. 51.
- 84 Там же. С. 54.
- 85 Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 17, 32. Процентные отношения исчислены автором.
- 86 Там же. С. 10. Процентные отношения исчислены автором.
- 87 Народное хозяйство СССР в 1923—24 г. С. 150.
- 88 *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 280—287.
- 89 Там же. С. 287—288.
- 90 Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 80.
- 91 Там же. С. 80—81.
- 92 Там же. С. 82.
- 93 Там же. С. 83.
- 94 Там же. С. 80.
- 95 Там же. С. 102—103.
- 96 Бюл. Центр. Стат. Управления. 1926. № 116. С. 14.
- 97 Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 1. С. 4.
- 98 Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 49.
- 99 Там же. С. 47.
- 100 Там же. С. 53.
- 101 Исчислено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 756—1898.
- 102 *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 287—288.
- 103 Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 54.
- 104 Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. С. 60.
- 105 Там же. С. 62.
- 106 Там же.
- 107 КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 427.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- ¹ *Сталин И. В.* Соч. М., 1953. Т. 8. С. 117.
- ² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 9.
- ³ Там же. С. 310.
- ⁴ *Сталин И. В.* Соч. М., 1953. Т. 7. С. 125, 126.

- ⁵ Там же. С. 28.
- ⁶ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. М., 1926. № 11/12. С. 50.
- ⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- ¹ Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 5.
- ² Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 1.
- ³ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор Бюро Конъюнктур. Совета Госплана СССР. М., 1926. С. 8.
- ⁴ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 1, 18; Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. М., 1926. С. 22.
- ⁵ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 1.
- ⁶ Там же. С. 1—2, 66; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 59.
- ⁷ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—26 гг. М., 1926. С. 45.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 50.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 27. Процентные отношения исчислены автором.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. № 1. С. 2.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. № 2. С. 2.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. № 11/12. С. 18.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 5.
- ²⁰ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 42.
- ²¹ Там же. С. 44.
- ²² Там же. С. 43—44.
- ²³ Там же. С. 66.
- ²⁴ Там же. С. 67.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 66.
- ²⁷ Там же. С. 68.
- ²⁸ Там же. С. 67.
- ²⁹ Там же. С. 65.
- ³⁰ Там же. С. 2—3, 51.
- ³¹ Там же. С. 51.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 52.
- ³⁴ Там же. С. 58.
- ³⁵ Там же. С. 53.
- ³⁶ *Столерю Л.* Равновесие и экономический рост: принципы макроэкономического анализа: Пер. с фр. М., 1974. С. 63—64, 109—114.

- ³⁷ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 1. С. 5; № 11/12. С. 11.
- ³⁸ Исчислено нами по: Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 10; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Приложения.
- ³⁹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 10; Стат. обозрение. 1927. № 12. С. 3—5. Теоретическая оценка уровня цен исчислена автором.
- ⁴⁰ СЗП СССР. 1925. № 64. Ст. 474.
- ⁴¹ ЦГАНХ СССР. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.
- ⁴² См., напр.: Изв. ВУЦИК. 1926. 10 февр. № 32. С. 1.
- ⁴³ ЦГАОР СССР. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 937. Д. 2—3.
- ⁴⁴ См., напр.: *Звездин З. К.* Новая экономическая политика и регулирующая роль цен // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 108—112.
- ⁴⁵ СЗП СССР. 1926. № 51. Ст. 374.
- ⁴⁶ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 12—13.
- ⁴⁷ Там же. С. 2, 12—13, 66—67. Данные исчислены автором.
- ⁴⁸ Там же. С. 45.
- ⁴⁹ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 218. Данные исчислены автором.
- ⁵⁰ Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 7. Процентное отношение исчислено автором.
- ⁵¹ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г.: Контроль. цифры. М., 1929. Табл. 10—11.
- ⁵² Данные исчислены автором.
- ⁵³ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г. Табл. 25.
- ⁵⁴ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 39. Процентные отношения исчислены автором.
- ⁵⁵ Бюл. ЦСУ. № 116. 1926. С. 13.
- ⁵⁶ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г. Табл. 12.
- ⁵⁷ *Миколи А. И.* Диспропорция и товарный голод. Харьков, 1927. С. 3—31.
- ⁵⁸ Стат. обозрение. 1927. № 12. С. 3; 1928. № 4. С. 4—16.
- ⁵⁹ Стат. обозрение. 1927. № 1. С. 6.
- ⁶⁰ См., напр.: Народное хозяйство СССР: Стат. справочник, 1932. М.; Л., 1932. С. XXXVIII—XXXIX. Здесь урожай 1925 г. определен в 8,6 ц с га, а 1926 г. — в 8,4 ц с га.
- ⁶¹ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 15.
- ⁶² Там же. 1927. № 11/12. С. 47.
- ⁶³ Там же. 1926. № 11/12. С. 22.
- ⁶⁴ ЦГАНХ СССР. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 65. Л. 56.
- ⁶⁵ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 11/12. С. 26; 1928. № 1. С. 6—9. Процентное отношение исчислено автором. По другим подсчетам, превышение составило 31 % (Экон. обозрение. 1928. № 11. С. 104).
- ⁶⁶ ЦГАНХ СССР. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 65. Л. 54.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.
- ⁶⁸ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1926. № 10. С. 7. Процентное отношение исчислено автором.
- ⁶⁹ Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы СССР в 1924/25—1927/28 гг.: По данным налоговых сводок Наркомфина СССР / Сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. М., 1977. С. 16.
- ⁷⁰ *Бокарев Ю. П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 205.
- ⁷¹ Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы СССР в 1924/25—1927/28 гг. С. 146. Душевая норма исчислена автором.
- ⁷² Стат. обозрение. 1926. № 4—12; 1927. № 1.
- ⁷³ *Крылов М.* Контрагенты крестьянского рыночного оборота за II и III кварталы 1926/27 г. // Стат. обозрение. 1928. № 7. С. 18—20. Данные исчислены автором как взвешенные средние из квартальных итогов.
- ⁷⁴ Торговля РСФСР, 1925—1928. Л., 1929. С. 107.
- ⁷⁵ *Громан В.* Конъюнктура 1926/27 хозяйственного года // Стат. обозрение. 1927. № 12. С. 3—16. Процентные отношения исчислены автором.
- ⁷⁶ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г. Табл. 3. Процентное отношение исчислено автором.
- ⁷⁷ *Громан В.* Указ. соч. С. 6. Процентные отношения исчислены.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 374. Оп. 1. Д. 371. Л. 232—234.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ ЦГАОР СССР. Ф. 5674. Оп. 7. Д. 332. Л. 7—9.
- ⁸² Год работы правительства: Материалы к отчету за 1926/27 бюджетный год. М., 1928. С. 196—197.
- ⁸³ Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1927. № 11/12. С. 48.
- ⁸⁴ Торговля РСФСР, 1925—1928. С. 22.
- ⁸⁵ Экон. обозрение. 1928. № 11. С. 104.

- Процентные отношения исчислены автором.
- ⁸⁶ См.: *Сталин И. В.* Соч. М., 1952. Т. 11. С. 1—9.
- ⁸⁷ Экон. обозрение. 1928. № 11. С. 104. Данные переведены из тонн в пуды. Материалом для подсчетов послужили также данные хлебофуражных балансов ЦСУ. См.: Стат. обозрение. 1927. № 1; 1928. № 12.
- ⁸⁸ Торговля РСФСР, 1925—1928. С. 26—27.
- ⁸⁹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.; Л. 1928.
- ⁹⁰ *Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения: Крат. очерк истории. М., 1982. С. 77.
- ⁹¹ XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. С. 921.
- ⁹² *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 211—212.
- ⁹³ При расчете учитывалось максимальное число регионов, данные о которых содержат источники.
- ⁹⁴ *Данилов В. П.* Указ. соч. С. 216.
- ⁹⁵ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г. Табл. 11.
- ⁹⁶ См.: *Крылов М.* Контрагенты крестьянского рыночного оборота в 1927 и 1928 гг. // Стат. обозрение. 1929. № 3.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Стат. обозрение. 1927. № 12. С. 3—6.
- ⁹⁹ Народное хозяйство СССР в 1928/29 г. Табл. 25.
- ¹⁰⁰ Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1928/29 г.; Бюл. Конъюнктур. ин-та. 1929. № 5/6. С. 28; № 7. С. 32; № 8. С. 27; № 9. С. 30.
- ¹⁰¹ *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 162.
- ¹⁰² Народное хозяйство СССР в 1928/29 г. Табл. 10, 11, 25.
- ¹⁰³ Там же. Табл. 10, 11.
- ¹⁰⁴ Там же. Данные исчислены автором.
- ¹⁰⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник. М., 1987. С. 210. Процентные отношения и средние исчислены автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ *Кронрод Я. А.* Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М., 1988. С. 172.
- ² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.
- ³ См., напр.: *Амбарцумов Е.* Возрождая ленинские ценности социализма // Проблемы мира и социализма. 1988. № 5. С. 66; *Шмелев Г. И.* Не смей командовать! // Октябрь. 1988. № 2. С. 6—11; и др.
- ⁴ *Шмелев Г. И.* Указ. соч.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Часть первая	11
ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ. БАЛАНСОВАЯ СТАТИСТИКА	13
Натуральные балансы отдельных продуктов	13
Баланс народного хозяйства	22
ГЛАВА ВТОРАЯ. ОБСЛЕДОВАНИЯ КОНЬЮНКТУРЫ	36
Показатели состояния народного хозяйства СССР по данным Конъюнктурного института	37
Показатели конъюнктуры Госплана СССР	53
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИНДЕКСЫ ЦЕН	64
Бюджетный индекс	70
Индексы розничных цен	73
Индексы оптовых цен	80
Индексы внешней торговли	86
Крестьянские индексы цен	87
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. АНАЛИЗ ДАННЫХ	88
Обработка временных рядов	92
Многомерный статистический анализ	102
ГЛАВА ПЯТАЯ. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ	
Дифференциальные и разностные уравнения	109
Модели рынков	118
Часть вторая	130
ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЗОБЩЕННОСТИ К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ	
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ К ТОВАРООБМЕНУ	
Продовольственная проблема	135
Альтернатива нэпу?	148
Хозяйственная перестройка	167
Социальные проблемы новой экономической политики	187
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАБОЧЕ- КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА	202
Многоукладная экономика	202
Система хозяйственной смычки	213
Эволюция экономических взаимоотношений	237
Часть третья	256
ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СМЫЧКИ К ХОЗЯЙСТВЕННОМУ АДМИ- НИСТРИРОВАНИЮ	256
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ	258
Два удара по рыночной экономике	258
«Смычка по текстилю» и «смычка по металлу»	277
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293
ПРИМЕЧАНИЯ	298

